

Юрий Клименченко • Жизнь и приключения Лонг Алека

91 коп.

Юрий
Клименченко

ЖИЗНЬ
и
приключения
Лонг
Алека

Р О М А Н

ЛЕНИЗДАТ-1975

От автора

Лет сорок назад мне посчастливилось плавать с замечательным человеком — Александром Михайловичем Зузенко. Он был капитаном, я — матросом, а позже одним из его помощников.

Профессиональный революционер, посвятивший свою жизнь борьбе за дело рабочего класса, человек, прекрасно знающий языки, начитанный и образованный, он много знал, пережил, видел.

Когда у Александра Михайловича бывало настроение, он вспоминал свою жизнь и рассказывал. Что это были за рассказы! Захватывающие, удивительные...

Вот они и послужили толчком для написания романа. Не следует принимать его за документальный, но многое из того, что выпало на долю героя романа Алексея Ивановича Чибисова, пережил и Александр Михайлович Зузенко.

Юрий Клименченко

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рига

Неожиданно город занесло снегом. Он выпал за одну ночь и лежал толстым белым слоем на рижских улицах, островерхих крышах, ветвях деревьев. Но мороза не было. С моря дул южный ветер. Влажный, пронизывающий, он забирался под пальто, неприятно холодил тело. Рижане поднимали воротники, ворчали. Они не любили такой погоды. Радовались одни мальчишки. Хорошо лепились снежные бабы, а снежки получались крепкими, как камни.

В углу сада разгорелся настоящий бой. Не дай бог, если снежки попадали в лицо. Тогда бывало очень больно. Но воюющие стороны не обращали на это внимания. Будь половчее, сумей увернуться.

Реалисты постарше чинно прохаживались по аллеям, по двое или по трое, держа друг друга под руки. Женская гимназия находилась рядом, и девочки, проходя мимо реального, непременно замедляли шаг, громко смеялись и незаметно заглядывали за редкие прутья ограды.

Старшеклассники хотели выглядеть серьезными мужчинами. У каждого из них была своя «обже»¹, это считалось хорошим тоном, и хотя редко кто был знаком со своей избранницей, зато в мыслях, в разговорах с товарищами — ого!.. Поэтому они так важно бродили по саду, изредка посмеивались, обменивались шутливыми ударами, надвигали на носы фуражки пробегающим мимо приготовишкам. Словом, делали все, чтобы привлечь внимание, не потеряв собственного достоинства.

¹ На ученическом языке, жаргоне — обожаемая (от фр. objet — предмет). — Здесь и далее прим. автора.

У Лешки Чибисова, ученика седьмого класса, тоже был свой «предмет». Не мог же он отстать от товарищей. Лешка долго колебался, не зная, на ком остановить свой выбор, и наконец решился. Выбрал самую красивую девочку в гимназии. Он узнал, что ее зовут Тиной Подгоецкой. Девочка училась на пятерки, говорили, что она окончит гимназию с золотой медалью. Но главное было, конечно, не в этом. Она казалась Лешке красивой. Да не только ему. Две толстые косы за плечами с большими черными, как бабочки, бантами, лазурные глаза, вздернутый носик... Все признавали, что Тина самая красивая девчонка.

И сразу же у него появился враг — Марк Буткевич. Он учился в параллельном седьмом классе. Коренастый, с правильными чертами лица, волнистыми темными волосами, он нравился девочкам. Об этом говорили многочисленные записки, которые он получал. Марк умел стоять на руках, ловко кувыркался, пытался крутить «солнце» на турнике. Он посещал спортивные занятия в обществе «Сокол» и был признанным вожаком класса. Марка всегда окружали одноклассники, которых он щедро угощал леденцами «Ландрин», купленными на деньги, сэкономленные на завтраках.

Лешка Чибисов не имел денег на леденцы, но тоже считался вожаком в своем классе. Он был мужественным человеком. Все знали историю, когда Чибисов взял на себя вину за разбитый бюст Гоголя, стоявший в зале, и тем самым спас от больших неприятностей нескольких пригостишек, помнили и то, как Лешка отучил ябедничать мальчишку, родственника директора, и за это сам подвергся наказанию — на целую неделю был оставлен без обеда.

Высокий, широкоплечий, с крепкими руками, небольшой головой, чуть раздвоенным на кончике носом, жестковатыми светлыми глазами и коротко остриженными волосами, Лешка походил на боксера, пружинисто передвигающегося по рингу. Чибисов хорошо учился и никогда не лгал. Если что-нибудь случалось в классе, к директору всегда вызывали Чибисова. Лешка или вообще ничего не говорил, или говорил правду. Учителя ему верили. А мальчишки побаивались. У него была железная хватка и крепкий кулак. Он несколько раз доказывал это на деле.

В большую перемену Буткевич подошел к Лешке:

— Отойдем-ка, Чибис, в сторонку. Разговор есть.

Мальчики отошли в угол зала, чтобы им не мешал гомон первоклассников.

— Вот что я хочу тебе сказать, Чибис. Да будет тебе известно, что Тина Подгоецкая — моя «обже»...

— Ну и что?

— А то. Если я увижу, что ты к ней пристаешь, — получишь.

Лешка скривил улыбку:

— Ай, ай, как я испугался! Лучше берегись сам.

Позвонил колокольчик, призывающий в классы, и соперники разошлись. Но этим разговором дело не кончилось.

Ссора с Буткевичем произошла после того, как Лешка дважды на глазах у всего реального демонстративно шел за Тиной до самого ее дома. Буткевич этого не видел, но ему сейчас же доложили. Его «оруженосец», Стефан Хельм, прибежал в класс, подсел к Марку, зубрящему алгебру, и зашептал в ухо:

— Чибис Тинку домой провожает! Как тебе это нравится? Сам видел.

— Да пусть его провожает, — отмахнулся Марк. — «А» квадрат минус... Или, кажется, не так?

Но Хельм не уходил.

— Все училище смеется! — обиженно заговорил он. — Говорят: трепался, трепался твой Буткевич, а тут на виду Чибис его девчонку уводит, а Марк молчит. Красиво!

— Да какая она моя? — рассердился Буткевич. — Ни разу и не разговаривал. Кроме одной записки, ничего и не было. Отстань, говорю.

— Сдрейфил, значит? У нас в реальном еще такого не бывало, чтобы свою девчонку без боя отдавали. Струсил... Не думал я.

— Кто струсил? Дурак ты, Стефка. Я Чибису в лобой момент морду набью. Ладно, — согласился Марк. — Сегодня проучим. Только сейчас не приставай.

После уроков Буткевич вместе с Хельмом и другими одноклассниками подошел к Лешке:

— Пойдем на задний двор.

На заднем дворе училища реалисты решали все споры. Он почти всегда был пуст, и только изредка там появлялись дворники или жильцы выходящего в тот же

двор дома, которые, впрочем, обычно пользовались парадной.

— Зачем? — спросил удивленный Лешка. — Чего это я там не видел?

— Я тебя предупреждал, Чибис, чтобы ты к Тине Подгоецкой не подходил, предупреждал? А ты, говорят, даже провожаешь ее.

— У тебя не спросил! Ты, Буткевич, совсем того. — Лешка покрутил пальцем около виска.

— Идем, идем.

— Ну, пойдем, если хочешь быть битым. Пойдем, Вольдемарс? — повернулся Лешка к своему ближайшему приятелю, латышу Вольдемарсу Скундре.

Реалисты отправились на задний двор. Буткевич злился. Злился на всех. На Хельма, на Лешку, на математику. Драться ему совсем не хотелось, но уронить свое достоинство он не мог. Кроме того, Марк понимал, что Чибисов — противник серьезный и неизвестно еще, на чьей стороне будет победа.

На заднем дворе противники скинули с себя рубашки.

— До первой крови. Согласны? — важно спросил Хельм. — Начинать по моему сигналу.

Он заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул.

Буткевич рванулся к Лешке, ударил его «под ложечку». Удар был точен. Лешка согнулся. Перехватило дыхание, и тотчас же на него обрушился град сильных ударов. По лицу, по голове. Товарищи Буткевича в восторге завопили:

— Бей его, Марк! Дай ему, чтобы не зазнавался!

Но Лешку уже отпустила боль. Он отскочил подалее от Буткевича, глубоко вдохнул воздух и остановился, ожидая следующей атаки.

— Сдрейфил! Сдрейфил! Отступает! — опять заорали реалисты. — Дай ему!

Марк, подбадриваемый этими возгласами, снова бросился на Лешку, но тот уже ожидал нападения. Выбросив левую руку вперед, он правой с силой ударил Буткевича в челюсть. Марк зашатался, опустил руки. Лешка нанес ему еще удар. Из носа показалась кровь.

— Всѐ! Всѐ! Бой окончен! — закричал Хельм и свистнул. — Расходитесь!

Буткевич прижимал платок к носу, высоко задрав голову.

— Получил? Или еще хочешь? — тяжело дыша спросил его Лешка.

— Я сегодня не в форме, Чибис. Но мы с тобой еще встретимся. Я тебя вообще ненавижу, — неожиданно для себя злобно сказал Марк и вдруг почувствовал, что действительно ненавидит Чибисова. За что — неизвестно. Вероятно, за то, что Лешка тоже был вожаком класса, а Марк не терпел ни в чем соперничества.

— Это дело твое. Ненавижу! Плевать я хотел... Но больше не лезь, — спокойно сказал Лешка. — Мы можем идти?

— Вот мы сейчас все вместе набьем тебе рожу, Чибис, — заворчали друзья Буткевича, видя, что Лешка со Скундрой собираются уходить.

— Все на одного? Это вы можете, не сомневаюсь, — засмеялся Алексей. Он не боялся. Знал, что это лишь угроза. Бить лежачего или нападать всем на одного в реальном считалось позором. — Пошли, Скундра.

На следующий день все училище знало, что на заднем дворе состоялась «дуэль» и Чибисов завоевал право провожать Тину Подгоецкую.

С тех пор Буткевич с Чибисовым не разговаривали, глядели друг на друга, как два молодых петушка, считались врагами. Но в реальном после драки на заднем дворе произошли изменения. Некоторые из приятелей Марка стали искать расположения Лешки. Старались всячески оказывать ему внимание, постоянно крутились около него, как недавно крутились около Буткевича, громко смеялись его шуткам. В училище уважали сильных. Вместе с этим росла неприязнь Марка к Лешке. Если раньше Марк почти никогда не вспоминал про Чибисова, то теперь он не выходил у него из головы.

«Опозорил на все реальное... Надо же мне было затеять эту дурацкую «дуэль». А все этот осел Хельм. Не пришел бы он, ничего бы и не произошло. А Чибисов — сволочь... Воспользовался тем, что у меня лицо открыто... Сам я прозевал момент. Сам. Надо было добивать, когда он согнулся, когда дышать не мог... Так удачно начал», — думал Марк, обвиняя всех в своем поражении. Он уже не думал о Тине, но насмешливые взгляды, которые бросали на него некоторые парни, подорванная репутация «вожака» вызывали раздраже-

ние и злобу. Нет, так это оставить нельзя. При первом же удобном случае Марк докажет, что он не трус, остался прежним, а в тот день просто был не в форме. Чибисов будет посрамлен.

Тина долгое время не знала, что у нее есть два таких ярых поклонника. Правда, недавно одна из подруг, получавшая записки от знакомого реалиста, сообщила:

— Знаешь, два мальчишки из реального влюблены в тебя... Сережа написал.

— Очень мне надо! — фыркнула Тина, но все же попросила: — Покажи их мне.

Подруга сама не знала, кто эти два мальчика, но путем сложной переписки с Сережей и описания примет девочки все-таки узнали. Тине больше понравился Буткевич, но и Лешка произвел неплохое впечатление.

— В нем чувствуется сила, — сказала она подруге.

Теперь, проходя мимо сада реального училища, Тина, заметив кого-нибудь из своих поклонников, гордо поднимала голову и шествовала с неприступным видом, не глядя на ограду.

В этот зимний день Чибисов с Вольдемарсом Скундрой прохаживался по заснеженному саду, украдкой поглядывая на улицу. Может быть, пройдет Тина. Мальчишки сделали несколько кругов и остановились у красноносого снеговика.

— Ты смотри, что наши комары соорудили, — восхищенно сказал Вольдемарс. — Как они только сумели сложить такую громадину? Я бы...

Он не успел закончить фразы, как у снеговика появился Марк Буткевич с товарищами.

— Вот это да! — закричал он. — Похож на нашего директора Хальбкугеля. Верно? — повернулся он к друзьям. — Вот только нос и уши не его.

Буткевич выдернул морковку и сбил уши.

— Не смей! Не трогай! — бросился к нему один из пригостишек, маленький, в башлыке, с ранцем за спиной. Он сжал кулаки и стоял перед плотным Буткевичем с твердым намерением защитить своего снежного чело-века. Остальные мальчишки отступили и принялись лепить снежки.

— Брысь! Ишь ты, Микеланджело какой выискался! Брысь отсюда! — засмеялся Буткевич и несильно хлоп-

нул мальчишку перчаткой по носу. В него полетел град снежков. Один больно угодил в лицо. Марк рассердился. Война была объявлена.

— Ах вы так?! — заорал Буткевич. — Так получайте!

Он толкнул снежного человека. Отскочили голова и рука с метлой.

— Не трогай! Не ты делал! — закричал маленький реалист.

Тогда Буткевич натянул ему башлык на глаза и толкнул в снег. Но мальчишка поднялся, бросился на обидчика. Он уже ревел, сквозь слезы повторяя: «Не смей! Не смей, не ты делал!» — и молотил кулаками по животу Буткевича: до лица ему было не достать. А Марк под хохот товарищей толкал малыша в снег. Так повторялось несколько раз. Мальчишка остервенел. Это уже перестало походить на забаву. Маленький самоотверженно насккивал на большого. Он что-то кричал, плакал, но не отступал.

Наконец Буткевичу надоела игра, он схватил мальчишку за шиворот, наклонил ему голову и, приговаривая: «Вот тебе! Вот тебе!» — принялся «кормить» его снегом. Ногой он толкнул снежного человека. Тот совсем развалился.

Лешка и Вольдемарс стояли молча, наблюдая за резвившимся Буткевичем, но когда Марк начал мучить мальчишку, Чибисов не выдержал.

— Хватит. Отпусти его, — тихо сказал Лешка, подходя к Марку.

Буткевич разжал руки и удивленно взглянул на Лешку:

— И ты здесь, Чибис? Тебе-то какое дело? Мотай отсюда, а то как бы чего не вышло...

Мальчишка, воспользовавшись свободой, убежал к своим. Приготовишки не приближались, но и не расходились, с интересом наблюдая за тем, что произойдет дальше. Чибисову не хотелось драться.

— Свиныя ты. На слабых нападаешь, — проговорил он и, повернувшись к Марку спиной, пошел к воротам. За ним, удивленный таким мирным исходом ссоры, шел Скундра.

— Что, испугался? Сдрейфил? — закричал Буткевич вслед Лешке.

Лешка не обратил никакого внимания на эти выкрики, на смех реалистов. Он вышел из сада, пожал

руку Вольдемарсу — тот жил в противоположной стороне — и повернул за угол. На душе у него было скверно.

«Зачем Марк это сделал? — думал он. — Зачем развалил снеговика, накормил малыша снегом, поиздевался вдоволь?.. Зачем? Потому что сильный, знал, что те ответить не смогут... Надо было все-таки ему рожу набить».

Чибилов неторопливо брел по узким рижским улочкам. Мимо проезжали маленькие извозчичьи санки. На них важно восседали хорошо одетые господа и дамы. Наверное, было так приятно прокатиться по первому снегу. Санки появились только сегодня.

Лешка взглянул на большие позолоченные часы, свисавшие на кронштейне у ювелирного магазина Альбрехта. Они показывали половину пятого. Время позднее. Обычно он возвращался домой на час раньше. Все этот первый снег! Лешка решил зайти за отцом на службу. Тот кончал в пять часов. Пойдут домой вместе. Может быть, заглянут по пути в знаменитое кафе Шварца и отец купит марципаны, которые так любит Лешка. Наверное, купит. Он всегда так делает, когда Лешка заходит за ним.

Вообще, Лешке нравилось бывать в брокерской конторе¹ Нудельмана. Отец служил там во фрагтовом отделе. Помещалась контора на Известковой, одной из самых шикарных и богатых улиц Риги. Короткая и неширокая, она сверкала витринами магазинов. Чего-чего тут только не продавалось! Тончайшее дамское белье, мужская одежда, французская парфюмерия, золото, бриллианты... Только поглядеть на всю эту роскошь доставляло удовольствие. За зеркальными стеклами витрин стояли мужчины с усиками, одетые во фраки, спортивные костюмы, смокинги, и, опираясь на дорогие трости, «беседовали» между собой. Восковые красавицы с тонкими прозрачными руками купались в разноцветных кружевах или застывшим взглядом глядели на дорогие меха, разложенные перед ними. Почти каждый месяц витрины обновлялись: хозяйка выставляли новые товары, одевали манекены в другие костюмы. А Лешка любил эти восковые фигуры.

¹ Брокерская контора — контора, подыскивающая грузы для судовладельцев.

Старик Нудельман, хозяин брокерской конторы и двух пароходов, ценил Чибисова-старшего. Иван Никандрович отлично владел двумя языками, раньше плавал штурманом на судах, побывал во многих странах и потому в деталях знал все, что касалось пароходов, грузов, ремонта, страховки. Когда совершались сделки с иностранными судовладельцами, Нудельман всегда приглашал принять участие в них и Чибисова.

Для того чтобы найти контору Нудельмана, нужно было дойти до большого гранитного дома в конце Известковой, подняться на две ступеньки вверх, толкнуть тяжелую дубовую дверь со львиными головами и медными кольцами. Посетитель попадал в обширную приемную с креслами, столиками, устланную красной ковровой дорожкой. Там его встречал швейцар Круминьш, в ливрее, в фуражке с золотой лентой, и почтительно провожал в кабинет к хозяину или в помещение, где за длинным застекленным барьером с окошечками работали служащие конторы. За таким окошечком с надписью «Фрахты» сидел Иван Никандрович.

Когда Лешка приходил к отцу, он обычно просовывал голову в окошечко, тихо говорил: «Папа, я пришел» — и уходил в приемную, где садился в кресло и принимался перелистывать красочные рекламные проспекты судоходных компаний или английские журналы. Все здесь было мило его душе. На стенах висели фотографии разных пароходов, карта мира с разноцветными путями кораблей, в углу на высокой тумбочке стояла бронзовая скульптура, изображавшая рыбака в зюйдвестке, с фонарем в руке, а в застекленном специальном шкафу помещалась большая модель парохода Добровольного общества. Лешка мог часами разглядывать эту модель. Все у нее было сделано как настоящее. Якоря, кнехты, шлюпки и даже штурвал... Крохотное, но здорово сделано!

Лешке нравилось наблюдать за иностранными моряками, чаще это бывали солидные капитаны судов, неторопливо ведущие разговоры на английском языке. Они нешадно дымили трубками, сигарами, папиросами, и потому в приемной всегда висело голубоватое облачко душистого медового дыма.

Швейцар Круминьш, бывший боцман с парохода Нудельмана, знал Лешку. Когда не было посетителей, старик охотно разговаривал с ним.

— Ну, как дела есть? — спрашивал он. — Получил двойка? Хе-хе... — Потом начинались бесконечные рассказы о плаваниях. Круминыш много плавал на иностранных судах.

— А на каких лучше всего было? — спрашивал заинтересованный Лешка.

— Я тебе по секрету сказал. Никому не говори, — хитро подмигивал боцман. — На каком лучше, не знаю, а вот на каком хуже... На наших тоже не сахар был. А в общем, матросу везде хуже.

По рассказам Круминыша выходило, что морская работа самая тяжелая, неблагодарная и плохо оплачиваемая.

— Это не есть настоящее дело для простой человек. Если ты, конечно, капитан или старший механик, тогда можно набить карман. А матрос?.. Матрос нет. Ну, кое-что на контрабанде зарабатывали. Деньги не держались. Пропивали всё. Как придешь в порт после моря, и пошло...

— Учиться надо было на штурмана.

— Эх ты, голова-капуста! Учиться... А где пети-мети, а кто семью кормить будет? Я городской. У меня хозяйства нет...

Лешка не очень верил Круминышу. Просто ему не повезло в жизни или пропивал много. Отец рассказывал о плавании по-другому. Интереснее. О разных городах, невиданных птицах и животных, о людях с цветной кожей, их жизни и обычаях. Про океан, бури, кораблекрушения... Лешке все казалось удивительным. Отец всегда становился грустным, когда вспоминал свою молодость.

Как-то Лешка спросил:

— Пап, ты недоволен, что стал моряком?

— Да как тебе сказать, Леша... — задумчиво ответил отец, постукивая пальцами по столу. — Не знаю... Много повидал, многому выучился... Но того, чего хотел, не достиг... Не вышло.

— А чего ты хотел?

— Мечтал стать кораблестроителем. Не вышло. Денег не хватило.

— При чем тут деньги?

— Как при чем? После того как моего отца арестовали, жилось нам очень трудно. Я же тебе рассказывал. Дядя Сережа, брат моей матери, помог мне получить образование. Платил за учение сначала в гимназии,

потом в мореходных классах, за уроки английского языка. Он служил в лесничестве, детей не имел. Ко мне относился хорошо, но когда я заикнулся о том, что хочу стать корабельным инженером, и слушать не стал. Из-за денег. Дорого. Конечно... Надо было ехать в Петербург учиться, новую жизнь начинать. Столица, дороговизна... Сложно все. Потом с мамой познакомился... Ты появился...

При упоминании о матери отец замолчал. Замолчал и Лешка. Мать умерла два года назад от воспаления легких. Неожиданно. Трагически. Ей было всего тридцать четыре года. Она никогда не унывала. Невзгоды и неприятности переносила с улыбкой, не жаловалась. Она читала сыну сказки, гуляла вместе с ним и учила французскому языку. Отец очень любил ее, а Лешка боготворил.

Вторым кумиром для Алексея был дед Никандр. С его именем дома связывали легенды. Деда Лешка не помнил, но по портрету, висевшему в комнате, хорошо представлял его. Подстриженный в кружок, с густой черной бородой, черными насмешливыми глазами, крупным хрящеватым носом и улыбкой, открывавшей белые зубы, он напоминал внуку не то Степана Разина, не то Ермака, в общем, кого-то из смелых, рискованных и сильных людей. Да и на самом деле Никандр Чибисов был таким.

Кузнец (он работал в каретной мастерской) Никандр бунтовал, призывал к свержению царя и его чиновников.

— Борец за правду был,— с уважением говорил Иван Никандрович сыну.— Ничего и никого не боялся. Силу необыкновенную имел. Железные прутья руками гнул.

Лешке представлялось, как дед ходил искать правду, помогал бедным, наказывал жестоких богачей... Вроде Дубровского.

Когда Лешка подрос, отец рассказал ему о деде уже по-другому. Про его арест, про жандармов, про то, как он бросил в лицо судье: «Можете судить. Все равно вам как-то будет. Всё сметем...»

Никандр погиб на каторге, в Сибири. Память его в семье чтили. Лешке очень хотелось походить на него, как-то проявить себя, да все случая не представлялось.

После смерти матери Лешка с отцом остались вдвоем в маленькой квартире на Марининской и столовались

рядом в пансионате тетушки Парвиене. Отец замкнулся в себе, избегал общества, отдавая свободное время книгам. Иногда он садился у темного окна и глядел в ночь остановившимися глазами. Папироса давно потухла, а он и не думал прикуривать ее снова. Он мог сидеть так часами, молчать, забыв о еде и времени. Тогда Лешке становилось бесконечно жаль отца, но он не знал, как утешить его, что сказать...

Чибисовы жили дружно. Лешка уважал отца, а отец Лешку. Они понимали друг друга с полуслова.

Лешку непреодолимо влекло к себе море. Когда он еще учился во втором классе, то сказал отцу:

— Я, пожалуй, пойду в моряки, папа.

Иван Никандрович удивленно взглянул на сына:

— Не уверен, Леша, что ты выбрал то, что надо. Но и отговаривать не стану. Кончишь реальное, выбирай сам. Конечно, когда молод, морская служба кажется интересной. Кругозор у человека становится шире. Он много видит, появляется возможность сравнивать, узнать, где люди живут лучше.

— А где они живут лучше? — с любопытством спросил Лешка.

— Большинство людей везде живет плохо. Есть, конечно, кучка наверху. Они купаются в роскоши и золоте. Им все доступно. Хочешь купить пароход — пожалуйста, хочешь десять — тоже можно... Хочешь объехать вокруг света — только заикнись. Билеты на дом принесут. Все у них есть. Деньги, сила, власть. А большинство, кто работает, кто создает все, гнет спину с утра до вечера, живет плохо. Вот так, сынок. Да ты, наверное, не поймешь всего.

— Нет, отчего же, я понимаю, — ответил Лешка. — Но вот одно... Ведь бедных, кто все делает, больше, чем богатых. Собрались бы все вместе и приказали бы разделить все поровну. Верно?

Отец засмеялся, погладил Лешку по голове:

— Верно. Утопия, сынок. Против силы не пойдешь. Хотя ты и не знаешь, что такое утопия.

Лешка не знал, но и не спросил. Понял, что из его предложения ничего не получится.

Разговор этот застрял где-то в уголках Лешкиного сознания, и иногда он начинал фантазировать... Вот он собирает всех бедных, идет к царю и требует, чтобы тот приказал богатым разделить все поровну. Царь, конеч-

но, соглашается. Он благодарит Лешку — и вот уже нет бедных, каждый человек живет хорошо... Или другое. Лешке особенно нравился этот вариант. У него шапка-невидимка. Он незаметно ночью проникает во дворец к царю, вынимает пистолет и говорит: «Ваше величество! Вы завтра же издадите указ, чтоб все богатства раздали бедным. Если этого не будет до двенадцати часов пополудни, пеняйте на себя... Я появлюсь, и тогда вам придет конец...» На следующий день объявляют указ. Все ликуют, и Лешка становится героем.

Это было давно, когда он был маленьким. Теперь Лешка не фантазировал. Он присматривался к окружающему миру внимательными, пытливыми глазами и понимал многое, что раньше ему было непонятным. Помог ему в этом Колька Новиков, матрос с парохода «Аре-туза».

2

Для Лешки зима выдалась трудная. Он готовился к окончанию реального. Весною надо было получать свидетельство. На дом задавали много уроков, и свободного времени почти не оставалось. О Тине Подгоецкой Лешка не вспоминал. Было не до нее. Голову забивали спряжения французских глаголов, алгебраические формулы, бином Ньютона, казавшийся особенно трудным, и разборы классических произведений. Мальчики как-то повзрослели, посерьезнели.

Вся эта история с гимназистками, с «дамой сердца», стала казаться им смешной, не заслуживающей внимания. Лешка твердо решил поступать в мореходные классы. Он мог сделать это и раньше, но отец потребовал, чтобы он сначала окончил реальное, получил среднее образование, а там как хочет.

В середине апреля задули сильные ветры, лед на Западной Двине почернел, вспучился, затрещал, и рижане ходили на мост смотреть, как пойдет лед. А он пошел ночью. Уже утром на реке сплошным потоком плыли пожелтевшие, пористые льдины. Они останавливались, громоздились у углов набережной, застревали у форштевней стоящих вдоль стенки пароходов и стояли так некоторое время, до тех пор пока более мощные и тяжелые не выталкивали их на течение. Прежде медленное и спокойное, теперь оно стало сумасшедшим,

Некоторые суда не выдерживали напора льда, и их срывало со швартовов. Опасались затора.

Через два дня река совсем очистилась ото льда. Сразу наступило тепло, перестал дуть ветер. Каждый день показывалось солнце. Почки набухли и вот-вот должны были лопнуть. Из порта доносились запахи смолы, олифы, каменного угля, пароходных дымов... Лешку тянуло к парходам.

Иногда он брал лодку у Скундры — у его отца была собственная лодка, — на ней катался по реке и ловил рыбу. Вольдемарс никогда не сопровождал Лешку. Ему надоела лодка, он не любил грести и не испытывал никакого интереса к парходам.

...Лешка не торопясь плыл вдоль набережной. Глядел на суда. Они стояли тут под разными флагами — русскими, голландскими, английскими... Лешка мечтал о том, как покинет Ригу и окажется на сказочных тропических островах, услышит нежную музыку, увидит темнокожих девушек в юбочках из пальмовых листьев... Он видел таких в синематографе. Он попробует всякие блюда и вина, посетит буддийские храмы, китайские пагоды, туземные деревни. Он будет командовать большим парходом, его полюбят матросы...

Еле ворочая веслами, Лешка почти вплотную плыл вдоль борта большого пархода «Аретуза». С высокой, похожей на макаронину трубой, с ржавыми потеками на некогда белых надстройках, с закопченными мачтами и стрелами, судно имело неказистый вид, и Лешка подумал: «Жадный хозяин. На краски денег не дает. Ну, у меня парход блеснуть будет. Я потребую...» Он не успел закончить своей мысли, как увидел, что из носового иллюминатора опускают на веревке объемистый мешок. Тотчас же появилась чья-то встревоженная физиономия, и Лешка услышал:

— Подгребки-ка сюда, я тебе что-то скажу...

Лешка повернул нос под иллюминатор, и мешок вместе с веревкой оказался у него в лодке.

— Ты чего? Ты чего делаешь? — завопил Лешка, но моряк с пархода приложил палец к губам и сказал:

— Не ори. Мотай скорее отсюда на ту сторону. Полиция. Понял? Жди меня на той стороне в Угольной гавани. Я приду.

Лешка ничего не понял, но при слове «полиция» инстинктивно приналег на весла. Через минуту он уже

был на середине реки и мог спокойно наблюдать, как по палубе «Аретузы» бегают полицейские, на судне открывают трюмы. Там явно что-то происходило.

Он спустился немного по течению и направил лодку в Угольную гавань на левом берегу реки. В какую историю он неожиданно попал! Ясно одно, что это контрабандисты, полиция, видимо, провела что-нибудь и решила накрыть компанию. Вот, черт возьми, надо ему это дело! Хорошо, что успел смыться вовремя. Но тот нахалюга бросил свой мешок в лодку, даже согласия не спросил. Жди его теперь, когда явится. А может быть, выбросить этот мешок за борт, и дело с концом? Нет, нехорошо так. Матросы не от хорошей жизни контрабанду возят. Круминьш говорил, что это добавок к заработку. Все-таки лучше было бы не связываться. Ну, уж теперь ничего не поделаешь. Надо ждать.

Прошло часа три, а парень с парохода не шел. Лешка проклинал все на свете и окончательно решил, что, если этот тип не появится через полчаса, он выбросит мешок за борт и поедет к Вольдемарсу отдать лодку.

Но вот с портовой стороны в Угольную гавань пришел маленький паровой буксирчик. Вместе с рабочими и военными моряками на берег сошел молодой человек в синем шевитовом костюме, синем свитере и желтых ботинках. На голове у него лихо сидела кепка с пуговкой. Он оглядел гавань и уверенно направился к Лешке. Лешка тоже сразу узнал того, кто выглядывал в иллюминатор. Чуть раскосые веселые глаза, большой рот, слегка выдающиеся скулы, вздернутый нос и казацкий чуб, вырывающийся из-под кепки. Без сомнения, он. Моряк подошел. Был он совсем молодой, по виду всего года на два, на три старше Лешки.

— Здорово. Будем знакомы. Новиков Николай. Можешь звать Колькой,— проговорил он, присаживаясь на бревно, на котором сидел Лешка.— Прежде всего спасибо. Выручил. Я фараонов сразу заметил, когда они еще по берегу шли... А тут ты подвернулся. Удачно получилось.

— Шел бы ты к черту со своим спасибо,— проворчал Лешка.— Чуть не втянул меня в историю. Забирай свой мешок и будь здоров. Чтобы я тебя больше не видел...

Матрос засмеялся.

— Не сердись. Знаешь, как ты нас выручил? — становясь серьезным, сказал Новиков. — Не меня одного, а многих. Не думай, это не для торговли...

— А что это? — полюбопытствовал Лешка.

Матрос помолчал и опять без всякой улыбки сказал:

— Раз не посмотрел сам — хорошо. А я говорить не буду. Не к чему. Можешь только мне верить. Не на продажу и не для денег. Тебя-то как зовут?

Лешка назвал. Злость его прошла. Ему нравился этот матрос. Он поверил ему и уже был рад, что попал в какую-то таинственную историю. Не всякому выпадает такое. Будет что рассказать товарищам. Но, как бы читая его мысли, Новиков проговорил:

— Можешь хранить тайну? Ну и хорошо. А то фараоны хитрые. Сразу пронюхают... Тогда нам не поздоровится...

— Кому это вам?

Матрос пропустил вопрос мимо ушей и стал прощаться:

— Спасибо еще раз, Леша. Приходи на «Аретузу». Пароход покажу. Приходи завтра. Ладно? Я завтра на вахте. Буду ждать. Ну, прощай.

Новиков вытащил мешок из лодки — он оказался тяжелым, — взвалил его к себе на плечо и, не оглядываясь, пошел в сторону. Лешка погреб к Вольдемарсу. Из головы не выходили его новый знакомый, этот странный мешок и таинственные намеки Новикова. Что бы все это могло значить?

На следующий день он пошел на «Аретузу». Николай драил медяшку на мостике и сразу заметил Лешку. На этот раз матрос был в голубой застиранной английской робе с разноцветными пятнами масляных красок на ней.

— Погоди немного, — сказал Николай, пожимая Лешке руку. — Потом покажу пароход.

Лешка отказался. Смотреть ему было нечего: он видел пароходы и получше.

— Куда вы на этом корыте плаваете? — спросил Лешка.

— Это ты правильно. Истинно корыто. Все валится. За что ни возьмись. На днях лебедки прогревали, так боцмана чуть не обварило. Пар как шарахнет! Клапан из магистрали вырвало. Пойдем в кубрик, тебе одну штуку покажу. Хочешь закурить? Голландские.

— Не курю,— отказался Лешка и покраснел.

— Не пьешь, не куришь, девочек не любишь! На что ты тогда годен? — пошутил Новиков.— Давай пошли.

Они спустились вниз, по захлавленной палубе прошли на нос. Полубак делился на две половины. Справа жили матросы, слева — кочегары. Новиков открыл дверь. Они вошли в темноватый кубрик с двухъярусными деревянными койками. Посредине стоял стол и несколько грубо сколоченных табуреток. Свет в кубрик проникал через мутные стекла иллюминаторов. В нос Лешке ударил затхлый запах плохо высушенной одежды.

— Вот так и живем,— сказал Колька.— Иди сюда.

Он покопался под матрацем своей койки, достал коробочку, протянул Лешке:

— Обращаться умеешь?

Это был миниатюрный стереоскоп с пачкой красочных парных открыток. Лешка вставил в станок первую попавшуюся, и чудесная панорама Лондона с Вестминстерским аббатством предстала перед его глазами. Вид был объемный.

— Здорово! — воскликнул Лешка.— Красота какая!

— Купи.

— Столько денег нет.

— А сколько есть?

— Нисколько нет.

— Эх... Жаль,— огорчился матрос.— Может, знаешь, кому продать? Я бы его сам загнал, да не успел, а времени уже не осталось. Пароход сегодня уходит. Штука хорошая, английская. Как говорят, сам бы ел, да деньги надо.

— Кому продать, не знаю,— сказал Лешка, торопливо вставляя карточки в стереоскоп: хотелось успеть посмотреть все.

— А, черт с ним! Бери так. Дарю его тебе,— вдруг решил Новиков.— Мой подарок.

— Да ты рехнулся совсем. С чего это я у тебя подарки принимать буду? — рассердился Лешка и положил стереоскоп на стол.— Миллионер какой нашелся...

— Бери. Не обижай моряка. Мне он совсем не нужен. Надоел. А ты к следующему приходу каких-нибудь выпусков с приключениями принеси. Ладно?

— Я тебе и так принесу, без этого.

Новиков настаивал, но Лешка стереоскоп не взял. Они вернулись на мостик.

— Будь здоров, Леха,—помахал рукой Колька, когда Лешка спускался по трапу.— Приходи через двадцать дней!

Через двадцать суток, когда «Аретуза» вернулась из рейса, Лешка с томом «Рокамболя» под мышкой зашел на пароход. Новиков встретил его как старого знакомого:

— Ты тут посиди немного, я скоро окончу работу. Сходим в «Русалку», я тебя пивом угощу. Ладно?

— Нам нельзя туда в форме. Строго запрещается.

— Ничего. В «Русалке» ваши никогда и не бывают. Туда только моряки ходят.

Через час Новиков с Лешкой уже сидели в маленьком подвальчике в конце Мельничной улицы и пили холодное рижское пиво.

— Что у нас в этом рейсе случилось, не поверишь,—говорил Новиков, отпивая из кружки.— Ты только послушай. Пришли мы в Вестхартлепуль вечером. Все подготовлено: стрелы подняты, трюмы открыты. С утра должны выгрузку начать. Не тут-то было. Грузчики с плакатами стоят у парохода стеной, работы не начинают. Ясное дело — стачка. Требуют повысить ставки. Ну, они стоят, мы стоим. Вдруг свистки, свалка, полиция оттесняет грузчиков и каких-то хмырей приводит на судно. Мы сразу поняли. Штрейкбрехеры. Знаешь, что это такое?

Лешка отрицательно покачал головой. Новиков объяснил и продолжал:

— Ну, вот. Штурман вышел, кричит: «По лебедкам — становись!» На лебедках наша команда по договору должна стоять, а мы — ни с места. Такое зло на этих сволочей взяло! Предают своих же товарищей-грузчиков... Ну, мы у лебедок стоим и не работаем. Те, сукины дети, подойти боятся. Выбежал кэп. Пузом трясет, орет: «Я вас всех в Риге в полицию сдам. Немедленно приступить к работе!» Тут боцман наш набрался храбрости и говорит: «С этими штрейкбрехерами работать не будем, господин капитан. Как хотите». Полиция видит такое дело, как бы хуже не вышло, забирает свою банду и на берег. Грузчики кричат, улюлюкают, свистят. Только на следующий день начали работать: хозяин пошел на уступки...

— А если бы не пошел?

— Работы бы не начали. Стачки продолжаются неделями, а штрейкбрехеров на все пароходы не найдешь. Рабочие там организованные. Сила. Хозяева боятся стачек... Да ты что, про это никогда не читал? Ладно, дам я тебе одну книжицу, только никому ни гу-гу.

— С вами что теперь будет? Отдадут в полицию?

— Нет, обошлось. Старик-то наш в общем неплохой, понимает, что к чему. Поорал, попугал, но ничего в Риге не заявлял. Во всяком случае, до сих пор ничего не было. Да ты пей, пей. Я еще возьму.

— Не нравится мне,— сказал Лешка, отодвигая кружку.— Горькое какое-то. Хватит.

— А я так люблю пиво,— засмеялся Новиков.— Могу восемь кружек подряд выпить.

Они просидели в «Русалке» около часа. Новиков рассказывал про плавания, про Лондон, в котором был несколько раз, про французов и про то, как они пьют вино с утра до вечера и пьяными не бывают, про шторм в Бискайском заливе, когда у них смыло палубный груз. Но о чем бы ни говорил матрос, Лешка чувствовал, что думает он совсем о другом, мысли его далеко от Бискайя... Он несколько раз прерывал свой рассказ, взглядывая на стенные часы, смотрел на дверь.

«Не иначе ждет кого-то»,— подумал Лешка и сказал:

— Я, Коля, пожалуй, пойду. Времени много.

Новиков его не задерживал и даже, как показалось Лешке, облегченно вздохнул:

— Ну давай, если торопишься. А я еще посижу. Тут парень один должен зайти... Мой дружок. За «Рокамболя» спасибо. Почитаем. Страсть люблю всякие приключения. Ты приходи на «Аретузу».

В этот раз Лешка на «Аретузу» больше не пошел, а в следующий снова навестил Новикова.

— Ты что ж не приходил? Я тебя ждал, обещанную книжку приготовил.— Он опасливо оглянулся на дверь. В кубрике никого не было. Новиков вытащил из вентиляционной трубы тоненькую книжку, протянул ее Лешке: — Можешь не возвращать. Только смотри, аккуратно. Запрещенная. Никому не показывай, а то влипнешь в историю. Спрячь подальше. Ну, как дела? Скоро кончаешь училище? Потом куда? В мореходные классы? Господином офицером станешь, может, на один пароход попадем, тогда ко мне и не признаешься. Гонять будешь, работу проверять, штрафовать. Так?

— Да брось ты,—обиделся Лешка.—Если так думаешь, тогда дружба врозь.

Новиков усмехнулся:

— Я пошутил. Знаю, что ты не такой. Свой парень. Хотя, наверное, когда люди офицерами становятся, то меняются. Как ты думаешь?

— Не знаю. Я не переменюсь,—сердито сказал Лешка.—Да и до штурмана мне свистеть и свистеть. Лет пять.

— Это правда,—согласился Николай.—Пароходов мало, а штурманов много. Еще палубу подраишь, пока себе место найдешь. Ладно, ты давай иди. Мне работать надо, слышишь, «дракон» уже авралит.

На палубе кто-то кричал тонким голосом:

— Колька! Колька, чертов сын, куда ты запропастился?

Новиков выскочил из кубрика и, повернувшись к выходящему за ним Лешке, сказал:

— Завтра приходи. Я в четыре часа с вахты сменяюсь. Ладно?

Дома Лешка сразу же принялся за книжечку, которую ему дал Новиков. Она была небольшая. На обложке стояло: «Ленин. Что делать?».

Отец застал Лешку за чтением.

— Что это у тебя? —спросил он, заглядывая ему через плечо.— А ну-ка, дай сюда.

— Справедливо написано. Верно все,—проговорил Иван Никандрович, возвращая Лешке книгу.—Но я не советовал бы тебе читать такие книги. Литература запрещенная. Увидит кто-нибудь —неприятностей не оберешься.

— Не увидит.

Иван Никандрович с грустью посмотрел на сына, сказал:

— Совсем мужчиной стал... Скоро в самостоятельную жизнь...—и, встретившись с Лешкиными глазами, добавил:—Ну что ж... Уговоры, наверное, не помогут. В этом возрасте вы любопытны. Но прошу, не делай глупостей. Прежде посоветуйся со мной.

— Я ничего не собираюсь делать, папа,—недовольно отмахнулся Лешка и снова углубился в чтение.

Книга читалась нелегко. Попадались незнакомые слова: «эклектизм», «бернштейнианство», «оппортунизм», но мысли, излагаемые в тексте, были ясными, и Лешка

так увлекся, что просидел над брошюрой весь вечер и часть ночи. Он читал, стараясь вникнуть в смысл, возвращался назад, перечитывал снова. Он вспомнил тот день, когда встретился с Новиковым, непонятный мешок, неясные намеки матроса. Кто они, его друзья? Теперь ему кое-что понятно. Во всяком случае, не контр-рабандисты и не бандиты. А он-то, дурак, что подумал! Смутно Лешка догадывался и раньше. В городе ходили слухи о каких-то подпольных кружках, рабочих дружинах, якобы вооруженных до зубов и ждущих только момента... Для чего? Какого момента? Иногда кто-нибудь шепотом произносил волнующее слово «революция». Революция! Что это такое? У Лешки замирало сердце, когда он слышал это слово. В нем крылось что-то огромное, опасное и радостное.

Он с удовольствием прочел слова: «Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции вынуждены сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии»¹...

Да ведь это о нем, Лешке Чибисове, написано! Он и есть представитель молодого поколения и желает принять участие в движении за справедливость, только не знает как.

Детские представления Алексея о том, как сделать жизнь людей лучше, совсем исчезли. Какие же это были смешные мысли! Не то, не то надо делать! Не с пистолетом идти на царя или собирать бедных и просить его о справедливости, а готовить людей, обличать царский режим. Ленин прямо писал: «Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти»².

А для этого нужна и своя боевая газета. Это Лешка хорошо понял. Надо будет серьезно поговорить с Николаем сразу же, как они встретятся. Обязательно.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 87.

² Там же, с. 90.

Наверное, Новиков и есть одно из этих доверенных лиц, которые связаны по всем правилам строжайшей конспирации с основным ядром самых проверенных, самых надежных и опытных революционеров. Иначе и быть не может. Зачем же он давал ему тогда эту книжку?

Знакомство с Новиковым представилось ему теперь совсем в другом свете. Он как бы приобщился к чему-то очень важному, неизведанному. Новые горизонты открывались перед ним.

Когда Лешка встретился с Новиковым, тот первым делом спросил:

— Ну как, прочитал?

— Прочитал. Здорово написано, только... не все понятно.

— Надо будет тебя со своими друзьями познакомить. Они тебе расскажут, что к чему. Хочешь?

Лешка радостно кивнул головой.

3

С Тиной Подгоецкой Алексей познакомился за два месяца до экзаменов. Он зашел за отцом и как обычно сидел за столиком в приемной у Нудельмана. Других посетителей не было. Открылась дверь, и к величайшему Лешкиному удивлению в приемную вошла Тина. Он мог ждать кого угодно, только не ее. Лешка встал:

— Здравствуйте.

Девушка окинула его взглядом, смутилась и, кажется, обрадовалась.

— Здравствуйте. Вы что тут делаете?

— Я? Жду отца. А вот вы как сюда попали?

— По делам. Папа выписал из Германии фисгармонию, надо документы какие-то получить. Не можете ли вы мне помочь?

— С удовольствием. Пойдемте.

Они прошли в контору. Лешка подошел к окошечку, где сидел отец, и спросил:

— Где получают документы на груз, который идет на ваших пароходах?

— Тебе зачем?

Иван Никандрович мельком взглянул на сына, увидел рядом стоящую Тину, понимающе улыбнулся.

— В пятом окошке. Василий Васильевич там сидит. Старичок такой седенький.

Василий Васильевич любезно осведомился о том, что угодно барышне, и через несколько минут отыскал нужные документы.

— Сами будете брать или конторе поручите?

Тина пожала плечами:

— Наверное, сами.

— Тогда, пожалуйста, по этим накладным,— сказал старик и передал девушке бумаги.

Лешка с Тиной вышли на улицу.

— Спасибо за помощь.— Девушка протянула ему руку.

Лешка взял ее, пожал, но не отпустил, а смущенно спросил:

— Можно я провожу вас немного?

— Пожалуйста.

Они медленно пошли по Известковой. Молчали. Разговор не клеился. Наконец Лешка, преодолев необычную скованность, спросил:

— Скоро кончаете гимназию? Наверное, к экзаменам готовитесь?

Тина оживилась и затараторила:

— И не говорите! Приходится столько заниматься, прямо падаю от усталости. Нигде не бываю, отказываюсь от всех приглашений. Только в гимназию и сразу же домой, сажусь за книги. Так с ума можно сойти! А вы в каком классе? Впрочем, зачем я спрашиваю? Ведь я вас знаю,— лукаво улыбнулась Тина.— Вы Чиби-сов Алеша. Так?

— Я вас тоже знаю,— засмеялся Лешка.— Давно хотел познакомиться, но как-то не приходилось...

— Боялись?

— С чего это? А может быть, и боялся.

— Разве я такая страшная?

— Совсем нет.

— Марк Буткевич с вами учится в одном классе?

Лешка нахмурился:

— Мы в разных классах. Вы его тоже знаете?

— Знаю, но пока не знакома. Он хороший мальчик.

Лешка фыркнул:

— Хороший мальчик! По-моему, не особенно.

— Вы его не любите? Почему? Он казался мне таким славным.

— Я вам свое мнение сказал, а вы можете считать его славным.

— Но почему, почему вы его не любите? — допытывалась Тина. — Ведь нельзя отзываться плохо о человеке без причины, верно? Ну ладно, не хотите говорить, не надо. Я и так все знаю... — засмеялась девушка.

— Что именно?

— Все. Знаю, что когда вы были еще мальчишками, то дрались с Буткевичем из-за меня на «дуэли» и вы победили.

— Ах, ерунда это все, — махнул рукой Алексей. — Детство.

Ему хотелось выглядеть серьезным, взрослым, хотя в глубине души он был рад, что девушка начала этот разговор. Все-таки он тогда выступал в роли рыцаря. А Тина, напротив, казалась недовольной.

— Значит, вы думаете, что из-за меня не стоило драться? Так?

— Да нет, — смутился Алексей. — Причины-то настоящей не было. Вот если бы он вас обидел, тогда другое дело.

— Защитили бы?

— Голову бы отдал, — горячо сказал Алексей, нежно глядя на Тину. Если только представился случай, он бы доказал, что на него можно положиться.

— Ну, уж и голову! — кокетливо сощурила глаза Тина. — Так все говорят, а когда доходит до дела, то прячутся в кусты.

— Проверьте.

— Как же я могу это сделать, Алеша? Но я вам верю. Буду знать, что у меня есть верный защитник.

Когда они дошли до театра, Лешка предложил:

— Хотите, я вам порт покажу и пароход, на котором привезли вашу фисгармонию?

— Хочу. Только... меня дома ждут и будут беспокоиться, если я долго не приду. И потом эти противные уроки...

Они спустились к набережной. Совсем недалеко стоял пароход Нудельмана «Меднис».

— Смотрите, какой красавец, Тина. На нем ваша фисгармония.

Тина удивленно взглянула на Чибисова:

— Красавец? Не нахожу. Грязный, ржавый, некрасивый пароход.

— Что вы! Его помоят, почистят, и он заблестит в море. Сейчас ведь выгрузка идет. Совсем новый паро-

ход! Нудельман купил его два года назад прямо на верфи... Да вы, кажется, не слушаете меня совсем?

— Простите, Алеша, правда, меня не интересуют эти грязные пароходы. Не понимаю, почему у вас они вызывают такой восторг?

— После училища я собираюсь в мореходные классы.

— В мореходные классы? Фи! Какая проза. Для этого не стоило кончать реальное училище. Туда, кажется, с пятью классами принимают. Верно? И потом мой папа говорил, что в коммерческий флот идут только неудачники.

— Это почему же? — обиделся Лешка.

— А потому что настоящие моряки учатся в Морском корпусе в Петербурге, выходят оттуда блестящими офицерами. Их принимают даже при дворе, они могут дослужиться до адмиралов, у них есть будущее. Поняли?

— И вы верите, что в торговый флот идут только неудачники?

— Не знаю. Но я верю своему папе. Он еще говорил, что все разжалованные и выгнанные из военного флота идут в торговый.

— Много он знает, ваш папа,— грубовато сказал Лешка.— Он сам-то, ваш папа, кто? Моряк?

— Он инженер, строитель мостов и железных дорог,— важно проговорила Тина,— и, наверное, что-нибудь понимает в жизни. Думаю что, больше, чем вы...

Лешка почувствовал, как между ним и девушкой встает стена отчуждения, и примирительно сказал:

— Может быть. Он, конечно, многое понимает в жизни, но о море, мне кажется, должен судить моряк. А мой отец как раз моряк, и мне он рассказывал о торговом флоте совсем другое. Говорил, что специальность хорошая, интересная. Он совсем не выглядит неудачником. А вы что будете делать после гимназии?

— Не знаю: Наверное, выйду замуж, как все женщины нашего круга, а может быть, пойду на педагогические курсы... Не знаю, в общем. Пошли обратно.

Лешка довел Тину до красивого серого дома на Купеческой улице. Там она жила.

— До свидания, Алеша. Рада была познакомиться с вами,— на прощание сказала девушка.— Наверное, еще увидимся...

— Обязательно увидимся,— заторопился Лешка.— Хотите, я вас на лодке покатаю?

— Очень. Только летом. После экзаменов. Хорошо? Вы знаете, где я живу, и напишете мне письмо.

— А дома ничего не будет, если я письмо напишу?

— Родители моих писем не читают,— гордо сказала Тина.— Не бойтесь. До свидания, Алеша. Желаю вам успехов на экзаменах.

Тина помахала рукой и скрылась в парадной. Алексей постоял, поулыбался неизвестно чему и пошел домой.

4

«Аретузу» поставили на ремонт. Матросы по двое висели на беседках¹ и, колотя кирками по железу бортов, отбивали ржавчину, поднимая невероятный грохот. Красноватое облачко ржавой пыли стояло над работающими. Острая окалина летела во все стороны, больно впивалась в лицо и руки. Судно напоминало пятнистое животное. Везде виднелись ярко-оранжевые пятна. Это покрывали свинцовым суриком листы, очищенные от ржавчины.

Алексей сразу заметил Кольку. Он тоже сидел на беседке. Увидя Чибисова, матрос заулыбался и крикнул, чтобы Лешка поднялся на судно. Сам он по штормтрапу вылез на палубу.

— Здорово,— сказал Новиков, пожимая Алексею руку.— Не вовремя пришел. Некогда. Видишь, что делается? Нам сегодня допоздна работать. Хозяин сверхурочные платить будет. Торопится очень. Всего на десять дней поставили, а работы—ого-го! Встретимся, Леха, в воскресенье. Ладно?—Новиков потер покрасневшие от пыли глаза:—Чертова работенка! Глаза режет, как ножом. Так ладно? В воскресенье, в городском парке, у пруда с лебедями, в двенадцать. А теперь дуй домой, не задерживайся, не теряй золотого времени, зубри тригонометрию.

Алексей попрощался, повернул к трапу, но Новиков задержал его:

— Подожди-ка минутку. У меня к тебе просьба есть. Сделаешь?

Чибисов кивнул головой.

¹ Беседка — деревянная доска, подвешенная на тросе, служащая сиденьем при подъеме людей на мачты, трубы и пр., а также при спуске людей за борт.

— Пойдем в кубрик. Дело такое. Съезди в Мильгравис, в лавку Розенблюма, передай ему пакетик и скажи...

При слове «пакетик» у Алексея неприятно екнуло сердце, и он сказал:

— Лучше бы ты сам съездил в Мильгравис. Почему это я должен идти к Розенблюму?

— Вот что, Леха. Если не хочешь или боишься, то не надо. Я тебя не заставляю. Но пойми и меня. Во-первых, самому мне туда идти не сподручно, во-вторых, нет времени, и в-третьих, я знаю, что ты думаешь. Так запомни. Все, что делают я и мои товарищи, делается для того, чтобы люди жили на земле хорошо, чтобы у всех была работа и кусок хлеба. Пока всё.

Лицо у Новикова было суровым, на губах не играла его обычная улыбка.

— Я не боюсь, Коля,— сказал Алексей, смущенный тем, что матрос угадал его мысли.— Я просто не знаю, в чем дело...

— Скоро узнаешь. Ну, иди, мне некогда. До воскресенья.

— Давай пакет,— решительно проговорил Алексей.

— Значит, так, придешь к Розенблюму и скажешь: «Привет вам от Кочеткова», отдашь посылку, он тебе даст деньги. Их передашь мне в воскресенье. Все понял?

— Понял. А что там, в этом пакете?

— Там...—Новиков нахмурился.— Там то, за что богачи в Риге большие деньги платят. Медикаменты английские. За них таможня огромную пошлину берет, ну а мы подешевле продаем... Деньги нам нужны. Ах как нужны...

Новиков снял доску со своей койки, вытащил из обшивки кусок дерева — он был совсем незаметен,— сунул руку в образовавшееся отверстие, достал оттуда коробку.

— Вот держи.— Он протянул ее Алексею.— Не бойся.

Сойдя с парохода, Чибисов решил не откладывая поехать в Мильгравис. Он без труда нашел лавку, адрес который дал ему Новиков, невзрачное помещение с одним окном. За стеклом лежали мужские рубашки, галстуки, белье, дешевенькие перстни, запонки...

Пока Алексей добирался до Мильгрависа, ему все время казалось, что за ним кто-то следит. Он был

возбужден и горд. Ему поручили что-то очень важное и опасное. Доверили серьезное дело. Он сам уже был участником этого дела. Появилось новое чувство ответственности перед людьми, которых он еще не знал, но уже видел себя их товарищем. Что-то таинственное и благородное связывало Алексея с ними. После разговора с Новиковым он больше не сомневался, что помогает хорошему делу. Алексей не боялся. Только напряглись нервы. Слишком уж необычным было поручение.

Чибилов стоял у окна, со скучающим видом разглядывая витрину. Оглянулся вокруг: не следят ли за ним? Он читал, что в таких делах конспирация и осторожность необходимы. Убедившись, что улица пустынна, толкнул дверь.

Зазвонил колокольчик. Алексей вошел. Тотчас же появился хозяин.

— Что угодно господину реалисту? — спросил он, поклонившись.

— Вы Розенблюм? Я... Привет вам от Кочеткова.

Хозяин метнул быстрый взгляд на Алексея.

— Сам передал привет? — сверля Чибилова глазами, спросил он. Лешка растерялся. Говорить про Новикова? Или молчать? Молчать.

— Сам передал, — твердо сказал Алексей, поймав взгляд Розенблюма.

— Так-с... Что у вас?

Алексей протянул ему пакет, завернутый в газету.

— Подождите здесь. Я сейчас приду, — проговорил Розенблюм, скрываясь в задней комнате.

Алексей остался один. Прошло несколько минут, хозяин не возвращался. Алексею стало не по себе. А что, если этот Розенблюм оказался предателем и пошел вызывать полицию? Как ему действовать? Выдавать Новикова нельзя. Тогда, где он взял этот проклятый пакет? Нашел на улице? Не поверят. Значит, купил у иностранного матроса. У какого, он не знает...

Пока Алексей лихорадочно придумывал объяснения, вернулся Розенблюм:

— Вот, возьмите деньги. Считать не надо. Тут все, что положено. Передайте привет Кочеткову. — И, пожевав губами, ворчливо добавил: — Очень вы смелый и неопытный, господин реалист. Хорошо, что попали к Розенблюму, а то можно и себе и людям неприятность сделать. Передайте это Кочеткову. Прощайте.

На улице Чибисов облегченно вздохнул. Поручение выполнено. Но почему так сказал Розенблюм? Неужели он допустил ляпсус? Ведь сделал все так, как сказал ему Николай.

5

В воскресенье Новиков ждал Алексея в парке. Он сидел на скамейке у самого пруда в своем праздничном шевитовом костюме и кормил лебедей, вынимая кусочки хлеба из бумажного кулька.

— Ну как, сходил? — спросил он, когда Алексей, поздоровавшись, сел около него.

— Сходил. На.

Алексей достал из кармана деньги, завернутые в бумагу.

— Я их не считал. Старик сказал, что здесь все, что положено...

— Так и должно быть. Молодец, Леха. Боялся?

— А чего мне бояться? — пожал плечами Алексей. — Только, наверное, я что-то не так сделал...

— А что именно? — насторожился Новиков.

Алексей передал ему последние слова Розенблюма. Новиков потер переносицу:

— Да-а. Это я виноват. Надо было тебе еще одно словцо сказать. Ну, да ладно. Теперь пойдем. Добираться нам далеко.

— Куда?

— Придем — узнаешь. Познакомлю с интересными людьми.

Они долго шли по нарядным улицам Риги, пока наконец не очутились на окраине. Богатые каменные дома сменили деревянные, одноэтажные, с маленькими зелеными палисадниками.

— Ну вот и на месте, — сказал Новиков, останавливаясь у опрятного желтого домика. Он подергал калитку. Она была заперта. Сейчас же раздался громкий лай. Появился большой пес. Он злобно рычал.

— Тубо, Трезор! Свои! — сказал Новиков. — Дурачок! Не узнаешь?

Собака завиляла хвостом, перестала лаять. На крыльцо вышла молодая женщина. Увидя Новикова, она помахала рукой:

— Ты, Коля? Сейчас отопру.

— Здравствуйте, Мария Николаевна,— поздоровался Новиков, когда они с Алексеем вошли в палисадник.— Познакомьтесь. Это Леша.

Женщина окинула Алексея быстрым внимательным взглядом, протянула ему руку, сказала:

— Входите, пожалуйста. Бруно Федорович дома.

В чисто убранной комнате, в стареньком кресле у обеденного стола, сидел человек с газетой в руках. У него были темные с проседью волосы, серые холодноватые глаза, быстро и остроглянувшие на Алексея, и молодое лицо с небольшим шрамом от губы к подбородку. Этому человеку было не более тридцати лет.

— Бруно Федорович Кирзнер,— сказал он, вставая, и Алексей заметил, как он широк в плечах и, наверное, силен.— А вы, значит, Алеша?

Алексей кивнул. Под пристальным взглядом Кирзнера он чувствовал себя неловко, но своих глаз не отводил, глядел ему прямо в лицо. Бруно Федорович улыбнулся, глаза его изменили свое прежнее выражение, потеплели, и он сказал:

— Садитесь, Алеша. Поговорим. Маруся, поставила бы самоварчик! — крикнул он в открытую дверь второй комнаты, где Новиков негромко разговаривал с Марией Николаевной.— Прежде всего так. Друзья Николая — мои друзья. Я все про вас знаю. Спасибо вам еще раз за помощь. Вы нас тогда из большой неприятности выручили. Ну, помните с тем мешком, что Николай вам подбросил?

Кирзнер весело рассмеялся.

— Вас, наверное, интересует, кто мы такие, чем занимаемся и что за таинственные мешки, коробки, папки? Так? Мы рабочие. Люди, которые решили бороться за свои права, за светлое будущее своих детей, за человеческую жизнь. В общем, Алеша, если вас интересуют наши дела и идеи, приходите ко мне, познакомьтесь с товарищами, послушайте, что пишет Маркс о борьбе рабочего класса. Слышали про Маркса?

— Нет. Я только прочел книгу, которую мне дал Николас, «Что делать?». Там про это тоже написано.

— Приходите в кружок и все, что вам неясно, мы постараемся объяснить, на все ваши вопросы вы сможете в кружке получить ответ. Но должен предупредить: кружок нелегальный, поэтому прежде подумайте.

Начнете ходить, сразу поставите себя в опасное положение. Полиция нас не жалуется. Поэтому нужно быть очень осторожным, побольше молчать, никому не говорить о том, где вы бываете. Что вы умеете молчать, и не трус, я уже знаю. Вот так для первого раза. Что, напугал я вас, Алеша? Нет, вы подумайте, прежде чем связаться с нами. Нам нужен человек, который за идею готов на все.

— Я хочу понять, как можно уничтожить несправедливость на земле,— смущаясь и краснея, проговорил Алексей.— Я знаю, что она существует. Про это говорил и мой отец, и боцман Круминьш, да и я сам кое-что наблюдал... Дед за это жизнь отдал. Я против несправедливости.

— Сколько вам лет? Восемнадцать? Хороший возраст, и время начать разбираться в жизни. Попробуем помочь вам в этом.

Мария Николаевна внесла самовар, принялась собирать на стол. Чай был крепкий, вкусный, со свежими блестящими баранками. Николай рассказывал смешные истории про своего капитана и судовых офицеров. Алексей сидел молча, почти не слушал, разглядывал Кирзнера. Спокойный, уверенный, какой-то надежный — именно так подумал Алексей, глядя сбоку на Бруно Федоровича, который в это время смеялся рассказам Новикова. Этому человеку можно было довериться.

— Что ж вы молчите, Алеша? — неожиданно повернулся к Алексею Кирзнер.— Рассказали бы что-нибудь про жизнь своего реального училища. О чем мечтаете?

Алексей усмехнулся:

— Все в моем классе думают, как бы скорее закончить реальное, получить свидетельство об окончании. Вот и все мечты.

— Это так,— согласился Кирзнер.— Ну а все-таки? Ведь у вас, молодежь, горячие сердца. Неужели не видят, не слышат о том, что творится сейчас в России?

— Не знаю, Бруно Федорович,— честно сознался Алексей.— Как-то не приходилось говорить с товарищами на эту тему.

— Не может быть, чтобы все были равнодушными,— убежденно сказал Кирзнер,— у нас есть помощники из вашей среды, но вы об этом не знаете.

Еще поговорили о реальном. Кирзнера интересовали самые разные вопросы: что волнует реалистов, каких

учителей любят, а каких нет, где думают учиться после реального? На некоторые вопросы Алексей ответить не смог. Кирзнер покачал головой:

— Плохо знаете мир, в котором живете, Алеша. А ведь жизнь многообразна. Надо быть внимательным к окружающему, это обогатит ваш кругозор. Ну да ладно. Все придет со временем. Жизнь заставит... Приходите. Обычно мы собираемся по средам, вечером. Часов в семь. А теперь вы нас извините, Алеша, мне надо поговорить с Николаем с глазу на глаз. Пойдем, Коля.

Новиков и Кирзнер вышли. Алексей остался один и от нечего делать начал рассматривать комнату. Потертый плюшевый диван, такое же кресло, несколько старых венских стульев, высокий комод, разноцветный половичок на дощатом крашеном полу, кадка с фикусом... Над комодом висел портрет Кирзнера, сделанный углем. На нем Бруно Федорович выглядел совсем молодым, был с усами, в косоворотке. На противоположной стене — портрет Марии Николаевны, по-видимому рисованный тем же художником.

— Ну вот и мы, — возвращаясь, проговорил Кирзнер. — Не очень соскучились? Вы уж нас извините.

— Пойдем, Леша, — сказал Новиков и стал прощаться.

Кирзнер и Мария Николаевна вышли проводить их на крыльцо. Когда приятели завернули за угол, Новиков спросил:

— Ну как? Понравился Бруно Федорович?

Алексей без колебания ответил:

— Понравился.

— Иначе и быть не могло. Ты знаешь, какой это человек? — горячо заговорил матрос. — Тебе бы все рассказать, так вообще... Не видел я таких людей больше. Понял?

Алексей пожал плечами:

— Пока не знаю, почему ты о нем так говоришь, но Бруно Федорович мне понравился. Кто он такой?

— Он же сказал. Рабочий. На вагоностроительном заводе «Феникс» механиком работает. Раньше, в молодости, плавал кочегаром. Нашу жизнь знает как свою. Познакомишься поближе — узнаешь. «Аретуза» еще четыре дня в Риге будет стоять, а потом долго не увидимся. В Италию рейс. Понял?

Дойдя до Домского собора, друзья разошлись.

Алексей ничего не сказал Ивану Никандровичу о своем новом знакомстве. Чувствовал, что отец начнет расспрашивать, беспокоиться, а Кирзнер предупреждал, чтобы Алексей говорил меньше. Может быть, позже, когда сам будет знать больше, он и посвятит отца в свои дела.

6

В следующую среду Алексей один поехал к Кирзнеру и с тех пор не пропускал ни одной среды, ни одного занятия кружка. В нем учились рабочие рижских заводов. Люди серьезные, малоразговорчивые и решительные. Они знали, чего хотят, зачем пришли сюда, и ждали только сигнала, чтобы начать действовать. Кирзнер с гордостью называл их «наша боевая группа».

Вел занятия обычно Кирзнер, а иногда чернявый, очкастый человек в студенческой тужурке со споротыми петлицами. То, что узнавал там Алеша, было так ново, необычно и интересно, что он считал дни, оставшиеся до следующей среды. Мир представлял перед ним по-иному. Каждое занятие было открытием.

Здесь Алексей впервые услышал о Марксе и его учении, глубже познакомился с трудами Ленина. Кирзнер постоянно давал ему книги, а потом спрашивал, все ли он понял, и если нужно — объяснял.

Теперь Алексей ясно представлял себе, в чем заключается смысл их собраний. Надо было подготовить людей, способных выполнять задания партии. Он завидовал тем, кто уже получал их. Алексей чувствовал всю справедливость того дела, которому отдавали себя эти люди, и хотя это было опасно, об опасности никто не думал.

В кружке часто появлялась «Искра». Она приходила в Ригу нелегальным путем из-за границы. Читали ее от слова до слова. Обсуждали статьи, спорили.

Как-то на одном занятии Кирзнер сказал:

— Рабочий класс и крестьянство представляют собой грозную силу. Если они объединятся и получают в руки оружие, то разве самодержавие сможет устоять? Никогда. Насильственное свержение царя и в конечном итоге — диктатура рабочего класса и крестьянства. Вот что надо.

Мы, члены РСДРП, прекрасно это понимаем. Но не все товарищи согласны с нами. Некоторые готовы удовлетвориться только частью этих требований, а остальное, мол, потом. Это в корне неверно. Ошибочно также поступает та часть латышских социал-демократов, которая не желает объединения всех национальных партий. Слишком силен федеральный принцип! Такое разъединение ослабляет нашу партию. Будущее докажет, что мы правы.

Сейчас в нашей организации уже много людей, хорошо подготовленных, вооруженных, преданных делу. Мы принимали в партию только таких, кто готов по первому зову вступить в борьбу, кто постоянно участвует в работе организации и подчиняется ее решениям. Эти люди — наш золотой фонд.

Кирзнер объявил, что следующее занятие будет не в среду, а через день, в пятницу. Есть чрезвычайное сообщение. Собрались все. Сидели заинтересованные, молча. Ждали, что скажет Бруно Федорович, но вскоре он появился вместе с высоким, незнакомым человеком с жестковатыми голубыми глазами. Черные гладкие волосы у него были зачесаны назад и спускались на воротник. На щее белел короткий рубец, оставшийся не то от операции, не то от удара чем-то острым.

— Прошу любить и жаловать. Василий Николаевич Шадрин, — сказал Кирзнер и уселся вместе со всеми к столу.

Шадрин окинул присутствующих быстрым взглядом и начал говорить. Голос у него оказался звонким и высоким.

— Вот что, товарищи. Я хочу рассказать вам о Втором съезде РСДРП, который проходил в Брюсселе. Вы, конечно, уже слышали о том, что там партия разделилась на большевиков и меньшевиков и Владимир Ильич ясно высказал свою точку зрения на многие важные вопросы. Мы должны твердо сказать: с кем мы? Кого поддерживаем?

Шадрин говорил обстоятельно. Заканчивая свой доклад, он сказал:

— В общем, на съезде победили большевики... Вы бы видели Владимира Ильича! Орел, настоящий орел, не знающий страха в бою и беспощадный к идейным противникам. Но это еще не конец борьбы. Надо ждать следующего съезда..

В этот вечер кружок не расходился долго. Шадрина не отпускали. Горячо спорили, задавали много вопросов. В конце концов единогласно приняли все ленинские позиции.

После рассказа Шадрина о съезде Алексей еще отчетливее понял, что не все просто и едино в партии. Есть свои разногласия, свои мнения, свои точки зрения, и надо твердо знать, чего ты хочешь сам. Он выбрал то, что считал правильным, — большевистский взгляд на революцию. Все остальное казалось ему расплывчатым, незавершенным. Ему хотелось оказаться в числе тех людей, о которых недавно говорил Кирзнер.

Он несколько раз просил его:

— Хочу работать. Когда же, Бруно Федорович?

Кирзнер улыбался:

— В свое время, Алеша.

7

В июне Алексей успешно закончил реальное и получил свидетельство. По этому поводу они с отцом пошли обедать в ресторанчик «Корсо». Иван Никандрович заказал все самые любимые Лешкины блюда, бутылку вина и на сладкое мороженое. Это был настоящий пир, так не похожий на обычные, более чем скромные трапезы в пансионе тетушки Парвиене.

— Ну так, — торжественно произнес Иван Никандрович, поднимая бокал. — Желаю тебе счастья, сын! Теперь ты взрослый. Я знаю, что ты выбрал море. Нелегкий труд. Но помни, где бы ты ни работал, каких бы штук ни выкидывала с тобой судьба, всегда оставайся настоящим человеком. Честным, правдивым, принципиальным. Это тебе мой завет. А кем ты будешь, в конце концов, это не так важно. Хотелось бы, конечно, чтобы жилось тебе полегче... Ну!

Они чокнулись и выпили. За обедом Иван Никандрович много шутил, вспоминал свои плавания. Рассказал смешную историю про штурмана, не знавшего английского языка. На все вопросы тот отвечал одним словом «йес». Однажды на судно приехал шипшандлер¹ и предложил купить для камбуза живых свиней — он

¹ Шипшандлер — человек, занимающийся снабжением судов провизией и материалами.

тотчас же ответил: «йес». Вечером, к всеобщему удивлению, на пароход привезли животных. Когда капитан узнал, кто сделал заказ, то страшно рассердился и приказал штурману отправить свиней обратно. Но обратно их не приняли, и бедняга продавал их за бесценок прямо у борта.

Отец учил Алексея, где нужно вешать штормтрап при приемке лоцмана, так чтобы его не окатило грязной водой из шпигата. Иначе может быть большой скандал. Вспомнил случай из своей практики, когда плывал еще матросом. Досталось же ему тогда от капитана! Он говорил о том, как важно жить в дружбе с командой, о многом другом.

Обед прошел незаметно и весело. Алексей был очень признателен отцу за это маленькое удовольствие. На следующий день он подал документы в мореходные классы. Его приняли туда без экзаменов. Занятия начинались поздней осенью, и лето было свободным.

Тина Подгоецкая окончила гимназию с медалью, правда, не с золотой, как ожидали, а с серебряной, и отец увез ее в Петербург. Марк Буткевич, так и не успев отомстить Алексею, уехал в Юрьев, а Вольдемарс Скундра почему-то решил учиться в Московском техническом училище.

Алексей пытался наняться матросом на пароход, но ему везде отказывали. Специальности у него не было, а в порту много настоящих моряков искали хоть какую-нибудь работу на судне, но вакантных мест не имелось. Пришлось отказаться от этой мысли. Помог Алексею Кирзнер. Как-то, оглядев его со всех сторон, Бруно Федорович сказал:

— Боксерские данные у тебя отличные, Алеша. Руки длинные, рост высокий, сила чувствуется... Боксом никогда не занимался?

Алексей отрицательно покачал головой.

— Жаль. Может пригодиться в жизни. Хочешь поучиться немного? Узнаешь некоторые приемы.

— Я с удовольствием... — замялся Алексей, — платить я не могу...

— И не надо. У меня тут друг живет рядышком, старый боксер. У него и перчатки, и груша есть. Пошли?

На той же улице, в таком же деревянном домике, жил приятель Кирзнера, латыш Янсонс. Когда-то он преподавал бокс в частной школе Брандиса, потом не

поладил с хозяином и стал учить желающих у себя на дому. Но таких оказалось очень мало, и теперь Янсонс работал сторожем на заводе «Феникс».

Он приказал Алексею раздеться, заставил сделать несколько гимнастических упражнений, подавил мускулы, после чего важно заявил:

— Годится. Ты что, Бруно, хочешь его на ринг выпустить?

— Да нет. У парня много свободного времени. Пусть займется. Не помешает, и ты старое вспомнишь.

Теперь два раза в неделю Алексей ходил к старому Янсонсу. Он занимался с удовольствием. Прыгал, бил по мешку с песком и по груше, изучал приемы. Янсонс был строг, по многу раз заставлял Алексея повторять одно и то же.

— Так. В стойку! — командовал он. — Прямой левой! Хук правой! Оперкот! Быстрее надо! Еще раз ту же комбинацию. Быстрее! Твоя атака должна быть, как ветер. Не давай опомниться противнику. Еще раз! Стоп. Плохо.

И Алексей начинал все сначала. Но он не сердился на старика. Видел, что тот по-настоящему хочет научить его трудному искусству бокса.

Наступило время, когда учитель сказал своему ученику:

— На ринг ты, конечно, идти не можешь, но любому, не знающему бокс, — два очка вперед. Хватит. Скажи Бруно, что Янсонс так сказал.

Осенью начались занятия в мореходных классах. В подарок от отца Алексей получил черный мундир с золочеными штурвальными колесами на погонах, блестящими пуговицами с якорями и бескозырку с ленточками. Как бы бедны ни были родители учащихся, для своих сыновей они покупали форму. Копили, выкраивали деньги из скудных заработков. Алексею очень шла морская форма, да и он сам вырос, развернулись плечи, на верхней губе появился светлый пушок. Мальчик незаметно превращался в мужчину.

В мореходных классах учились дети зажиточных крестьян, решившие попытать счастья на море, и рыбаки с побережья, и сыновья ремесленников, и выходцы из «морских» семей. Некоторые из них видели море только

с берега, никогда не ступали на палубу судна, другие годами бороздили океаны на парусниках и пароходах. Кое-кто уже имел «малый диплом», ходил в море штурманом и после долгого перерыва приехал заканчивать образование в старших классах. Таких стоило послушать. Каких чудес они не навидались, чего только не рассказывали! Получение диплома штурмана дальнего плавания требовало, помимо полного курса классных занятий, определенного практического стажа. Надо было начинать с самой маленькой должности на судне, выполнять многие обязанности, пройти суровую школу морской практики, а главное — научиться не бояться моря.

Те, кому такое начало оказывалось не под силу, после первой же практики уходили из школы, для того чтобы попокать себе более спокойной и менее опасной жизни.

По возрасту ученики тоже сильно отличались друг от друга. Вместе с безусыми мальчишками в классах учились великовозрастные мужи. В основном такими были старшеклассники или поступившие в первый класс матросы, накопившие деньги для уплаты за обучение. Они отказывали себе во всем, преследуя только одну цель — выбиться в офицеры.

Для Алексея зима прошла незаметно. Он с увлечением изучал новые предметы: навигацию, морскую практику, метеорологию... Все давалось ему легко, а если и встречалось что-нибудь непонятное, то на помощь приходил Иван Никандрович. Он был знатоком морского дела и свои объяснения дополнял такими интересными случаями из жизни, что все сразу становилось ясным.

Свободного времени почти не оставалось, и все же Алексей продолжал посещать кружок Кирзнера.

Он заметил, что в последнее время Бруно Федорович появляется в кружке мрачный, неразговорчивый, занятия проводит нервно, часто раздражается. Когда он остается один, то сосредоточенно задумывается, ходит, ходит по комнате... Алексей как-то решился и спросил у него:

— Что вы такой невеселый?

Кирзнер положил ему руку на плечо:

— Эх, Алеша, Алеша... Есть, от чего быть невеселым. Я же вам как-то рассказывал... Понимаешь, сейчас наша партия переживает очень тяжелое время. Под раз-

ными предложениями меньшевики не выполняют решения Второго съезда. Хотя они и в меньшинстве, но решению большинства упорно не хотят подчиняться...

— Как же можно? А партийная дисциплина, о которой вы нам так много говорили?

— Для них нет ничего святого. Во многих местах меньшевистские лидеры захватили партийные центры и раскалывают партийные организации на местах. Это разрушает единство действий рабочего класса. А обстановка в стране такая, что требует полного сплочения сил партии и боевого единения пролетариата. Ну, ничего, не расстраивайся, — невесело улыбнулся Кирзнер, — выдюжим. Ленин требует созыва Третьего съезда партии. Там мы докажем, кто прав, а кто виноват. Будет новое руководство, обуздает меньшевиков. Ах, как не вовремя затеяли они эту свару...

В мореходной школе, в перерывах между занятиями, говорили о забастовках на судах. Моряки требовали повысить им жалование. Иногда пароходы простаивали целыми днями. Судовладельцы неистовствовали. Они требовали строгого наказания зачинщиков. Кое-кто был отправлен в тюрьмы, некоторые не вернулись из-за границы, бежали от репрессий.

Шепотом рассказывали о столкновениях рабочих с полицией и начавшихся забастовках на фабриках и заводах. В коридорах шли горячие споры о том, как офицеры должны относиться к матросам и имеют ли матросы право на одинаковое питание на судне, правильно ли поступают они, требуя от судовладельцев большего жалования, — ведь хозяева дают им работу... Мнения были самые разные. В зависимости от того, к какому слою принадлежал высказывающийся. Например, Эрнст Трейман, сын владельца небольшого парусника, презрительно сказал:

— Я всех этих бунтарей выбросил бы на берег, чтобы их потом никуда не брали. Обнагтели. Им и так хорошо платят.

— А если бы они выбросили тебя за борт? За то, что ты кормишь их тухлой солониной и гнилой картошкой? И платишь им на одну треть меньше, скажем, чем на судах Нудельмана. Спроси у Маттисена из третьего класса. Он плавал у твоего отца и рассказывал... — вмешался Алексей. — Не дай бог плавать с таким штурманом, как ты!

— Могу тебя заверить, что на моем судне ты никогда плавать не будешь. Нам не нужны такие подстрекатели. Мы берем на свою «Даугаву» ребят из нашей же деревни. Мы все как одна семья.

— Семья! — усмехнулся Алексей. — То-то Маттисен убежал из вашей семьи. А я на твоём вонючем корыте никогда плавать не буду. Лучше тюки таскать.

Такие ссоры возникали довольно часто. Россия бурлила, и это волнение коснулось всех слоев общества. Не осталась в стороне и мореходная школа.

Нападение японских миноносцев на русскую Тихоокеанскую эскадру взволновало всех. Началась русско-японская война.

Большинство учеников было настроено ура-патриотически, противника всерьез не принимали, неудачи считали временными. Что-то кто-то промазал, ну да ничего, все поправится... Всем хотелось видеть Россию сильной. Об этом трубили газеты. Собирались «закидать японцев шапками». Печатали портреты героев, георгиевских кавалеров, в одиночку уничтоживших десятки «азиатов». Но Алексей уже знал цену всему этому шуму и треску. На одном из занятий кружка Кирзнер читал Ленина. Там было ясно сказано, кому и для чего нужны войны. Логике Ленина возражать было невозможно.

В середине мая занятия в классах закончились, надо было идти на практику. По существующим правилам мореходная школа об этом не заботилась. Каждый сам подыскивал себе судно. Алексею никак не удавалось найти место. Не выручали даже морской мундир и рекомендация из училища. Капитаны предпочитали нанимать матросами более опытных людей. Пришлось прибегнуть к помощи Ивана Никандровича. Отец имел большие знакомства среди капитанов и судовладельцев. Скоро Алексея приняли на должность матроса второй статьи на небольшой пароход «Бирута». Судно ходило по европейским портам, часто бывало в Риге. За день до отхода в рейс Алексей пошел проститься с Кирзнером. Когда Бруно Федорович узнал, что Чибисов поступил на «Бируту», он очень оживился и обрадовался:

— Значит, на «Бируту» попал? Это хорошо, даже очень хорошо. Отлично, отлично... — пропел он и, сразу же становясь серьезным, сказал: — Ну что же, Алеша, дам тебе ответственное поручение. Опасное. Если провалишься, то тюрьмы не миновать. Ну как, справишься?

У Алексея забилося сердце. Он давно мечтал об этом. Теперь, наверное, Кирзнер доверит ему настоящее дело.

— Я все выполню, Бруно Федорович.

— Тогда слушай внимательно. На «Бируте» у нас есть свой человек. Преданный партии, проверенный. Это боцман, Василий Васильевич Лобода. Он говорил мне, что пароход ваш идет в Лондон. Так?

Алексей утвердительно кивнул головой.

— Оттуда нужно привезти листовки и литературу. Одному Василию Васильевичу сделать все, сам понимаешь, затруднительно. Ему нужен помощник, и таким помощником будешь ты. Выполняй все, что он скажет. Он все знает. Я тебе говорить ничего не стану. Адрес у Лободы есть, и, что тебе надо будет делать, он объяснит позднее. Вот так. Я его увижу и скажу о тебе. Все понял?

Кирзнер помолчал, пристально разглядывая Алексея, потом проговорил:

— Если произойдет какая-нибудь неудача, то нужно будет говорить то, чему научит тебя Лобода. Ни одной фамилии называть нельзя. Ты это тоже понимаешь?

— Все понимаю, Бруно Федорович.

— Ну тогда иди, Алеша. Помни, что нужно быть очень осторожным. Сейчас, в связи с событиями в России, жандармы усилили слежку за каждым пароходом, приходящим из-за границы, почти везде есть осведомители, суда встречают прямо на причалах... А «Бирута» уже под подозрением. Прошлый рейс устроили повальный обыск, перевернули все вверх дном. К счастью, ничего не нашли. Впрочем, там в тот раз ничего и не было. Ну, иди.

Кирзнер обнял Алексея, похлопал его по спине и выпустил из дома.

8

С Василием Васильевичем Лободой Алексей познакомился в первый день своего прихода на «Бируту». Это был типичный украинец, с хитроватыми, очень блестящими глазами, небольшого роста, с руками и грудью, испещренными цветной татуировкой, с борцовскими мускулами. Лихо закрученные кверху усы дополняли его портрет. Встретил он Алексея насмешливо. Оглядел со

всех сторон, остановил взгляд на погонах, на золоченых пуговицах, усмехнулся:

— Мореход, значит. Раньше не плавал? Работу не знаешь? Ничего, я тебя научу, как палубу подметать. А ты здоровый вымахал. Дяденька, достань воробышка! Будешь в подшкиперскую ходить, голову наклоняй,— у нас там подволоок низкий. Не ровен час, башка отлетит.

— Я ее в карман буду класть,— пошутил Алексей.

— Ну, добре. Идем, я тебе рундук и койку покажу. Рабочее платье есть или ты в этом мундире работать будешь?

— Есть.

Теперь, вспоминая эту встречу, Алексей никак не мог представить себе боцмана в роли подпольщика-революционера. Он скорее походил на служаку, «дракона», как называл своего боцмана Новиков.

Вечером следующего дня «Бирута» уходила в море. Кто из начинающих моряков не испытал этого волнующего чувства первого прощания с родным портом? Закрываются трюмы, опускаются стрелы, на мостике раздаются звонки — это проверяют телеграф, с шипением вырывается пар из свистка, проворачивается машина. Не пройдет и часа, как пароход отойдет. Вот капитан поднимается на мостик, и раздается долгожданная команда:

— Отдать носовые!

Течение медленно разворачивает нос на середину реки, отдают кормовые швартовы. Пароход, выбрасывая клубы черного дыма из трубы, быстро идет по направлению к морю. Дали полный ход! Мелькают знакомые строения, суда, стоящие у причала, набережная проносится мимо, там стоят люди и машут платками. Пароход дает три длинных гудка. Все. Прощай, Рига! Чувство необычайной легкости охватывает молодого моряка. Впереди лежит море, новые страны, неожиданные встречи и, кто знает, может быть, любовь...

Примерно такие чувства испытывал Алексей. После того как окончился аврал, наскоро очистили палубу и боцман отпустил подвахту отдыхать, он долго еще стоял на корме, любясь зелеными берегами Западной Двины.

Настроение было отличное. Он гордился тем, что наконец ему доверили настоящее дело, радовался тому,

что стал взрослым и скоро увидит море, и тому, что связан с такими замечательными людьми, как Кирзнер, и будет делать что-то очень нужное и важное.

Он все время приглядывался к боцману, ждал, что тот подаст ему какой-нибудь знак, — ведь должен же он был это сделать, если Бруно Федорович сказал ему об Алексее, но Лобода даже не смотрел на него. Может быть, Кирзнер не успел повидаться с боцманом перед отходом?

Напарником Алексею попался матрос первой статьи Пеструхин. Он не понравился Чибисову. Был какой-то липкий, въедливый, назойливый и очень болтливый. Сразу же, как они познакомились, отозвал Алексея в укромное место и зашептал:

— Слушай, хочешь в пай? Свои деньги, когда получишь в Лондоне, отдаешь мне. Я там кое-что куплю. В Ригу приедем — загоним. Есть у меня люди, которые с руками такой товар оторвут. Барыш пополам. Хочешь?

— Нет, не хочу. Может быть, куплю себе что-нибудь...

— Не доверяешь, значит? Эх ты, салага! Да знаешь ли ты, что Петр Пеструхин в своей жизни никого не обманул? — обиженно затараторил матрос. — Ладно. Не хочешь, как хочешь. Жалеть будешь.

Алексей подумал, что после этого разговора напарник обидится, станет относиться к нему плохо, но ничуть не бывало. Через час уже Пеструхин обещал ему, что, как только они вернутся в Ригу, он познакомит Алексея с одной «королевой» из «Русалки», — есть там одна девчонка, за что Чибисов должен угостить его пивом «от пуза».

Пеструхин не молчал ни минуты и, если они работали вместе, донимал Алексея расспросами: откуда он, кто у него отец, есть ли сестры, где живут? Помня наставления Кирзнера, Алексей отделывался короткими ответами, но Петра Пеструхина это не смущало.

Остальные четыре матроса — три латыша и один эстонец — были людьми пожилыми, неразговорчивыми, поглядывали на Алексея недоверчиво и недружелюбно. Как же! Мореход. Занял место настоящего моряка, а тот с семьей до сих пор безработный. Лезут эти мореходы всюду. Как клопы из щелей. А старые, опытные матросы не могут найти место даже в сезон. Боязнь потерять работу делала их несправедливыми.

«Бирута» была старым, но еще крепким пароходом. Качало ее неимоверно. В Северном море она попала в шторм. Качка на Алексея не действовала, чем очень остался доволен боцман, так как Пеструхин с зеленым лицом и мутными глазами еле-еле двигался по палубе. Его тошнило.

— Море бьет. Никак не могу привыкнуть. Уйду, видит бог, уйду,— говорил он Чибисову.

За сутки до прихода в Лондон Василий Васильевич позвал Алексея в подшкиперскую:

— Кранцы можешь плести?

— Учили. Умею.

— А ну-ка, начни.

Алексей распустил трос, разделил его на стренди и спросил боцмана:

— Одним концом заделывать или многими?

— Как хочешь.

Алексей начал. Боцман поглядел на работу и оставил его:

— Хватит. Знаешь. Это нам пригодится.

Василий Васильевич закурил трубку и начал молча переставлять ведра в углу. Алексей хотел уйти, но Лобода сказал:

— погоди, не торопись, парень. Завтра приходим в порт. Надо тебе все рассказать...

Боцман выглянул на палубу. Там никого не было. Пароход, переваливаясь с борта на борт, шел, временами зарываясь носом в волны. Тогда потоки воды широкой рекой бежали к надстройке. Вряд ли кому-нибудь придет шальная мысль гулять в такую погоду.

— Так вот...— проговорил Лобода, поворачиваясь к Алексею. — Надо, чтобы ты пошел по адресу, когда Пеструхин будет на вахте, иначе он к тебе обязательно привяжется. Один он на берег ходить не любит. Отделаться от него трудно. Будешь отказываться — вызовешь подозрения... Ты должен принести на борт чемодан...

— А он что, Пеструхин, продажный? Осведомитель?

— Как будто бы нет. Болтун и мелкий контрабандист. В общем, ненадежный человек. Не дай бог, если что-нибудь узнает.

— А как же, если я вернусь с чемоданом, а он на вахте? Заметит.

— Я за этим сам слежу. Отправлю его в форпик на полчаса — не вылезет. В десять вечера: на судне все

спят, динамо останавливают, горит только керосиновый фонарь у трапа, в порту темно. Это время самое удобное. Ну, а если все-таки кто-нибудь встретится, то чемодан большого удивления не вызовет. Все понемногу контрабандишку возят. Но лучше избежать всяких встреч и вопросов.

— Понятно.

— Значит, так. Вечером сойдешь на берег. Погуляешь. К девяти часам будешь на Виктория-стрит, восемнадцать. Позвонишь. Скажешь, что пришел от Кочеткова. Получишь чемодан, сядь на извозчика, ну, фиакр по-ихнему, и до проходной. Дашь шиллинг полисмену в воротах за то, что он тебе калитку отопрет, и к судну. Тут надо ухо остро держать. Постой где-нибудь в тени, пока меня не увидишь. Я тебе махну кепкой. Тогда быстро на пароход и ставь чемодан в подшкиперскую. Она будет открыта. Запомнил адрес? Виктория-стрит, восемнадцать, это недалеко от нашего места стоянки. Возьми деньги...

Боцман порылся в кармане, достал несколько серебряных монет.

— На извозчика и полисмену,— сказал он, протягивая их Алексею. — Теперь... Если каким-нибудь образом попадешься нашим офицерам или капитану, то будешь говорить так: какой-то человек в Лондоне попросил тебя за деньги доставить чемодан в Ригу. За ним там должны прийти и заплатить тебе еще. Что в чемодане, ты не знаешь. Он закрыт на ключ, а его тебе не дали. В общем, ты виноват, хотел заработать. Подробности придумай. Тебе, конечно, не поверят, но ты стой на своем. Может быть, в Риге в полицию сдадут и бить будут... Ты от своего не отступай. Это я все говорю тебе на всякий худой случай. Его не должно быть. Не впервой...

Алексей слушал боцмана внешне спокойно, но внутри у него все дрожало от радости. Вот оно, настоящее дело, о котором он мечтал. Опасное, требующее смелости, осторожности и смелости. Он все сделает. Лобода и Кирзнер останутся довольны. Его ничто не пугает.

— Ты не беспокойся, Алеша, все будет хорошо,— взглянув на Алексея и неправильно поняв его состояние, мягко сказал боцман. — Наше дело требует риска. Без него не обойтись.

— Я знаю, Василий Васильевич.

— Ну, тогда добре. Пока на этом все. Завтра придем, я Петьку в вечернюю вахту поставлю, а ты сразу на берег мотай...

Утром «Бирута» вошла в устье Темзы и, приняв лоцмана, пошла вверх. Алексей с интересом наблюдал за жизнью реки, о которой много читал и слышал. Навстречу шли десятки судов, паровых и парусных, многие перегоняли тихоходную «Бируту», проходили совсем рядом, и тогда Алексей слышал речь на незнакомых языках. По обоим берегам стояли сотни барж, дымили трубы заводов и фабрик, сновали прогулочные яхты. Темза не понравилась Алексею. Все здесь было серым, грязным, скучным. И небо, и нескончаемо тянущиеся по берегу строения, и желтые, мутные воды реки... Именно такой он и представлял себе Темзу.

После нескольких часов хода к «Бируте» подошел маленький буксирчик, принял с нее стальной конец и через неширокий шлюз затащил в закрытый бассейн, носящий название «Сэрри-док». Так сказал боцман.

Вечером, после окончания рабочего дня, помывшись и надев костюм, Алексей собрался на берег. Моросил дождь, хмурые тучи висели над городом, но было тихо и тепло. Недовольный Пеструхин, завернувшись в непромокаемый плащ, уже встал на вахту и топтался у трапа. Увидя проходящего Алексея, он занял:

— На берег идешь? Без меня? Не мог подождать! Эх, ты... Я бы тебе Лондон показал, к «Чарли Брауну» сходили, пива выпили бы... Не ходи, а? Завтра вместе пойдем. Все равно ты ничего тут не знаешь.

— Да нет... Я уже собрался. Пойду поброжу просто так. Хоть на улицы погляжу. А с тобой в следующий раз сходим.

— Вот дракон проклятый! Вечно он мне приходную вахту устроит. В прошлый раз приходная, в этот приходная... Буду чифу жаловаться. Ты хоть деньги сегодня не трать, Лешка. Ладно? Я тебе и купить что помогу,— ныл Пеструхин.

Видно, ему очень не хотелось стоять вахту и отпускать Алексея одного в город.

Чибилов сидел в кубрике. Все свободные от вахт давно сошли на берег. У большинства моряков здесь были знакомые, выходцы из Латвии. Иные шли в ба-

ры — выпить, а если не хватит денег, то и получить кредит до следующего прихода в Лондон. Молодые искали приключений на темных припортовых улицах.

Чибисов слышал, как на полубак поднялся Пеструхин, пробил три двойные склянки. Семь часов. Петька заглянул в кубрик. Увидя сидящего за столом Алексея, присвистнул:

— Еще не ушел? Передумал?

— Сейчас ухажу, — сказал Алексей, вставая.

— Ну и дурак! Погода — хороший хозяин собаку не выгонит, а он гулять собрался.

Алексей зашел в подшкиперскую. Лобода был там, прилаживал деревянную ступеньку к штурмтрапу.

— Я пошел, Василий Васильевич...

— Добре. Самое время. Все помнишь?

— Все.

Алексей помахал рукой Пеструхину, спустился с трапа. Петька показал ему фигу. Пройдя проходную, в дверях которой стоял высоченный полисмен в синем мундире и синей суконной каске, Алексей очутился на пустынной улице.

Пройдя несколько кварталов, Алексей вышел на длинную Комэршиэл-роуд. Стемнело. Фонарщик с лесенкой на плече зажигал газовые фонари. По этой улице надо было пройти влево, а там спросить, где находится Виктория-стрит. «Каждый покажет», — сказал ему боцман. Алексей так и сделал. Пройдя немного, он остановил какого-то англичанина и попросил показать путь. Хотя английский язык Алексея заставлял желать лучшего, — он изучал его только самостоятельно дома и в мореходной школе, — прохожий понял, чего он хочет, и, вежливо приподняв котелок, попросил следовать за ним: он идет в ту же сторону. Скоро они вышли на узенькую улочку, сплошь застроенную двухэтажными домиками с палисадниками.

— Это здесь, — сказал англичанин, снова приподнял котелок и повернул обратно.

Алексей без труда отыскал дом восемнадцать. Он ничем не отличался от соседних. Такой же двухэтажный, с палисадником перед фасадом. Алексей поднялся на две ступеньки вверх, позвонил. Долго не открывали. Потом Алексей услышал шаги, щелкнул замок, и его впустили в освещенную прихожую. Человек, открывший дверь, был худ, высок, черноволос, на носу пенсне. Он

пристально разглядывал Алексея, ожидая, что тот скажет.

— Я пришел от Кочеткова,— по-русски произнес Чибисов.

Черноволосый улыбнулся, протянул руку:

— Ну, здравствуйте, товарищ. Мы уже жаждались. В порту нам сообщили, что ваш пароход ожидали вчера.

— Шторм задержал, а то, пришли бы вовремя.

— Пойдемте наверх. Для вас все приготовлено. Я знаю, что времени терять нельзя.

На второй этаж вела витая деревянная лестница. В маленькой, уютно обставленной комнате хозяин, извинившись, оставил Алексея одного, сказав, что сейчас принесет чемодан.

Вскоре он вернулся, держа в руках большой блестящий чемодан.

— Тяжеловат. Тут два брезентовых мешка с литературой. Сделали, как просили в прошлый раз. — Пошли,— сказал он, пропустив Алексея вперед. — До свидания. Успеха вам во всем.

Дверь распахнулась, и Алексей остался на улице один. Чемодан действительно оказался тяжелым. Надо нанять фиакр. Дотащив свою ношу до Комэршиэл-роуд, Алексей остановился под фонарем. Он вынул из кармана часы. Четверть десятого. Надо торопиться. На улице ни души. В отдалении хрипло пел пьяный. К счастью, показались фонари приближающегося фиакра. Алексей вышел на середину улицы, поднял руку. Экипаж остановился. Кучер в цилиндре, с длинным бичом в руках, подозрительно поглядел на Алексея, когда тот назвал портный район. Вероятно, в такую пору фиакры ездили туда редко, но, увидев чемодан, назвал непомерную цену. Алексей не стал торговаться.

Не доезжая до проходной, он расплатился с кучером и, приготовив шиллинг для полицейского, как учил боцман, зашагал в порт. «Бобби» вышел ему навстречу, покосился на чемодан, получил от Алексея монету и, повернувшись спиной, показывая этим свое полное равнодушие к тому, что несет матрос, ушел в будку.

Причал, где стояла «Бирута», был погружен во тьму, если не считать двух фонарей, стоящих в отдалении, да закопченной керосиновой лампы с круглым стеклом, привязанной у трапа. Стараясь держаться подальше от стенки, Алексей выбрал штабель с мешками, покрытый

брезентом, сел около него на чемодан и принялся наблюдать за пароходом. Отсюда хорошо видны трап, площадка и кусок надстройки. Алексея же заметить было невозможно,—его скрывала темнота. На «Бируте» пробили склянки. Десять. Алексей слышал, как стучит его сердце, нервы напряглись до крайности. Вот сейчас он начал волноваться. А что, если боцман не сумеет убрать Пеструхина от трапа? Или случится что-нибудь непредвиденное? Как тогда поступать? Везти чемодан обратно? Или спрятать его в порту? Возникли десятки вопросов, которых они с Лободой не предусмотрели. Да всего и не предусмотреть. Боцман не появлялся. Волнение с еще большей силой охватывало Алексея. Неужели что-нибудь случилось?

Наконец на палубе раздались негромкие голоса. Алексей прислушался. Говорил боцман. Алексей сразу узнал его бас. А вот тонко засмеялся Пеструхин. Что они говорили, разобрать было нельзя. Прошло еще минут пять. На площадку парадного трапа вышел боцман, помахал кепкой. Пора! Алексей схватил чемодан, добежал до трапа, быстро поднялся и, не говоря боцману ни слова, пошел в подшкиперскую. Поставив чемодан, прикрыл дверь и хотел юркнуть в кубрик, но увидел Пеструхина, стоящего у бачка с водой с кружкой в руках. Матрос ухмылялся.

— Я все видел,—тихо сказал он.— Значит, с драконом спаровался, салага...

9

Тина Подгоецкая вернулась в Ригу в середине лета. Приехала на каникулы. Она очень повзрослела за зиму, выглядела совсем барышней, носила высокую прическу, длинную юбку, лакированные туфельки на каблучке. Тина училась на Бестужевских курсах.

Владимир Николаевич Подгоецкий и его жена Ирина Сергеевна одобряли желание дочери учиться дальше. Вся передовая интеллигенция Риги много говорила об эмансипации женщин и недавно открывшихся в Петербурге курсах Бестужева. Туда стремились поступить дочери из самых образованных семей. Это было модным.

Правда, в глубине души Владимиру Николаевичу эта затея представлялась несерьезной. Не будет же его

Тина учительницей в какой-то народной школе. Нет, конечно. Наверное, скоро выйдет замуж за знакомого молодого инженера, родит детей и станет их воспитывать... Но ничего плохого в курсах он не находил. Дочь станет образованнее, только и всего.

Тина переехала в Майоренгоф, где Подгоецкие снимали дачу. Лето выдалось отличное. Пляж был переполнен. Дачники наслаждались. По всему берегу, прямо из воды, торчали плетеные корзинки-купальни с приделанными к ним специальными колесиками. На них загорелые молодые люди и служащие пляжа вывозили дам в полосатых костюмах «джерси» на глубину. Господа посolidнее, в кремовых брюках, соломенных канотье, с биноклями в руках, сидели на скамейках и разглядывали купальщиц. Вот тут-то и встретилась Тина с Буткевичем.

Проучившись год в Юрьеве, Марк приехал на лето к родителям и почти ежедневно ездил на майоренгофский пляж купаться. Он подплыл к Тине, когда она, подпрыгивая, визжала в воде, и, улыбаясь, сказал:

— Какая трусиха! Ведь вода совсем теплая. Ба, да это Тина Подгоецкая, моя первая юношеская любовь. Уж теперь-то мы познакомимся наверняка.

Тина хотела рассердиться за такое развязное начало, но Марк так мило подтрунивал над нею, что девушка тоже начала смеяться.

Когда молодые люди вышли из воды, то уже чувствовали взаимную симпатию. Они выбрали место за песчаным холмиком — он закрывал от ветра — и растянулись на горячем песке. Марк, загорелый, с вьющимися волосами, ослепительной улыбкой, нравился девушкам. Он знал это, а сейчас особенно старался произвести на Тину впечатление. Непрерывно острил, отпускал едкие замечания о купающихся мужчинах, давал шуточные характеристики проходящим мимо дамам. Марк казался Тине непосредственным и искренним.

— А помните, Тина, мою записку? — говорил Марк. — Как это было все смешно. Правда? В ней я написал: «Я объявил тебя своей «обже». Имей это в виду. Другого мальчишки быть не должно, не то будет иметь дело со мной». Помните? Или что-то в этом духе.

— Помню, — засмеялась Тина. — И все-таки, несмотря на ваши угрозы, другой мальчишка нашелся...

— К сожалению. Для меня это было большим ударом. — Марк вздохнул. — Мы даже подрались с Чибисом из-за вас. Он мне расквасил нос, и, по законам училища, я потерял право считать вас своим «предметом». Как джентльмен, отошел в сторону...

— Значит, не очень хотели, чтобы я им оставалась. Разве преданные поклонники уходят после первой же неудачи? — поддразнивала Марка Тина. — Не нравились я вам, лучше так прямо и скажите.

— Нет, не скажу. И бой этот я проиграл случайно. Был не в форме. Болен, с температурой... Переступить законы училища я не мог. Меня бы стали презирать. А где, между прочим, Чибис?

— Не знаю, — пожала плечами Тина. — Я не видела его целую вечность. Плавает где-нибудь. Он собирался в мореходные классы...

— Скучаете, наверное? Ведь он за вами последнее время ухаживал.

— Скучаю, — с вызовом ответила Тина. — И не будьте слишком любопытным. Я этого не люблю.

— Хорошо, не буду, Тиночка. Просто я завидую ему...

— Оставьте. Лучше расскажите, как вам учится в Юрьеве. Я слышала, что студенты все время бунтуют? Правда это?

— Да, правда. Наши студенты прогрессивны и понимают, что самодержавие задерживает развитие России. Нужна свобода. Во главе государства должны стоять честные интеллигентные люди и промышленники, — важно проговорил Буткевич. — Тогда мы сможем встать в одну шеренгу с европейскими странами. Посмотрите, как мы отстали.

— У нас на курсах тоже много говорят о самодержавии и революции. Я далека от этого. Зачем что-то менять? Придут к власти грубые, некультурные люди, что тогда будет?

— Нет, нет, вы меня не так поняли, Тина. Конечно, у власти должны стоять не эти чумазые рабочие и воюющие крестьяне. Это было бы ужасно! Только лучшая часть интеллигенции и состоятельные промышленники будут править Россией...

— Не понимаю, — фыркнула Тина, — стоит ли тогда огород городить?

— Стоит. Для того, чтобы двинуть нашу страну вперед. Дать возможность развиваться предприимчивым,

талантливым, способным людям. А при самодержавии это невозможно...

— Какой вы скучный, Марк,— зевнула Тина. — Все о политике да о политике. Я ее ненавижу. По-моему, нет ничего скучнее.

— Может быть, для женщин. Сдаюсь, прошу прощения и больше о политике ни слова. Долго пробудете в Риге?

— Не знаю. Должно быть, нет. Папа предлагает поездку на Средиземное море.

— Счастливая! — вздохнул Буткевич. — Нам это недоступно. Но пока вы здесь, я ваш кавалер. Согласны?

— С удовольствием, если не будете говорить о политике.

— Я же дал слово. Только о любви.

— Ну, посмотрим, на что вы способны,— кокетливо улынулась Тина. — Это уже интереснее.

10

Когда Алексей увидел ухмыляющегося Пеструхина, он растерялся. Что делать?

— Со мной не захотел войти в компанию, а с драконом связался,— повторил матрос, постукивая пальцами по донышку кружки. — Ну, и чем торговать собрались, а?

Алексей молчал. Напряженно думал.

— Да ты говори, не бойся. Пеструхин еще никого не продавал.

— Отрезы костюмные,— выдавил из себя Чибисов, вспоминая, как один из однокурсников говорил, что в Риге английские материалы ценятся высоко.

Пеструхин засмеялся:

— Дураки, право слово, дураки. И тот старый и этот малый! Кто тебе советовал? Дракон? Заработаете от жилетки рукава. Копейку на аршин. Если бы со мной был в паре, кое-чему я тебя бы научил. Вот так, друг.

— В следующий рейс с тобой на пару, Петя... Возьмешь?

— Не следовало бы... Ну да ладно, возьму. Только ты смотри, больше ни с кем... Понял? Рассчитывать буду,— проговорил Пеструхин, ставя кружку на бачок и направляясь в форпик.

Пеструхин знает! Эта мысль не давала покоя Алексею. Надо немедленно сказать об этом Лободе. Он тихо прошелся по палубе, поднялся к трапу. Боцман стоял у площадки, курил. Увидя Алексея, он удивленно спросил:

— Все в порядке? Почему не спишь? Спать надо.

— Пеструхин видел! — прошептал Чиби́сов.

Боцман со злостью кинул окурок за борт.

— Видел, говоришь? Не может быть! Ну-ка, расскажи все, как было.

Алексей подробно описал свою встречу с матросом, повторил то, что он сказал ему. Лицо Лободы стало хмурым и озабоченным.

— Вылез из форпика попить воды... — проговорил боцман. — Думаю, что случайность. В форпике на час-полтора работы... Он поверил тебе?

— По-моему, поверил.

— Значит, так, — после некоторого раздумья сказал Лобода. — Будем придерживаться этой сказки. Ты ему, если зайдет еще разговор, скажи, что у боцмана заказ есть на материалы в Риге, поэтому ты и согласился. Заказ — дело верное, да и как боцману откажешь? Он, мол, сам предложил. Вот так... — Лобода несколько секунд подумал. — Ну, а если попадемся... Ты знать ничего не знаешь, ведать не ведаешь. Врет, мол, Пеструхин. Утром я мешки из чемодана выну и начну оплетать их смоленным концом, как будто новые кранцы¹ делаю. Ни один черт не догадается! Придем в Ригу, при швартовке кранцы за борт, и вся недолга. Тебя на оплетку завтра поставлю. Работать нужно быстро. А сейчас иди спать. Вот-вот Петька вернется.

Алексей ушел в кубрик успокоенный. План боцмана ему понравился. Пеструхин все еще гремел ведрами в форпике. Алексей улегся в койку. Сон не шел. В голове теснились мысли о событиях сегодняшнего дня.

Утром свободный Пеструхин отправился в город. Боцман вызвал Алексея в подшкиперскую. С подволока спустились два начатых кранца. Лобода времени не терял.

— Давай делай побыстрее, Алеша. Один я, другой ты. Пока твой напарник с берега не вернулся.

¹ Кранцы — мешки с пробковой крошкой, оплетенные концами. Служат для предотвращения ударов судна о причал.

Они принялись работать. Скоро брезентовые мешки с литературой виднелись только снизу. Получились красивые, оплетенные смоляными концами шары.

— Самое трудное, Алеша, впереди, — говорил боцман, ловко затягивая петли, — «Бирута» под подозрением. Где-то, видимо, есть провокатор. Где и кто, установить пока не удалось. Когда ты брал литературу, тебя никто ни о чем не спрашивал? Ты не назвался?

Алексей старался припомнить, восстановить в памяти каждую мелочь.

— Нет. Я сказал пароль, и все. Но они знали, что я с «Бируты». Ждали прихода судна в Лондон.

— Так, так... Там должны быть надежные люди, но кто его знает, возможно, и туда проникла какая-нибудь сволочь. У третьего отделения щупальца длинные... В общем, не стоит гадать. Если придем в Ригу и нас встретят, значит, что-то неладно.

К вечеру оба кранца были готовы. Боцман бросил их в угол подшкиперской.

— Выходим на швартовку, ты берешь один, я — второй. По команде с мостика или по обстановке спускаем за борт, поближе к форштевню, так, чтобы судно на них не очень давило, привязываем и уходим. Пусть ищут.

Вернулся из города Пеструхин. В руках он держал небольшой пакет. Матрос тайно подмигнул Алексею и, показывая на сверток, тихо сказал:

— Выдал? Вот и все. А ты какие-то отрезы. И прятать легко, понял?

— Здорово! — искренне восхитился Алексей. — Правда, надо было мне сразу с тобой... А что это?

— Следующий раз, — покровительственно похлопал Пеструхин Алексея по плечу. — Много будешь знать — скоро состаришься.

Он скрылся в кубрике и долго копался где-то в самом носу. Чибисов не стал ему мешать.

Алексей заметил, что коچهгары и матросы приходили с берега с пакетами. Одни с большими, другие с маленькими. Он вспомнил рассказы старого Круминьша. Все понемногу «промышляют» контрабандой. Жалованья не хватает, особенно семейным.

«Бирута» погрузила стальные листы и пошла в обратный рейс. Казалось, Пеструхин забыл про чемодан и Алексею о нем не напоминал. Только один раз, когда

Лобода изругал Петьку за плохо выкрашенные ведра, матрос нагло, чего обычно не бывало, сказал:

— Ты, Василийч, особенно-то не разоряйся. Мы тоже кое-что знаем, да молчим. Не ровен час, проболтаюсь по пьянке где не нужно, а?

— Давай чеши языком больше, — проворчал боцман. — Одно другого не касается. Будешь болтать о чем не надо, так моряки тебе все ребра пересчитают. Забудешь дорогу на пароход. Ведра перекрась. Сам видишь, огрехи.

Угроза боцмана подействовала. Петька прекрасно знал, что бывает с теми, кого уличали в доносительстве таможене. Он лстыиво сказал:

— Да что ты, Василийч, всерьез принял? Разве я позволяю? Пошутил я. А ты за что на меня набросился? Переделаю. Перекрашу твои ведра.

— Вот так-то лучше. Ведь сам видишь, что напортил, — спокойно сказал боцман, отправляясь к себе в подшкиперскую. Он не хотел раздражать Пеструхина, зная его неуравновешенный характер. Обозлится чего доброго и ляпнет в сердцах про чемодан.

11

Начальник жандармского управления Риги, подполковник Серафим Леонидович Курьянов, сидел в своем кабинете за большим письменным столом. Он рассеянно вертел в руках разрезной мельхиоровый нож с малахитовой ручкой. Когда Курьянова что-нибудь беспокоило, он всегда брал в руки этот нож. Подполковник любил прикасаться к холодному зеленоватому, прозрачному камню. Это успокаивало его. Нож был одним из предметов массивного чернильного прибора, который подарили начальнику его подчиненные в день пятидесятилетия с трогательной гравировкой на серебряной табличке: «Верному сыну царя и отечества, его превосходительству Серафиму Леонидовичу Курьянову. Сратники».

Надпись тоже доставляла удовольствие, но сейчас Курьянов был озабочен и не обращал на нее внимания. Не ладилось с заграничными источниками информации.

Курьянов встал, походил, заложив руки за спину, по кабинету, подумал, потом решительно открыл дверь в соседнюю комнату и распорядился:

— Попросите ко мне ротмистра Лещинского.

Через минуту в кабинет вошел высокий человек с узким бледным лицом, близко поставленными черными глазами и небольшой «разночинной» бородкой. Одет он был в хорошо сшитый штатский костюм и походил на процветающего коммерсанта.

— Вызывали, Серафим Леонидович? К вашим услугам.

— Вы садитесь, Николай Николаевич, — кивнул на кожаное кресло Курьянов. — Разговор будет длинным.

— Весь внимание, — почтительно склонил голову Лещинский, усаживаясь в кресло. — Слушаю вас, Серафим Леонидович.

Курьянов подошел к столу, взял серую папку, передал ее Лещинскому и только тогда уселся в кресло напротив.

— Вы знакомы с телеграммой, которую дал Серебряный из Лондона? Так вот, он сообщает: «Груз идет на «Бируте». Сопровождающий неизвестен». Плохо, очень плохо, дорогой Николай Николаевич. Он совсем не может работать, этот ваш Серебряный! В прошлый раз он сообщил о грузе на «Бируте», и там ничего не нашли. Мы перевернули вверх дном весь пароход и вряд ли могли пропустить что-нибудь. Значит, соврал. Зря деньги получает.

Курьянов щелкнул крышкой золотого портсигара, закурил папиросу.

— Видите ли, Серафим Леонидович, — осторожно начал Лещинский, — Серебряный очень старается. Я это знаю. Но дело в том, что ему никак не удастся войти в ту среду эмиграции, которая интересует нас. Ему полностью не доверяют. Законспирировано там все очень хорошо. Народ они опытный, вероятно, учитывают возможность проникновения к ним наших людей. Поэтому, несмотря на все старания Серебряного, ему не все удастся...

— Не все! — иронически хмыкнул подполковник. — Ничего ему не удастся.

— Ну почему же так несправедливо, Серафим Леонидович? Ведь он дал чрезвычайно ценную информацию об организации и внутренних разногласиях.... Кое-что он узнаёт. Не все, конечно. Но я считаю, что лучше несколько раз ошибиться, чем один раз пропустить.

— Так-то оно так, — кисло проговорил Курьянов, вдавливая окурок в пепельницу. — Но нам совершенно необходимо знать, кто возит нелегальщину и на каких судах. Время-то какое, сами видите! Кругом бунтуют. А тут литература, листовки. Как керосин на горящие дрова! Я, например, полагаю, что у нас слабо обстоят дела с получением сведений непосредственно с пароходов.

— Не так плохо, Серафим Леонидович. Я могу принести списки судов, на которых плавают наши люди.

— Не трудитесь. Есть у вас кто-нибудь на «Бируте»?

Лещинский пошевелился в кресле:

— На «Бируте» пока никого, к сожалению, нет. Не успели еще подобрать.

— Вот видите... Нехорошо, нехорошо! Скверно работаем. Вообще не нравится мне эта «Бирута». Капитан там какой-то «красный». В прошлый раз, когда делали обыск, наши люди обратились к нему за содействием, так знаете, что он заявил? «Вам надо, вы и действуйте, а я не сыщик». Повернулся и ушел в каюту.

— Знаю. Именно так это и было, — согласно кивнул Лещинский. — Ну, мы при случае вспомним ему это. Есть на «Бируте» один парень, любитель легких заработков, бабник и пьянчужка... В грошлый приход в «Русалке» с ним весь вечер провел наш человек. Опытный вербовщик. Но матрос быстро захмелел или сделал вид, что опьянел, и толку от него агент не добился. Может быть, в этот раз что-нибудь выйдет.

— Скорее все надо делать, скорее, — недовольно сказал Курьянов и закурил новую папиросу. — Время не ждет.

— Понимаю, но не все в моих силах, — обиженно развел руками Лещинский. — Я ни на минуту не забываю о времени и работаю день и ночь...

— Я знаю, что вы работаете много, дорогой Николай Николаевич, — примирительно сказал подполковник. — Я не обвиняю, а только убедительно прошу вас активизировать работу наших агентов. Ну, а «Бируту» придется встретить и повторить все сначала, даже если и на этот раз ваш Серебряный ошибся. Добыть бы нам «сопровождающего»! Быстро раскрутили бы клубочек.

— Добудем, — убежденно сказал Лещинский. — Рано или поздно попадется.

Подполковник вздохнул. Лещинский был оптимистом и щедрым на обещания.

— Хорошо, Николай Николаевич.— Курьянов встал с кресла, тотчас же вскочил и Лещинский.— Я вас больше не задерживаю. И еще раз, пожалуйста, подумайте о заграничной информации. Может быть, поискать в Лондоне кого-нибудь другого? Или послать человека отсюда? Я могу пойти и на это.

— Пока не нужно. Посмотрим, что получится на этот раз с «Бирутой». Если опять ничего, начнем принимать меры.

— Ну, хорошо. Пусть будет по-вашему.

Лещинский, щелкнув каблуками, вышел из кабинета, а подполковник сел за стол и принялся листать документы.

«Так-с. Серебряный — кличка по третьему отделению... Настоящая фамилия — Гуз Александр Осипович... Эмигрировал в тысяча девятьсот первом году, в связи с делом эсеров... Эсер... Социал-революционер... Плохо. Надо, чтобы был социал-демократ, большевик. Естественно, что этому Серебряному не верят. Менять, менять надо источник в Лондоне...» — раздумывал над зеленой папкой подполковник Курьянов.

12

«Бирута» пришла в Ригу рано утром. Город спал, но солнце уже отражалось огненными пятнами в окнах домов, на золоченых шпилях, куполах церквей. Работы в порту еще не начались. У стенки дремали суда с голыми флагштоками. Время подъема флагов не наступило. По палубам сонно бродили одинокие фигуры вахтенных матросов. На причалах было пустынно и непривычно тихо. Только у одного толпились люди. Туда, к этому причалу, направлялась «Бирута», подчиняясь указаниям лоцмана.

Алексей, боцман Лобода, матросы Линде и Муйжурай швартовались на баке. Чибисов волновался. Он крепко сжимал конец, на котором был подвешен крапонец, прислушивался к командам с мостика.

— Ожидают,— тихо сказал ему боцман, когда «Бирута» малым ходом стала подходить к причалу.— Ничего, не дрейфь.

На мостике прозвонил телеграф. Застопорили машину. Теперь судно шло по инерции. Вот оно уже совсем близко, можно рассмотреть лица полицейских и таможенников. Среди них — жандармский офицер...

— Подать носовой! — закричал в мегафон третий штурман. — Кранцы готовы!

Наконец-то! Алексей с усилием поднял тяжелый шар, перекинул его за поручни. Матросы подавали швартовы.

— Кранцы! — скомандовали с мостика.

Боцман подвел свой кранец к причалу, судно, чуть коснувшись его, привалилось к стенке.

— Чибисов! Привяжи свой кранец поближе к носу и пошли ставить парадный трап, — распорядился боцман.

Алексей закрепил кранец там, куда приказал Лобода, приспустил его и теперь уже спокойно пошел на спардек. Через несколько минут они наладили трап, обтянули тали¹. Можно принимать «гостей». Боцман стоял на площадке. Лицо его расплылось в угодливой улыбке, как бы говорящей: «Готов служить». Когда мимо него проходил офицер, он почтительно поклонился:

— Здравия желаем, ваше благородие.

Жандарм мельком взглянул на боцмана, небрежно приложил два пальца к козырьку фуражки.

В кают-компании за столом сидел злой как черт капитан «Бируты» Карл Озолинь. Толстый, красный, с большим круглым брюхом, он напоминал перезрелый помидор. Чуть коснешься — брызнет сок. Маленькие серые глазки глядели сердито, густые брови стояли торчком. Как только в дверях показался жандармский офицер, капитан, не здороваясь, спросил тонким раздраженным голосом:

— Когда кончится это издевательство, господин офицер? Можно подумать, что только на моей «Бируте» перевозят контрабанду! Прошлый раз чуть не разломали весь пароход, разворотили обшивку в кубриках и каютах. Ничего не нашли. А кто должен чинить? Кто будет платить за это деньги? Я буду жаловаться в Петербург...

¹ Тали — система из тросов и блоков, служащая для подъема тяжестей.

— Успокойтесь, капитан. Не следует говорить глупости,— строго сказал жандарм, бросая свою фуражку и перчатки на стол. — Государственные интересы требуют нашего присутствия здесь. Пора бы это знать. Мы имеем точные сведения, что именно на вашей «Бируте» привезли нелегальную литературу. Было бы лучше, если бы вы помогли нам и сказали, кто из ваших людей может этим заниматься. Или все делается с вашего ведома? Тогда...

Капитан выпучил глаза, сделался еще краснее, чем был. Казалось, что его сейчас хватит апоплексический удар.

— Вы... Вы с ума сошли! Не забывайте, молодой человек! С моего ведома! Как вы могли додуматься до такого? Я имею орден за верную службу государю императору. Так вот. Заявляю, что ничего по этому поводу не знаю и знать не хочу. Я уже говорил об этом прошлый раз. Ищите, если имеете точные сведения.

— Кого можно взять из ваших надежных людей для осмотра парохода?

— Берите любого и, черт возьми, делайте, что хотите!

Офицер натянул фуражку, вышел на палубу. Боцман все еще стоял на траповой площадке.

— Пойдешь с нами,— коротко бросил ему жандарм.

— Слушаюсь, ваше благородие,— сказал Лобода и пошел вслед за офицером.

За ним потянулись таможенники и полицейские.

Кажется, никогда они не проявляли при досмотре такого рвения, как в этот раз. Боцман оказался на высоте. Он водил жандарма по самым труднодоступным местам, заглядывая ему в глаза и говорил:

— Сюда еще не смотрели, ваше благородие. Может, тут где-нибудь заховали?

Усталый офицер приказывал:

— Лешаков, ну-ка, залезь посмотри... — И толстозадый, откормленный полицейский, проклиная в душе офицера, литературу, боцмана, втискивался в тесный форпик. Освещая узкое помещение керосиновым фонарем, он обследовал там каждый угол и наконец, перепачкавшись цементом, ржавчиной, краской, вылезал и доскладывал, стирая с лица обильный пот:

— Ничего не обнаружил, ваше благородие.

Боцман огорченно разводил руками:

— Може в другом месте где пошукаем?

Таможенники, с черными от угольной пыли лицами, острыми шупами паськвозь «прошивали» угольные пласты в бункерах. Обыскивали машинное отделение, поднимали слани¹, задезали под плиты. Кое-что из контрабанды обнаружили, но того, что так тщетно искали, не было.

Всю команду согнали на палубу ко второму трюму и запретили сходить с места. Матросы и кочегары стояли, обмениваясь негромкими ироническими замечаниями. Те, у кого нашли контрабанду, молчали, предвидя неприятности, да и потерянных денег было жаль.

Алексей сидел на люке, неотступно провожая глазами полицейских. Ему казалось, что вот-вот кто-нибудь из досматривающих догадается и вытащит из-за борта кранец. Он старался отогнать от себя эти мысли. А вдруг они на расстоянии передадутся фараонам? Говорят, что так иногда бывает, если упорно думать об одном и том же. Алексей оцепенел, когда один из таможенников перегнулся через поручни на баке, заглянул за борт.

Рылись на «Бируте» больше четырех часов. Команда ворчала. Надоело стоять на палубе. Свободные от вахты рвались домой. Наконец, посоветовавшись с таможенниками, жандармский офицер разрешил распустить команду. По кубрикам расходились недовольные, злые. Двух кочегаров и матроса Линде увели в кают-компанию составлять протокол. В их рундуках под сланями нашли контрабанду. Когда все кончилось, команда высыпала на палубу провожать «гостей».

Кто-то крикнул вслед полицейским обидное слово «шкуру», моряки зашумели, и только жест жандарма, схватившегося за кобуру, заставил моряков замолчать.

У дверей своей каюты стоял капитан Озолин. Он улыбался. Был доволен. Второй раз на его «Бируте» ничего не нашли. Может быть, отстанут теперь, идиоты!

Пеструхин остановил Алексея, шепнул ему:

— Видал-миндал? У меня все цело. Не усмотрели ншейки. Я тебе говорил... А у вас? Не нашли?

— Как будто бы нет.

¹ С л а н ь — деревянный или металлический настил в корпусе судна.

— Не найдут. Думаешь, я не понимаю? Дракон нарочно от своего места их отводил. У Линде целый фунт шпанских мушек взяли. Не повезло. Несколько рейсов на них деньги копил. У Пеструхина бы учились, как прятать,— хвастливо сказал он.— Так пойдем в «Русалку»? С Лилькой познакомлю. Ты свободен?

— На вахте. Лобода предупредил.

Пеструхин прищурил глаза:

— Понятно. Меня не обманешь. Выносить будете? Алексей пожал плечами. Скоро пароход опустел. Все, не занятые вахтой, отправились по домам — расфранченные, побритые, благоухающие дешевым одеколоном, с пакетами в руках. Подарки родным. Матросы, оставшиеся на судне, лениво двигались по палубе, налаживали стрелы, прогревали лебедки. Через час должна начаться выгрузка. У боцмана был вид именинника. Он шутил, помогал работать, сыпал прибаутками:

— Веселей, хлопцы, веселей! Лилька уже ждет вас в «Русалке». «Духи»¹, шуруйте лучше, чтобы лебедки крутились быстрее, закончите работу — и айда. Не забудьте выпить чарочку за своего боцмана, который не сможет составить вам компанию.

Вечером, когда закончился рабочий день и на всем судне остались четыре человека — штурман, механик, кочегар и матрос, на палубе появился Лобода, одетый в костюм, белую рубашку с галстуком и новые ботинки. Он по-хозяйски походил по судну, попробовал ногой натяжение швартовов, потравил трап-тали и, увидя стоящего на спардеке Чибисова, громко сказал:

— Ты на вахте, Леха? Подметешь спардек, смажешь талрепа², протрешь ветошью ламповые стекла. Это тебе задание. Да... Вот что еще. Перенесешь два кранца с носа на левый борт. Может, кто будет швартоваться.— И, наклонившись к нему, тихо добавил: — Потравишь до воды. Понятно? Ночью их возьмут. Счастливой вахты, Леша.

Лобода зашел в кают-компанию доложить третьему штурману, что уходит, и спустился с трапа. На берегу он повернулся к судну, помахал Алексею кепкой, улыбнулся. Алексей понял. На душе у него стало спокойно.

¹ «Духами» называли кочегаров.

² Талреп — приспособление для натягивания снастей и крепления на судне различных предметов по-походному, имеет винтовую нарезку.

Дело сделано. Теперь беспокоиться не о чем. Он не торопясь принялся за работу. Подмел, почистил фонарные стекла. Начинало темнеть. Алексей повесил зажженный фонарь к трапу, заглянул в иллюминатор кают-компании. Механик и штурман играли в карты. Он перетащил два тяжелых кранца на левый борт, потравил концы, как велел боцман. Оставалось расхаживать талрепа, смазывать их жиром. Ну, это можно делать сидя у трапа. В полночь механик остановил «динамо». «Бирута» погрузилась в темноту. Только тускло светил фонарь у сходни. Штурман прилег на диван. Он набегался за день. Ночь пришла темная, пасмурная. Ни звезд, ни луны.

«Хорошо,— подумал Алексей. — Будут брать кранцы — никто не заметит. В такую погоду портнадзиратели сидят у себя в сторожке».

И все же он напряженно прислушивался к малейшему звуку. Вот что-то зашуршало у левого борта. Алексей отложил талреп. Тишина. Галлюцинация слуха? Наверное, так. Он снова взялся за прерванную работу.

Прошло два часа. Где-то вдалеке прогудел пароход, и снова все стихло. Но в тот же миг обостренный слух Алексея уловил легкий удар в левый борт. Он скорее почувствовал его, чем услышал. Так обычно стучается сдерживаемая веслами лодка. Алексей встал, но не успел перейти на другой борт. На берегу раздался заливчатый свисток, и чей-то голос истощно закричал:

— На «Бируте»! На «Бируте»! Воры! Держи воров!

По причалу топали тяжелые шаги. У Алексея замерло сердце. Неужели не успеют? На трапе появился портнадзиратель.

— Спишь, раззява! — заорал он. — Воры к вам лезут!

Он бросился на левый борт. Алексей последовал за ним. У причала застучал мотор катера. Видно, свисток разбудил охрану. Из кают-компании на шум выскочил вахтенный штурман:

— Что случилось, Чибисов?

— Не знаю. Вот надзиратель говорит, что на судно воры лезли. Я ничего не заметил.

Все перегнулись через борт.

— Пропустили, черт бы их побрал,— разочарованно сплюнул надзиратель. — Ясно же видел.

— Как же вы их в темноте ясно видели? — насмешливо спросил штурман. — Померещилось?

— Не беспокойся, у меня глаз наметанный. Как кошка вижу. Шел у вашего парохода, гляжу, на воде тень черная метнулась. Ну, ясно дело. Со шлюпки лезут. Тут я засвистел...

— Эх, голова! Свистеть-то подождать надо было. Вот и спугнул воров.

— Спугнул! Лучше спугнуть, чем вы брезента бы недосчитались. Был недавно такой случай на пароходе «Юпитер». Матрос проспал.

— Ну, а я не спал, — усмехнулся Алексей. — Вот талрепа расхаживал.

— Не спал! — передразнил его надзиратель. — Все вы не спите, а потом жалобы приходят в управление порта. На нас, что плохо смотрим. То одно ночью украли, то другое. — Он еще раз глянул за борт. — Ладно. Я пойду. Смотрите в оба.

Надзиратель спустился на берег. Штурман зевнул, поежился, закурил папиросу.

— Ты, верно, гляди как следует, Чибисов. А то так весь пароход растащат, — сказал он и ушел в кают-компанию.

— Есть глядеть в оба! — весело крикнул ему вслед Алексей. Теперь он знал, что операция прошла удачно. Но и переволновался же он, когда этот осел засвистел...

Снова наступила тишина. Алексей подождал немного, подошел к концам, на которых висели кранцы, выбрал их на палубу. Оба были ровно обрезаны. Он аккуратно сложил их в бухты и бросил под шлюпку. Появится боцман — уберет куда надо.

Лобода пришел рано утром. Он взглянул на Алексея, в глазах его прыгали веселые искорки.

— Ну, как тут у вас? Не поймали воров? — тихо, улыбаясь, спросил боцман. — Плохо смотрите. Кранцы-то украли. Поменьше спать надо.

Алексей засмеялся. Значит, сам Василий Васильевич принимал участие в ночном происшествии.

13

Излюбленный ресторанчик моряков «Русалка» был переполнен. В порту стояло много судов. В зале слышалась английская, французская, голландская, русская

речь. На маленькой эстраде надрывалось «трио» — пианист, скрипач и баянист. За столиками сидели моряки и их подруги, смеялись, пили. На паркетном «пятачке» танцевали. С потолка спускались бумажные китайские фонарики, освещавшие зал мягким уютным светом. Ловко избегая столкновений, по залу с подносами в руках носились официанты. Меняли блюда и бутылки.

За столиком посреди зала сидели разодетый Пеструхин, королева «Русалки» Лилька и мужчина огромного роста, с бычьей шеей, с наголо бритой головой, с маленькими тусклыми глазами. Обрюзгшие щеки свешивались к подбородку, широкий мясистый нос дополнял картину. Человек походил то ли на спившегося артиста, то ли на борца, ушедшего с арены. По-птичьи склонив на бок большую голову, он внимательно слушал уже пьяного, разболтавшегося Пеструхина.

Лилька, рыжая, молодая, сильно накрашенная женщина, закинув ногу на ногу, покачивала лакированной туфелькой и строила глазки светловолосому английскому штурману, сидевшему напротив.

— Ты, Федя, еще не знаешь Пеструхина, — хвастливо говорил матрос, наполняя вином бокалы. — Меня бог мозгами не обидел. Да... Любому дам очко вперед. Пейте, ешьте, Петька сегодня угощает! Лиль, хочешь шампанского? Скажи, и будет.

— Да ну тебя, — лениво отмахнулась женщина. — Не надо мне твоего шампанского. Нарезался уже. Пил бы меньше.

— Ничего не нарезался, — поджал губы Пеструхин. — Трезв как стеклышко. Хочешь, по одной половине пройду?

— И откуда у тебя столько денег, Петро? — завистливо проговорил бритоголовый Федя, отпивая из бокала. — Кажется, и должность у тебя невысокая. Контрабанду возишь?

— Так я тебе и сказал, что вожу. Ты не любопытствуй, пей лучше.

— У вас на «Бируте» политическую литературу возят, а я в порту работаю, так слышал. Фараоны два раза обыск делали, — тихо сказал Федя. — Вот откуда твои деньги. Верно?

— Очумел! За это деньги не платят. Я такими делами не занимаюсь. Повыгоднее есть, — испугался Пеструхин. — Так это у нас нелегальщину искали? Я и не

подумал. Так, так... Ну, теперь ясно, из-за кого такой шурум-бурум подняли. Петька все знает. — Матрос пьяно подмигнул Феде и, желая подтвердить свою осведомленность, шепотом продолжал: — Лешка Чибисов с драконом... Вот оно в чем дело! Ночью приперли чемоданище, во! — Петька показал размеры руками. — Захвали где-то, не знаю. Вот черт! Я и не подумал...

— Это еще не факт, — буркнул Федя, опасливо оглядываясь вокруг и допивая вино.

— Не факт, не факт! Много ты понимаешь, — рассердился Пеструхин. — Если я говорю, значит — факт. Больше некому. Лилечка, куда ты все смотришь? Поговорила бы с нами, рассказала что-нибудь из любовной жизни, — повернулся Петька к женщине.

— Довольно того, что ты болтаешь языком, как тряпкой, — сказала Лилька и снова отвернулась.

— Что ты, радость моя, такая сердитая? Пойдем танцевать? — пригласил Петька, поднимаясь со стула.

Лилька неохотно встала, положила руку на плечо матроса, но, сделав несколько шагов, вернулась обратно:

— На ногах не стоит. Танцуй один, если хочешь.

Пеструхин обиженно замолчал. Федя, положив голову на согнутые в локтях руки, клевал носом.

— Я пойду, Петро, — вдруг сказал он, — завтра на работу. Да и выпил изрядно. Бывайте здоровы.

Пеструхин его не задерживал. Хотелось остаться наедине с Лилькой, договориться о дальнейшем.

Федя, не торопясь, вразвалочку, пошел через зал к выходу.

— Лилечка, может, пойдем к тебе, а? Хватит здесь... — заискивающе шепнул Пеструхин, беря Лильку за руку. Она не ответила на ласку, вырвала руку, беззлобно сказала:

— Сволочь ты, Петька. Продал людей...

— Каких людей? Ты что, свихнулась? Шлепаешь языком что не надо! — взорвался Пеструхин. — Я в жизни никого не продавал.

— Да не шлепаю. А кто говорил про какого-то Лешку, дракона, чемодан? Может, там никакой литературы и не было, а ты подозрения навел, язык без костей... Эх, дурья башка!

— Ну, ты брось. Это же я Феде говорил. Он свой парень. Могила, — успокоился Пеструхин.

— А ты его давно знаешь? Пуд соли съел?

— Давно-недавно, а знаю. Хороший человек. Помнишь, у тебя в гостях были?

— Помню...

Лилька загадочно усмехнулась и с каким-то презрительным сожалением взглянула на Пеструхина.

14

Лободу и Алексея арестовали на следующий день, когда работы на судне уже заканчивались. Их взяли тихо, без шума. На пароход пришли два полицейских в штатском. Вместе с вахтенным штурманом они появились в кубрике, вызвали туда боцмана и Чибисова.

— Собирайтесь, господа хорошие, — сказал полицейский повыше ростом. — С вещами.

— Куда это? — спросил Лобода, бросая быстрый взгляд на Алексея.

— Там узнаешь, — проворчал полицейский.

На палубе, с опухшей от пьянства физиономией, опустив плечи, понуро стоял Пеструхин. Увидя арестованных, он выронил из рук метлу. Лобода встретился с ним глазами и громко сказал:

— Ну ты и сволочь, Пеструхин...

— Замолчи! — толкнул боцмана в спину полицейский. — В участке поговоришь.

Петька бросился к боцману, запричитал:

— Василий Васильевич, видит бог, это не я. Я только...

Но Петька не успел закончить. Полицейский отогнал его.

Алексея допрашивал сам Лещинский. В его небольшом, помещавшемся в центральной тюрьме кабинете, пахло сигарным дымом, кофе, хорошим одеколоном. Этот кабинет больше походил на комнату в частной квартире, чем на служебное помещение. Лещинский встал ему навстречу, приветливо улыбаясь. Так встречают желанного гостя.

— Садитесь, молодой человек, садитесь. В ногах правды нет. — Он усадил Алексея в кресло, стоящее перед столом. — Прежде чем начать серьезный и неприятный разговор по делу, я хотел бы поговорить с вами, как отец. У меня самого дети, два мальчика, правда, моложе вас... Рассматривая материал, — Лещин-

ский положил руку на тоненькую папку, — раздумывая над судьбой нынешней молодежи, я с ужасом подумал о своих сыновьях. Что, если бы их ждала такая же судьба, как и вас?.. На заре жизни! — патетически воскликнул Лещинский. — Вы только представьте себе, что вас ожидает. Я понимаю, вы случайный участник преступления, и я постараюсь вас спасти. Поверьте в мое искреннее желание помочь вам...

Слова вылетали привычные, гладкие, красивые и катились, как шары по желобу, не задерживаясь в мозгу у Алексея. Он почти не слушал того, о чем говорил ему жандарм, мучительно думая об одном: как держаться? Это был первый допрос в его жизни. Что говорить? Он хорошо помнил слова Кирзнера: «Не называть ни одной фамилии». С этим ясно. Но что говорить? Что скажет Лобода? Показания должны совпасть. Почему их арестовали? Ведь с литературой все в порядке. Так почему же? Надо было найти хоть какие-то подходящие ответы.

— ...Брожение умов, — смутно уловил Алексей слова Лещинского. — Конечно, и в нашем государстве есть недостатки и несправедливость. Поэтому и волнуется молодежь. Но ведь нельзя же все решать насильственным путем, как рекомендуют господа революционеры! Наконец, вы уверены, что среди них есть люди, способные встать у кормила? Только жажда власти руководит ими... И мы не можем позволить...

Бархатный голос Лещинского лился, то повышаясь, то затихая... Алексей сидел, сжав руки в кулаки. Он принял решение — все отрицать, как бы его ни провоцировали. Стало спокойнее. Теперь мысли его были далеко от этого кабинета и Лещинского. Он думал об Иване Никандровиче. Что будет, когда отец узнает об аресте Алексея? Поймет ли он его? Промелькнуло лицо Тины, товарищи по мореходной школе.

— ...Государь мудр. Он понимает, что форма правления несовершенна. Он заботлив и любит свой народ. Сейчас он думает над проектом конституции. Будут даны большие права народу. А вы агитируете за свержение, за убийства, за хаос... Да вы, кажется, совсем меня не слушаете, молодой человек! — прервал свою речь Лещинский, встретившись с неподвижным взглядом Алексея. — Тогда перейдем к делу. Говорите правду, Чибисов. В этом ваше спасение.

Лещинский полистал папку:

— Вы, вероятно, уже знаете, почему вас арестовали? Нет? Ай-ай-ай! Не знаете? Давайте покончим все скорее. Где тот чемодан с литературой, который вы принесли вечером на судно в Лондоне? Где вы его спрятали и кому потом передали?

Пеструхин... Перед Алексеем встал ухмыляющийся Петька с кружкой в руках. Так, значит, он...

— Говорите, говорите, Чибисов. Не надо молчать,— поторопил Лещинский, приняв молчание Алексея за слабость. — Скорее все кончим.

...Пеструхин один мог сказать. А что он знал? Ничего. Отрезы. Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, учил Лобода.

— Я ни о каком чемодане не знаю,— хрипло сказал Алексей.

Лещинский снисходительно улыбнулся:

— Так-таки и не знаете? Наивный вы человек, Чибисов. Мы знаем, а вы нет? Василий Васильевич Лобода значительно умнее вас. Ну так, собственно, и должно быть. Он старше, опытнее. Видя полную бесполезность отпирательства, боцман рассказал нам все чистосердечно...

Лещинский снова полистал папку:

— Вот что он показал. Так, одну минуту... Цитирую: «...чемодан с нелегальной литературой принес на борт матрос Алексей Чибисов. Я этот чемодан спрятал для того, чтобы передать его в Риге...» Ну, пока достаточно. Убедились? Так был чемодан или не был?

Ни слова о кранцах! Значит, не знают всего. Ходят в потемках...

— Я вас спрашиваю! — повысил голос Лещинский. — Был чемодан?

— Не было.

Лещинский нахмурился:

— Врете, Чибисов. Кому вы его передали?

— Не было никакого чемодана,— упорствовал Алексей. — Я правду говорю.

— Вспомните как следует, Чибисов,— начал сердиться Лещинский. Алексей молчал.

— Не хотите говорить? Очень сожалею. У нас люди обычно говорят. Придется применить к вам... — Лещинский позвонил. Вошел надзиратель.

— Уведите арестованного.

В камере Алексея зверски избили. Он с трудом мог говорить. Губы распухли, глаза заплаыли черными синяками. Нестерпимо болела голова. Охранник хватал его за грудки и стучал затылком в стену.

— Где чемодан? Вспомнил, сволочь? — орал он и бил, бил...

Вечером открылся «глазок», и на пол упала бумажка. Алексей подобрал ее. При свете тусклой угольной лампочки он прочел: «Держись, Алеша. Ничего не знаешь, ничего не ведаешь. Василий». Алексей пожевал бумажку, проглотил. Так всегда делалось в тюрьмах, рассказывал Бруно Федорович. На душе стало полегче. Он не одинок. О нем помнят товарищи. Лобode тоже, наверное, несладко.

На следующий день его снова вызвали на допрос. Лещинский посмотрел на распухшее лицо Алексея, сочувственно покачал головой:

— Что они с вами сделали, изверги. Право, я не хотел этого. Ну-с, продолжим. Итак, вы принесли чемодан на судно...

На этот раз Лещинский не терял слов напрасно. Он был холоден и официален. Разговора о сыновьях и добром государе не поднимал.

— Никакого чемодана я на судно не приносил, — сквозь распухшие губы выдавил Алексей.

Его увели и снова избили. Он ничего не сказал. Собрал всю волю и мужество и выдержал. Последующие допросы тоже ничего нового следствию не дали.

...Алексей лежал на койке. Ныло все тело. Он с усилием поднимал руки, ощупывал лицо, глаза, губы. Как будто бы все цело. Только левый глаз не открывается. Совсем заплаыл.

Он не испытывал никаких чувств, кроме огромного удовлетворения. Выдержал. Алексей даже как-то поднялся в собственных глазах. Значит, на него можно положиться. Не ошибся Кирзнер, когда давал ему поручение. Только бы выбраться на волю! Он будет продолжать борьбу. Всю жизнь. Где бы ни находился... Иногда Алексей думал о том, чем может кончиться их «дело». Кирзнер, рассказывая о царских тюрьмах, допросах, всевозможных провокациях, говорил, что показаний одного свидетеля недостаточно для обвинения, необходимы другие улики. А в их деле нет улик! Правда, на их стороне сила, и они могут сделать все, что захотят, вопреки

законам, написанным на бумаге. Но все-таки хорошо, что улики нет.

Мысли неотступно возвращались к Пеструхину. Что он видел? Чемодан. А может, это ему пригрезилось? Может быть, они никогда и не говорили о чемодане, об отрезах? Кто докажет, что это было именно так? Фараоны ведь ничего не нашли.

Время тянулось медленно. Алексей не ел. Похлебка и каша оставались нетронутыми. Хотелось только пить...

15

Об аресте сына Иван Никандрович узнал на следующий день. Алексей не пришел домой. Раньше с ним такого не случалось. Чибисов пошел на «Бируту». На пароходе он все узнал. Причины ареста были неизвестны, и Иван Никандрович отправился в центральную тюрьму. Там ему сказали, что Алексей под следствием, свидания не разрешены и пока ему здесь делать нечего. Печальный вернулся Чибисов домой. Его мальчик, его Алеша, в тюрьме! За что? Что он натворил?

Иван Никандрович был совершенно уверен, что Алексей не сделал ничего бесчестного. Стыдиться ему нечего. Значит, все связано с революцией, о которой так много сейчас говорят. Со стены прищуренными, умными глазами на него с усмешкой смотрел отец, Никандр Чибисов.

Иван Никандрович подошел к буфету, вынул графин, налил стопку, выпил. Может быть, успокоит? Мысли разбегались. Было страшно за сына. Он хорошо знал, что такое царская тюрьма. Алексею всего девятнадцать лет! Был бы постарше...

В памяти возникли картины прошлого... Вот полицейские переворачивают все в доме. Обыск. Отец стоит, прислонившись спиной к печке. В глазах ни страха, ни смущения. Одна злость и презрение... А когда приказали одеться, Никандр натянул пальто, взял в руки узелок с вещами, мать припала к его груди, он ласково погладил ее по голове, поцеловал и негромко проговорил:

— Ничего, Варя, ничего. Наш верх будет. Не горюй. Скоро вернусь. — Его вытолкали из комнаты, и с тех пор семья не видела Никандра. Редко приходили вести

издалека, откуда-то с Енисея. Так и пропал на царской каторге.

Иван Никандрович вздохнул. Неужели такая же судьба ждет Алексея?

Нудельман пригласил Ивана Никандровича к себе. Он ходил по комнате большими шагами, заложив руки за спину, опустив тяжелые синеватые веки. Лицо его, с нездоровым желтым оттенком, с темными кругами под глазами, указывало, что хозяин брокерской конторы нездоров. Он пригласил Чибисова сесть, но разговора почему-то не начинал. Молчание угнетало. Наконец Нудельман остановился, поднял веки и прямо взглянул в лицо Ивану Никандровичу. Глаза у Нудельмана были темные и очень блестящие.

— Иван Никандрович, — глухо сказал хозяин, — настоящему мне следовало бы вас уволить.

— За что? — привстал в кресле Чибисов. Новость была ошеломляющей.

— За то, что ваш сын арестован и находится в тюрьме по политическому делу. Он неблагонадежный. Понимаете? К сожалению, об этом стало известно нашим конкурентам, и они стараются бросить тень на мою фирму...

Иван Никандрович гордо вскинул голову:

— Я не знаю, за что арестован мой сын, но, если он заключен в тюрьму по политическому делу, а не по уголовному, я не стыжусь. Вся прогрессивная Россия требует изменений, Роберт Наумович. Вы это прекрасно знаете сами.

— Вот видите, какой вы, — нахмурился Нудельман. — Кое-кто правильно предлагал уволить вас. Но пока Роберт Нудельман еще хозяин своей конторы и служащих будет нанимать сам. У него есть еще немного лишних денег, которые можно бросить любителям вмешиваться в его дела. Это всегда успокаивает страсти. Вы нужны мне, Иван Никандрович. Поэтому продолжайте работать, как работали прежде. Я только хотел предупредить вас...

— Посмотрите, что делается в Риге, Роберт Наумович, — перебил его Чибисов. — С вами я могу говорить откровенно. Мы знаем друг друга не один год. На заводах, на фабриках, среди интеллигенции все кипит. Везде забастовки, митинги, демонстрации. Рабочие требуют увеличения жалования. Они живут в нечеловеческих ус-

ловнях. Их дети умирают от чахотки и других болезней. Когда-то должен быть положен конец несправедливости? Ни один честный человек, по-настоящему любящий Россию, не может остаться в стороне от этих событий...

— Ого, да вы настоящий агитатор! — прищурился Нудельман. — Отчего же вы, бесспорно честный человек, стоите в стороне от всего этого, как вы сказали? Не ходите по улицам с красными знаменами, не кричите на каждом углу: «Долой самодержавие!», не устраиваете у меня в конторе митингов?

Плечи Ивана Никандровича опустились, он как-то весь сник, помолчал, потом тихо заговорил:

— Я не борец по натуре. Пошел не в отца. Тот был настоящим человеком. Сильным, смелым, принципиальным. За это и погиб. Вы же знаете историю моей семьи... А я нет. Сердцем все понимаю и одобряю, а к борьбе неспособен. Но если, — Чибисов опять выпрямился, — Алексей окажется борцом за лучшую жизнь, если он станет похожим на деда, я буду гордиться им, хотя и знаю, насколько это опасно и чревато последствиями. Ах, если бы не его молодость!

Нудельман снисходительно покачивал головой, слушая горячую речь Чибисова.

— В том-то и дело, — сказал Нудельман, когда Иван Никандрович замолчал. — Вы должны были бы убедить сына не вмешиваться в политические истории, оградить от вредных влияний. Но это дело вашей совести. Хочу только сказать, если его выпустят и он снова попадется, вам придется уйти с работы. Не потому, что я этого хочу, нет. Мы с вами давно работаем вместе. Я уже говорил: вы мне нужны как человек, прекрасно знающий дело, но марка фирмы для меня дороже. Мы теряем клиентов, если они узнают, что Нудельман прикрывает антиправительственные элементы. А они обязательно узнают. Об этом позаботятся те, кто заинтересован в уменьшении наших прибылей... И пожалуйста, не ведите таких разговоров, какие вы вели со мной. Это опасно. Вот что я хотел сказать вам, уважаемый Иван Никандрович.

Чибисов вернулся на свое место, но работа не шла на ум. Перед ним лежала пачка неразобранных документов. Он не дотронулся до них. А может быть, старый Нудельман прав? Долг отца оградить Алешу от опасно-

стей, доказать ему, что он слишком молод и неопытен, что следует подождать, когда он будет иметь твердые убеждения.

16

Серафим Леонидович Курьянов был недоволен. Перед ним сидел Лещинский и нервно ломал себе пальцы. Разговор принимал неприятное для него направление. Начальник просил доложить о деле моряков с «Бируты». А что докладывать, Николай Николаевич не знал. Допросы Чибисова и Лободы не дали никаких результатов. Дело остановилось.

— Так что вы думаете предпринять дальше? — ворчливо спрашивал Курьянов. — Так ведь нельзя оставить.

— Улик нет, Серафим Леонидович. В этом вся беда. Если хоть маленькая...

— Получить надо.

— Применяли все допустимое...

— Ну, а этого, как его... — Курьянов заглянул в папку, — Пеструхина вызывали?

— Лично беседовал.

— Ну и что?

— Вертится как юла. Ничего не знает, ничего не помнит, не видел.

— Как же так? А в «Русалке»? Ведь, по вашему сообщению, Листок сама слышала, как он называл имена этих двух, говорил про чемодан.

— Так точно. Но теперь он от всего отказывается, говорит, что был сильно пьян, о чем болтал — не помнит. Ну, мы ему постарались напомнить, но увы... Плачет, божится, что ничего не видел. Черт его знает, может быть, так и есть. Для поднятия своего престижа может сказать что угодно. Болтун и фантазер. Лилька-Листок докладывала: Пеструхин врать любит...

— Скверно. — Курьянов взял нож с малахитовой ручкой. — Неладно, неладно, — пробурчал он и вдруг спросил: — Лилька ваша провалилась, значит? Так надо понимать? Теперь Пеструхин ее остерегаться станет, да и других предупредит.

— Нет. На нее он не подумает. С ними еще сидел какой-то Федя, грузчик из порта. Приятель Пеструхина.

На него подозрение пало. Лилька не дура. Кетати, этот Федя и разговор о литературе завел.

Курьянов о чем-то сосредоточенно думал, вертя в руках нож. Лещинский не прерывал молчания, ожидая, что скажет начальник.

— Вот что, — наконец сказал Курьянов. — Сколько они уже сидят у вас? Полтора месяца? Подержите их еще с месячишко под следствием. В это время понаблюдайте за «Бирутой». Свяжитесь с Серебряным, пусть особенно следит за эмигрантами во время прихода судна в Лондон. А может быть, пароход больше там не бывает?

— Ходит. У них договор на перевозку большой партии железа.

— Вот и посмотрите, будут ли новые сообщения от Серебряного о «грузе» на «Бируте». Когда выпустите этих двух, глаз с них не спускайте. Связи должны обнаружиться. Клубочек где-то в Риге, а ниточка у нас.

— Слушаюсь. А с вербовкой Пеструхина придется подождать. Он сейчас в рейсе на «Бируте». Вернется — снова приползет к Лильке. Она уже постарается его запутать. Баба она, в общем, ловкая.

Курьянов безнадежно махнул рукой:

— Надо признаться, Николай Николаевич, что на этот раз нас перехитрили. Чувствую нутром, что мы где-то прошляпили. И литература была, и эти двое замешаны, и Пеструхин врет. Вот такое у меня чувство.

— Вполне возможно. Но что будешь делать, когда не за что зацепиться? Одни предположения. Судно обыскивали так, что должны были спрятанного воробья обнаружить. А поди ж ты, нет литературы, и все.

— Да... Нам не так Чибисов с Лободой нужны, как те, кому они эту литературу возят. Наблюдайте. Единственное, что нам остается пока делать. И почаще докладывайте мне даже о мелочах.

17

Арестованных выпустили в один и тот же день. Они встретились в канцелярии тюрьмы, где им выписывали документы и возвращали отобранные деньги и вещи.

Они вышли на улицу, молча прошли квартал. Свежий осенний воздух после затхлого тюремного пьянил,

Лобода вздохнул, оглянулся назад, на еще видневшийся корпус тюрьмы, улыбнулся Алексею:

— Молодец ты, Алеша. Настоящий мужчина. Я, грешным делом, побаивался, устоишь ли... Молодец. Теперь первым делом в парикмахерскую. Обросли, как дикобразы. Меня больше месяца не стригли.— Лобода поскреб щеку, заросшую щетиной.— Пошли скорее

Алексей, побледневший, худой, тоже давно не стриженный и не бритый, зашагал рядом с боцманом.

— Что же делать будем, Василий Васильевич? — спросил он, когда они вышли из парикмахерской.

Лобода засмеялся:

— Отпраздновать освобождение надо. Выпить маленько, закусить чем повкуснее. Есть хочешь?

— Не худо.

— Вот и пойдем. Тут недалеко я знаю одну пивную. Поедим, посидим и поговорим.

В маленькой пивной с подслеповатыми, запыленными окнами было пусто. Только в углу дремал над кружкой какой-то древний дед, по одежде латышский крестьянин. Лобода заказал яичницу с помидорами, по полстакана водки. Он с наслаждением выпил, крикнул и принялся с аппетитом есть. Алексей пригубил стакан, поморщился и тоже выпил. Закашлялся, слезы выступили на глазах.

— Не идет спиртное, — смущенно сказал он, вытирая глаза.

— Раз не идет, не пей. Ешь больше.

Тепло разлилось по жилам, яичница показалась очень вкусной. Когда они поели, Лобода закурил, оглянулся вокруг и тихо сказал:

— Вот сейчас и поговорить можно.

— Я хочу спросить, — перебил его Алексей, — как же это мы в тюрьму попали? Кто нас выдал? Мне сдается, Пеструхин.

— Не без его участия, Алеша. Больше никто не мог. Но как, что он говорил, я не знаю. Очной ставки у тебя с ним не было?

— Не было.

— Значит, он не все сказал. Да теперь это неважно. Важно то, что о кранцах никто из них не знает. Но дело еще не кончено. Запомни все, что я скажу. Во-первых, не забывай, что за каждым твоим шагом будут следить,

и следить долго. Во-вторых, к Бруно Федоровичу, к Кольке на «Аретузу» — ни ногой. Они сами тебя найдут, если понадобишься. Если кто спросит, за что сидел, говори: сам не знаешь. Держали, держали и выпустили. Все понял? Я с Кирзнером увижусь, все расскажу о тебе. Как дальше жить собираешься?

— Не знаю. В училище обратно пойду. Время практики кончилось.

Лобода с сомнением покачал головой:

— Возьмут ли обратно? Жандармы уже наверняка сообщили, что ты, мол, неблагонадежный, — у них это быстро делается. Могут не взять.

— Тогда матросом куда-нибудь наймусь.

— Плохо придумал. Тебе диплом штурманский получить надо, учиться. Жизнь вся впереди. Подумать надо, крепко подумать, где получить образование. Ладно, Алеша, не горюй. Все образуется. Узнай, как с училищем, тогда решать будем.

— А вы что будете делать?

— Я? На «Бируту» обратно пойду, если примут. Капитан меня любит. Должны принять. Ну, а если нет, была бы шея, хомут найдется.

— Опять кранцы вязать? — засмеялся Алексей.

— С кранцами обождать придется, — весело подмигнул Лобода. — Их без меня делать будут. Ты что думаешь, нас только двое? Лобода да Чибисов? Нет, брат, ошибаешься. Нас много. Ну, пора расходиться. Ищи меня в «Русалке», пока в плавание не уйду. Место нейтральное, всегда под наблюдением полиции. Так что наша встреча подозрительной не покажется. Встретились за рюмкой бывшие арестанты, и всего. Ну, счастливо тебе, Алеша.

Боцман расплатился, и они, обменявшись крепким рукопожатием, пошли в разные стороны.

Алексей не торопился домой. После трех месяцев, проведенных в душевой камере, было так приятно не торопясь брести по улицам. Мимо проходили нарядные женщины, на бульварах под ногами шуршали первые опавшие листья, необъятное голубое небо висело над головой. Три месяца он видел только его кусочек через решетчатое тюремное окошко, прикрытое жестяным «намордником».

Непреодолимое желание увидеть море охватило его. Оказаться бы сейчас на пароходе! Тогда забылись бы тюрьма, допросы, надзиратели... Забылись бы? Нет, это он не забудет и в море.

Если до ареста Алексей все еще был романтиком, страстно желавшим отдать себя какому-то важному, великому делу, то после ареста он стал другим человеком. Настоящим борцом. Тюрьма явилась тяжелой, но хорошей школой. Теперь он отчетливо знал, чего хочет и какому делу отдаст себя. Валяясь избитым на тюремной койке, он многое понял, о многом передумал, по-другому осмыслил все, что слышал в кружке Кирэнера. Россия была огромной царской тюрьмой, еще более страшной и несправедливой, чем та, в которой он побывал. Миллионы бесправных, обездоленных людей томилась на богатой, плодородной земле, ничего не имея, стиснутые законами сановных тюремщиков. Скинута их навсегда! Освободить людей, дать им возможность устроить жизнь по-новому. Так, как писал в своих книгах Ленин. Вот чему посвятит свою жизнь Алексей.

...Хотелось сразу же повидать отца, но к Нудельману он не пошел. Решил ждать дома.

Иван Никандрович вошел в комнату и увидел Алексея, вставшего ему навстречу. Он бросился к нему, обнял, на глазах появились слезы.

— Алеша! Ну, слава богу, вернулся! Дома! Боже, как исхудал! — говорил он, глядя сына по голове, как маленького. — Все кончилось? Выпустили мерзавцы? За что же они тебя? Ведь ты ни в чем не виноват, правда?

Алексей глядел в усталые, встревоженные глаза Ивана Никандровича и чувствовал себя намного старше, чем его милый, седовласый отец. Очень хотелось рассказать ему о кранцах, о Лондоне, о допросах... Поделиться всем, что передумал в долгие тюремные ночи, но сделать этого он не имел права, да и волновать отца не стоило. Алексей крепко обнял его и как можно веселее сказал:

— Все кончилось, папа. Виноват ли я в чем-нибудь? Нет. Я не совершил ничего плохого, за что тебе пришлось бы краснеть. Я иду по дороге деда. А ты ведь всегда говорил, что он был благородным и справедливым человеком...

Иван Никандрович высвободился из рук сына:

— Путь деда был тернист и привел его к гибели,

несмотря на то что он был вполне созревшим человеком. Ты помнишь об этом?

— Помню.

— А ты еще слишком молод, чтобы рисковать своей жизнью. Когда ты будешь иметь опыт и собственные убеждения, вот тогда можешь распоряжаться ею, как тебе будет угодно.

— Я имею убеждения, папа.

— Не думаю. Ты находишься под чьим-то влиянием, и убеждения твои легко могут перемениться.

— Это не так. Они никогда не изменятся. Слишком много я передумал, — горячо сказал Алексей. — Все очень просто. Люди должны жить хорошо, а при нашем строе это невозможно. Не ты ли всегда говорил мне, что только меньшинство пользуется всем, а большая часть, и лучшая часть, людей живет плохо?

— Да... Но... — смутился Иван Никандрович. — Это еще не значит, что такой мальчишка, как ты, должен лезть на рожон, подставлять под удар свою глупую голову. Преобразование нашего общества придет, я верю в это, но не так скоро и не таким путем. И потом, революция — дело серьезных людей...

Он говорил и сам чувствовал, как фальшиво и неискренне звучат его слова. Но надо было спасать сына, уберечь от опасности, убедить его хотя бы временно прекратить революционную деятельность. Иван Никандрович вытер платком вспотевший лоб. Алексей понял его состояние, знал, что отец говорит не то, что думает, и был рад этому.

— Оставь, папа, — сказал он, улыбаясь, — я вижу, что ты не веришь сам себе. В душе ты согласен со мной. Ведь так? Я помню, с каким уважением ты говорил о дедушке, одобрял все, что он делал.

Иван Никандрович отвел глаза. Сын оказался проныцательнее, чем он думал.

— Не будем говорить больше об этом, — продолжал Алексей. — Я всегда буду казаться тебе мальчиком, даже в сорок лет. А я уже вырос... Через месяц мне двадцать.

— Алеша, Алеша, — грустно сказал Иван Никандрович. — Я предвижу, сколько горя ждет тебя впереди, если ты пойдешь по этому пути... Я боюсь за тебя, понимаешь? Мне кажется, что ты вступишь в неравную борьбу.

— Ты ошибаешься. За революцию миллионы.

— Ну, хорошо. Тебя не переубедить. Больше я ничего не скажу, но помни, что теперь буду жить в вечной тревоге за тебя. Пойдем обедать.

Иван Никандрович не сказал сыну о разговоре с Нудельмапом, не хотел связывать Алексея своими личными неприятностями. К чему? И спрашивать он его ни о чем не будет. Захочет — расскажет сам.

Во время обеда Иван Никандрович задумывался, отвечал невпопад, чаще прикладывался к рюмке. Тетушка Парвиене, у которой они столовались, с жалостью поглядывала на похудевшего Алексея, качала головой, подкладывала ему еду. Алексей старался развеселить отца. Вспоминал капитана, пароход и матросов. Он был счастлив снова очутиться в этой обстановке. Все пережитое казалось отвратительным сном.

На следующий день он отправился в мореходную школу. Алексей опоздал на целый месяц. Обычно такие опоздания не вызвали осложнений. Ученики часто не являлись к началу занятий, оказываясь к этому времени в море. Но начальник училища, капитан второго ранга в отставке Белых, вызвал Алексея к себе сразу же, как тот появился в канцелярии.

— Вы опоздали на целый месяц, Чибисов. Какая причина? — спросил он, бросая на Алексея пронизательный взгляд. — Задержались в рейсе?

Алексей подумал и сказал:

— Нет. Сидел в тюрьме.

— В тюрьме? За что же?

— Не знаю, Владимир Георгиевич. Держали под следствием, обвиняли в какой-то контрабанде, потом выпустили...

— Плохо начинаете, Чибисов. Морской офицер, у которого за спиной тюрьма, вряд ли может рассчитывать на хорошее судно и должность после получения диплома. Подумайте об этом. То, что произошло, должно научить вас кое-чему. Идите в класс...

Белых сказал это тусклым, невыразительным голосом.

Алексей поблагодарил начальника и вышел в коридор. Он понял, что правильно поступил, сказав правду. Наверное, Белых уже знал от полицейских, что один из его воспитанников подозревался в провозе нелегальной

литературы. Странно только, что начальник не проявил ни гнева, ни возмущения, говорил спокойно. Алексею даже показалось, что Белых улыбнулся, когда он выходил из кабинета. А может быть, так только показалось?

В классе к его появлению не проявили большого интереса. Ну, вернулся и вернулся. Ученики прошли первую практику. Рассказам не было конца. Все считали себя уже опытными моряками, хвастались перенесенными штормами, своими подвигами в море, успехом у женщин в заморских портах. Половина из этих рассказов звучала фантастически.

Среди «желторотиков» — так называли первокурсников — встречались и пожилые, настоящие матросы, немногословные, с усмешкой слушавшие «травлю». Они-то действительно бывали в переделках, и за ними тянулись тысячи проплытых миль во всех морях и океанах.

Слушая эти рассказы, Алексей думал о Тине. Ему так хотелось бы с нею встретиться! Но о чем они станут говорить? Заграницу он не видел, а о тюрьме вспоминать не стоило. Посыпятся десятки вопросов, да и неизвестно, как примет девушка его пребывание в тюрьме. Для людей ее круга такой человек мог оказаться неподходящей компанией.

Он старался отогнать мысли о девушке, но они постоянно возвращались к нему. «Кто она для меня? — спрашивал себя Алексей и тотчас же отвечал: — Никто. Просто знакомая. Любовь? Нет». И тут же ловил себя на том, что думает о ее глазах, косах, улыбке, губах... Вспоминал их нечастые встречи. Что она говорила ему, что он отвечал ей... Ерунда какая-то... Он углублялся в мореходные науки, но сны не давали покоя.

18

Жилось скучно. Отец много работал, приходил усталый. Кирзнер не давал о себе знать. Алексею не хватало его и товарищей по кружку. Новикова он тоже не встречал, но послушаться приказа Лободы не смел.

Однажды он все-таки решил, пошел в «Русалку» повидать боцмана, но в ресторане ему сказали, что Василий ушел в плавание на пароходе «Марианна». Алексей почувствовал себя совсем одиноко. Товарищи что-то делают, а он сидит сложа руки. Жалеют его, что ли?

Так хотелось услышать спокойный, глуховатый голос Кирзнера...

Днем «Русалка» пустовала. Веселье начиналось позже. Алексей заказал себе пива. Надо было бы выпить чего-нибудь покрепче, поднять настроение, но с крепкими напитками он был не в ладах, не мог их пить. Не нравились.

К столику вразвалочку подошла рыжеволосая красивая женщина.

— Угости пивом, морячок, — улыбаясь, сказала она, щуря свои зеленые, подкрашенные глаза. — Можно сесть? — и, не дожидаясь приглашения, села.

— Садись, — запоздало пригласил Алексей, покраснел и, совсем смутившись, поздравил официанта: — Еще бутылку и стакан.

Официант понимающе подмигнул. Женщина сидела молча, все так же улыбаясь, ласково поглядывая на Алексея. Молчал и Алексей. Он испытывал необычайную неловкость.

— Ну, что молчишь? Язык присох? — засмеялась женщина. — Скажи что-нибудь.

— А чего говорить? — буркнул Алексей. Он исподлобья глядел на ее полные розовые обнаженные руки. Женщина заметила, усмехнулась:

— Чего уставился? Понравилась? Меня Лилей зовут. А тебя?

— Алексей.

— Ты на какой коробке плаваешь, Алеша?

«Алеша» прозвучало интимно, как будто они давно знакомы.

— На «Бируте» был. А теперь не плаваю.

При упоминании о «Бируте» Лилька кинула на Алексея быстрый, острый взгляд.

— На «Бируте»? — повторила она. — Это у вас фараоны весь пароход перевернули, все разломали, нелегальщину искали, двух человек в тюрягу упрятали? Да?

— У нас.

— Тебя как зовут, ты сказал? Алексеем? Фамилия твоя не Чибисов?

Алексей кивнул.

«Откуда она все знает?» — мелькнуло у него, и он спросил:

— Откуда вы все знаете?

— Я знаю, — засмеялась Лилька. — У нас в «Русалке» все новости. Еще никто не знает, а у нас известно. Значит, это вас с Васькой Лободой в кичман засунули? Эх вы, бедняги!

В ее голосе звучало искреннее сочувствие. Алексей допил пиво, встал:

— Ну, я пошел. Прощайте.

Поднялась и Лилька:

— Чего торопишься, Алешенька? Пойдем ко мне. Я тут, в этом же доме, на втором этаже живу, — тихо проговорила Лилька, призывно улыбаясь. — Пойдем, не пожалеешь.

Приглашение было неожиданным.

— Нет, не могу, — хрипло сказал Алексей и снова взглянул на Лилькины руки.

— Пойдем. Ты понравился мне. Я просто так... — шепнула Лилька, беря его под руку. — Мне от тебя ничего не надо.

Они вышли из «Русалки». Алексей шел за Лилькой как замороженный. Он не мог объяснить, почему он это делает. Во дворе они поднялись по грязноватой лестнице на второй этаж. Обитая черной клеенкой дверь была открыта. На Алексея пахло запахом кислых щей.

— Ктой-то? — донесся скрипучий голос.

— Это я, бабуса. С кавалером, — сказала Лилька, пропуская Алексея вперед. — Сюда, Алеша...

Из кухни послышалось невнятное ворчание.

В Лилькиной комнате было чисто прибрано, стояла большая кровать с пирамидой подушек, комод, на нем — фотографии мужчин в рамках из блестящих ракушек. На стене, прикрепленный булавками, висел узкий гобелен с изображением Роттердама. Под ним — маленький спасательный круг, высушенная морская звезда.

«Подарки моряков», — подумал Алексей. Он стоял посреди комнаты, не зная, куда деть руки, и мучительно вспоминал все, что рассказывали ему товарищи о своих похождениях. Большинство молодых моряков имели «девочек» в разных ресторанчиках, пивных, барах. «Сестры моряков», — говорили они о своих подругах. Такие же непостоянные, бездомные, скитающиеся по портам. С ними все было просто.

Алексею хотелось уйти, но ноги не повиновались, казались налитыми свинцом. Что же он должен

делать? Может быть, поцеловать Лильку? Или сказать, чтоб раздевалась? Как поступали в таких случаях матросы? Чувство неловкости не проходило. Алексей не смотрел на Лильку, боялся встретиться с ней глазами.

Наверное, она догадалась о его состоянии и тихим, воркующим голосом сказала:

— Иди ко мне, Алеша. Иди, не бойся, мой миленький...

Она гладила его лицо теплой рукой. Алексей лежал рядом, и мысли его были далеко от этой комнаты, от Лильки и того, что с ним произошло...

Все оказалось проще, чем он думал. И теперь он чувствовал не то безразличное спокойствие, не то легкое разочарование. Он не испытывал к Лильке ни нежности, ни безразличности. Она была для него чужой. А Лилька ластилась к нему:

— Бедный мой! Три месяца в тюрьме провел. Фараоны проклятые! Но вы молодцы. Не поддались. Ловко с Васькой их обвели, никого не выдали, — шептала она, продолжая гладить его лицо, заглядывая в глаза. — Куда же вы все попрятали, что фараоны не нашли? Как интересно!

Лилькин голос журчал просительно, ласково. Она ждала, что он скажет... Внезапно острое чувство опасности охватило Алексея. Усилием воли он стряхнул с себя расслабленность, откинул с лица Лилькину руку и грубовато сказал:

— Брось свои глупости. Откуда ты взяла? Никакой литературы не было. Ничего мы не прятали. Нас зря взяли. Наверное, какая-то сволочь оговорила.

Он взглянул на Лильку. Она лежала с закрытыми глазами. Глядя на ее неподвижное лицо, он с еще большей силой ощутил незримое присутствие опасности. Лилька пригласила его неспроста, совсем не потому, что он понравился ей. Слишком велик был ее интерес к «Бируте», ее осведомленность. Мозг резануло воспоминание. Пеструхин приглашает его в «Русалку» после рейса. «Я тебя там с одной королевой познакомлю. Лилька, бабеч — во!» Лилька, Пеструхин... Кажется, связь между событиями начинает проясняться. Петька сболтнул Лильке о чемодане, а она... А может быть, он ошибается?

Алексей встал, принялся одеваться.

— Уже уходишь? — спросила Лилька, не открывая глаз. — Что так скоро?

Он не ответил.

— Прощай, — уже выходя, сказал Алексей.

Когда хлопнула входная дверь, Лилька вскочила с кровати, хотела было побежать за Алексеем, но передумала. Она присела к столу, подперла ладонью подбородок, задумалась. Слезы текли по ее щекам. Ей понравился этот молодой, еще неопытный моряк. Понравился по-настоящему, как давно никто не нравился, но она, Лилька-Листок, профессиональная и давняя осветительница, не могла упустить возможность узнать то, чего так тщетно добивались в полиции. Это желание оказалось сильнее всего остального.

Лилька понимала, что Алексей ушел так сразу неспроста, почувствовал, видно, неладное. Поторопилась, дура, со своими расспросами! Вспугнула. Она ревела горько, надув пухлые губы. Алексей покинул ее, она ничего не сумела узнать, пропали деньги, обещанные ей Лещинским за новые сведения о «Бируте», и от этого всего было жаль себя, свою загубленную жизнь.

19

А в Риге с каждым днем становилось все беспокойнее, тревожнее. По заводам и фабрикам катилась волна забастовок. Вспыхивали стихийные демонстрации. По утрам полицейские и дворники срывали со стен домов листовки, призывающие к свержению самодержавия. Ночью они появлялись снова.

В мореходной школе только и говорили, что о происходящих событиях. Споры приняли ожесточенный характер. Учение совсем забросили. Да и до учения ли было! Слово «революция» теперь произносили громко, не таясь. Преподаватели не могли успокоить взбудораженную молодежь. Ученики до хрипоты спорили. В классе появилась подпольная газета. Ее рвали из рук. Все хотели прочитать газету своими глазами. Там писалось: «...решительный момент, когда рухнет царская власть, уже недалек, и к этому, товарищи, должны направить свои силы и быть готовыми...»

Раньше о таких словах никто и подумать не смел! А тут прямо написано.

Алексей был крайне возбужден. Вот когда воплощается в жизнь то, что он слышал в кружке, то, о чем так хорошо говорил Кирзнер. Рабочий класс поднимает голову! Теперь уже сам Алексей много знал, многое мог объяснить, был неплохим агитатором. Прочитанные нелегальные книги, занятия в кружке помогли ему в этом. Около него всегда собирались товарищи.

Эрни Трейман, сын судовладельца, создал свою группу. Он объединил наиболее зажиточную часть учеников, и они постоянно кричали, что Чибисов бунтовщик, подрыватель основ, его надо исключить из школы. Хотя они в большинстве своем и были латышами, но говорили по-немецки, читали газету «Дюна цайтунг» и всячески старались подражать немецкой верхушке рижского общества. Споры между двумя группами иногда чуть не доходили до драки, но «треймановцы» представляли в классе меньшинство и потому дальше ругани не шли.

Алексей рвался в бой, жаждал настоящего дела, знал, что способен приносить в это горячее время большую пользу. Неужели он не нужен партии? Кирзнер совсем забыл о нем. Забыл именно тогда, когда близится решающий час и каждый преданный человек так нужен.

Несколько раз он собирался плюнуть на осторожность (прошло достаточно времени) и пойти к Бруно Федоровичу. Одевался, выходил из дома, но намерения своего не выполнял. Просто так слонялся по городу. А вдруг встретит?

Приближалось рождество, шел декабрь, а в городе не чувствовалось обычного праздничного настроения. Все как-то насторожились, чего-то ждали.

Пасмурным декабрьским утром, как обычно, Алексей собрался в школу. Он опаздывал и торопился. Трамваи почему-то не ходили. Его поразило множество наряженных людей на улицах. Лица у всех были оживлены, веселы, у некоторых на пиджаках алели красные банты. Они направлялись к Ратушной площади. Алексей долго добирался до школы, а когда пришел туда, ученики, толпящиеся у здания, сообщили, что занятий не будет. Почему? Никто не знает. Тогда Алексей решил отправиться на Ратушную площадь. Он с трудом добрался до нее. Улицы были запружены народом. На площади люди стояли плотно один к одному. Над их

головами развевались красные знамена. Некоторые держали в руках транспаранты с лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой мобилизацию!».

Какой-то человек в черной косоворотке и картузе с блестящим козырьком, обхватив руками и ногами фонарный столб, что-то кричал, командовал. Люди построились в широкую колонну, запели и медленно двинулись по направлению к реке. Из боковых улочек к этой огромной колонне пристраивались другие поленьища, тоже со знаменами и транспарантами.

«Что же это такое? — подумал Алексей. — Началось?»

— Куда идем? — спросил он соседа.

— К губернатору в гости, милос, — весело отозвался пожилой рабочий. — Пусть послушает, чего народ хочет.

Чем дальше двигалась демонстрация, тем мощнее она становилась. Люди все прибывали. Алексей заметил и студенческие фуражки, и шляпы интеллигентов, и крестьянские меховые треухи.

На одной из улиц колонна остановилась. Над толпой подняли человека, и он, размахивая зажатой в руке фуражкой, начал говорить:

— Товарищи! Сомкните ряды! Оголтелые царские чиновники погрязли во взяточничестве, разврате и лжи. Они купаются в роскоши, а наши семьи умирают от голода, ютятся в трущобах. На фабриках и заводах мы дышим отравленным воздухом. Хозяевам нет до этого дела. Нас заставляют проливать кровь. Во имя чего? Нас забирают в армию на пушечное мясо. Мы требуем...

До Алексея долетали только отдельные слова, но он понял, к чему призывает оратор.

Алексей целый день ходил по улицам с демонстрантами, выкрикивал лозунги, пел «Варшавянку», сам пытался что-то говорить. Он возвращался домой, не чувствуя под собой ног от усталости. Не доходя до ворот он остановился у круглой башенки для объявлений и отлепил еще сырую листовку: «Долой самодержавие! Долой господ! Мы требуем...» Алексей сложил ее вчетверо, сунул в карман. На память об этом дне.

Дома его ожидал взволнованный Иван Никандрович. Глаза у него горели от возбуждения.

— Пришел наконец! А я уже начал беспокоиться. Что делается в городе, ты себе не можешь представить! Демонстрации, митинги на каждом углу.

Вечером, когда уже совсем стемнело, у дверей негромко прозвенел колокольчик. Алексей пошел открывать. На пороге стоял мальчик в меховом треухе. Он пристально глядел на Алексея:

— Вы Алексей Чибисов?

— Я.

— Привет вам от Кочеткова.

Алексею сразу вспомнился этот пароль, но он не торопился задавать вопросы. Ждал, что скажет мальчишка.

— Пойдемте, я вас к Бруно Федоровичу отведу, — вполголоса проговорил он. — Поскорее пойдемте.

Наконец-то! Алексей очень обрадовался. Значит, не забыл его Кирзнер.

— Кто там, Алеша? — донесся из комнаты голос Ивана Никандровича. — Ко мне?

— Нет, ко мне. Я уйду ненадолго, папа, — крикнул из передней Алексей, натягивая пальто и шапку. — До свидания.

По улицам шли долго. Мальчишка молчал. Алексей ничего не спрашивал. Он только подумал, что ведут его совсем не туда, где жил Кирзнер. На Столбовой улице провожатый вошел во двор облупленного дома, поманил пальцем Алексея. По плохо освещенной лестнице они поднялись в третий этаж. Дверь открыл Кирзнер.

— Ну, входи, входи, Алеша, — проговорил он, обнимая Алексея. — Давно не виделись. Все о тебе знаю... Садись, дорогой. Володя, — обернулся он к стоящему на пороге мальчику. — Спасибо. Можешь идти домой.

Когда они остались вдвоем, Бруно Федорович сказал:

— Вот куда пришлось перебраться. На старую квартиру приходится опасно, да и Марусе надо отдых от волнений дать...

Алексей заметил перемену, произошедшую с Кирзнером за время, что они не виделись. Бруно Федорович, бледный, похудевший, с запавшими глазами, выглядел больным.

— Что ж вы меня так долго не вызывали, Бруно Федорович? — с упреком спросил Алексей. — Ведь такие события! Неужели бы дела не нашлось? Побеждаем. Все, как вы говорили... А я в стороне оказался.

Кирзнер нахмурился, жестковато сказал:

— Вызываем, когда человек необходим. А вообще ничего ты не понимаешь. Победа! Какая это победа? Чья победа? Ну, испугались хозяева, пообещали всякие блага, чтоб не шумели, а сами соберут силы и ударят. Все по-старому будет.

— Неужели так?

— Плохо, что у наших социал-демократов все еще нет единства, — продолжал Кирзнер. — Выставить экономические требования — отлично. Но нельзя же ограничиваться этим. Главное ведь в другом. Кричим: «Долой самодержавие!» — и палец о палец не ударяем, чтобы взять власть в свои руки. Или ты думаешь, что ее отдадут нам по первому требованию? Ты же великолепно знаешь нашу точку зрения: только вооруженное восстание принесет победу рабочим. — Кирзнер схватил папиросу, нервно ломая спички, прикурил: видно, сильно волновался. — Забастовки, митинги, волнения в деревнях — все хорошо. Руководители социал-демократической латышской партии в восторге. Они считают, что победа уже завоевана и они могут диктовать свою волю правительству. С нами, русскими большевиками, они, видишь ли, не во всем согласны. И это губительно. Допустить обращение рабочих к генерал-губернатору вместо того, чтобы вооружиться и выйти на улицу! Мы учим стрелять наших людей, вооружаем их, готовим, потому что только сейчас начнутся настоящие бои. И мы должны противопоставить силе силу...

Кирзнер говорил горячо, с раздражением, как будто перед ним сидел не Алексей, а идейный противник.

— Я предвижу: прольется еще много крови благодаря этой нерешительности. Мы должны убедить народ взять в руки оружие, а армию перейти на сторону народа. Вот наша очередная задача. У нас есть верные люди в гарнизонах. Они успешно сколачивают там большевистские ячейки.

Алексей слушал Кирзнера и, пожалуй, только сейчас понял, какой безобидной была сегодняшняя демонстрация. Она проходила весело, все пели, смеялись над полицией, говорили речи... Даже этого было достаточно, чтобы испугать власть имущих. А если бы осуществить то, о чем говорил Бруно Федорович? Вооружить эту массу людей и вместе с солдатами занять все правительственные учреждения?..

Его первые детские восторги исчезли.

— Вы правы, — сказал смущенный Алексей. — От радости я потерял способность правильно мыслить. Мне показалось, что это победа.

— То-то и оно, что происходящее многим кажется победой. А ты большевик, ты должен совершенно ясно и трезво оценивать события, не обольщаться. Скоро и тебе придется отстаивать наши позиции. Теперь будем видаться чаще. Приходи сюда, а если понадобится срочно, пришлю за тобой парнишку. Стрелять умеешь? — неожиданно спросил Кирзнер.

— Стрелял в тире. Попадал неплохо.

Кирзнер достал из кармана небольшой вороненый браунинг бельгийской фирмы «ФН», протянул Алексею:

— Возьми. Может, понадобится. Колюхи Новикова работа. Помнишь тот мешок, что он тебе в лодку бросил? Вот от какой неприятности ты нас спас тогда.

Алексей погладил холодную сталь револьвера, положил браунинг в карман:

— Спасибо, Бруно Федорович. А где Лобода, Новиков? Можно их повидать? Очень хочется.

— Не выйдет, Леша. Лобода на Черном море по заданию партии, а Новиков плавает у Русско-Азиатского общества. Тоже не зря сидит на пассажирском пароходе. Делают то, что им поручено. Ну, а для тебя сейчас наступит горячее время. Хочу поручить тебе работу среди солдат. Справишься?

— Попробую. Не большой мастер я говорить, но попробую, если надо.

— Будешь ездить в Усть-Двинский гарнизон. Я тебя познакомлю с Борисом Старосельским. Он там свой человек. Станете вместе с ним рассказывать солдатам о революции. Как вести эти занятия, я скажу позже.

— Хорошо, Бруно Федорович. Вы думаете, что слежка за мной кончилась?

— Им не до тебя. Сейчас у них дела поважнее. Не хватает шпионов, чтобы следить за всеми. Вся губерния кипит... Теперь, до свидания.

20

Оставшиеся дни декабря и начало января для Алексея прошли в напряженной работе. Он встречался с Кирзнером, выполнял его поручения. Расклеивал по

почам листовки, бывал в Усть-Двинском гарнизоне, где тайно выступал перед революционно настроенными солдатами. Подготавливал его каждый раз Бруно Федорович. Алексей совсем замотался, но чувствовал необыкновенный подъем.

Слухи о Кровавом воскресенье пришли в Ригу на следующий день, десятого января. Они были настолько невероятны и страшны, что многие отказывались им верить. Не может этого быть! Царь-батюшка никогда не поступит так со своими беззащитными подданными. Он, конечно, их принял и выслушал, а небылицы распространяют его недруги, всякие анархисты и социалисты. Но с каждым часом появлялись все новые и новые подробности, открывающие всю жестокость кровавой расправы. Люди растерялись. Они не знали, что думать. Кто шепотом, кто громко и возмущенно, передавали все, что слышали о событиях в Петербурге.

В школе все говорили о том же. Каждый рассказывал об этом по-своему. Не было возможности отличить правду от вымысла. Фактические обстоятельства оставались неизвестными, и Алексей с нетерпением ожидал вечера, когда он сможет увидеться с Кирзнером. Наверное, уж Бруно Федорович все знает точно.

Иван Никандрович вернулся домой растерянный. До них в конторе тоже дошли слухи о расстреле.

— Неужели это может быть, Алеша? Невероятно, чудовищно! Не верю. При всей уродливости нашего строя, его жестокости Николай Романов все же не зверь и не дурак. Ну, пусть даже он именно такой, но ведь около него есть умные советники. Стрелять в безоружных людей! Варварство! Не верю! Должны понимать, какие могут быть последствия!

— Все может быть, папа. Царь и его приспешники перепугались, а у страха глаза велики. Во всяком случае, произошло нечто отвратительное и преступное.

Иван Никандрович никак не мог успокоиться. В конце концов он оделся и побежал к своему сослуживцу по конторе обменяться мнениями. Алексей едва дождался вечера. Как только улицы погрузились в темноту, он отправился на Столбовую.

Еще в прихожей, пожав руку Кирзнеру, Алексей шепотом спросил:

— Неужели все правда, Бруно Федорович?..

— Все правда, Алеша.

— Как же так? Как допустили?

— А вот так. Пойдем. Ты попал ко мне вовремя. Все услышишь своими ушами. Сейчас Миронов расскажет обо всем. Он только что прибыл из Петербурга, сам был на площади.

В комнате сидело несколько незнакомых Алексею людей. Лица у всех были хмурыми, печальными. Под потолком плавал сизый табачный дым. Маленький, коренастый человек — Алексей догадался, что это и есть Миронов, — горячо говорил, размахивая руками, часто сжимая кулак и грозя им в пространство.

Из его слов Алексей узнал о том, что произошло на Дворцовой площади. К царю шли безоружные рабочие, шли женщины, неся на руках детей, шли с просьбой хоть как-нибудь улучшить их невыносимую жизнь... Впереди шел поп с крестом и кадилом... Большевики предупреждали рабочих, что в них будут стрелять, что бесполезно идти с просьбами...

Когда Миронов дошел в своем рассказе до расстрела, вспомнил своих товарищей, убитых и оставшихся лежать на окровавленном снегу, слезы выступили у него на глазах и он, не стесняясь, сказал:

— Не могу больше. Покую. В основном, я рассказывал обо всем.

Люди сидели молча, подавленные. Они ожидали всего, но то, что они слышали, было слишком чудовищно. Погибло около тысячи человек! Ни в чем не повинных людей, шедших к царю с открытыми сердцами... Провокация!

Алексей тоже не мог прийти в себя. Возмущение душило его. Надо мстить за невинные жертвы, кончать с тиранами. Как когда-то в детстве, в голове у него появились фантастические идеи. Он стреляет в генерал-губернатора, и это является сигналом к восстанию... Голос Кирзнера вернул его к реальности.

— Двенадцатого января в Риге начнется всеобщая забастовка, и рабочие выйдут на улицы, чтобы показать свою пролетарскую солидарность, — сказал Бруно Федорович. — Центральный комитет Латышской социал-демократической партии призывает к этому. Мы не можем остаться в стороне и должны принять участие в демонстрации. Я думаю, что власти не посмеют повторить Петербург, но готовым надо быть ко всему...

Расходились поздно, по одному. Последним ушел Алексей. Он условился с Кирзнером встретиться у него дома рано утром и идти на демонстрацию двенадцатого вместе.

21

...Многотысячные колонны демонстрантов двигались по улицам города. Печально и угрожающе звучали над красными знаменами, транспарантами, головами людей мелодия и слова:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Пузырились на ветру полотнища с лозунгами: «Долой самодержавие!», «Смерть тиранам!», «Долой господ!». Плечом к плечу шли рабочие Риги. Русские, латыши, литовцы, поляки. Все вместе. Сегодня были забыты разногласия, национальные различия во взглядах. Всех объединили гнев, ненависть к петербургским убийцам.

Как непохожа была эта демонстрация на декабрьскую — веселую, шумную, победную! Сейчас люди шли со сжатыми губами, без улыбок, опустив головы. Что-то неотвратимое было в этом огромном мрачном шествии. Оно пугало.

Высокомерно и молчаливо глядели на демонстрантов зашторенные окна богатых домов. Не видно любопытных глаз и лиц. Только тяжелые разноцветные шторы, за которыми таились озлобленные, вконец перепуганные, вчера еще такие надутые и важные люди. Земля закачалась под их ногами, неужели придется в чем-то уступить?

Владимир Николаевич Подгоецкий, чуть отодвинув занавеску, выглядывал на улицу и говорил жене:

— Черт знает что! Какая их масса, вылезли из всех щелей, как тараканы. Ведь если не оказать противодействия, они все сметут на своем пути. Почему попустительствует губернатор? Я бы на них казаков, казаков с плетками. Не так бы запели...

— Ну что ты, право, Володя, уж и казаков! — пожала плечами Ирина Сергеевна. — Они тоже люди и никого не трогают. Не повторять же ошибки Петербурга? Нельзя быть таким жестоким.

— Можно, Ира, а иногда и нужно. Бунт подавляют силой, а не уговорами. А это настоящий бунт. Посмотри, что написано на их тряпках: «Долой самодержавие и господ!» Ишь, на что замахнулись. Ведь царь — это святыня для каждого русского сердца! Казаков, только казаков!..

Владимир Николаевич уже не говорил, а кричал. Так он редко выходил из себя. Но, несмотря на свое возмущение, все-таки он прятался за шторой и не хотел, чтобы его увидели с улицы. Казаков с ним не было...

А люди все шли и шли, и казалось, не будет конца этому живому потоку.

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Песня проникала за закрытые окна, и от нее у многих холодели сердца. Почему бездействуют власти?

...Кирзнер и Алексей шли в первом ряду колонны, вышедшей из района Экспортной гавани. Они двигались к реке.

— Перейдем по понтонному мосту на другой берег и там соединимся с остальными, — повернулся Кирзнер к соседу. — Оттуда двинем по главным улицам.

— Так, — ответил пожилой латыш. — Так будет хорошо.

У понтонного моста увидели солдат. Они стояли стеной, преграждая путь. Колонна замедлила движение, остановилась. Кто-то крикнул:

— Братцы, пропустите!

Солдаты молчали. Что-то скомандовал офицер. Звякнули затворы. Алексей сунул руку в карман, вытащил браунинг.

— Ты с ума сошел! Убери сейчас же, — приказал Кирзнер. — Не хватает, чтобы людей перестреляли. Им только твой выстрел и нужен. Горячая ты голова.

Алексей с сожалением убрал пистолет. Но в общем-то Бруно прав. Спровоцировать схватку недолго.

— Пошли в обход, по льду, — закричал пожилой латыш и первым спустился на реку. За ним последовали остальные.

Понтонный мост остался в стороне. Черной широкой лентой извивалась колонна, приближаясь к противоположному берегу. Первые ряды уже поднялись на

набережную. Из прилегающих к центру города улиц к ним навстречу хлынули демонстранты. Стало тесно. Улицы не вмещали людей. Алексея стиснули так, что он еле дышал. Но все-таки колонна еще двигалась.

У железнодорожного моста она остановилась. Образовался затор. Впереди что-то кричали. И вдруг Алексей увидел, что они окружены солдатами и полицейскими. Те уже поднимали ружья. Не было никаких предупреждений. Раздался залп, толпа охнула, и люди, давя друг друга, ринулись назад к реке, а часть устремилась в боковые улицы. Вокруг как-то сразу стало свободнее.

— Ах, сволочи! Что делают! — воскликнул Кирзнер, хватая Алексея за рукав. — Скорее!

Он подтащил его к подворотне большого дома. В воротах, раздвинув ноги, в белом переднике с медной бляхой, стоял бородатый дворник.

— Куды? А ну пшел отсюда! — заорал он, пытаясь вытолкнуть Алексея на панель.

— Ах ты сволочь! — крикнул Алексей, выхватил из кармана револьвер. — Застрелю!

Дворник юркнул в ворота. Звякнула задвижка калитки. Бруно Федорович тяжело дышал. Рядом стояли женщина, прижимающая к груди плачущего ребенка, и трое демонстрантов, успевших укрыться в подворотне.

Пропела пуля, ударилась об угол ворот, от стены отлетел большой кусок штукатурки. А от моста катилась новая лавина людей. Они падали, бежали, спотыкались. Многие, сраженные пулями, больше не могли подняться. За ними в каком-то диком исступлении бежали солдаты. Они стреляли в лежащих, прокалывали их штыками, били прикладами...

— Бегите! — сказал Кирзнер стоящим в подворотне людям, когда недалеко от дома появились два солдата с ружьями наперевес. — Перестреляют всех! Бегите, мы попытаемся их задержать! Алеша!

Алексей понял.

Трое мужчин и женщина с ребенком выскочили из подворотни и бросились к ближайшему углу. Солдаты заметили их, повернули к воротам. Отступать было некуда. На искривленном страшной гримасой солдатском лице Алексей увидел белые, пьяные, безумные глаза,

совсем рядом блестящий штык. Он выстрелил. Солдат упал. Во второго выстрелил Кирзнер, но промахнулся. На какое-то мгновение между ними и мостом лег страшный пустой кусок улицы.

— Пошли! Бегом! — закричал Кирзнер, и они побежали.

Вслед им стреляли. Пули цокали о мостовую, поднимая пыльные фонтанчики. Алексей оглянулся. Опять появились бегущие люди и преследующие их солдаты. В боковой улочке Алексей и Кирзнер остановились. Она была пустыня. Люди рассеялись.

— Все кончено, — сказал Кирзнер и скрипнул зубами. — Не сумели мы защитить демонстрацию. Не так расставили свои боевые силы. Надо было быть всем вместе, может быть, тогда дали бы отпор... Я ведь предупреждал... Впрочем... — Он махнул рукой. — Мало, мало у нас еще оружия... Сколько погибших! Но эти смерти не пройдут даром, за них дорого заплатят. Борьба только начинается...

Алексей молчал. Перед глазами все еще стоял бегущий на него солдат со штыком, улица, покрытая черными пятнами крови, женщина, волочащая за собой труп мужчины... Он плохо понимал то, о чем говорил ему Кирзнер. Да, конечно, вооруженные боевики должны быть вместе, а их разослали по колоннам...

С осторожностью, закоулками, чтобы не нарваться на полицию и солдатские заслоны, они добрались до Столбовой.

— Приходи завтра, — сказал Кирзнер и, не прощаясь, ссутулясь, вошел в парадную.

Бруно Федорович не ошибся. Борьба усиливалась. Январские события послужили началом непрерывной цепи забастовок и демонстраций. Против самодержавия поднялись не только рабочие, но и крестьяне. Призывы «Долой помещиков!», «Долой царя!» все чаще и чаще раздавались в деревнях. Даже церковные праздники превращались в грозные митинги и демонстрации против баронов и пасторов. В городах не прекращались волнения, нередко приводившие к кровавым стычкам между рабочими и полицией.

Последнее время Алексей мало видел Кирзнера. Бруно Федорович пропадал на заводах «Феникс», Балтийском вагоностроительном, верфях Ланге. Да и у самого Чибисова хватало работы. Он часто ездил в Усть-

Двинский гарнизон, где у него наладились связи с солдатами. Там уже была создана крепкая партийная ячейка, и теперь Алексей выполнял задания руководителя этой организации Денемарка.

Он совсем запустил занятия в мореходной школе и с трудом добивался удовлетворительных оценок, удивляя преподавателей. Раньше он учился отлично, но сейчас не хватало времени. Нужно было много читать, готовиться к выступлениям.

Алексею нравилась эта работа. Он почувствовал силу слова. Видел, как внимательно его слушают, а потом задают вопросы. Видно было, что солдатам близко все, о чем он им говорил.

Учебный год подходил к концу. Надо было на время прекращать партийную работу и снова искать себе места на пароходе. Но при встрече Бруно Федорович сказал:

— Ты должен остаться в Риге, Алеша. Нельзя бросать Усть-Двинский гарнизон. Дело идет там хорошо, и Денемарк говорил мне, что ты там необходим. Он очень доволен тобой.

Алексей стосковался по морю, ему хотелось в плавание, но он сразу понял Кирзнера и ответил:

— Надо так надо. Что же я буду делать все лето?

— В рижском порту есть буксир «Эклипс», маленький такой, букашка, может быть, ты его видел? Он таскает баржи с песком с низовья, иногда помогает швартовать суда. Принадлежит он двум старикам — Казрагсу и Лудуму. Горе-судовладельцы! Старики отличные, а сыновья их наши рабочие-большевики. Тебя возьмут на «Эклипс» рулевым. Не ахти какое плавание, но все-таки... В стаж пойдет.

— Есть идти на «Эклипс», — по-матросски ответил Алексей. — Когда?

— Кончишь ученье, перейдешь в следующий класс и сразу можешь наниматься на буксир. Скажешь, что послал тебя я.

— Хорошо. Все понял.

Алексею было приятно, что его похвалили. Это утешило его. Еще успеет наплаваться на хороших пароходах.

В середине мая закончились занятия. Кое-как Алексей перешел в следующий класс. Теперь он был свободен до осени.

...Алексей нашел «Эклипс» в Экспортной гавани при-
тулившимся в самом углу ковша. Он был так мал, что
его труба всего на несколько футов возвышалась над
причалом. Но зато вид у буксирчика был великолеп-
ным. Он блестел, как старая, только что отремонтиро-
ванная игрушка. Медяшка сияла, борта были выкра-
шены свежей чернью, деревянная палуба выдраена до
белизны, на крошечной мачте полоскался чисто высти-
ранный трехцветный флажок Российской империи.

Встретил Алексея меднолицый седой старик с огрыз-
ком сигары в зубах и в морской, с золотым якорем,
фуражке. Он дружелюбно поглядел на Алексея выцвет-
шими голубыми глазами и представился:

— Капитан Казрагс. Я тебя давно жду. Место сво-
бодно, работать некому. Платить будем мало. Придет
компаньон Лудум — решим сколько.

Так началось «плавание» на «Эклипсе». Судно было
такое крошечное, что содержать его в порядке, ухажив-
ать за ним не составляло большого труда. Кроме двух
капитанов, которые сами стояли на руле, на «Эклипсе»
работал мальчишка лет шестнадцати. Его звали Вилис.
Он приходился каким-то дальним родственником капи-
тану Лудуму. Был еще машинист, которого все важно
величали «старшим механиком».

«Команда» приходила на буксир чуть свет. «Стар-
ший механик» разводил пары, Вилис с Алексеем уби-
рали суденышко, драили палубу, скатывали ее водой из
ведер, поднимали флаг. Капитаны являлись попозже.
Они придиричиво осматривали все судно, справлялись
у «старшего механика», поднят ли пар, и, если все ока-
зывалось в порядке, подавалась команда: «Отдать швар-
товы!»

Здесь все делалось, как на настоящем большом суд-
не. Оба капитана когда-то плавали на английских па-
русниках и свято соблюдали традиции.

«Эклипс» бежал вниз по реке, швартовался где-ни-
будь недалеко от устья. Там его уже обычно ожидали
нагруженные песком небольшие баржи. С трудом он
тянул их вверх по реке, до самой Риги. Такой рейс
иногда занимал целый день. Изредка, когда в порту не
хватало буксиров, «Эклипс» приглашали помочь швар-
товке какого-нибудь парохода. Капитаны радовались.

За такую работу прилично платили, но случалось это редко. Вообще «судовладельцы» еле-еле сводили концы с концами. Заработки были мизерными. Из-за этого старики часто спорили. Лудум предлагал продать буксир, Казрагс возражал, доказывая, что «Эклипс» еще будет приносить доход, надо только переждать тяжелое время.

На самом же деле ни тот, ни другой своей жизни без этого старика-буксира не представляли. Это было их последнее «море», последнее командование. Что бы они стали делать без привычной, милой сердцу обстановки? Поэтому они делали все, чтобы как-то продержаться на «Эклипсе».

Вечером буксирчик швартовался где-нибудь у городских набережных, все двери закрывались на замки, и команда расходилась по домам. Ночью, как и в праздники, не работали.

Алексей бывал в Усть-Двинске у своих солдат каждый праздник. Он с радостью замечал, как меняется у них настроение. В гарнизоне уже провели несколько митингов, на которых ораторы выступали с требованием улучшения питания, одежды, вежливого обращения офицерства с нижними чинами... Начальство, окруженное вооруженными солдатами, молчаливо выслушивало «крамольные» речи. Боялось.

Алексей привык к «Эклипсу» и его «экипажу». Капитаны действительно оказались чудесными людьми. Особенно нравился ему Казрагс. Он плохо говорил по-русски, но любил рассказывать о своей жизни и плаваниях. Его только надо было «завести», начать разговор, а там уж остановить капитана становилось трудно. Этим пользовались Алексей и Вилис, который был великим охотником до морских историй и приключений. Если «Эклипс» стоял в ожидании работы и капитан грелся на солнышке, посасывая свою дешевую сигару, Алексей обычно начинал:

— А это правда, Альфред Карлович, что у англичан на парусниках плохо кормили?

— Где как. Я плавал на «Флаинг фиш», там кормили худо. Мастер¹ уж слишком экономил на наших желудках. Мы отказались работать, лезть на реи, убирать паруса. Он перепугался и приказал давать нам все сполна.

¹ Капитан (от англ. master).

— Ничего вам за это не было?

Казрагс поднимал кверху сжатый, татуированный кулак:

— Ничего. У нас была дружная команда, крепкая, как эта рука: все за одного, один за всех. Мастер нас побаивался. Его могло неожиданно смыть за борт во время шторма, э? Бывали такие случаи. — И Казрагс хитро подмигивал своими голубыми глазами. — Шторм, волна... Все бывает. А мы умели молчать.

— Как же вы сами хозяином стали? — подтрунивал Алексей. — Не боитесь, что вас команда за борт выкинет?

— Я вас всех сам повыбрасываю в Двину! — Капитан громко хохотал. — Еще есть силенка... А потом, какой я хозяин? — сердился старик. — Мы с Лудумом купили «Эклипс», чтобы на старости лет дома пожить. Ревматизм замучил. Все свои сбережения за многие годы истратили на этот буксир. А что толку? Денег нет даже на ремонт. Хозяин!

Дни проходили в работе, недели катились за неделями.

23

Двадцать четвертое июня, день Ивана Купалы, латыши праздновали весело. Жители Риги семьями выезжали за город на пляжи Рижского залива или на берега живописной речки Аа, устраивали там пикники, жгли костры, пускали фейерверки и пели «ивановы песни». Не обходилось, конечно, без изрядной выпивки. На лесных полянках расстилали скатерти, и шел пир горой. Молодежь танцевала, старики степенно беседовали, потягивая из кружек.

Офицеры и комендант Усть-Двинского гарнизона решили в Иванов день устроить большой бал. Готовились к этому торжеству задолго, тщательно. Офицеры совсем загоняли своих денщиков. Солдаты бегали к портным, сапожникам, белошвеям. Господа шили новые мундиры, сапоги, шелковые рубашки. Комендант потерял голос от бесконечных споров с интендантами, заказывающими вина и закуски у рижских купцов. Счета намного превышали предварительную смету, но вычеркнуть что-нибудь из намеченного было немыслимо.

— Все должно быть по первому классу, ваше превосходительство, — убеждал его интендант. — Помните, какой праздник устроил в прошлом году Рижский гарнизон? Неужели мы окажемся хуже?

Комендант вздыхал, отирал платком вспотевшую шею и соглашался. Придется увеличить сбор денег по подписному листу среди офицеров, кроме того, возможно, удастся кое-что натянуть на солдатском довольствии. Некоторое время будут давать в котел поменьше мяса и масла... В общем, будет видно.

Отряды солдат ежедневно отправлялись убирать гарнизонный сад, посыпать мелким белым песком дорожки, обновлять клумбы. Солдаты-плотники в укромных, тенистых уголках строили зеленые беседки. Без этого не обойтись. Дамы со своими кавалерами любили отдохнуть в таких беседках после танцев. На деревьях натягивали проволоку, развешивали разноцветные фонарики, а по обочинам аллеи устанавливали масляные плошки. Их зажгут, когда начнется бал.

Жены и дочери офицеров давно ожидали этого дня. Вот уж где они смогут показать себя! Ничего, что их гарнизон расположен не в самой Риге, они ни в чем не уступят рижанкам. Одежду к празднику шили у лучших местных портних, а кто был посостоятельнее — заказывали платья в Петербурге. Одним словом, для всех обитателей Усть-Двинского гарнизона бал в день Ивана Купалы являлся большим приятным и долгожданным событием.

Все лучшее рижское общество получило приглашенные билеты. Они были отпечатаны на прекрасной мелованной бумаге и начинались словами: «Его превосходительство комендант Усть-Двинского гарнизона всепокорнейше просит прибыть господина и госпожу... с дочерьми на...»

Владимир Николаевич Подгоецкий получил приглашение одним из первых. Он повертел билеты в руках, небрежно бросил на стол и сказал Ирине Сергеевне, сидевшей с книгой в кресле-качалке:

— Ирочка, мне что-то не хочется ехать на бал к этим солдафонам. А тебе? Тоже нет? Вот и хорошо. Отдадим билеты Алевтине, пусть покружится со своим кавалером. Кстати, мне понравился этот студент, которого она представила нам недавно. Такой милый,

выдержанный молодой человек, со здоровыми политическими взглядами. Я с ним поговорил немного.

— Если я не ошибаюсь, у Буткевичей два больших магазина колониальных товаров. Но я не уверена. Может быть, однофамилец.

— Я надеюсь, что ты не смотришь на этого юнца как на нашего будущего родственника, Ирочка? — Владимир Николаевич самодовольно ухмыльнулся.

Тина проводила каникулы у родителей в Риге. За последнее время она очень подружилась с Марком. Их привыкли видеть вместе, и сплетницы называли его женихом. Об Алексее Чибисове девушка совсем забыла: они долго не виделись, и она даже не вспоминала о нем. Жизнь летела интересная, веселая, наполненная разнообразными событиями. Марк был отличным собеседником, послушным подданным, терпимым к ее капризам, и вдобавок красивым юношей, на которого с удовольствием поглядывали женщины.

Билетам на офицерский бал Тина обрадовалась. На таких балах она раньше не бывала, а слышала много. Там собирается весь цвет общества, на балу она блеснет своими новыми туалетами, привезенными отцом из Англии. О ней заговорят газеты. Приятно, когда о тебе, например, пишут такое: «...на балу блистала прелестная дочь известного в нашем городе инженера В. Н. Подгоецкого...» — или так: «...наибольшим успехом пользовалась А. В. Подгоецкая, дочь нашего известного инженера, построившего мост через Волгу в районе Нижнего Новгорода. Ее платье цвета «электрик», как голубое пламя, мелькало повсюду. Для того чтобы ангажировать ее на танец, приходилось записываться в длинную очередь...» Тина была тщеславна и не сомневалась в успехе.

— Двадцать четвертого едем на бал в Дюнамюнде, в гарнизон, — сказала она Марку, когда они встретились. — Надевайте фрак. Там будет вся наша знать.

— У меня еще нет фрака, — засмеялся Марк. — Надену парадную студенческую тужурку на белой шелковой подкладке. Тоже очень эффектно выглядит. Может быть, примете эту замену?

— Приму, Марк, — улыбнулась Тина. — Я люблю форму, и будем считать, что это студенческий фрак.

— Ну, значит, все улажено. Когда прикажете ехать за вами?

— Приезжайте пораньше. Говорят, там чудесный сад, погуляем...

Как обычно в праздники, рано утром Алексей поехал в гарнизон. Он давно знал о предстоящем офицерском бале и думал, что увлеченное своими дамами и танцами начальство меньше обычного будет обращать внимание на солдат. Может быть, удастся встретиться с активистами без помех где-нибудь вне гарнизона, подальше в лесу или на побережье. Поговорить, не опасаясь всяких провокаторов и осведомителей, которых всюду было достаточно.

Алексея встретил взволнованный Денемарк.

— Солдаты подготовлены к выступлению,— сказал он, пожимая Чибисову руку.— Сегодня во время бала мы проводим демонстрацию солидарности с потемкинцами. Пусть офицеры знают, что мы вместе с восставшими, и сделают выводы...

Для Алексея это сообщение явилось неожиданным. Наверное, решение приняли, когда он отсутствовал. Он спросил, что ему предстоит делать.

— Ты должен быть среди солдат. Скажешь короткую речь о моряхах-черноморцах. О том, что побудило их поднять на крейсере красный флаг. Встретимся у гарнизонного сада в восемь вечера.

Волнение Денемарка передалось и Алексею. Он впервые должен присутствовать на выступлении солдат. Как все это будет происходить? Не приведет ли оно к кровавому столкновению? Алексей не знал, как убить время до назначенного часа. Не мог найти себе места. Слоняясь по поселку, заходил к знакомым, но дома никого не застал. Все ушли на реку праздновать Иванов день. Запоздалые горожане с мешками и корзинками, не останавливаясь в поселке, направлялись туда же.

Алексей вышел к лесу, недалеко от дороги нашел полянку, скинул пиджак, положил под голову и лег. Он думал о том, что скажет солдатам. Представил себя на восставшем крейсере. Одиноким корабль под красным флагом... Представил матросов, с надеждой глядящих на мрачные, серые корабли, застывшие на рейде... Поддержат ли? Взовьется ли еще на чьей-нибудь мачте

флаг революции? И горечь разочарования... Одни! Но «Потемкин» еще не сдался. Еще звучат вдохновенные, пламенные речи, призывающие к борьбе... Может быть, какой-нибудь корабль все же примкнет к ним? Ведь требуют они того, что нужно всем матросам: нормальной пищи, человеческого отношения, офицеры должны считать их такими же людьми, они должны иметь такие же права...

Все так просто и справедливо. Вот об этом он и скажет солдатам.

24

Алексей пришел к воротам сада задолго до условленного с Денемарком времени. Тут уже стояло несколько зевак, наблюдавших за съездом гостей. Начиная темнеть. К воротам то и дело подъезжали блестящие коляски и кареты. Из них выскакивали офицеры в новеньких мундирах, помогали выйти своим дамам в вечерних платьях, предъявляли билеты двум стоявшим у ворот фельдфебелям и скрывались в глубине сада.

Экипажи отъезжали, уступая место другим. Гости становилось все больше. Штатские господа перемешались с офицерами, а женщины разноцветными бабочками кружились около центрального фонтана. Из-за ограды доносились громкий смех, обрывки фраз, шарканье ног по песчаным дорожкам. Ждали танцев.

Грянул духовой оркестр. Полились звуки вальса. Все пришло в движение. Кавалеры торопливо кланялись своим дамам и увлекали их на огромную гладкую деревянную площадку, изготовленную плотниками специально для танцев. Тут же, в центре сада, должны были запускать фейерверк.

Неожиданно над головами танцующих зажглись гирлянды фонариков, а у дорожек вспыхнули десятки плашек, зажженных солдатами. Сад осветился причудливым колеблющимся светом. На лица людей падали разноцветные блики. Все казалось волшебным, необычным, и от этого становилось еще веселее. А в гарнизонном зале, между длинными столами, накрытыми белыми скатертями, уставленными всевозможными яствами, суетились официанты, приглашенные из лучших рижских ресторанов. Они заканчивали последние приготовления.

Тина Подгоецкая, Марк Буткевич и подпоручик Лео-

нид Нечаев, тоже один из преданных поклонников Тины, подъехали на вороном лихаче, в лакированной коляске. Лихача не без труда раздобыл Лёсик, как все называли подпоручика. Хотелось шикануть!

— Смотрите, какая прелесть! — воскликнула Тина, когда они вошли в сад и увидели пеструю толпу танцующих, освещенную плошками и фонариками. — Совсем как в Вене на балах вальсов. О них мне рассказывал папа. Пошли скорее, Марк. Следующий танец ваш, Лёсик, — повернулась она к офицеру. — Где мы встретимся?

— Я буду ждать вас у фонтана, как царевич Марину Мнишек, — поклонился Нечаев. — Буду ждать с нетерпением, Тина.

— Тот, кто умеет ждать, всегда бывает вознагражден, — засмеялась девушка. — Пошли, Марк.

Алексей узнал Тину, когда она выходила из коляски. Узнал и Буткевича. Значит, все-таки он сделался ее другом. Какая она стала красавица! В сердце тихонько кольнуло. Он не видел ее около двух лет, как-то не приходилось, и писать он ей не писал. Да и о чем? У них совсем разные жизни. И все-таки... Лучше бы она была с ним, а не с Буткевичем.

У ворот сада появился Денемарк. Алексей подошел к нему.

— Сейчас начинаем, — тихо сказал Денемарк. — Солдаты уже идут.

Они закурили. Над деревьями то и дело взлетали ракеты, оркестр играл без перерывов, смех слышался чаще, становился громче. В темноте появились первые ряды солдат.

— Пора, — сказал Денемарк. — Идем.

Алексей не успел осмотреться, как очутился среди солдат. Все пространство перед садом было заполнено ими.

— Вперед! — крикнул Денемарк, и солдаты, напирая друг на друга, смяв контролеров, хлынули в сад.

В первое мгновение танцующие не заметили их, но когда чей-то голос звонко выкрикнул: «Долой кровососов! Да здравствует броненосец „Потемкин”!» — все сразу остановилось, пришли в замешательство, оркестр замолк. Какой-то старенький генерал в отставке, глядя обезумевшими от испуга глазами на вливающуюся в сад лавину, по-петушиному прокричал:

— Как вы смеете?! Вон отсюда!

Его слова встретили дружным хохотом, а молодой солдат в лихо сдвинутой на затылок фуражке подскочил к генералу, повернул его спиной к себе и слегка подтолкнул:

— Дуй, дуй, ваше высокопревосходительство, до дома, а мы тут поговорим.

Теперь уже гости растворились в этой массе зеленых гимнастеров. Перепуганные офицеры хватали своих дам и тащили их к выходу из сада. Их никто не задерживал. Из солдатской толпы неслись гневные выкрики:

— Долой грабителей жизни!

— Да здравствует Черноморский флот!

— Да здравствует броненосец «Потемкин»!

Алексей вскочил на садовую скамейку.

— Товарищи! — закричал он. — Матросы с броненосца «Потемкин» восстали против своих угнетателей, против мордобоя и офицерской жестокости. Они требовали приличной пищи, человеческих прав, справедливости. Они подняли на флагштоке алый флаг революции. Мы поддерживаем их и говорим: тот, кто пойдет против народа, от руки народа и погибнет! Мы требуем справедливости и конституции! Солдаты такие же люди! Долой самодержавие!

— Да здравствует Черноморский флот! Мы вместе с матросами «Потемкина»! Ура! — неслось в ответ.

Все находились в крайнем возбуждении. Грозно звучали слова ораторов, вселяя страх в души «лучшего общества» Риги. Не было сделано ни одного выстрела в демонстрантов. Все понимали, что к солдатам применять такие меры нельзя. Это нечто другое, чем подавление и расстрел безоружных рабочих. Как бы самим не потерять голов.

Тина вместе со своими приятелями оказалась прижатой к зеленой беседке. Отсюда выйти из сада пока было невозможно. Ее плотным кольцом окружали демонстранты. Марк стоял бледный, у Лёсика дрожали губы, — он с удовольствием сбросил бы свой новенький офицерский мундир, — а Тина наблюдала за происходящим с любопытством. Она не испытывала страха.

Буткевич заметил Алексея. Он сжал Тинину руку и тихо сказал:

— Смотрите, Тина. Ваш друг...

— Какой друг?

— Лешка Чибисов. Вон, на скамейке, речь говорит. Видите?

Тина повернулась и тоже увидела Алексея.

— Какая неожиданность! — Она состроила презрительную гримасу. — Вот уж никогда не думала, что он будет вместе с этими...

Алексей кончил говорить, соскочил на землю, протиснулся сквозь плотно стоящих солдат и неожиданно очутился у беседки. Он увидел Тину.

— Здравствуйте, Тина, — сказал он без улыбки. — Вот где пришлось встретиться.

Она не ответила, отвернулась. Алексей придвинулся ближе. Лёсик сунул руку в карман.

— Не делайте глупостей, — спокойно проговорил Алексей. — Если вы только вытащите револьвер, вас растерзают. Неужели неясно? Не бойтесь. Ничего плохого вам не сделают, если вы сами не начнете.

Тина гордо вскинула голову:

— А мы и не боимся. Кого бояться? Вас или этих солдат? Конечно, от таких можно ожидать всего...

— Ну зачем вы так, Тина? — огорченно сказал Алексей. — Солдаты вправе требовать человеческого отношения к себе. Они такие же люди, как и вы.

— Мне не нужны ваши объяснения, — высокомерно бросила девушка. — Будет лучше, если вы уйдете. Мне не хочется разговаривать с вами.

— Как угодно. — Глаза Алексея похолодели. — Очевидно, вы никогда не поймете людей, которые живут хуже, чем вы. Прощайте. — Он отошел и смешался с толпой.

— Не следовало разговаривать с ним таким тоном, — прошептал Лёсик. — Изобьют нас, чего доброго, в лучшем случае. Пришлет ваш друг несколько солдат... Только бы выбраться отсюда невредимыми, потом сочлись бы...

— А вы трусишка, подпоручик Нечаев, — засмеялась Тина. — Не посмеют нас тронуть.

— Нет, я совсем не напуган, Тина. Просто не стоит махать красным перед быком. Всегда и везде надо быть дипломатом, а потом уж, когда представится случай, наносить удар. Разве не так, Марк?

— Так, — проговорил до сего времени молчавший Буткевич и, как будто отвечая на свои мысли, добавил: — Да, удар должен быть верным и неожиданным.

Но каков гусь, а? Невероятно! Лешка Чибисов — революционер, агитатор! Солдаты — темный народ. Что с них спросишь? Куда поведут, туда и пойдут. Но он-то ведь настоящий поджигатель. Слышали, что говорил? Такие люди опасны для общества.

— Оставьте, Марк. Что они могут? Ничтожества! Вы слишком переоцениваете таких, как Чибисов.

— К сожалению, как видите, эти люди могут многое. Подняли солдат на демонстрацию, сорвали бал, а могли поднять и на худшее.

— Потише, потише. Не говорите так громко. Ведь они рядом стоят, — попросил Нечаев. — Ни к чему дразнить гусей.

Но на них никто не обращал внимания. Солдаты уже покидали сад. Они шли на берег реки Аа, где веселился простой народ. Там они были желанными гостями. С ними шел и Алексей. Всю ночь продолжались летучие митинги. Солдаты братались с рабочими. Они закрепляли союз для предстоящих боев.

Тина с Буткевичем и Нечаевым беспрепятственно, как и все гости, ушли из опустевшего сада. По-прежнему горели разноцветные фонарики, полыхали и коптили плошки, но не видно было разряженных дам, блестящих офицеров, важных штатских господ во фраках. Все разбежалось по домам. Только в обеденном зале официанты все еще охраняли накрытые столы да комендант сидел в своей квартире с обвязанной мокрым полотенцем головой, проклиная сегодняшний день, предвидя большие неприятности по службе.

— Прощайте, Марк, — ласково сказала Тина Буткевичу, когда после длительного путешествия пешком, а потом на простом извозчике добрались до ее дома. — Очень жаль, что сорвался такой прекрасный бал. Так хорошо начался и так печально закончился. Правда, я не очень горюю. Я люблю сильные ощущения, а то, что мы сегодня пережили, немного пощекотало нервы. Не огорчайтесь. Мы еще потанцуем с вами. Можете поцеловать меня в щеку, если это вас немного утешит.

— Тина! — радостно воскликнул Марк и крепко прижал ее к себе.

— Я этого не разрешала, — сказала девушка, освобождаясь из его объятий. — До свидания!

Марк не торопясь побрел по улице. Из головы не выходил Алексей Чибисов. Нет, в самом деле, от таких

людей общество должно быть освобождено. Недаром он всегда чувствовал неприязнь к Лешке. Всегда, даже в первых классах реального. Теперь же, когда выяснилось, что у них крайне противоположные политические взгляды, неприязнь эта усилилась. Революционер-агитатор! Никакие разумные доводы на них не действуют. Агитация может разрушить все общество до основания. Значит, надо находить другие методы борьбы с ними. Удар должен быть точным и неожиданным...

Марк остановился. Он стоял у большого скучного дома. На доске, привинченной к массивным дубовым дверям, тусклым золотом было написано: «Полицейское управление».

«Вот куда привели меня ноги,— подумал Марк, разглядывая вывеску.— Значит, судьба».

Он постоял еще несколько секунд и решительно взялся за ручку двери.

25

Кирзнер долго разыскивал «Эклипс». В порту ему сказали, что буксир с утра ушел за песком, а вот возвратился ли он в Ригу, не знают. Ищите в Экспортной гавани, где обычно ставят баржи. В указанном месте буксира не оказалось. После длительных расспросов Бруно Федорович выяснил, что «Эклипс» пошел к угольному причалу принимать дрова, которыми топили котлы. Здесь он его наконец обнаружил.

Вся команда, не исключая капитанов, занималась погрузкой топлива. Увидя Кирзнера, капитаны бросили работу и, приказав остальным продолжать, подошли к нему.

— Вот неожиданный гость! Зачем пожаловал, Бруно? Хочешь прокатиться на «Эклипсе»? — спросил капитан Лудум, обмениваясь с Кирзнером рукопожатием. — Это можно.

Кирзнер не принял шутки. Не улыбнулся.

— Мне с Чибисовым поговорить нужно. За тем и приехал.

— Это тоже можно. Леша! — позвал Лудум, и капитаны деликатно отошли в сторону, понимая, что разговор должен происходить с глазу на глаз.

— Был вчера в гарнизоне? — вместо приветствия спросил Кирзнер.

— Был, Бруно Федорович.

— Выступал? Речи говорил?

— Говорил.— Глаза у Алексея загорелись.— Демонстрация прошла отлично, Бруно Федорович. Организовано все было как надо. Хозяева и гости разбежались, а солдаты показали высокую выдержку. Молодцы! Так что все хорошо.

— Хорошо, да не очень,— поморщился Кирзнер.— Для тебя не хорошо.

— А что случилось? — с тревогой спросил Алексей.

— На тебя донес один из твоих бывших соучеников по реальному.

— Буткевич?

— Он.

— Не может быть! Как же вы узнали?

— Ну, это чистая случайность. Буткевич пришел в полицейское управление рано утром. Там никого не было, кроме дежурного офицера и... Буткевич сказал, что вернулся из Усть-Двинского гарнизона, где большевистский агитатор призывал солдат к бунту, дело чуть не кончилось кровопролитием, и если бы не дисциплинированность офицеров, то... «Вы знаете этого агитатора?» — спросил полицейский. «Да, это Алексей Чибисов, из мореходной школы...» Дежурный приказал ему написать обо всем, а наш человек, при котором происходил разговор, разыскал меня и сообщил, что слышал. Вот такие дела.

— Действительно скверно.

— И даже очень. Понимаешь, солдат они сейчас не тронут, ничего сделать им не могут. Гарнизон бурлит, и его лучше не трогать. Власти прекрасно это понимают. Тем более что обошлось без выстрелов. А вот с тобой и другими агитаторами полиция постарается при первой возможности свести счеты. Если тебя схватят, а это обязательно случится, если ты останешься здесь, тюрьма обеспечена, и на долгий срок. Ты для них старый знакомый.

— Что же делать, Бруно Федорович?

— Что делать? — Кирзнер нахмурился.— Тебе надо немедленно покинуть Ригу. Сегодня же. Времени терять нельзя. Завтра донесению Буткевича дадут ход, и тогда уже будет поздно.

— Покинуть Ригу? — переспросил огорченный Алексей.— Все бросить? А как же вы, работа, мореходная школа, отец?

— Придется. Мы без тебя справимся, а учиться можно и в другом городе. Сколько тебе еще до диплома штурмана?

— Один год.

— Ну вот видишь, недолго. Поезжай в Херсон. Там тоже есть мореходное училище. Я дам тебе письмо к хорошему человеку, преподавателю в этом училище. Он поможет. Получишь немного денег на первое время. Помощь партии. Вот так. Давай прощаться с «Эклипсом». Получи у хозяев что причитается, переодевайся в чистое, и пошли.

Алексей побежал переодеваться, а Кирзнер подошел к капитанам:

— Забираю у вас матроса. Заплати ему, Альфред, что положено. Больше он не придет. Если будут спрашивать, скажешь, что ушел, а куда — не знаешь.

Старик Казрагс понимающе кивнул. Он много прожил и научился не задавать лишних вопросов. Капитан вынул из кармана потертый бумажник и протянул Кирзнеру красную купюру — десять рублей.

— Это то, что он заработал. Больше я не могу дать.

— Я знаю, Альфред. Спасибо за все.

Спустя два часа Алексей и Кирзнер стояли на Ратушной площади.

— Встретимся на вокзале в восемь вечера у кассы. Я принесу тебе письмо и деньги. Попрощайся с Иваном Никандровичем. Успокой его как сможешь. Можете не увидаться долго. Лучше не говори, куда едешь. Так будет спокойнее. Ну, до вечера.

Прощание с отцом было тяжелым. Для Ивана Никандровича отъезд сына был неожиданным и необъяснимым. Он никак не мог понять, что же опять стряслось с Алексеем, почему ему так срочно нужно бросать Ригу, учение, дом.

— Зачем? Куда ты едешь?

— Так надо, папа. Поверь мне. Надо. Я тебе правду говорю.

— Я остаюсь совсем один, Алеша. Ты знаешь, как мне будет тоскливо и плохо без тебя. Ведь ты единственный, кто остался у меня в жизни.

Алексею было очень горько, так хотелось, как когда-то в детстве, припасть головой к отцовской груди и заплакать. От этого всегда становилось легче. Но он сдержался. Отец расстроится еще больше.

— Ты для меня тоже дороже всех на свете, и где бы я ни был, мысли мои с тобой,— сказал Алексей.— Буду писать, если позволит обстановка. Прошу тебя, не беспокойся и не мучай себя напрасными тревогами. До свидания, дорогой мой.

Они обнялись и долго стояли так, не проронив ни слова. Наконец Иван Никандрович отпустил сына и, что-то шепча одними губами, начал мелко крестить его. Потом, чтобы путь был счастливым, по старому русскому обычаю, они присели на минуту. Поднялись, взглянули друг на друга, Алексей взял свой чемодан, сделал шаг, оглянулся на поникшего отца, попытался улыбнуться, но улыбка не получилась, защемило сердце. Он вышел из квартиры. Хлопнула дверь. Алексей медленно спустился по лестнице. Разве знал он тогда, что только через восемнадцать лет увидит Ригу, пройдет мимо этого дома на Марининской?..

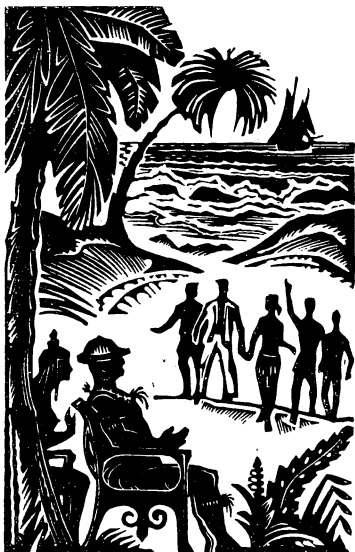
На вокзале его уже ждал Кирзнер. Он передал Алексею деньги и обещанное письмо. Лицо его было сурово, но глаза смотрели ласково и грустно. Он понимал, как тяжело Алексею покидать родной город.

— Ладно, Алеша. Долгие проводы — лишние слезы. Прощай, дорогой друг. Хороший ты парень, верный. Увидимся ли? Кто знает. Я надеюсь, что да. Помни, что ты большевик, Алеша. Куда бы ни забросила тебя судьба, оставайся им. Прощай. Не опоздай, садись.

Они обнялись, расцеловались трижды. Кирзнер не оглядываясь пошел к выходу. Алексей поднялся в тамбур. На душе у него было тяжело. Что ждет его впереди? На перроне раздался третий удар в колокол, зашвистел паровоз, вагоны дернулись, дрогнули и, громы-хая, покатились по рельсам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Скитания

Датский пароход «Анни Мёрск», переваливаясь с борта на борт, шел в Средиземном море. Туман рассеивался. В тусклых лучах топовых огней было видно, как от молочно-белой стены отрывались клочья и исчезали за кормой судна. Над головой открывались просветы звездного неба. С каждой минутой они увеличивались. Туман таял, отодвигался от парохода, уходил к горизонту. Снова вокруг судна плескалось черное, неприветливое ночное море.

— Эй, Алек! Можно уйти с бака! — крикнули по-английски с мостика. — Иди погрейся!

Алексей поежился, стряхнул капли с дождевика и спустился в кубрик. Проклятый туман! Больше двух часов простоял он впередсмотрящим на баке, здорово перемерз. Выпить бы сейчас чего-нибудь горячего. Он дотронулся до большого медного чайника, стоящего на столе. Совсем холодный! Сходить, что ли, на камбуз? Может быть, там есть кипяток? Но вылезать на холодную палубу не хотелось. Только бы не двигаться и согреться.

Алексей привалился к все еще горячему камельку. Приятное тепло разливалось по телу. Ничего, он просидит так, пока совсем не согреется. Если свистнут с мостика, он услышит. На вахте хороший парень, третий штурман Даниельсен. Опасаться нечего. На койках похрапывали свободные от вахты матросы. Алексей закрыл глаза. Мысли возвращались к недавнему прошлому...

...Он благополучно добрался до Херсона. Сразу же отнес письмо Кирзнера преподавателю херсонского мореходного училища Роману Исидоровичу Глущенко. Тот

удивленно вскинул глаза на Алексея, а когда увидел подпись, улыбнулся и сказал с мягким украинским акцентом:

— Старый друг Бруно объявился. Пишет только, когда ему что-нибудь нужно. Ну что ж. Я думаю, все устроится. Придется, правда, держать экзамены. Готовы? Жить где собираетесь? Дам вам адресок на Забалку. Далековато, зато дешево. И хозяйка там добрая жинка. Занятия в училище начинаются осенью, в сентябре.

От Глущенко Алексей поехал на Забалку, в белую мазанку тетки Гарпины, как все называли хозяйку. Когда она узнала, что жилья рекомендовал Роман Исидорович Глущенко, то очень обрадовалась. Она не знала, куда посадить Алексея, чем угостить. Сдала ему маленькую чистую комнату и настояла на том, чтобы столовался он тоже у нее. Пансион и жилье стоили так дешево, что Алексей почувствовал себя миллионером.

До начала занятий оставалось больше полутора месяцев. Каждый день с утра Алексей готовился к экзаменам, вспоминал пройденное в рижском училище, а после полудня бывал совсем свободен. Шатался по улицам, переезжал на старой лодке Днепр, часами купался, валялся на пляже, подставлял тело горячим лучам солнца.

После бурной, наполненной событиями жизни в Риге в Херсоне она текла монотонно-спокойно. Город был маленький, пыльный и очень жаркий. Одноэтажные белые домики, неширокие улицы, поднимающиеся от реки кверху, горластый южный базар, заваленный фруктами и рыбой. Вот и весь город. Главная улица Суворова — на ней сосредоточивались магазины — упиралась в городской сад, куда иногда ходил Алексей посидеть под дубом, который, как говорило предание, посадила сама Екатерина Великая.

В сентябре Чибисова приняли в мореходное училище, — экзамены он выдержал. Глущенко помог уладить формальности. Зима пролетела незаметно. Приходилось много заниматься науками, да были у Алексея еще два ученика, которым он давал уроки арифметики. Весной он получил штурманское свидетельство. На диплом не хватало стажа. Теперь надо было искать себе место на судне. После долгих поисков Алексей понял, что о долж-

ности штурмана даже на самом паршивом пароходе и думать не приходится. На судах не было и матросских мест. Херсон — город, где почти все жители так или иначе связаны с морем, — в достатке поставлял моряков для судов, заходящих в порт. А поселки Олешки и Голая Пристань, расположенные в низовьях Днепра, были полны целыми поколениями моряков. Оттуда выходили отличные капитаны, боцманы, механики и матросы. Так что вместе с Алексеем по причалам порта бродили десятки моряков, готовых пойти на любое судно, на любую должность. Деньги у Алексея кончились, его ученики давно уехали к родственникам в деревню проводить летние каникулы, и он уже подумывал о том, чтобы перебраться в Одессу, поискать там счастья. Опытные бичкомеры¹ говорили, что в Одессе устроиться значительно легче. С Херсоном не сравнишь. Когда он уже почти принял решение, ему повезло.

В этот день, как обычно, он обходил все причалы в поисках работы. Алексей остановился у датского парохода «Анни Мёрск». Еще вчера его здесь не было. Наверное, пришел ночью. Как большинство скандинавских судов, пароход сверкал чистотой. Палевые мачты, белая надстройка, блестящий черный борт, труба с белой маркой и голубой восьмиконечной звездой.

На спардеке стоял толстый, краснолицый человек в костюме цвета хаки, в рубашке с закатанными рукавами и в сдвинутой на затылок морской фуражке с большим блестящим козырьком.

Алексей разглядывал пароход, а толстяк, не обращая на него внимания, курил. Наконец он выбросил окуроч за борт, взглянул на Алексея маленькими синими глазами и спросил на скверном английском языке:

— Матрос?

— Да.

— Работу ищешь?

— Да.

— Иди сюда.

Алексей поднялся по трапу на борт. Датчанин провел его в небольшую каюту, усадил на стул, представился:

— Старший помощник капитана Иенсен. Давай документы.

¹ Безработные моряки.

Алексей протянул ему мореходную книжку и свидетельство штурмана. Иенсен иронически хмыкнул:

— Место капитана тебе не подойдет, а штурманские все заняты. Матросом первого класса согласен? У нас заболел человек. Пришлось его оставить здесь.

— Согласен,— не раздумывая ответил Алексей. Это была удача.

— За первый месяц половину жалованья отдашь мне...

Алексей удивленно взглянул на штурмана.

Старпом говорил по-английски откровенно, но Алексей сразу понял, что тот ему предлагает.

— Не подходит— можешь убираться,— сказал Иенсен и толкнул ногой дверь.

— Подходит,— буркнул Алексей.

Иенсен бросил мореходную книжку в ящик стола, протянул свидетельство Алексею:

— Это не нужно. Я внесу тебя в судовую роль и все оформлю в порту, а ты иди пока к боцману. Впрочем, пойдем вместе, я проведу сам.

Они прошли по чистой палубе к носовым люкам. Матросы открывали трюмы. Старпом подозвал сухого человечка в вязаной шапочке:

— Петер, вот тебе новый матрос. Русский. Как тебя зовут? — обернулся офицер к Чибисову.

Алексей назвалса.

Боцман попробовал повторить фамилию, пробормотал что-то нечленораздельное, засмеялся:

— На твоей фамилии язык поломаешь. Имя я могу — Алек, а вот фамилию — нет. Ну, ты такой высокий, что тебя можно звать Лонг Алек. Не возражаешь? Так прощ.

Алексей кивнул в знак согласия.

— А теперь, Алек, иди домой, возьми вещи и приходи на судно. Все в порядке, господин Иенсен.

Старпом повернулся и пошел к надстройке. Боцман подмигнул ему вслед:

— Пошел принять еще одну сверх девятой.

Матросы захохотали. Алексей почувствовал, что Иенсен не пользуется любовью экипажа. Ну и правильно. Не должен он нравиться порядочным людям. Может быть, и другие матросы поступили на «Анни Мёрск» на таких же условиях, как и он?

Через три дня «Анни Мёрск» ушла из Херсона в Геную с грузом пшеницы.

Алексей быстро осваивался среди незнакомых людей. Приглядывался к ним и к жизни на пароходе. Они сделали еще два рейса из Греции в Италию и Францию. Теперь «Анни Мёрск» снова шла в Италию, в маленький порт Кротону.

На пароходе Алексей потерял свое имя и фамилию. Все называли его не иначе, как Лонг Алек. Он привык к этому. Ему казалось, что это и есть его настоящее имя. Он сравнивал датское судно со старой «Бирутой». Все было похожим. Как и там, матросы и кочегары жили в носовых кубриках, а боцман — в маленькой клетушке на спардеке, называемой каютой, хотя в ней с трудом можно было вытянуть ноги.

Капитан, еще не старый датчанин, один из родственников судовладельцев, был далек от команды. Вряд ли он знал имена больше трех или четырех человек из своего экипажа. Разговаривал он только со старпомом, старшим механиком и стюардом. Но если все же приходилось обращаться к матросам, капитан вежливо называл их на «вы».

Второй и третий штурманы, веселые молодые люди, относились к команде хорошо и дружно ненавидели Иенсена. Даже с ними старпом держался высокомерно, постоянно бывал мелочно придирчив.

Работали на «Анни Мёрск» по десять часов. Кормили здесь лучше, чем на «Бируте», платили больше. Алексей получал шесть английских фунтов в месяц.

Команда была разноязыкая. Датчане, шведы, норвежцы. Были два англичанина, немец, негр. Кто не знал датского языка, говорил по-английски. Говорили не ахти как, но понимали друг друга отлично.

Алексей быстро запоминал незнакомые слова и уже мог бегло объясняться. Помогла подготовка, полученная в реальном и в мореходной школе. Ему вообще легко давались языки.

Матросы жили дружно, работали добросовестно. Боцмана Олафсена уважали и, если возникали жалобы, обращались только к нему. Говорить со старшим помощником или тем более с капитаном не приходило никому в голову. Только Олафсен имел на это право. Слово боцмана являлось законом. Возражать ему не осмеливались. Боялись потерять место. Но, к счастью, Олафсен

был добрым, веселым и справедливым человеком. Он никогда не кричал, не ругался, не ходил жаловаться к старпому. Зато Иенсен ни одной фразы не мог произнести без отборной ругани. Стоящих ниже себя не считал за людей. Матросы его не любили. Он мог выкинуть с парохода любого только за то, что ему не понравилась физиономия.

Старший помощник много пил и, когда напивался, становился особенно жестоким. Придирался ко всем и ко всему. Однажды пытался ударить матроса, но спокойный голос боцмана отрезвил его:

— Чиф, не советую лезть с кулаками. Может кончиться плохо...

— Но нельзя же работать такими дырявыми руками,— проворчал Иенсен, но драться больше не пробовал. Сразу все понял...

Он имел две странности, о которых знала команда. Иенсен любил кур. На корме стояли клетки, где жили самые породистые птицы. Он покупал их во всех странах, куда заходил пароход. Сам кормил, ухаживал и, когда никого не было вблизи, ласково разговаривал с ними, называл по именам. Среди кур у него были фаворитки.

Не менее сильно он ненавидел негров. Не было еще случая при стоянке в порту, чтобы пьяный Иенсен не оскорбил или не ударил негра. Каких только эпитетов не находилось у него для них!

Единственного негра на «Анни Мёрск», матроса по имени Джакоб, он совершенно терроризировал. Джакоб, не в пример своим обычно рослым и сильным соотечественникам, был маленьким, худым человеком. Матросское дело он знал отлично, и боцман Олафсен поручал ему самые ответственные работы, но зато Иенсен его терпеть не мог. Даже удивительно было, почему у старпома такая ненависть к неграм.

Правда, как-то третий штурман под секретом рассказывал, что в молодости, когда Иенсен выступал на ринге в любительских соревнованиях, какой-то негр победил его и богатая невеста отказала штурману. Не будет же она жить с человеком, которого побил черный! Вот с тех пор якобы появилась эта ненависть. Никак он не может простить своего поражения и мстит. Может быть, версия не соответствовала действительности, Даниельсен любил пофантазировать, но факт оставался фактом.

Эта «особенность» старпома часто служила причиной всяких неприятностей, жалоб, штрафов, вмешательства полиции, наказания за нарушение общественной тишины и порядка. Но Иенсена это не останавливало. Достаточно было ему выпить, как он начинал драки с неграми. Сами негры редко давали ему отпор. Знали, что всегда окажутся виноватыми. Лучше уж не связываться и уйти. Не то, чего доброго, угодишь в тюрьму за избивание белого.

Джакоб тоже всегда отмалчивался, когда Иенсен начинал придирааться к нему. Отвечал одной фразой:

— Хорошо, чиф.

Он, пожалуй, больше всех остальных матросов боялся потерять место. Когда Иенсен бывал в дурном настроении, а это случалось часто, он обязательно отыскивал работающего Джакоба и начинал «добрый» разговор:

— Ну, ты, дохлятина, долго еще будешь торчать здесь? Ехал бы к себе в Африку или откуда ты есть? В Америку. Может быть, угодил бы в петлю. Хороший парень был этот Линч, знал, что вам нужно! — хохотал Иенсен. — Работай, работай. Я пошутил. Ты прекрасный парень, Джакоб. — И, повернувшись спиной к побледневшему негру, шел дальше. Почему он не рассчитал Джакоба, держал его на пароходе? Наверно, потому, что негр был лучшим матросом на «Анни Мёрск», ну и, может быть, для собственного развлечения. Есть, на ком безнаказанно выместить раздражение, когда голова раскалывается с похмелья.

Алексей подружился с напарником по вахте, норвежцем Сигурдом Бьёрном. Сиг, как все звали матроса, был одного возраста с Алексеем и даже чем-то походил на него. Высокий, сильный, светловолосый. Бьёрн не пил. Это, вероятно, и послужило первопричиной их дружбы. Норвежец копил деньги. Упорно, фунт за фунтом. В Аалезунде, шхерном норвежском городке, у него осталась невеста. Она ждала его уже два года. Ему надо было собрать на маленький домик и моторную лодку. Тогда он бросит плавать и заживет со своей Сольвейг — так Сиг называл невесту за ее белокурые волосы.

Алексей и Бьёрн ходили на берег вместе, бродили по улицам, ездили купаться на пляж, в Генуе посетили знаменитое кладбище Кампо Санто. Остальная команда,

за малым исключением, проводила время так же, как и моряки с «Бируты». Пили, устраивали потасовки в тавернах, ходили в публичные дома.

Алексея удивляли ограниченность людей, отсутствие всяких интересов, кроме выпивки и драки. Он с горечью думал о том, что не они виноваты в этом, а все та же проклятая система. Тот, кто стоял наверху, имел многое, тот, кто гнул спину, не имел и сотой доли. В мире ничего не изменилось.

Как-то он спросил Бьёрна, когда они бродили по узким улочкам Генуи:

— Ну, вот ты купишь свой домик, лодку, женишься на Сольвейг... Будешь счастливым?

— Буду. Чего мне еще надо?

— А как же эти бедняки, которых мы сегодня встречали? Пусть так и пропадают?

Норвежец смутился:

— При чем они здесь? Каждый человек, если он не пьет и не гуляет, может скопить деньги и стать хозяином...

— Ты так думаешь?

— Я уверен.

— А я нет. Ты не станешь хозяином, Сиг. Придешь с моря и отдашь весь улов за ту цену, что тебе предложит перекупщик. Не отдашь? Тогда у тебя сгниет рыба. Цены назначают они.

— Так что ж, по-твоему, не надо копить деньги на дом и лодку, не надо стараться стать самостоятельным? Все пропивать, как это делает Шмидт?

— Нет, конечно. Я только говорю, что для труженика это не выход из положения.

— Что же ты предлагаешь? Где он выход?

— Надо, чтобы у власти стояли те, кто работает.

Бьёрн присвистнул:

— Это невозможно. Кто нас туда пустит?

— Возможно.

Алексей, насколько позволяло ему знание языка, старался рассказать норвежцу про забастовки, демонстрации, про ту самоотверженную борьбу, которую ведут русские рабочие. Но тот только недоверчиво и смущенно улыбался. Таким фантастическим казалось Сигу все, что он слышал. Он привык к повиновению, и его мечты дальше домика и лодки не шли.

В Кротоне ожидалась длительная стоянка и ремонт. Все слухи и новости из «средней надстройки», где жили офицеры, каким-то непонятным образом немедленно становились известны в кубриках. «Беспроволочный телеграф» работал безотказно. Незадолго до прихода в порт узнали, что старпом Иенсен вызвал из Копенгагена взрослую дочь. Новость горячо обсуждали все.

Молодая девушка будет жить на судне, рядом с ними! Какая она? Как выглядит? Какой у нее характер? Можно ли поухаживать? Как на это посмотрит Иенсен?

— Наверное, она такая же стерва, как и ее отец. Яблочко от яблони недалеко падает,— сплюнув на палубу, проговорил кочегар Фридрихсен, когда моряки собрались на полубаке покурить. В кубриках стало очень душно. Целый день палило солнце, а ночь не приносила облегчения. Судно только что прошло Мессинский пролив, и с берега еще доносились ароматы цветов и апельсинов.

— Не будь она дочерью нашего чифа, я бы за ней приударил...— хохотнул подшкипер и сказал непристойность. Моряки засмеялись.

— Вылетишь с парохода в два счета,— произнес матрос Шмидт. Он считался на судне покорителем дамских сердец и постоянно хвастался своими победами. С тонкой талией, широкими плечами, вкрадчивыми манерами, Шмидт имел успех у портовых красавиц. Черные блестящие волосы, смуглая кожа, яркие губы делали его похожим не то на испанца, не то на латиноамериканца. А был он немцем из Бремерхафена.

— Ну, ты уж, наверное, подберешься к фрекен,— усмехнулся боцман.— Найдешь путь. Не устоит она перед таким красавцем.

— И не подойду даже. Я себе не враг, еще хочу поплавать с тобой, боцман,— с неискренней скромностью сказал Шмидт.— Кому хочется слоняться по причалам из-за минутного удовольствия?

— Мы на нее Джакоба напустим,— сказал Бьёрн.— Вот смеху-то будет!

— Нет уж, брат, давай лучше сам,— беззлобно ответил негр.— Я с этой семьей ничего общего иметь не хочу.

Эти разговоры доставляли морякам явное удовольствие. В монотонной судовой жизни, в утомительной

работе появилось маленькое развлечение. Можно было почесать языки. Все с нетерпением ожидали приезда фрекен Иенсен.

2

В Кротоне «Анни Мёрск» поставили к единственному причалу, выходящему прямо в море. Город был маленький, скучный. По желтым холмам тянулись запыленные виноградники. От всего веяло стариной. Итальянцы в национальных костюмах, ослики с перекинутыми через спины огромными корзинами с виноградом, траттории, где седобородые старики просиживали часами, попивали вино, спорили, курили. Узенькие улицы, покрытые вышербленными плитами известняка, поднимались кверху. Часто встречались бедные часовенки с неизменной фигуркой мадонны в нише.

Стоял изнуряющий зной. Море лежало рядом за волноломом, горячее, ослепительное и спокойное. Два раза в сутки дул бриз, но казалось, что и он обжигает лицо. Почему-то долго не начинали разгрузку. К капитану то и дело приходили какие-то чернявые люди, что-то кричали, что-то требовали и уходили, обтирая еще больше вспотевшие шеи и лбы. Ругались: «О, порка мадонна!»

Фрекен Иенсен прибыла на пароход на следующий день после его прихода в Кротону. Она стояла на берегу в белой широкополой шляпе, украшенной розами, в белом платье и белых перчатках. У ног ее стояли два чемодана. Девушку сразу заметили. Все, кто был на палубе, бросили работу и, не стесняясь, глазели на дочку старпома. Она была мила. Хорошо сложенная, розовощекая, светловолосая. Настоящая скандинавка.

Иенсен спустился с трапа, обнял дочь.

— Ну, пойдем, пойдем. Почему опоздала, Алиса? Я ждал тебя вчера. Как там поживает мать?

Дочь что-то щебетала ему в ответ.

— Ничего барышня! — подмигнул Алексею Сигурд. Они красили фальшборт на передней палубе и тоже бросили работу для того, чтобы взглянуть на фрекен Иенсен. — Богатая невеста. У папочки деньги не мало... Зарабатывает везде, где есть возможность. Доски от сепарации¹ продает, концы старые, шипшандлеры ему проценты платят... Умеет, одним словом.

¹ Сепарация — доски, которыми разделяют партии грузов.

— Умеет,— согласился Алексей, вспомнив свое поступление на «Анни Мёрск».

С приездом дочери старпома на судне стало повеселее. Все подтянулись. Каждому хотелось, чтобы фрекен обратила на него внимание. Тем более что девушка оказалась славной, общительной, совсем не похожей на отца. Она любила спускаться на палубу, заглядывала во все уголки, непринужденно болтала с матросами. Датчане, давно не видавшие родины, с интересом спрашивали ее о Копенгагене, о новостях, просили передать привет родственникам, когда она поедет обратно.

Иногда она сидела на ботдеке, читала. Моряки старались пройти мимо, сказать ей что-нибудь приятное, пошутить. В ответ Алиса заразительно смеялась, подтрунивала над ними. Она была острой на язык и за словом в карман не лезла. Иенсену это не нравилось. Когда он замечал кого-нибудь из команды около дочери, то всегда подходил к ним:

— Нечего болтать языком. Иди работай. За тебя никто не сделает. Иди, иди.

Алиса краснела, укоризненно качала головой:

— Что ты, папа! Зачем ты с ним так? Он ничего мне не сказал плохого. Не могу же я ни с кем не разговаривать.

Старпом сердился:

— Они совсем не подходящая компания для тебя. И потом, болтовня отвлекает от работы.

Первые дни Алисе нравилось на пароходе. Все казалось новым, интересным, но вскоре она начала скучать. В городишке ее ничто не привлекало, да Алиса и не ходила туда. Разве может какая-то Кротона сравниться с блестящим Копенгагеном?

Развлекало фрекен Иенсен только купание. Вот его она любила. Алиса неплохо плавала и ныряла. После холодной Балтики плескаться в Средиземном море было наслаждением. В самое жаркое время она ходила за волнолом, на пляж. Тут Алиса проводила по несколько часов. Моряки с удовольствием наблюдали за тем, как резвится девушка. Самые смелые иногда купались вместе с нею.

Как-то третий штурман Даниельсен пристал к Алисе:

— Вот вы, фрекен Иенсен, ныряете хорошо. Это верно. Но с мостика в воду не прыгнете.

— Прыгну.

— Нет, не прыгнете.

— Давайте держать пари, что прыгну,— упрямо сказала девушка, и брови ее сдвинулись, она чем-то стала похожей на отца.— На что? На что хотите. Пари на выполнение любого желания. Согласны?

— Согласен. Берегитесь, если я выиграю. Потребую многого...— пошутил штурман.

— Берегитесь вы. Я заставлю вас на четвереньках проползти по всему судну.

Алиса побежала в каюту переодеваться и минут через двадцать снова появилась на спардеке в своем ярко-красном купальном костюме и резиновой шапочке.

— Ну, я готова,— сказала она и посмотрела вниз.— Давайте скорее, пока отец в городе. Откуда прыгать?

— Вот отсюда, фрекен Алиса,— показал рукой Даниельсен на планширь¹ обноса мостика.— Высоко!

...Джакоб висел на беседке со стороны моря, закрашивал чернью засуриченный борт, когда Алиса встала на планширь. Негр отложил кисть и, несмотря на всю неприязнь к Иенсену и всему, с ним связанному, залюбовался девушкой. На самом деле она была хороша. Высокая, с гладким загорелым телом, раскинувшая в стороны руки, она казалась приготовившейся к полету птицей. Вот она согнула в коленях ноги, что-то крикнула и прыгнула вниз. Перед самой поверхностью Алиса сложила руки и «рыбкой» ушла под воду.

В прозрачной воде Джакоб видел красное пятно ее костюма. Стоявший у борта улыбающийся Даниельсен вдруг почему-то забеспокоился и закричал:

— Давайте наверх, Алиса! Хватит, хватит! Сдаюсь. Вы выиграли.

Но девушка его, наверное, не слышала. Она оставалась под водой.

Джакоб заметил, как Алиса достигла дна, перевернулась и осталась лежать на песке без движения. На поверхности появились и начали лопаться воздушные пузырьки.

«Что это с ней?» — мелькнуло у матроса, и тут же, не раздумывая больше, Джакоб неуклюже соскользнул с беседки. Он не боялся воды. Когда-то мальчишкой он вылавливал медяки, которые бросали с набережной

¹ Планширь — деревянный брус с закругленной поверхностью.

в море туристы, С открытыми глазами он медленно опускался. Почувствовав дно под ногами, Джакоб встал и, разгребая воду руками, подобрался к девушке. Она лежала скорчившись у торчащего из песка ржавого якорного веретена. Сам якорь занесло песком.

«Вот оно что! Ударилась. Скорее на воздух!» — понял Джакоб, подхватил Алису под мышки, перевернулся на спину и, делая быстрые движения одними ногами, пошел кверху.

Тем временем на пароходе уже поняли: случилась беда. Олафсен с бледным Даниельсеном и двумя матросами, Бьёрном и Алеком, которые тоже наблюдали за спорщиками, лихорадочно спускали шлюпку. Она висела уже у самой воды, когда Джакоб с Алисой показались на поверхности. Через несколько минут их подняли на палубу. Лицо Алисы было бледным, на лбу кровоточила небольшая ранка.

— Из нее прежде всего надо вылить воду, — сказал Олафсен, переворачивая Алису на живот. — Подхватите ее снизу. Вот так.

Боцман разжал ей зубы. Соленая вода струйкой потекла на палубу. Потом начали делать искусственное дыхание. Через десять минут Алиса пришла в себя, открыла глаза и спросила:

— Что со мной было?

— Вы ударились обо что-то под водой, — проговорил вконец перепуганный Даниельсен. — Как вы себя чувствуете?

— Это он вытащил вас, фрекен Алиса. Он первый заметил и бросился за вами в воду, — сказал боцман, указывая на Джакоба.

Алиса благодарно взглянула на негра, протянула руку:

— Большое спасибо, Джакоб. Вы спасли мне жизнь. Я буду помнить это всегда.

— Пустяки, фрекен. Я заметил, что вы лежите там, на дне, без движения, и подумал... Такие случаи бывали с мальчишками, когда они вылавливали монеты.

— Спасибо еще раз, Джакоб. Я уже могу двигаться. Даниельсен, помогите мне добраться до каюты. А все-таки я выиграла пари, вы будете бегать на четвереньках.

— Буду, буду. Сколько вы прикажете, — засмеялся третий штурман. — Пойдемте.

Он бережно подхватил Алису под руку и повел на спардек.

— Теперь ты станешь первым другом нашему старпому. Тебе прибавят жалованья,— пошутил Бьёрн.— Так, Джакоб?

Негр помрачнел:

— Я не стал бы ничего делать для этой свиньи. Но дочка ведь ни при чем. Она хорошая девушка.

— Ну, довольно болтать, ребята. Сегодня надо закончить борт. Берите свои кисти, и пошли,— сказал Олафсен.

Матросы разошлись по работам.

Спустя два часа, когда старший штурман Иенсен вернулся на судно, Алиса уже совсем оправилась от удара. Только маленький кровоподтек на лбу напоминал о недавнем происшествии.

Во время обеда Иенсен появился на палубе. Из-за жары команда обедала на открытом воздухе, прямо на люке, покрытом брезентом. Он нашел глазами Джакоба и позвал:

— Подойди сюда, Джакоб.

Негр поставил свою миску на люк, не спеша подошел к старпому.

— Дочь сказала мне, что ты вытащил ее из воды. Спасибо, Джакоб.— Старпом холодно смотрел на негра своими свинячьими глазками.— Вот, возьми. Я думаю, что этого будет достаточно.

Из нагрудного кармана рубахи Иенсен достал десятифунтовую бумажку, протянул ее Джакобу. Моряки оставили свои миски и с любопытством наблюдали за происходящим.

— Расщедрился старик,— тихо сказал один из кочегаров, сидящих на люке.— Подвезло Джакобу. Большие деньги заработал.

Ему никто не ответил. Всех охватило непонятное напряжение. Негр стоял опустив руки.

— Ну, бери,— повторил Иенсен.

— Не надо, чиф.

Брови у старпома полезли наверх.

— Десять фунтов! Не надо? Ты что же хочешь, чтобы я остался твоим должником? Так дело не пойдет. Бери немедленно.— Глаза у него округлились, сделались злыми.

— Спасибо, чиф,— произнес Джакоб, принимая бумажку.

— То-то. Так я и поверил, что ты бросился за Алисой просто из человеколюбия. За моей дочерью вдобавок! Ну, теперь мы в расчете. А девчонке я сказал, чтобы она лучше помылась после твоих объятий,— захохотал Иенсен.

На палубе наступила тишина. Джакоб поднял голову, скомкал банкноту и с силой швырнул ее в лицо старпому.

— Ты что, одурел, сморчок?! Вот я тебе сейчас посчитаю зубы! — Иенсен замахнулся, но не успел нанести удар.

С люка соскочил Алек. Он встал между старпомом и Джакобом, прикрыв его своим телом. Высокий, со сжатыми кулаками, со оверкающим от гнева взглядом, он был грозен. Иенсен попятился. В волнении мешая английские, датские и французские слова, Алек закричал:

— Если вы посмеете дотронуться до него, мы все уйдем с парохода! Поняли? — Он оглянулся. Рядом с ним уже стояли Олафсен, Бьёрн, Шмидт, подшкипер, кочегар Фридрихсен, все, кто был свидетелем этой позорной сцены.

— Алек прав. Мы уйдем все, господин Иенсен,— сказал боцман.— Все как один. Я вас предупреждал. Вы не на рабовладельческой галере. Мы будем жаловаться датскому консулу на бесчеловечное обращение и расскажем всю эту историю с вашей дочерью.

— Он меня оскорбил! — заорал Иенсен.— Разве вы не видели, что он оскорбил меня. Я шел к нему с добром и благодарностью. А он...

— Хороша благодарности!

— Это вы оскорбили его, чиф. А он спас от смерти ваше дитя... Эх вы, господин Иенсен... Вам бы принести свои извинения,— проговорил Олафсен.— Вы можете остаться без команды. Капитан вряд ли будет доволен таким оборотом. Все же это не один и не два человека, которых можно выбросить на берег.

— Не понимаю, чего вы так взбеленились? Я ему ничего не сделал,— уже миролюбиво заговорил Иенсен, чувствуя, что никто не оправдывает его поведения. Ни один человек из команды, ни капитан и, конечно, уж, не консул, к которому, чего доброго, пойдут моряки.— Ну, я

погорячился. Но и Джакоб оскорбил меня. Верно, Джакоб? Ну, прости меня, Джакоб, и возьми свои деньги. Ты же знаешь, я горячий человек, но я не тронул тебя пальцем.

Негр стоял молча, с ненавистью глядел на старпома. — Забирайте свою бумажку и уходите отсюда, — сказал Алек. Он весь кипел. Его возмущала черствость этого животного, называющего себя человеком. — Неужели вы не понимаете, что Джакоб спас вашу Алису не за деньги?

Иенсен подобрал смятую банкноту и под неодобрительный ропот моряков поплелся к себе.

«Ты у меня вылетишь первым, — злобно думал он, вспоминая высокую фигуру Алексея и его сжатые крепкие кулаки. — Да и с боцманом придется расстаться. Не сразу, по очереди...»

Весть о происходившем в обед на передней палубе облетела весь пароход. На Иенсена смотрели с презрением. Офицеры старались не разговаривать с ним, ограничиваясь только необходимыми служебными фразами. Поведение Иенсена выглядело отвратительно. Узнала каким-то образом об истории с десятью фунтами и Алиса. Между отцом и дочерью произошла ссора.

— Мне стыдно за тебя. Я не могу оставаться больше здесь. Как я буду смотреть людям в глаза? Ты подумал об этом? — кричала Алиса, когда они остались вдвоем в каюте. — Надо быть извергом, чтобы ударить человека, спасшего твою дочь!

— Я же тебе сто раз говорил, что не дотронулся до него. Не ударял, не бил, не трогал! Только замахнулся. Хотел попугать, чтобы не забывался...

— Это все равно что ударить. Я не могу оставаться тут. Я завтра же уезжаю к маме. Мне стыдно.

— Ну и можешь убираться ко всем чертям, — заревел взбешенный Иенсен. — Она будет учить меня, как надо обращаться с неграми! Девчонка! Надоели вы мне со своими нравоучениями. Подумаешь, событие! Мало я им бил морды! Дьявол бы вас всех побрал, святоши!

Вечером старпом вдребезги напился, а на следующий день уехала из Кротоны Алиса. Провожал ее третий штурман Даниельсен. Перед тем как сойти с судна, девушка разыскала Джакоба:

— Простите, Джакоб. Я осуждаю отца, стыжусь его и потому покидаю ваш пароход. Прощайте.

Негр махнул рукой:

— Вы тут ни при чем, фрекен. Я знаю.

Через несколько дней об этой истории забыли. Все потекло по-старому. Только Алек никак не мог успокоиться. Первый раз в жизни он столкнулся с таким неуважением к человеческой личности.

8

В Атлантике штормило. Пароход с трудом преодолевал встречные волны и ветер. Ход снизился до трех миль. Но все же судно шло вперед, то поднимаясь, то падая в водяные пропасти, принимая на себя тонны воды. Маховик лага (прибора, показывающего скорость) останавливался на долгие минуты, а потом, как бы набрав силы, начинал бешено крутиться.

Для того чтобы попасть со спардека в кубрик, надо было выждать момент, когда «Анни Мёрск» взойдет на гребень и потоки вспененной воды устремятся обратно в океан. Тогда держись за штормовой леер, беги скорее. Зазеваешься — беда. Того и гляди угодишь за борт, а тогда на спасение не надейся. Вряд ли удастся что-нибудь сделать в такую погоду.

В кубрике по палубе гуляла вода. Она попадала туда через невысокий проржавевший порог-комингс. Комелек чадил. Его задувало ветром, и дым попадал в помещение. Воздух был затхлый, спертый. Кубрик уже три дня не проветривали. Боялись открыть дверь.

После тяжелых изнурительных вахт, непрерывной качки матросы прямо в одежде бросались в койки, пытались заснуть, но это плохо удавалось. Грохот океана не давал покоя. Шторм продолжался больше шести суток и вымотал всех изрядно. Капитан почти все время проводил на мостике. Он несколько раз вызывал наверх старшего механика. Требовал, чтобы увеличили ход. Но пар стоял на марке, кочегары выбивались из сил, а пароход еле двигался. Слишком силен был ветер.

А тут еще рейс в этот никому не известный северный порт Сен-Пьер! Он находился где-то в южной части Нью-Фаундленда. Остров величиною с горошину! Даже Олафсен, кажется побывавший во всех портах мира, не знал, где находится этот чертов Сен-Пьер. Приближалась зима. То и дело вместе с ветром начинались снежные заряды. Тогда уж на палубе становилось совсем невы-

носимо. Команда «Анни Мёрск», целый год проплававшая в Средиземном море, жестоко страдала от холода. Они отвыкли от севера, мало кто имел теплые вещи. Легкомысленные моряки не запасли одежды на такой случай. Только морские зубры вытаскивали из своих мешков свитера, вязаные вещи, высокие сапоги.

Алек тоже не имел ничего теплого. Его выручил запасливый Бьёрн. Дал старый свитер и шапку, но они не защищали от пронизывающего холодного ветра. Хорошо еще, что Олафсен не посылал работать на открытую палубу, жалел людей, а в рулевой рубке было тепло.

Иенсен держался по-прежнему высокомерно и продолжал придирааться к людям. К Алеку старпом относился особенно плохо. Это заметили все. Даже боцман как-то сказал:

— Не пойму, что он имеет против тебя, Алек? Слышать не может твоего имени. Наверное, все еще помнит, как ты защитил Джакоба. Иенсен, он злопамятный. Сильно невзлюбил тебя.

— Да он никого, кроме себя, и не любит,— махнул рукой Алек.— Пусть себе.

— Пусть-то пусть, но он выбросит тебя с парохода в Сен-Пьере. Видно по всему. Найдет причину.

— Руки есть, голова на плечах. Не пропаду.

Но себе он признавался, что уходить с «Анни Мёрск» ему не хотелось. Нравилась дружная команда.

Через три недели после того, как пароход покинул Кротону, они пришли в Сен-Пьер. Рейс опротивел экипажу. Шторм сопровождал «Анни Мёрск» всю дорогу. Отдали якорь на рейде. Тихая закрытая бухта отражала серое небо. На берегу уже лежал снег. Кругом было тускло, однообразно, невесело. Ничто не радовало глаз. Крупные мокрые снежинки кружились в воздухе, опускались на палубу, таяли. От этого становилось еще тоскливее. Моряки сгрудились на спардеке, с любопытством глядели на берег. Но ничто в этом порту не сулило им обычных удовольствий, когда на несколько дней можно забыть океан, качающуюся палубу под ногами, промозглый кубрик.

В Сен-Пьере все казалось патриархально-тихим. Маленькие домишки, две тонкие фабричные трубы, несколько черных человечков на пирсе и корпуса рыбачьих судов, стоящих в гавани.

— Дыра какая-то! — недовольно протянул боцман. — Вот закинул куда бог.

К пароходу, вспенивая спокойную поверхность бухты, бежал катер. Он развернулся под кормой, подошел к спущенному трапу. Человек с красным лицом, в морской фуражке, с портфелем в руке, ловко поднялся на палубу и прошел к капитану. Начались обычные портовые формальности.

После обеда спустили шлюпку. Команда отправилась на берег. Поехал и Алек. Ему хотелось посмотреть городишко. Он любил новые, незнакомые места. Бьёрн, которого звал Алек, отказался:

— Ну чего я там не видел? Покупать нечего, да и деньги целее будут. Поезжай один.

Моряки толпой ходили по улицам, привлекая любопытные взгляды горожан. Каждый приход судна в Сен-Пьер был событием, развлечением. Не так уж часто они здесь появлялись. Многие пытались заговорить с датчанами, но моряки не понимали их языка.

4

В Сен-Пьере жили французы, островок принадлежал Франции, и потому говорили здесь только по-французски. А из команды «Анни Мёрск» едва ли два-три человека могли сказать несколько слов на этом языке. Алек был переводчиком. Очень скоро моряки узнали то, что хотели. Веселый, подвыпивший рыбак охотно взялся проводить их до самого лучшего бара в городе. Все оживились и со смехом и шутками последовали за своим «лоцманом». Алек пожелал товарищам хорошо повеселиться и решил один походить по городу. Никто не удивился, что он откололся от компании, знали — человек не пьет, а потому в баре ему делать нечего.

Алек не спеша брел по улицам, заглядывал в витрины магазинчиков, читал вывески. Ему встречалось много рыбаков в высоких сапогах, в промасленной желтой штормовой одежде, в зюйдвестках. Они казались сошедшими с картины. Бородатые, с обветренными лицами, громкими голосами. Чувствовалось, что хозяева города Сен-Пьер — рыбаки. На улицах резвились здоровые, краснощекие дети. Все было легко и красиво одеты, в вязанные свитера, шапочки, рукавички. Они катали снежные шары.

«Как и у нас в Риге. Мы тоже любили первый снег», — подумал Алек, вспоминая реальное училище, свое детство, казавшееся сейчас таким далеким. Как-то там в Риге? Где Кирзнер, Лобода, Новиков? Он писал Бруно Федоровичу несколько раз, но ответа не получил. Случилось с ним что-нибудь? Или переехал в другой город? От Ивана Никандровича пришло письмо в Кротону. Оно долго гонялось за Алеком и наконец попало ему в руки. Отец писал, что очень скучает один, и просил, если сын может, как-нибудь навестить его. Вот будет радость. Если бы отец знал все...

Незаметно для себя Алек очутился на окраине. Улица кончалась, дальше шли нагромождения серых камней. Он повернул обратно, прошел несколько шагов, и вдруг крепкий снежок угодил ему в лицо. Рассерженный Алек остановился. Наверное, снежок в него бросил какой-нибудь озорной мальчишка. Надо поугадать шалуна! Но улица была пустынна. Тогда Алек заглянул за живую изгородь, тянущуюся вдоль тротуара. Там, прижавшись к стволу невысокой сосны, стояла молодая женщина в щегольской оленьей дошке, расшитой разноцветными суكونными лоскутками, с откинутым, обшитым мехом капюшоном.

В руках она мяла снежок, и не успел Алек сказать что-нибудь, как он полетел в него. Он увернулся — снежок пролетел мимо.

— Что вы делаете, мадемуазель? Вам не с кем играть в снежки? — улыбаясь, спросил Алек. Возмущение его улетучилось, и теперь он даже был рад, что на него «напала» такая прелестная «туземка».

— Мне действительно не с кем поиграть в снежки, а так хочется еще раз почувствовать себя девчонкой.

— Да, по-моему, вы недалеко от нее ушли, поэтому стараться особенно не надо.

— Ну, не скажите. Я уже старая, была замужем... А почему вы так отвратительно говорите по-французски?

— Потому что плохо учил его в школе, и потом — я русский...

— Русский? Я даже не знаю, где находится ваша страна. Где это?

— Надо показать на карте.

— А как вы попали к нам, в Сен-Пьер?

— С пароходом «Анни Мёрск».

— Да, я слышала, что такой пришел в порт. Но говорили, что он датский, а не русский.

— Датский. Я единственный русский на нем.

— Ну, понятно.

— Теперь я хочу спросить вас. Кто вы, чем занимаетесь в Сен-Пьере? Как вас зовут?

— Сразу столько вопросов? Вы любопытны.

— Нет. Я просто люблю знать все о людях, с которыми сталкивает меня судьба.

— Ну, ладно. Меня зовут Марта. Марта Шарнье. Вот это мой магазин.— Она указала на прилепившийся к скале домик, в первом этаже которого помещалась небольшая витрина с зеркальным стеклом и дверь.— Я продаю табак, леденцы, газеты, всякие мелочи... В магазине есть два столика, там можно выпить кофе с бриошками. Заходите как-нибудь.

— А можно сейчас? Я мечтаю о хорошем кофе.

Марта улыбнулась, стряхнула снег со своей дошки.

— Пойдемте. Мои клиенты говорят, что никто так хорошо не варит кофе в Сен-Пьере, как я.

— Посмотрим.

Алек вошел в маленькую комнату. В ней с трудом умещались два столика, покрытые веселенькими клетчатými скатертями, несколько стульев, прилавок, уставленный коробками, кулками, банками. На стенах были прикреплены красочные рекламные плакаты.

Марта вошла, поставила на стол большую чашку с дымящимся кофе и тарелку с бриошками.

— Пейте на здоровье,— сказала она и осталась за прилавком.

Только теперь Алек рассмотрел ее как следует. На женщине было синее платье с белым воротничком и белым поясом. Густые каштановые, с медным отливом волосы свободными волнами падали на плечи, длинные загнутые ресницы прикрывали зеленые дерзкие глаза. У нее были свежие губы, нежные линии шеи и подбородка.

— А вы, Марта, не выпьете со мной кофе? Одному как-то скучно сидеть за столом.

— Если хотите.

Хозяйка скрылась в комнате и через минуту вернулась, держа в руках чашку.

— Налейте мне еще,— попросил Алек.— Правда, варите вы его здорово. Как же вы тут живете в вашем

Сен-Пьере? Скоро порт замерзнет, к вам не придет ни один пароход, нет никаких развлечений, все вы знаете друг друга... Сколько же здесь жителей? Около трех тысяч? Тоска!

— Тоска,— согласилась Марта. Она подняла глаза на Алексея и вздохнула.— Когда был жив муж, было веселее. Я его ждала, готовилась к встречам... Это разнообразило жизнь. Он тоже был моряком. Плавал на китобоях.

— Он погиб?

— Шлюпка опрокинулась во время промысла. Погибло несколько человек. Это случилось три года назад.

— И с тех пор вы одна?

— Да... У меня нет родственников в Сен-Пьере.

— Почему же вы не выйдете второй раз замуж, Марта?

— Нет, на самом деле вы очень любопытны и нескромны,— улыбнулась Марта.— Ну кто задает такие вопросы? Ладно, скажу. Все мужчины в Сен-Пьере заняты. Я ведь уже вытащила свой билет. Кто виноват, что он потерял силу?

— Так и будете прозябать всю жизнь. Уезжайте отсюда скорее. Вы ведь совсем молодая!

— В общем-то да. Мне двадцать четыре. Уехать не так-то просто. А тут у меня дело. К счастью, мы сумели купить его. Жан неплохо зарабатывал одно время. Я родилась тут, в Сен-Пьере, и никуда не выезжала. Даже в Канаде не была.

— Вы такая красивая, Марта,— горячо заговорил Алек,— что можете ехать куда пожелаете, вам будут рады помочь все. Продавайте свое дело и уезжайте.

— Вы несносны, моряк. Никуда я не поеду. Здесь моя родина, и как-нибудь я тут проживу.

Зазвенел колокольчик у дверей. В магазин вошел пожилой человек в добротном теплом пальто и фетровой шляпе. Он с удивлением и, как показалось Алеку, с недовольством поглядел на него, но все же приподнял шляпу.

— Марта, дай мне пачку голландского, ну, который я обычно курю,— обратился он к хозяйке.— Я хочу сказать тебе два слова.

Глаза у Марты недобро блеснули. Она поднялась из-за столика, зашла за прилавок и подала посетителю табак.

— Что-нибудь еще, господин Торваль?

— Два слова.— Он покосился на Алека.— Вы простите, пожалуйста.— Торваль склонил голову, что-то зашептал Марте. Она слушала его нахмурившись.

— Нет,— наконец сказал она.— Я вам уже говорила. Нет.

— Кто это? — спросил Алек, когда за посетителем захлопнулась дверь.

— О, любопытство вас когда-нибудь погубит. Это Торваль, богатый человек, хозяин китобойного судна, на котором плавал мой Жан... Думает, что ему все можно и доступно. Пусть знает, что не все...— загадочно сказала Марта.

— Пусть.— Алек взглянул на стенные часы:— Я ухожу, Марта. Отличный кофе. Сколько я вам должен?

— Восемьдесят сантимов.

— Я приду завтра вечером снова пить ваш кофе. До свидания, Марта.

— До свидания. Я даже не спросила, как вас зовут,— сказала Марта.— Как же?

— Лонг Алек.

— Ну приходите, Лонг Алек.

Алек дождался на причале шлюпку и поехал на судно. В кубрике он быстро разделся, забрался в койку. Ему хотелось остаться одному со своими мыслями. Он закрыл глаза и увидел улыбающуюся Марту. Что-то удивительно привлекательное было в этой женщине.

5

С утра началась выгрузка. Команда осталась недовольна посещением берега. В баре «Попугай» проскучали. В десять вечера бар закрывался, Сен-Пьер замирал, граждане ложились спать. Моряки ругались: «Скорее бы уже уйти из этой деревни». Но Алек не мог дожидаться, когда окажется свободным от работы. Его тянуло к Марте. Как только грузчики, закрыв трюмы, ушли с борта, он бросился в баню, наскоро помылся, переоделся и, не дожидаясь ужина, сбегал с трапа. Его заместил Олафсен и удивленно крикнул:

— Эй, Алек! Куда ты? Нашел подружку? Не забудь, тебе с полуночи на вахту.

Алек поднял руку, улыбнулся, побежал по причалу.

Марта ждала его. Он почувствовал это сразу, переступив порог магазина. Необычное для буднего дня, очень открытое платье, волосы, уложенные в высокую прическу, нитка искусственного жемчуга на шее, черные замшевые туфли на высоком французском каблуке и глаза... Самое главное сказали ее глаза: «Я ждала тебя, хочу быть красивой, понравиться тебе... Я оделась так для тебя... Ты понял это?»

Алек стряхнул снег со своей вязаной шапочки и спросил:

— Собрались на бал в волшебный замок? Вы похожи на принцессу...

— Вам нравится?

Он кивнул головой:

— Очень. Я еще никогда не видел таких красивых женщин.

Марта усмехнулась:

— Думаете, я вам поверю? Закроем лавку, посидим вдвоем?

Она вышла из-за прилавка, закрыла дверь на задвижку.

— Сейчас уж поздно, вряд ли кто-нибудь придет. Может быть, выпьем «Мартини»?

— Нет, я не люблю спиртного. Кофе, если можно.

— Конечно. Ну а я выпью.

От изразцовой голландской печки шло тепло. Лампа, прикрытая оранжевым абажуром, бросала яркое пятно света на прилавок, а углы и столики находились в мягкой полутьме. Тикали часы на стенке, монотонно раскачивался маятник... Алек закрыл глаза и вдруг почувствовал, что он не здесь, в далеком Сен-Пьере, а в их маленькой квартире на Марининской, вместе с матерью и отцом. Он вытянул ноги и сидел так, испытывая огромное наслаждение от теплоты, уюта и тишины. Он устал от океана, вахт, шумного и сырого кубрика. А в голове приятным молоточком билась мысль: «Марта, Марта...»

Он представил, как целует ее губы, шею, грудь. И знал, что будет дальше... От этой мысли захватывало дух... Алек наслаждался. Он отдыхал от всего, что окружало его в течение года. На душе было легко и спокойно.

Из комнаты вернулась Марта:

— Заснул, Лонг Алек?

Она потрепала его за волосы. От прикосновения ее пальцев ему стало жарко.

— Вот ваш кофе.

Она поставила перед ним чашку кофе и бутылку «Мартини».

— Ваше здоровье, Лонг Алек,— сказала Марта, наливая себе в рюмку.— Будьте счастливы!

Она выпила. Помолчали.

— Если бы ты знал, как мне все надоело! — вдруг неожиданно перейдя на «ты», сказала Марта, и неподдельная тоска зазвучала в ее голосе.— Жизнь не мила. Одна, одна, все время одна. Для кого жить? Ты можешь мне ответить на этот вопрос?

— Я же говорил тебе,— тоже переходя на «ты», проговорил Алек.— Уезжай. Выходи замуж.

— За кого? За Торваля? Нет уж, избавь. Да и за него не выйдешь, если бы захотела. Он женат.

Она нервно засмеялась, погладила его руку, лежавшую на столе:

— Женись на мне, Алек. Станешь хозяином магазина, домишка и в придачу получишь красивую жену. Ты же говорил, что я красивая и нравлюсь тебе.

— Это правда. Но какой я для тебя муж? Бродяга. И потом у меня есть своя страна. Уеду же я туда когда-нибудь?

— Я шучу, Алек. Я никогда больше не выйду замуж за моряка. За тебя тоже. Ну, выпей рюмку. «Мартини» горячит кровь. Налить?

— Налей, если тебе так хочется.

Он поднялся, обнял ее и поцеловал в губы. Марта прильнула к нему и стояла так молча, с закрытыми глазами.

— Пойдем...— прошептал Алек. У него кружилась голова.

— Не торопись,— тихо и нежно отстраняясь, сказала Марта.— У нас целая ночь впереди. Мне так хочется почувствовать себя снова не одинокой, чем-то порадовать тебя, сделать что-нибудь для тебя. Хочешь, я приготавлию «стейк»? Я его прекрасно готовлю, так же как и кофе? Хочешь? — Ее голос звучал просительно.

— Хочу, очень хочу,— сказал Алек, чтобы доставить ей удовольствие. Он совсем не испытывал голода.

Марта ушла в комнаты. Алек последовал за ней. Ему хотелось посмотреть, как она живет. В небольшой ком-

нате была безукоризненная чистота. На стенах висели фотографии: Марта у дома поливает цветы, Марта за прилавком, Марта читает у лампы... Везде Марта. Только на одной — молодой, широко улыбающийся человек в морской фуражке обнимал за шею большую остроухую овчарку.

«Муж,— подумал Алек.— Славный парень. Они были хорошей парой, Марта и он. Жаль, что погиб...»

Рядом в кухне весело напевала Марта... Когда Алек съел удивительно вкусное, приготовленное Мартой мясо с жареной румяной картошкой и они вместе убрали посуду, она сказала:

— Ну вот... Теперь я довольна... Ты знаешь, этот домик тоже принадлежит мне. Наверху еще две комнаты...

— Ты богатая женщина,— усмехнулся Алек.— Пожалуй, уезжать тебе из Сен-Пьера не стоит.

— Какая там богатая! Еле-еле свожу концы с концами. Но вообще не жалуюсь и отсюда никуда не уеду. Пойдем посидим в комнате, там уютнее...

Она зажгла ночник, сделанный из большой прозрачной морской раковины. Комнату залил неяркий розовый свет.

...В магазинчике часы пробили полночь, но Алек не слышал их. В первый раз он, кажется, по-настоящему полюбил женщину. Марта за какие-то мгновения стала для него родной и близкой. Ему никуда не хотелось уходить. Он забыл все: пароход, вахту, себя. Существовала только Марта. Ее волосы, губы, руки...

Он поднялся рано утром. Рассвет только что начался. Серые сумерки неохотно влезали в окно. Алек тихо оделся. Марта спала, разметавшись на кровати. Он наклонился и долго глядел на нее. Она почувствовала его взгляд, улыбнулась, что-то пробормотала, но не проснулась. Алек на цыпочках, чтобы не разбудить ее, вышел на улицу.

За ночь снега прибавилось. Подморозило. Запорошенные скалы стали белыми великанами. Кругом было тихо. Город еще спал.

Только сейчас Алек реально осознал, что ему грозит за невыход на вахту, когда он вернется на судно. Но ему было все равно. «Анни Мёрск», работа, товарищи — все это было неважным, проплывающим где-то позади его мыслей. Он думал о Марте. И, еще не узнав

ее как следует, уже боялся с нею расстаться, потерять ее.

У трапа сидел вахтенный матрос. Его в полночь должен был менять Алек.

— Извини меня, Курт,— сказал он, поднимаясь на палубу.— Отстою за тебя, когда захочешь, ладно? Понимаешь, задержался на берегу...

Немец понимающе подмигнул:

— Ладно, Алек, о чем говорить. Хоть хорошая была девчонка? Тебе повезло. Ребята обижались. Говорят, нет ни одной бабы, с которой можно было бы провести время.

Алек не ответил. Не хотелось говорить о Марте, как обычно говорили моряки о женщинах. Его сердце было переполнено нежностью к ней. Он вспомнил, как она спала, и улыбнулся.

Матросы в кубрике еще не поднимались, лежали в койках. Алек присел к столу и стал ждать, когда дневальный принесет кофе. Вскоре в кубрике появился Олафсен. Он всегда вставал рано и приходил будить матросов. Увидя Алека, он присвистнул:

— О, появился блудный сын. Что с тобой случилось, Алек? Вчера Иенсен посылал проклятия на твою голову. Не было бы худо.

— Но ведь Курт отстоял за меня?

— Э, ты не знаешь Иенсена. Я говорил, что он попытается списать тебя. И теперь мы не сможем защитить тебя. Формальная причина есть — не вышел на вахту.

— А, ничего не будет,— легкомысленно отмахнулся Алек.— Это дело мое и Курта. Служба не пострадала.

Но он ошибся. После завтрака Иенсен вызвал Алека к себе.

— Можешь собирать свой мешок,— сказал старпом, не скрывая своего злорадства.— Нам не нужны матросы, которые не выходят на вахту.

— За меня отстоял Курт. Мы с ним договорились...

— Меня не интересует, кто за тебя отстоял. Я не разрешал подмены. Ты не вышел на вахту, и все. Получи деньги и убирайся быстрее. Мне надоело смотреть на твою противную рожу.

— Я пойду к капитану.

— Можешь. Вряд ли он станет с тобой разговаривать. Я уже доложил о тебе. Получай свои деньги.

Иенсен выдвинул ящик и выбросил на стол несколько ассигнаций; порылся в кармане, добавил серебряные монеты:

— Забирай. Распишись.

Алек пересчитал деньги, расписался и вышел из каюты. Идти к капитану не имело смысла. Он пошел в кубрик. На палубе стоял боцман, поджидал его.

— Ну что? Выкинули? Я так и знал. Плохо, Алек. Тут тебе будет трудно найти работу на судне.

— Черт с ним! Так уж получилось, Олафсен. Сегодня приглашаю в «Попугай» всех матросов. Приходи обязательно, боцман.

— Поберег бы деньги. Они пригодятся.

Алек махнул рукой:

— Все равно не хватит. Найду работу.

Алек сошел с борта со своим тощим мешком. Больше всех сокрушался Бьёрн:

— Эх, Алек, Алек. Как же так? Потерял хороший пароход. Мне будет не хватать тебя, друг.

Алек снял себе крошечную, самую дешевую каморку в единственной гостинице Сен-Пьера, а вечером все матросы с «Анни Мёрск» собрались в «Попугае». Алек не скупился. Он щедро угощал товарищей. Когда выпили достаточно, языки развязались, Бьёрн сказал:

— Да, ребята... Ничего мы не можем. Захотел Иенсен и выбросил Алека на берег. А по-настоящему, если бы мы все сказали, что требуем оставить его, ничего бы он не сделал.

— Попробуй скажи. Первым вылетишь за ним. Чего уж тут...— опасливо проговорил Шмидт.

— Нет, братцы, Бьёрн прав,— стукнул по столу кулаком боцман.— Мы можем многое. Только нужна крепкая спайка. Единство. Я помню, когда плавал на «Копенгагене», там капитан не давал кофе к завтраку. Все сказали, что бросят работу в море, если не будет кофе. Пришлось ему уступить. И кофе, я заверяю, был отличный.

Моряки засмеялись:

— Кофе — это проще.

— Я думаю, что боцман и Сиг сказали сущую правду,— вмешался Алек.— Ни один капитан не посмеет встать против всего экипажа. Надо только держаться вместе. Я, конечно, сам виноват. Здесь уж ничего не поделаешь.

Матросы зашумели:

— Пошли к капитану. Отстоим Алека!

— Нет, ребята. Не надо. Оставьте...— остановил их Алек.— Я уже не хочу возвращаться на пароход. От этого добра не будет.

Завязался спор: идти или не идти? Разговору положил конец боцман:

— Хватит болтать. Ничего не выйдет.

В «Попугае» просидели до закрытия. Хозяин несколько раз говорил, что закрывает бар. Толпой вывалились на холодную улицу, Бьёрн, грустный и трезвый, обнял Алека:

— Ну, прощай, Алек. Может быть, встретимся на морских дорогах. Если попадешь в Аалезунд, найди меня. Бьёрна там все знают. Прощай, друг.

Все как-то примолкли, по очереди трясли Алеку руку, желали счастья. Олафсен похлопал его по плечу:

— Хороший ты человек, Алек. Жаль, что уходишь. Ну что будешь делать! Встретимся. А может быть, и нет. В море...

Он не договорил, махнул рукой. Еще с минуту потоптались и невеселой толпой двинулись к порту. Алек стоял, глядел им вслед. Он почувствовал себя очень одиноким. Как будто потерял что-то родное. Казалось бы, что они ему? Сегодня один пароход, завтра — другой. Новые люди, новые товарищи. Но в море все по-другому. Быстро узнают, чего стоит человек. Можно ли положиться на него в трудную минуту, придет ли на помощь, если самому придется плохо. За короткий срок узнают достоинства и недостатки друг друга... Он стоял на улице и глядел на моряков до тех пор, пока они не скрылись из виду. Надо было идти в гостиницу.

Забравшись под одеяло, он лежал на холодных чистых простынях с открытыми глазами. Спать не хотелось. Он вспоминал все свое плавание на «Анни Мёрск», Олафсена, Бьёрна и других, с которыми проработал бок о бок целый год. Хорошая была команда.

Куда-то теперь попадет он? Когда? Все было бы не так плохо, если бы он оказался не в Сен-Пьере. Это не то место, где легко можно устроиться на судно. Лондон, Гамбург, Антверпен — вот биржи моряков! А тут... Впрочем, не стоит горевать. Что-нибудь да найдется. Он молод, силен и не боится никакой работы. Он вспомнил о Марте, и на душе у него потеплело. Есть человек,

к которому он может прийти в Сен-Пьере. Алек натянул одеяло и заснул.

Утром он съел свой скромный завтрак, неизменную яичницу с ветчиной, и вышел на улицу. Надо было сразу приниматься за поиски работы, денег оставалось немного. С океана дул пронизывающий ветер. Стало еще холоднее. Даже здесь, в городе, слышался шум наката. Это волны разбивались о волнолом, поднимая фонтаны пены. Алек поежился. Хорошо, что он сейчас на берегу. Прежде всего он зайдет к Марте. Возможно, она что-нибудь посоветует. Она здесь все знает. По заснеженной улице он дошел до магазина Марты Шарнье. Он был уже открыт. У прилавка стояли двое краснощеких мальчишек. Марта, розовая, свежая, ослепительно улыбаясь своим маленьким покупателям, развешивала в кулечки леденцы.

— Здравствуй, Алек,— поздоровалась она, и глаза ее засияли.— Я знала, что ты придешь. Почему тебя не было вчера?

— Отпусти ребятишек, я тебе все объясню.

Мальчишки ушли, а Алек подсел к столу и принялся рассказывать Марте обо всем, что произошло с ним. Марта слушала молча, но, казалось, совсем не была огорчена тем, что Алека списали с «Анни Мёрск».

— Значит, я виновница всему? — перебила его Марта.— Так?

— Конечно, ты виновница всему.— Алек оглянулся на дверь, вскочил и поцеловал Марту.— Если бы не ты, был бы я на судне. Но я не жалею. Такие чудеса, как ты, встречаются раз в жизни. Из-за тебя я готов потерять сто судов и работать где угодно.

— Вот и хорошо. Мне как раз нужен работник. Будешь жить у меня в доме. Нет, ты не думай... На самом деле, я давно нуждаюсь в человеке, который помогал бы мне. Да он и был у нас. Старик Пеншон, да вот умер летом.

— В чем же будут заключаться мои обязанности?

— Их порядочно. Надо заготовить дрова, привести дом в порядок. Мне трудно ездить за товаром, да вообще много чего придется делать по хозяйству. А я одна. Раньше все это делал Жан, а когда его не было — Пеншон.

— Сколько будешь платить? — шутливо спросил Алек.

Марта сморщила нос и голосом хозяйки проговорила:

— Будешь получать, как рабочий в любом другом магазине. За вычетом стоимости жилья и стола. Устраивает?

— Вполне. Правда, я не знаю, сколько получает у вас в Сен-Пьере рабочий в магазине. А вот что скажут твои соседи и клиенты? Ведь мое присутствие может бросить на тебя тень...

Марта тряхнула головой, волосы сверкнули на солнце.

— Пусть говорят, что хотят. Я вдова. Никто меня не осудит за то, что я взяла мужчину в дом. Все же прекрасно понимают... Заботиться надо лишь о соблюдении приличий.

— Ну, это мы сможем.

— Пойдем, я покажу тебе комнату, где будешь жить.

Они прошли вовнутрь. Там, рядом с помещением магазина, находилась небольшая комната с одним окошком. Обстановка была самая простая. Кровать, покрытая добротным шерстяным одеялом, столик, стул, изразцовая печка.

— Нравится?

— Очень. Лучше, чем в кубрике.

— До тебя здесь жил Пеншон. Можешь сразу перебраться сюда и начинать работать. Правда, Алек, у меня все так запущено.

Он переехал к Марте Шарнье и сразу занялся делом. Марта сказала правду. Хозяйство было сильно запущено. В кладовках валялась пустая побитая тара, хаотически был навален товар, на дворе и в саду царил невообразимый беспорядок.

Он наколот дров, приладил петли у оторвавшейся двери в сарайчике, принялся за уборку двора. Он работал до тех пор, пока Марта не позвала его обедать.

— Ну как? Устал? — спросила она, улыбаясь, наливая ему суп. — Ты не торопись, Алек, а то так скоро нечего будет делать.

— Какая это работа! Пустяки по сравнению с тем, что было в море.

Алек работал до вечера, поужинал, помылся и прилег на свою кровать. Он слышал, как наверху ходила Марта. Он ждал ее. Думал, придет ли? И когда все

затихло на улице и часы показывали одиннадцать, она спустилась к нему.

— Я пришла к тебе,— тихо и смущенно сказала Марта.— Ты рад? Ждал меня?

6

Наступила зима. Бухта покрылась льдом. Движение в порту прекратилось, пароходы не приходили, и без того тихий городок совсем замер. Часто шел снег. Его не убирали. Только перед домами хозяева делали широкие проходы, а по улицам ходили по узким, протоптаным тропинкам. По ночам стояла удивительная тишина. Черное, утыканное звездами небо, лунный свет, причудливые остроконечные скалы, отяжелевшие от снега, заснувший городок — все напоминало иллюстрации к сказкам Андерсена. Жизнь в Сен-Пьере шла сонно, однообразно, без каких-либо видимых событий, как в замороженном царстве. Рано ложились спать и поздно вставали. Торопиться было некуда и незачем. Городишко оживал весной.

Сначала появление Алека у Марты в магазине вызвало большой интерес, пересуды среди покупателей и знакомых. Они приходили посмотреть на него, некоторые задавали хозяйке двусмысленные вопросы. Одна, особенно въедливая бабенка, мадам Калис, прямо спросила:

— Ты взяла себе любовника, Марта?

Марта гордо вскинула голову, ее зеленые глаза сердито блеснули.

— Я взяла себе работника, мадам Калис. Мне трудно управляться одной, и потом я вдова, свободная женщина, а вот вы замужем, но я не спрашиваю, почему вы так часто бегаете к месяе Эмилю...

Мадам изменилась в лице:

— Я пошутила, Марта. Не будем ссориться...

Скоро к Алеку привыкли, разговоры прекратились. Он никогда не появлялся в городе вместе с Мартой. И в магазине они старались держаться подальше друг от друга. Приличия были соблюдены, а для горожан этого было достаточно. Покупатели любили поболтать с Алеком, если заставляли его одного, не занятым делом. Всех интересовала Россия. Что это за страна? Где? Об этом сен-пьеровцы имели самые смутные понятия. Алек

охотно рассказывал. У него завязались добрые отношения с некоторыми жителями городка. Он стал своим. Только господин Торваль перестал посещать магазин и сухо отвечал на приветствия, когда они встречались в городе. В общем, все стало на свои места.

Он был доволен жизнью. Вставал рано, делал свою работу, вечерами пытался читать французские книги и журналы, но усталость брала свое, и он быстро засыпал.

Алек любил Марту. Любил по-настоящему. Она приносила ему радость. Нежная, неназойливая, всегда веселая, она вливала живую струю в монотонную, зимнюю жизнь. Она была в постоянном движении, что-нибудь делала, пела и радовалась тому, что существует. Ее никогда не оставляло хорошее настроение, улыбка не сходила с ее губ. Наверное, его присутствие делало ее счастливой.

— Вставай, Алек, вставай! — тормошила она его по утрам. — Смотри, какая чудесная сегодня погода. Солнце светит!

Иногда по вечерам они играли в скат. Марта любила выигрывать, и Алек постоянно поддавался, чем приводил ее в восторг.

Но чем дольше продолжалась эта идиллическая жизнь, тем тоскливее становилось Лонг Алеку. Он знал, что, пожелай он, и Марта выйдет за него замуж, он станет хозяином магазина, дома и навсегда останется в маленьком Сен-Пьере, затянутый в болото мещанской жизни. От таких мыслей ему становилось страшно. Все его существо восставало против такой судьбы. Он жаждал действия.

Алек не забыл ничего. Оставаясь наедине с собой, он с горечью вспоминал бурные дни в Риге и завидовал тем, кто смог остаться в России. Он тосковал по своим товарищам, спокойному Кирзнеру, хитроватому Новикову, по всем, с кем столкнула его революция. Он презирал себя за спокойное прозябание, хотя понимал, что это лучшее, на что он мог рассчитывать, попав в такое положение.

Чем ближе подходила весна, тем сильнее Алека охватывало беспокойство. Он часто приходил на волнолом, глядел на покрытую льдом бухту, на далекий горизонт, прислушивался к ветру и понуро возвращался домой. После таких прогулок он не смотрел Марте в глаза.

Она замечала это, но ничего не спрашивала. Она все понимала.

Наконец наступил день, когда Алек решил сказать ей о том, что мучило его, не давало спокойно жить. Во время обеда он отложил ложку и, виновато взглянув на Марту, тихо проговорил:

— Я, наверное, скоро уплыву. Ну, ты знаешь, о чем я говорю...

— Я знаю, Алек. Ведь ты моряк, вольная птица,— спокойно и грустно сказала Марта.— Я давно знала, что так будет, и готовила себя к этой минуте.

— Ты не сердись. Я очень люблю тебя. Но...

— Я не сержусь. Мне было хорошо с тобой, милый. Но счастье не бывает вечным. Я боялась сегодняшнего дня.— В ее глазах сверкнули слезы.— Не обращай на меня внимания. Мне хотелось, чтобы ты остался со мной навсегда, но я понимаю, что это невозможно. Ты человек другого мира.

— Спасибо тебе, Марта, за все. Я никогда не забуду тебя. Может быть, у меня в жизни больше никогда не будет таких счастливых месяцев...— Он взял маленькую, загрубевшую от работы руку и поцеловал.

Больше об уходе Алека не говорили до тех пор, пока в порт не пришел первый в этом сезоне пароход. Это был английский угольщик из Кардифа. Он привез в Сен-Пьер полный груз угля.

Судно было грязное, на всем толстым слое лежала угольная пыль, но Алек с наслаждением вдыхал запах угля, горячего машинного масла, свежей олифы. Корабельные запахи... Он стосковался по судну.

Алек остановил боцмана и спросил у него, нет ли свободной вакансии матроса.

— А ты что, наняться хочешь? — удивленно прищурил глаза боцман, высоченный рыжебородый шотландец.— Места у нас нет. Команда полная.

— Жаль,— невесело сказал Алек.— Мне надо в Европу. А может быть, я смогу дойти до Англии как пассажир? Буду работать за харч.

— Поговори со старпомом.

— А он ничего?

— Ничего. Хороший человек.

Алек разыскал старпома, предложил ему свои услуги. Иметь на борту лишнего матроса в течение трех недель

было слишком заманчиво, старпом подергал себя за подбородок и сказал:

— Я согласен. Что скажет мастер. Приходи завтра.

Домой Алек вернулся радостный. Марта заметила это.

— Что-нибудь новое? — спросила она с деланной улыбкой, а в глазах вспыхнула тревога. — Был на «англичанине»?

— Был. Возможно, уйду на нем в Европу. Завтра скажут.

Она вздохнула:

— Вот и приходит конец нашей жизни...

— Ну, это еще не наверняка. Они могут не согласиться, — утешил ее Алек.

На следующий день, когда Алек пришел на судно, старпом объявил ему, что он может принести свои вещи. Будет работать матросом без жалованья, за кормежку. Капитан согласился. Вопрос был решен.

Дома он сказал об этом Марте.

— Я так и думала. Что ж, давай рассчитаемся.

— Ты о чем?

— Я должна заплатить тебе за то время, что ты работал у меня.

— Мне не нужно денег. Наверное, я останусь твоим вечным должником.

— Не обижай меня. Ты работал и должен получить свое жалованье, иначе наша любовь примет совсем другую окраску... Понимаешь?

Марта достала конторскую книгу, просмотрела какие-то записи, открыла кассу.

— Вот. Тут все, что тебе причитается за вычетом стола, жилья и того, что ты уже взял. Бери, мой дорогой, не упрямься. Деньги тебе еще будут очень нужны. Ты вспомнишь меня добрым словом.

Она отсчитала ему довольно крупную сумму.

Ночью он прощался с Мартой. Она не плакала, губы ее улыбались, только глаза не могли скрыть внутреннего напряжения, муки и страдания, которое она испытывала.

— Я не пойду тебя провожать. Не могу... Не хочу, чтобы на меня глазели матросы. Я не выдержу... Ты простишь меня? — сказала она, когда Алек, закинув свой мешок за спину, собрался уходить.

— Да. Так будет лучше и мне. Прощай, моя любовь.

Он в последний раз обнял ее и, не оглядываясь, вышел из магазина. Если бы он оглянулся, увидел ее лицо, прижавшееся к стеклу двери, ее глаза, с тоской глядевшие ему вслед, неизвестно, хватило ли бы у него воли продолжать свой путь в порт. Но он заставил себя не оглядываться, хотя ему очень хотелось.

Он тяжело вступил на палубу угольщика, прошел в кубрик, бросил мешок на чью-то койку, сел к столу, уронил голову на руки. Сердце его разрывалось. Правильно ли он поступил? Может быть, нужно было забрать Марту с собою? Ведь он оставлял дорогого ему человека, совсем в сущности не думая о том, как будет жить она. Чего стоит для нее разлука с ним? Он понимал, что ее внешнее спокойствие обманчиво, и знал, как она страдает сейчас... Ах, как плохо все, черт возьми! Ну, куда он мог взять ее, что предложить, сам бездомный бродяга!

7

Пароход поднимался по Темзе. Алек помнил Лондон по своим первым плаваниям на «Бируте», но сейчас город казался ему незнакомым. На палубе было холодно и сыро. Стоя на баке, он чувствовал, как промозглый воздух забирается к нему за воротник. Алек неприязненно глядел на проплывающие мимо закопченные дома и склады. Моросил мелкий дождь, и от этого они выглядели еще мрачнее.

Было уже далеко за полдень, а солнце все никак не могло пробиться из-за туч. Пароход вошел в шлюз. Два маленьких чумазных буксирчика завели его в закрытый бассейн. Переговариваясь между собою тоненькими, писклявыми свистками, они ловко поставили судно к причалу и, отдав буксиры, дружно побежали на помощь следующему пароходу, пришедшему с моря.

Пароход пришвартовался. Причал был огромным, с длинной эстакадой, на которую вползали вагонетки с углем. С грохотом, поднимая густые облака пыли, они начали опрокидываться и высыпать уголь прямо в трюмы.

Алек распрощался с командой. Никто не пожалел об его уходе, никто не провожал, да и сам он покинул

судно без сожаления, не успев как следует сойтись с людьми.

Он стоял на стенке набережной. Куда идти? Алек не торопился, раздумывал. В кармане лежала порядочная сумма денег, которую заплатила ему Марта. При воспоминании о ней кольнуло в сердце. Марта, Марта...

Во время рейса на угольщике Алек пришел к твердому убеждению, что ему надо получить английский диплом штурмана, иначе он никогда не вылезет из матросской шкуры. Стажа у него теперь больше чем достаточно, по-английски он говорил почти свободно. Остается сдать экзамены. Где? Как? Он спросил об этом у старпома, когда они вместе стояли на вахте.

— Не очень сложно, — сказал англичанин. — В Лондоне при «Бод оф Трэйд»¹ есть комиссия. Она принимает экзамены. Плати деньги и можешь сдавать хоть на экстра-мастера, капитана с высшим дипломом. А ты на кого думаешь?

— Я? На второго штурмана.

— Ну, дерзай. Правда, к диплому у нас еще нужны рекомендации и знакомства. Просто так места не получишь.

И все-таки Алек решил попытать счастья. Для этого следовало на некоторое время расстаться с судном, побыть на берегу, чтобы заняться повторением мореходных наук. Так он и сделает. Прежде всего надо найти подходящее жилье.

Алек дошел до ворот порта. У проходной будки, заложив руки за спину, стоял «бобби» в своем обычном синем мундире и суконном шлеме. У него было добродушное, красное лицо человека, склонного к неумеренному потреблению пива. Алек остановился, поставил мешок на землю.

— Ну, что тебе, парень? — спросил полицейский, заметя нерешительный взгляд Алека. — Говори.

— Не знаете ли, сэр, где я могу получить приличную недорогую комнату? Я был бы вам очень обязан.

— Как не знаю? Я все здесь знаю. Все, что связано с моим районом. И если ты не думаешь остановиться в Карлтон-отеле, я сумею тебе помочь, — захохотал «бобби».

— Пожалуйста.

¹ Торговая палата (Board of Trade — *англ.*)

— Ты хорошо знаешь Лондон? Нет? Ну, все равно найдешь. Иди по Ист Индиа Док роуд, упрешься в маленькую площадь. Там есть бординг-хауз¹ Нельсона. Нет, нет, к знаменитому адмиралу он не имеет никакого отношения, — опять засмеялся полицейский. — Однофамилец. Но тоже бывший моряк, капитан. Гостиница называется «Чарли Браун». Иди туда, там дешево, чисто и удобно. Внизу есть бар. Можно выпить, если захочешь. Понял?

Алек поблагодарил и через полчаса уже стоял в вестибюле невзрачного серого трехэтажного дома с вывеской «Чарли Браун».

Портье мельком взглянул на его мореходную книжку, сунул в ящик стола, протянул ему ключ с большой деревянной грушей:

— Второй этаж, комната семнадцать, четыре человека. Сколько предполагаете жить? Ну, платите пока за трое суток.

Алек поселился в бординг-хаузе «Чарли Браун». Этот морской дом был известен среди моряков всего мира. Там постоянно толкались «агенты» — люди, которые подыскивали пароходы безработным. Они брали высокий процент из первого аванса, но всегда старались найти что-нибудь подходящее. Койка в «Чарли Брауне» стоила недорого. Это устраивало Алека. Он жил экономно, не зная, как долго придется пробыть в Лондоне.

В первом этаже дома помещался бар под тем же названием. Вечерами там собирались моряки всех национальностей, пили пиво, рассказывали необыкновенные истории, иногда ссорились.

Здесь считали хорошим тоном, чтобы каждый моряк, возвратившийся из плавания, «отдавший якорь» в заведении Нельсона, оставлял в баре какую-нибудь безделушку на память. Поэтому все его четыре стены были увешаны картинами, моделями парусных судов, а с потолка спускались чучела птиц, маленьких крокодилов, ящериц, засушенные морские коньки и звезды.

Этот своеобразный морской музей в течение многих лет с любовью собирали хозяева, передавая традицию от отца к сыну. «Чарли Браун» существовал уже более семидесяти лет. Бар всегда был полон народа. Хозяин

¹ Пансионат (от англ. Boarding House).

отпускал в кредит своим постояльцам, а им было удобно прямо из бара добираться до койки. Не надо далеко ходить.

Алек зашел в Торговую палату, записался на экзамены. Там их периодически принимала комиссия из маститых капитанов и опытных преподавателей морских колледжей. Ему сказали, что он попал удачно. Комиссия соберется через три недели. Представив необходимые документы, уплатив деньги, Алек засел за книги.

Из Лондона он послал длинное письмо Ивану Никандровичу. Алек писал:

«...если бы ты знал, мой дорогой, как мне хочется видеть тебя, походить по рижским улицам, побывать в местах моего детства. Помнишь наше реальное? Хальбкугеля и его русское произношение: «Ви должен говорить об этом вашему папа, молодой шеловек...» Умора! Я пишу редко, папа, но помню о тебе всегда. К сожалению, жизнь складывается так, что я не могу сейчас вернуться. Большую часть времени провожу в море. Твои письма подчас гоняются за мной месяцами, но все равно они огромная радость. Как будто бы я и поговорил с тобой.

Как тебе, наверное, тоскливо там одному? Ну, ничего, папа, я уверен, что мы с тобой еще увидимся. Мне так не хватает тебя и Риги... Пиши мне больше. Очень тебя прошу. Пиши обо всем. Не встречал ли кого-нибудь из моих друзей? Может быть, они подавали весточку о себе... Сейчас я в Лондоне. Ушел с судна, живу в бординг-хаузе. Это для того, чтобы подготовиться к экзаменам на штурмана, которые буду держать при «Board of Trade» — Торговой палате. Без такого диплома плавать помощником капитана нельзя. А мне надо как-то выбиваться из матросов. Да и плавать немного поднадоело. Хочется походить по земле. Закончу все береговые дела и снова уйду в море».

Ответ пришел неожиданно быстро. На конверте был только английский почтовый штемпель. Вероятно, Иван Никандрович просил кого-нибудь из знакомых моряков бросить письмо в Англии, минуя русскую почту и возможную перлюстрацию. В конверте лежало еще одно запечатанное письмо, адресованное Алеку. Он сразу узнал мелкий, ясный почерк Кирзнера. Кирзнер! Вот это здорово! Вот радости! Он так долго не имел от него вестей.

Сначала Алек принялся за письмо отца. Оно было бодрое, полное надежд на будущее. Иван Никандрович сообщал, что уже не работает у Нудельмана. После очередного еврейского погрома старик закрыл контору, продал свои пароходы и уехал в Аргентину. Он хорошо расстался с Чибисовым, заплатил ему за полгода вперед, и сейчас Иван Никандрович служит в агентстве Русско-Азиатского общества, получает приличное жалование, правда не такое, как у Нудельмана, да что поделаешь, времена тяжелые, вообще он доволен жизнью. Вот только сына ему не хватает. Он живет все там же, на Марининской, в старой их квартире, взял женщину, она ведет его хозяйство... Очень славная, нестарая женщина...

Когда Алек дошел до этих строчек, он понял, что отец нашел себе подругу. Он вспомнил портрет матери, висевший в столовой, сердце защемило, но он не осудил отца. Наверное, ему было очень трудно одному, а эта женщина помогла переносить одиночество. Ну что же. Такова жизнь.

После того как Алек дважды перечитал письмо отца, он принялся за второе.

«Дорогой Алеша,— писал Бруно Федорович.— Ты уж прости меня за такое долгое молчание. Я получил несколько твоих писем, но отвечать не было возможности. По многим причинам. Я мотался по всей России, был и на казенных хлебах, жил в разных городах. Письма, как могла, пересылала мне Маруся. Да тебе не знал куда писать. Ведь ты как Летучий Голландец. Ну, что рассказать тебе о наших делах? Все идет как надо. Трудно, медленно, но верно. Нашего полку прибыло. Товарищи тебе кланяются. Все живы и здоровы. Николай женился на чудной девушке, но работы не прекратил.

Я думаю, если не произойдет каких-нибудь неожиданных событий, мы с тобой очень скоро увидимся. Может быть, я приеду в Лондон в ближайшее время. Тогда разыщу тебя. А пока не скучай, не волнуйся и наберись терпения. Верь, что все, что я тебе говорил, сбудется. Обратно не рвись. Твое присутствие пока не нужно. Когда понадобится, найдем и вызовем. Ну что поделаешь! Лучше дышать вольным воздухом, чем сидеть в тюрьме. А наши «друзья» тебя хорошо помнят. Может

быть, ты нам понадобишься, если останешься за кордоном. Кто знает!

Помни, что обо всем писать нельзя, но о своем местонахождении старайся давать знать чаще. Ну хотя бы отцу. Большой тебе привет от Маруси. Она тебя часто вспоминает.

Обнимаю тебя.

Твой Бруно Кирзнер».

Алек отложил листок в сторону. Он ждал большого, подробного письма, а тут коротенькая записка. Но, перечитав ее еще раз, понял. Не мог Кирзнер расписывать ему обо всем. В целях конспирации он должен был ограничиться вот этими несколькими словами. Самое важное он сообщил. Радовала возможная встреча с Бруно Федоровичем. Неужели она состоится? Это было бы слишком хорошо!

Но проходили дни и недели, а Кирзнер не подавал о себе никаких известий. Алек тяжело переживал свое одиночество, со страхом чувствуя, как рвутся нити, связывающие его с Россией. Хотя бы письма приходили регулярно. Ивану Никандровичу он написал второе письмо, а ответа на него почему-то не получил.

Но однажды, когда Алек сидел за английской книгой девиации компасов, в комнате появился сосед-немец, матрос Мюллер.

— Спустись-ка в холл. Там тебя какой-то джентльмен спрашивает. Видно, богатый.

У Алека часто забилося сердце. Неужели приехал Бруно Федорович? Прыгая через ступеньки, он побежал вниз по лестнице. В гостиной, с зонтиком в руках, в черном пальто и в котелке, стоял незнакомый ему человек. Алек увидел его чисто выбритое, худое лицо с выдающимися скулами, с темными подстриженными усами и бородкой. Все было незнакомым. Только серые спокойные глаза кого-то напоминали, и Алек торопливо вспоминал, где он мог встречать их обладателя. Но он не успел этого сделать.

— Ну, здравствуй, скиталец морей. Подойди-ка сюда, сынку! — сказал по-русски человек, и Алек ошибочно узнал Кирзнера.

— Бруно Федорович! — заорал Алек. — Вы ли это?!

Он попал в крепкие объятия Кирзнера. Они долго тискали друг друга. Когда прошла радость первых минут встречи, все еще счастливо улыбаясь, Алек сказал:

— Я бы вас никогда не узнал, Бруно Федорович, если бы встретил на улице. Маскарад, да и только! От англичанина не отличишь.

Кирзнер поглядел на себя в зеркало:

— Так надо, Алеша. Я приехал сюда по делам, и вид мой должен им соответствовать. Коммерсант Крут всегда «комильфо». В общем, здесь не место для разговоров. Одевайся, пойдем в ресторан, пообедаем. Там я тебе все подробно расскажу.

Через несколько минут Кирзнер и Алек направлялись в район Олдгейта, в ресторанчик «Пикадилли», который еще со времен своих плаваний помнил Кирзнер.

— Прежде всего об Иване Никандровиче, — говорил он, поддерживая Алека под руку. — И не задавай сразу столько вопросов, не то я все пере забуду. С отцом в порядке, здоров, выглядит хорошо, я привез от него письмо...

— Женился?

Кирзнер укоризненно покачал головой:

— Очень ты нетерпеливый. Нет, не женился. Но женщину, которая с ним, я видел. Очень мне понравилась. И не вздумай осуждать отца. Ты должен быть рад, что он нашел ее. Ему легче...

— Я не осуждаю.

— Правильно делаешь. Твой «друг» Буткевич... Помнишь такого?

— Еще бы не помнить! Благодаря ему я очутился здесь.

— Так вот, он действительно женился. И знаешь на ком? — Кирзнер лукаво подмигнул Алеку. — Тоже на твоей знакомой. На Тине Подгоецкой. Что, екнуло сердце?

Алек безразлично махнул рукой:

— Теперь мне все равно.

— Буткевич открыл адвокатскую контору. Стал модным среди высшего общества, потихоньку сотрудничает с полицией и очень стыдится этого. Мы держим его под наблюдением.

— А как Василий Васильевич Лобода, Николай?

— Василий Васильевич плавает, может быть, и встретитесь когда, а Новиков, я писал тебе, нашел девушку и осел на берегу. Работает на судоремонтном заводе «Тосмари» в Либаве. Ведет большую работу среди своих товарищей. Ну, про кого еще хочешь знать?

— Про всех и про все.

Они зашли в маленький, сейчас пустой ресторан «Пикадилли», заняли столик, и Кирзнер сказал:

— Ты не стесняйся, Алеша. Заказывай что хочешь. Я угощаю. По-прежнему не пьешь?

— По-прежнему.

— Хвалю, моряк. Спиртное развязывает язык, а в нашем деле это смерти подобно.

Алек так долго не слышал родной речи, что спокойный, негромкий голос Кирзнера, ласковое, почти забытое имя Алеша казались ему чудесной музыкой. Он упивался звучанием слов, готов был целовать Бруно Федоровича, делать глупости — такое счастье наполняло все его существо. Ему думалось, что пришел конец скитаниям, что теперь все пойдет по-другому... Вот они пообедуют, и Кирзнер скажет: «Ну, Алеша, хватит тебе заграницы. Сделаем дела в Лондоне и поедem с тобой в Ригу...»

Кирзнер с улыбкой наблюдал за взволнованным Алеком. Он понимал его состояние и чувства. Пока длился обед, разговор перескакивал с темы на тему, не задерживаясь на чем-нибудь одном. Алек с тревогой заметил, что Кирзнер не торопится говорить ему о своих делах. Только когда они принялись за кофе и закурили, Бруно Федорович перестал улыбаться.

— Ну, теперь о главном, Алеша. Я, как ты, вероятно, понял сам, прибыл в Лондон с партийным заданием. Конечно, с чужими документами. Зовут меня Георгий Степанович Крут. Обрусевший немец. Купец. Дело у меня здесь большое. Завтра я уезжаю в Гулль. Оттуда пароходом мы поплывем в Або. Вот там предстоит самое трудное. Не буду рассказывать тебе о деталях, но все должно пройти успешно. Подготовка сделана солидная...

— А почему бы вам, Бруно Федорович, не взять меня в помощь? Я бы вам пригодился. Чем тут сидеть и коптить небо, неизвестно для чего.

Кирзнер строго взглянул на Алека:

— Я не выбираю себе помощников. Мне их назначают.

— А я не могу больше здесь находиться! Я сыт по горло! Лучше я поеду в Россию, буду сидеть в подполье...

— Тише! Не так громко,— холодно глядя на Алека, произнес Кирзнер.— Ну, дальше...

— ...буду сидеть в подполье, работать, подвергаться опасностям, делить с вами горести и радости, а главное — приносить какую-то пользу.

— Ты все сказал?

— Нет, не все. Знаете пословицу: «На миру и смерть красна»? Так вот, я хочу быть вместе со всеми вами. Я не боюсь опасностей, и, если мне суждено попасть в тюрьму снова, я готов к этому.

— Ну и дурак. Какой из тебя толк, если ты будешь сидеть в тюрьме? Или попадешь в руки полиции? А что попадешь, я в этом не сомневаюсь. Как только где-нибудь появишься, сразу зацапают. Демонстрация в гарнизоне наделала много шума. Ее помнят до сих пор и знают, кто был организатором. Тебе не простили, не думай.

— Может, и не зацапают,— упрямо сказал Алек.— Не все же сразу попадают в полицию. Живут себе нелегально годами. Более важные для охраны люди, чем я. Поеду в Россию. Будь что будет.

— Вот что я тебе скажу, Алексей,— отчужденно проговорил Кирзнер.— Ты волен поступать как хочешь. Но если еще считаешь себя членом партии большевиков, то будешь подчиняться мне. Я являюсь старшим. А партийная дисциплина превыше всего. Ты в России сейчас не нужен. Сознательно ставить свою голову под удар бессмысленно. Поэтому пока будешь за границей.

— Надолго?

— Не знаю. Может быть, на месяц, может быть, на год или два. Не знаю. Охранка сейчас так закрутила гайки, что людей мы должны очень беречь. Много наших ячеек разгромлено, товарищи в тюрьмах, иные на ка-торге, другие, как ты, в эмиграции.

Алек печально опустил голову. Что же делать? Как вырваться из этого круга?

— Понимаете, Бруно Федорович,— уже спокойнее начал Алек,— меня гнетет бездействие. Поэтому мне плохо и неинтересно жить. У меня здесь нет настоящих

друзей, я очень одинок. Сознание того, что все что-то делают, а я нет, мучительно. Вы-то ведь боретесь! Ну, какой я партиец?

Кирзнер слушал его не перебивая. Давал высказаться.

— Вы должны мне помочь, Бруно Федорович.

— Нет, Алеша, о возвращении в Россию забудь. А что тебе посоветовать — прямо не знаю.

Кирзнер задумался. Вдруг он улыбнулся и весело взглянул на Алека:

— Кажется, нашел. Скажи, ты не хотел бы поработать в Австралии, среди русских людей?

— В Австралии? Как поработать?

— А вот так. В этой стране много русских революционно настроенных эмигрантов. Разных течений. Все они против самодержавия, но ясности в послереволюционном будущем у них нет. Они напоминают мне крыловских лебедя, рака и щуку. Тянут в разные стороны. Нет единства. В Брисбене, в Сиднее живут и наши эмигранты-большевики. Среди них есть замечательный человек, организатор, борец. Вот если бы ты попал в Брисбен и стал бы помогать Артему в его работе, было бы здорово. Создать определенное общественное мнение у австралийских рабочих о революции в России, помочь им самим в борьбе против капитала, разве это не здорово?

— Вы уверены, что я там буду полезен?

— Уверен, Алеша. Все это чрезвычайно важно и нужно. Ты мог бы добраться до Австралии?

— Думаю, что да. А как я разыщу человека, о котором вы говорили?

— Артема? Попадешь в Брисбен, в русскую колонию, там его все знают. Передашь привет от меня. Можешь говорить ему, обо всем. Так принимаешь предложение?

— Раз не пускаете в Россию, придется. Принимаю.

— Не огорчайся, Алеша,—серьезно сказал Кирзнер.— Мы часто делаем не то, что нам хочется... О делах больше ни слова. Пойдем.

Бруно Федорович расплатился. Они вышли из ресторана и, несмотря на дождь, долго бродили по улицам Лондона. Кирзнер рассказывал о своей жизни в России, Алек о своих плаваниях. Ему было грустно. Вот уедет сейчас дорогой ему человек, и опять он останется один.

Когда еще увидятся? Он-то в безопасности, а что ожидает Бруно?

— Алеша, дорогой, не гляди так безнадежно, мрачно. Ну? Выше голову. Все будет хорошо. Теперь давай прощаться. Мой поезд на Гулль идет через час. Провожать меня не надо. До свидания. Не прощай, а до свидания.

Они обнялись, поцеловались так же, как несколько лет назад на Рижском вокзале, и Кирзнер поднял руку, останавливая таксомотор. Он открыл дверцу, оглянулся, помахал Алеку.

Алек еще несколько мгновений глядел вслед удаляющемуся автомобилю. Машина скрылась за углом. Он поднял воротник пальто и понуро поплелся в «Чарли Браун».

Через три дня Алек успешно сдал экзамены на второго помощника капитана, получил диплом. Теперь юридически он мог занять это место на любом судне.

В комнате, где Алек жил с двумя немецкими матросами, появился новый человек. Это был русский кочегар. Он только что списался с парохода «Ньюкасл», где подвернул себе ногу, растянул связки, и теперь оставался лечиться в Лондоне. Звали его Иннокентием Родионовым, или Кешей, как он просил себя называть.

Вечерами, благо Родионову нельзя было ходить, они лежали на койках и вели бесконечные разговоры по-русски. Немцы обычно спускались в бар.

Родионов эмигрировал в Америку в тысяча девятьсот втором году вместе с родителями, которых царское правительство выслало из России за религиозные убеждения. Они принадлежали к секте «молокан».

— ...Батька с маткой осели в Калифорнии, а я вот бродяжу по свету. Я во всех странах побывал, под всеми флагами плавал,— хвастался Кеша, выпуская дым из кривой трубки.

— Ну, и под каким лучше?

— Под австралийским.

Это заинтересовало Алека.

— Расскажи-ка почему.

— Там платят больше, кормят лучше, порядки посправедливее. Вообще я тебе скажу, в Австралии жить легче, работы больше. Нет ее на судне, на берегу всегда найдешь. На плантациях овец стричь, батраком у фер-

меров... Народ там больше организован. Что-нибудь не так — сейчас же объединяется и требует свое. Хозяева туда-сюда, а рабочих-то маловато, иногда приходится и уступить... Не то что тут. На одно место по двадцать человек.

— Чего же ты там не остался?

Родионов подмигнул, пригладил свои лихие черные усы:

— Мне до дому подаваться надо. В Калифорнию. Невеста меня там ждет.

— А в Россию не тянет?

— Как не тянет. Тянет. Да только что там делать? По рожке от офицеров получать? В тюрьме сидеть за то, что ты другого бога? Земли у нас нет. Всю деревню ведь выселили. Так что в эту Россию я не поеду. Вот, говорят, новая Россия будет, тогда уж...

— Кто это говорит? Какая новая?

— Такая... Без царя, без помещиков, вся земля между крестьянами разделенная поровну. Вот так, милочек. Тогда и поедем.

— Кто же тебе сказал об этом?

— Люди говорят. Были мы в Брисбене. Там русских эмигрантов полно. Кружки разные, газеты выходят на русском языке. В них все про эту новую Россию написано, про революцию. Почитаешь и думаешь: а вдруг и впрямь сбудется, что там говорится? Вот наступит житье! В гостях хорошо, а дома лучше. Так ведь? Вокруг наших русских и австралийцы шебуршат. Своими порядками тоже стали недовольны...

После этого разговора Алек долго не мог заснуть. Значит, Кирзнер был хорошо осведомлен о делах, творящихся в Австралии. Есть там революционно настроенные слои и борцы за дело рабочего класса. Он обязательно найдет там настоящих людей.

Алек решил наняться на любую должность на судно, идущее в Австралию. Он обратился к Гейлу Уорду, одному из самых авторитетных и осведомленных агентов, но старик сказал:

— Нет, парень. Я за это не берусь. С австралийских рейсов никого клещами не вытащишь. Даже с английских или иностранных пароходов. А про австралийские и говорить нечего. Надо надеяться только на случай. А его можно ждать месяцами. Я вот что тебе посоветую. Добираться туда по этапам. Сначала на западный берег

Америки — это проще, — ну, хотя бы во Фриско, а оттуда уже в Австралию. Может быть, попадешь на острова Тихого океана, куда-нибудь на Фиджи или Новую Зеландию, и тогда считай, что дело твое в шляпе. Суда оттуда ходят постоянно. Ну, конечно, времени такой путь займет побольше. Но я полагаю, что тебя не ждет премьер-министр Австралии на званый обед. Торопиться очень не надо?

— Нет, не ждет, — усмехнулся Алек. — Мы пока с ним не знакомы.

— Так искать тебе судно на Штаты?

— Ищите, Уорд. Расчет, как всегда, по таксе.

— Найду место, тогда будем говорить о расчете.

Через несколько дней Уорд предложил Алеку место подшкипера на американском пароходе «Президент Хейс».

— Идет в Сан-Франциско. То, что тебе надо. О месте помощника капитана не может быть и речи. Все занято. К тому же ты иностранец... Сам понимаешь.

Алек раздумывал недолго и дал согласие. Заплатив Уорду изрядную сумму из своего аванса, он поступил на «Президент Хейс». Это был большой пароход, только что сошедший со стапелей, красивый и чистый, с черной трубой, на которой блестела эмблема доллара. И компания называлась «Доллар-компани».

Помещения для команды были не из важных. Все каюты и кубрики, покрашенные скучной серой краской, напоминали железные ящики, переборки не имели никакой обшивки, но Алек, как подшкипер, получил отдельную каморку под полубаком, рядом с кубриком экипажа.

Он попрощался с Родионовым, который все еще лечил ногу. Кеша огорчился, похлопал Алека по спине, сказал:

— Ты дуй прямо в Брисбен, Алек. Там скорее всего найдешь работу, если решил пожить в Австралии. Да и наших там побольше. На первых порах всегда помогут. Жаль, что я хворый, а то бы поплыли вместе на этой «коробке». Мне как раз туда и надо, во Фриско. Ну, будь счастлив. Семь футов тебе под килем. Может, встретимся в России.

На следующий день «Президент Хейс» покинул сумрачный Лондон. На палубе новый подшкипер заклинивал покрытые брезентом люки.

«Президент Хейс» пришел в Сан-Франциско на рассвете. Несмотря на ранний час, по заливу сновали десятки катеров и буксиров. У причалов стояли огромные лайнеры под флагами разных стран, грузились и выгружались пароходы с красочными марками на трубах, а посреди круглого, как блюдце, залива, прямо из воды, поднималось мрачное здание тюрьмы Алькатрац. Если посмотреть на Сан-Франциско сверху, он напоминал звезду. От залива улицы расходились лучами. На них стройными рядами располагались розовые, желтые и белые дома, с вкрапленными зелеными квадратами парков и садов. Город, залитый первыми лучами солнца, окрасился в оранжево-золотистый цвет и был очень красив. Алек невольно залюбовался этим «морским Парижем», как часто называли Сан-Франциско моряки, исколесившие весь свет. Они любили этот город за мягкий климат, веселые бары и богатую биржу труда. Здесь было легче подыскать себе пароход. Ну, а если и не сразу повезет, не осталось ни цента в кармане, не беда. Несколько ночей можно провести в каком-нибудь парке. Только не попадайся полиции. Это уж на крайний случай, а так всегда можно найти добрую «сестру моряка». Она приютит и накормит в расчете на будущие блага. С первого аванса моряк заплатит с лихвой. Женщин обманывать было не принято. Так гласила неписаная этика бичкомеров.

«Президент Хейс» поставили в док. Пароходу предстоял гарантийный ремонт, и к вечеру всю команду рас считали. Остались только офицеры, боцманы и старший машинист. Никто не удивился этому. На американских судах команду увольняли после каждого рейса и нанимали вновь, выбирая только лучших.

Морякам разрешили остаться на борту до утра, а после завтрака все должны были покинуть судно.

— Ну, что будем делать? — спросил Алек своего приятеля-кочегара, англичанина Роя Старка, когда они, закинув за плечи морские мешки, очутились на берегу. — Куда пойдём?

— Как что? — удивился Рой. — Конечно, искать «коробку». Или ты думаешь, что денег, которые ты получил на «Президенте», хватит для того, чтобы покорить Фриско?

— Да нет,— отмахнулся Алек.— Я просто впервые в этом городе и потому...

— Не беспокойся,— прервал его Рой.— Фриско я знаю, как свой родной Ипсвич. Был здесь несколько раз. Давай пройдемся по главной улице Маркет-стрит, надо же тебе иметь представление, потом спустимся к рыбному базару, там полно итальяшек-рыбаков, владельцев всякой мелкой посуды, там же вечно крутятся шкипера парусных шхун, торгующих копррой. Они плавают на острова Тихого океана, на Самоа, Таити, Гавайи... Ночевать пойдем в Чайна-таун, китайский квартал. У китаез можно получить приличную комнату на двоих за доллар. Подходит?

— Я бы хотел поискать место на одном из судов, идущих в Австралию.

— Попробуем. Походим по конторам. А лучше всего зайдем в бординг-хауз «Си шелтер». Тамошний хозяин все знает. Он мой знакомый.

— Принимается,— сказал Алек.— Пошли.

Они вышли на нескончаемо длинную Маркет-стрит и долго брели по ней, разглядывая витрины, рекламные плакаты, пестрые одежды уличных зазывал.

— Хватит! — наконец проговорил Рой.— По этой улице мы можем дойти до центральной части Америки. Выпьем пива.

В баре под названием «Курятник» улыбающаяся девушка в легкомысленно короткой юбочке из перьев подала им два бокала холодного пива.

— Хорошо в такую жару,— сказал Рой, ставя пустой бокал на стол.— Теперь можно продолжать плавание. Курс на «Си шелтер». Повидаем старого пирата Майка. Наверное, он будет рад меня видеть.

«Старый пират» оказался сравнительно молодым человеком с черными курчавыми волосами, горбатым носом, большими темными, южными, глазами и походил больше на грека, чем на американца. Он небрежно пожал руку Роя, хлопнул его по спине, но особенной радости от встречи не проявил. По глазам было видно, что он не помнит моряка и только делает вид, что это ~~его~~ старый знакомый.

— Что, ребята, возьмете комнату? Я сейчас открою вам бутылочку виски. Ведь вы пришли из рейса? Надо отпраздновать.

— Нет, Майк. Нам нужен пароход, идущий в Австралию. И как можно скорее,— сказал Рой.

Майк отрицательно покачал головой:

— Придется долго ждать. Сейчас в порту нет судов на Австралию. И, как мне известно, скоро не будет. Ну, я думаю, это неплохо. Погуляйте в Сан-Франциско. Поживете у меня. Потом рассчитаетесь. В ресторане «Валенсия» выступают две девочки — «Долли систерз». Это стоит посмотреть, я вам скажу.— И он прищелкнул языком.

Рой вопросительно взглянул на Алека.

— Подумаем,— неопределенно проговорил Алек.— Пока оставим наши мешки, Рой, а сами пойдем на рыбный базар, как хотели...

Хозяин скорчил недовольную физиономию, пожал плечами, но ничего не сказал.

Они сдали свои вещи и отправились на рыбный базар. Он располагался у самой гавани, тесно заставленной судами. Так же тесно стояли столы на прилегающей к ней площади. Здесь продавали рыбу, только что выловленную из моря. Золотистую макрель, жирных тунцов, огромных, напоминающих щиты средневековых рыцарей камбал, змеевидных угрей, треску, лососину и каких-то совсем незнакомых Алеку колючих, головастых рыбешек. Везде лежали горы рыбы. На столах, в плетеных корзинах, в ящиках и просто на разостланных чистых брезентах. Все это сверкало, блестело, золотилось, переливалось, создавая красочное, праздничное зрелище. Крепкий рыбный запах пропитал все вокруг. Даже воздух. Разноголосый шум стоял на базаре. Продавцы кричали и, ругаясь, жестикулировали. Громче всех кричали итальянцы. Их было большинство.

— Видел?! — с восхищением подтолкнул Рой Алека, когда они с трудом выбрались из шумной толпы.— Такое не везде увидишь. Это один из крупнейших рыбных базаров в мире. Ну, да не за рыбой мы сюда пришли. Вот тут за площадью салун «Триесто». Нам туда.

В «Триесто» почти все места были заняты. Посетители, не обращая внимания друг на друга, громко разговаривали, много курили. Постоянно хлопала дверь, кто-нибудь входил или выходил из салуна. Здесь пили свое любимое кислое «Кьянти» итальянские рыбаки, уже продавшие улов, сидели моряки с парусников за ста-

канами черного, как деготь, стаута, сильно покрашенные женщины прохаживались между столиками в ожидании приглашения.

Алек с Роем заняли свободные места за столиком в углу.

— Я здорово хочу жрать. Поедим? — спросил Рой и, не дожидаясь согласия Алека, заказал два бифштекса с жареной картошкой и для себя порцию виски.

Алек с интересом наблюдал за окружающим. Пожалуй, он впервые попал в такую обстановку. Все это немного напоминало театр. Снова хлопнула дверь, и в зал вошел высокий темноволосый молодой человек, широкий в плечах, узкий в талии, с большими длинными руками. Одет он был в синюю шерстяную безрукавку с круглым воротником и брезентовые зеленые штаны. Его лицо сразу привлекло внимание Алека. Маленький, очень яркий рот, хищный крупный нос и хрящеватые, тонкие уши, прижатые к голове. Но самым примечательным в этом лице были глаза. Не то голубые, не то серые, ничего не выражающие, оловянные глаза. Достаточно было увидеть их, как у людей возникало неясное чувство тревоги. То же почувствовал и Алек.

Как только незнакомец вошел в зал, несколько потрепанных типов вскочили со своих стульев и бросились к нему:

— Хелло, Тони! Ну что, сторговал «Моану»? Набираешь команду? Есть свободные руки! Присаживайся к нам.

Но он не принял приглашения, оглядел зал и направился к столику, где сидели Рой и Алек.

— Я устроюсь здесь, парни. Вы не против? — сказал он и, не интересуясь, будет ли дано согласие, уселся на стул. — Это мое постоянное место, — добавил он, окидывая быстрым взглядом моряков.

К нему тотчас же подбежала девушка-кельнерша и почтительно осведомилась:

— Что прикажете, мистер Макфейл?

— Как обычно, Лиз, — улыбнулся он, обнажив десны и ряд мелких белых зубов. — Как обычно.

Потом он повернулся к Алеку и спросил:

— Моряки? Пришли из плавания или уходите в море?

— Пришли из Европы, — коротко бросил Алек.

— Так, так...— безразлично протянул Макфейл.— Много заработали?

Алек не ответил, а Рой вызывающе сказал:

— Что заработали, все наше.

Макфейл улыбнулся, и снова обнажились его десны и зубы. Вблизи он не казался таким молодым, как в первый момент. Ему было далеко за тридцать. Еле заметные морщины прорезали загорелый лоб.

— А я только что купил отличную парусно-моторную шхуну взамен старой,— вдруг доверительно сказал Тони.— Снова буду плавать по Тихому океану. Сейчас пойду на Таити.

— Так вы, значит, шкипер? — заинтересованно спросил Рой.— Набрали уже команду?

— Набрал банду полинезийцев, которые пропились во Фриско и теперь без копееки возвращаются домой. Они прекрасные моряки, а платить им...— Он не окончил фразы.— Нужен боцман. Белый боцман.

— Не можете найти? У вас здесь, кажется, достаточно знакомых,— вмешался в разговор Алек.

Макфейл презрительно махнул рукой в сторону зала:

— Эти? Они могут только пить и кричать о своих плаваниях. Никто из них не умеет по-настоящему работать. А вы какой специальности?

— Я кочегар, а он штурман,— быстро отозвался Рой.— Хотите предложить нам работу?

Макфейл помедлил с ответом.

— Кочегару у меня нечего делать, а вот штурман... Надо подумать. Впрочем, нет. У меня место боцмана с хорошим жалованием, а если попадется не дурак, то заработает вдвое больше,— усмехнулся шкипер и уставился своими оловянными глазами на Алека.

— Сколько будете платить? — спросил Алек. В памяти возникли красочные картинки с экзотическими островами из учебника географии, книги Джека Лондона, рассказы бывалых моряков. Все в один голос утверждали, что на Таити земной рай.

«Ну что ж. Все складывается как нельзя лучше. На острова Тихого океана, оттуда в Австралию. Именно так советовал старик Уорд...» — подумал Алек и переспросил:

— Сколько вы платите боцману?

— Я же сказал — семьдесят пять долларов в месяц и моя еда.

— А дополнительный заработок откуда?

— Сам увидишь,— загадочно проговорил Макфейл.— Если согласен, то давай документы. Я посмотрю, что ты собой представляешь,— уже тоном хозяина закончил шкипер.

Алек протянул мореходную книжку и диплом.

— Ты, значит, русский,— удивленно поглядел на него Макфейл,— а я думал, ты оттуда... С севера, скандинав. Далеко забрался. Ну, ладно. Я возьму тебя боцманом. Приходи на «Моану». Она стоит в Южной гавани, у пирса номер пять.

— Ну вот, Алек, значит, расстаемся? — грустно сказал Рой.— Счастливого тебе плавания! Это дело надо вспрыснуть. Правда, шкипер? Ты должен поставить нам. Получил такого человека!

Шкипер кивнул головой:

— Можно. Тони Макфейл не жадный. Эй, Лиз, три двойных! И почему ты так долго не нёсешь моего цыпленка?

— Мне не надо, — сказал Алек.

— Почему же? — удивился Макфейл.

— Не пью.

— Совсем?

— Да. Не люблю.

Шкипер захохотал:

— Первый раз вижу непьющего боцмана. Тогда ты, вероятно, не подойдешь мне. Я не верю людям, которые не пьют.

— Дело ваше. Я не очень тороплюсь в море.

— Ладно, я пошутил. Но, право, это удивительно.

Кельнерша принесла жареного цыпленка и виски.

— Ну... — Макфейл чокнулся с Роем и залпом выпил свой стакан. — Повтори, Лиз!

Алек сидел молча, наблюдая за Тони. Тот с хрустом разгрызал куриные кости, бросал их на тарелку. Ел он неопрятно, жадно. Щеки и губы лоснились от жира. Рой после третьей порции виски захмелел и болтал всякую чушь, непомерно расхваливая Алека. Шкипер же, несмотря на изрядное количество выпитого, оставался почти трезвым. Только с глаз его сошла мутная пелена. Они заблестели и глядели на Алека остро, напряженно, как будто бы что-то взвешивали.

— Наелся как удав, — наконец сказал Тони, отодвигая тарелку. — Так я тебя жду, боцман, на «Моане».

— Я приду завтра утром.

— Хорошо.

Макфейл встал, положил две зеленые бумажки под тарелку и, не прощаясь, направился к выходу.

— Пойдем и мы, Рой. Дело сделано, и надо отдохнуть. Ведь завтра мне работать.

— Конечно, конечно, — заторопился Рой. — Пошли. Мне тоже не мешает поспать. Заночуем у Майка, хотя комнаты у него дороже, чем в Чайна-тауне. Я здорово выпил...

На улице кочегара совсем развезло, и Алеку пришлось вести его под руку. Когда они устроились в маленькой двухместной комнате у Майка, Рой сказал сонным голосом:

— До чего же противная рожа у этого шкипера. Ты зря согласился идти на его корыто, Алек. Похоже, что тебе придется с ним скверно. Слушай, откажись ты от «Моаны», пока не поздно, а? Не бойся, найдем тебе коробку.

— Спи. Я подумаю.

Через пять минут Рой, повернувшись к стене, уже храпел, а Алек лежал на кровати с открытыми глазами. Да... Шкипер не понравился ему тоже. Что-то было в нем неприятное, жестокое, неискреннее. Алек вспомнил, как ел Тони, разгрызая куриные кости, его хриплый смех, взгляд после того, как он выпил виски... Его лежащую на столе руку с синим вытатуированным крестом и словами: «Да поможет мне бог». Отказаться? Признать, что он испугался этого человека? Нет. Алек чувствует себя сильным и ничего не боится. Что ему шкипер? Он знает свое дело, будет работать, а если не понравится, всегда можно взять расчет. Он настроился идти на «Моану». Впереди Тихий океан, плавание на парусной шхуне и острова, о которых он мечтал в детстве. Вопрос решен. Завтра он будет на судне Тони Макфейла.

9

Утром Алек стоял на пятом пирсе и любовался ошвартованной к причалу «Моаной». Он не торопился взойти на ее палубу. Выкрашенная в белый цвет, с длинным бушпритом, со слегка наклонными мачтами, узкая и стремительная, шхуна была очень хороша и, казалось,

рвалась со швартовов в море. Алек видел, как стоящий на корме Тони руководил уборкой судна. Человек шесть полинезийцев, черпая ведрами воду из-за борта, скатывали палубу, терли ее щетками. Шкипер заметил стоящего на причале Алека и недовольно крикнул:

— Эй, боцман! Надо было приходить раньше. Утро давно началось. Иди сюда.

Алек поднялся на шхуну. Матросы прекратили работу и с любопытством уставились на него.

— Тухоэ! — позвал Макфейл.

Один из полинезийцев бросил щетку, подошел к шкиперу.

— Это ваш новый боцман. Покажи ему, где что лежит, и после полудня будем сниматься. Тебя как зовут? — повернулся он к Алеку.

— Лонг Алек.

Тони захохотал:

— Лонг Алек! К тебе подходит. Вымахал таким высоким, что можешь продавить башкой палубу, когда будешь вставать с койки. Вот этот парень Тухоэ покажет тебе все, что надо. В течение недели он исполнял обязанности боцмана. Ну, что остановились? Уборку нужно закончить через полчаса.

Команда снова принялась за работу, полилась вода на палубу, зашаркали по дереву щетки.

— Пойдем, — сказал Тухоэ.

Они спустились внутрь судна. В течение часа полинезец показывал Алеку, где лежат запасные паруса, продукты, инструменты, такелаж, блоки. Судно поднимало сто пятьдесят тонн. В корме помещалось машинное отделение. Шкипер жил в отдельной каюте по правому борту. Напротив располагалась еще одна двухместная каюта. Она была свободна. Вся остальная команда занимала общий носовой кубрик.

— Вот и все, мистер... — сказал Тухоэ, когда они обошли все судно. Он вопросительно посмотрел на Алека.

— Зови меня просто боцман.

— Хорошо, мистер боцман.

Алек усмехнулся:

— Ну, какой я мистер? Просто боцман.

Полинезец, улыбаясь, закивал головой. Алек вышел на палубу. Уборку закончили. Тони сидел на корме и что-то записывал в блокнот.

— Он тебе все показал? Садись и слушай внимательно. Прежде всего помни, что ты боцман — первое лицо после меня на судне. Ты для этих лодырей бог. Твое слово закон. За ними все время надо следить и заставлять работать. В общем, они скоты и пьяницы. Я никогда бы их не взял, если бы... — Он подмигнул Алеку и продолжал: — Но моряки они первоклассные. Сейчас я отправил команду на берег добрать кое-какие продукты. Вернутся — можно уходить.

— А какой груз на шхуне? — поинтересовался Алек.

— Так... разное, — уклонился от прямого ответа шкипер. — Генеральный груз. Деньги у тебя есть?

Алек удивленно поглядел на Макфейла:

— Ну, есть. А в чем дело?

— Сходи на берег и купи для себя несколько галлонов рома...

— Зачем? Я же говорил вам, что не пью.

— Пригодится. Я знаю, что надо делать. Мы идем на острова Океании, в архипелаг Туамоту... Ну, теперь понял? Нет? Поймешь потом. Иди, не теряй времени.

— Понял. Ром покупать не буду. Он мне не нужен, — отрезал Алек.

Тони с иронией поглядел на него:

— Новая разновидность! Боцман-трезвенник. Беспокоишься о здоровье туземцев? Не хочешь заработать лишнюю сотню долларов? Ну, это твоя забота. Ты случайно не из «Армии спасения»? Настоящий патер.

Лицо шкипера выражало презрение и насмешку.

— Ладно, оставим, — вдруг сказал Макфейл, заметив, что Алек не отводит от него своего взгляда и несколько не смущен насмешками. — Каждый человек сделан по-своему. Иди устраивайся.

Алек спустился в кубрик, разыскал свободную койку и уже хотел бросить на нее свой мешок, как услышал голос шкипера. Он склонился над световым люком и кричал ему:

— Можешь занять двухместную каюту, боцман. Она пока свободна.

«Это лучше», — подумал Алек и перенес свои вещи в каюту. Потом он еще раз обошел судно. Шхуна была почти новая, с косым вооружением, и управляться с ней не представляло большого труда. Не то что на каком-нибудь барке с прямыми парусами.

Вернулись матросы, нагруженные мешками и свертками. Вместе со шкипером и боцманом команда шхуны состояла из девяти человек. Не успели матросы разложить принесенные покупки, как повар-полинезиец позвал обедать. Тони ел в рубке отдельно от экипажа.

После обеда шкипер скомандовал:

— На швартовы! Будем отходить.

Он спустился в моторное отделение и некоторое время, чертыхаясь, копался там. В конце концов мотор затарахтел. Шкипер, вытирая руки тряпкой, подошел к штурвалу:

— Ну, что стоите как замороженные? Отдавайте швартовы.

Лавируя между стоящих на якорях судов, Тони мастерски вывел «Моану» из гавани. В заливе, когда до «Золотых ворот» оставалось не более полумили, он приказал поставить паруса и остановил двигатель.

Алек с восхищением наблюдал, как быстро и слаженно работают полинезийцы. Видно было, что они привыкли к парусам, прекрасно разбираются в снастях. Когда прошли «Золотые ворота», неширокий выход из залива, Макфейл передал штурвал одному из матросов и ушел в рубку, к карте. Через несколько минут он снова появился на палубе.

— Будешь держать курс зюйд-тень-вест, — сказал он рулевому. — Следи за парусами, Патриций. Если ветер будет меняться, скажешь.

Полинезиец утвердительно кивнул.

Алек удивился тому, что Тони так беззаботно доверил управление неграмотному полинезийцу, но уже через несколько часов убедился, что это совершенно безопасно. Рулевой и матросы, оставшиеся на вахте, вовремя подбирали и травили шкоты, точно держали судно на курсе. Макфейл оказался прав. Лучшей команды для плавания на паруснике желать было трудно. Полинезийцы «чувствовали» океан.

10

Уже три недели «Моана» шла на юг. Алек не жалел, что нанялся на шхуну. Все здесь было необычным. И тишина на судне, без постоянного шума машин, и удивительные лунные ночи, когда океан бывал спокоен, вода напоминала шелковую материю, а судно шло вперед.

движимое только верхним, не осязаемым людьми, ветром. И бег парусника по синему океану с белыми пенными дорожками по бортам... Сиреневые, зеленые, розовые солнечные закаты, каких никогда не увидишь на севере, стаи летучих рыб, проносящихся рядом, фосфоресцирующий океан... И даже штормы казались здесь необычными, с теплым ветром и солнцем.

Маленькая «Моана», похожая на легкую бумажную лодочку, смело бросалась в водяные пропасти, поднималась на ревущие, кипящие белой пеной гребни и снова устремлялась вниз к подножиям огромных прозрачно-зеленоватых гор...

Но штормы случались редко. Макфейл выбрал лучшее время года для плавания в этих широтах, и шхуна чаще всего шла с ровным пятибалльным ветром.

Алек, несмотря на косые взгляды шкипера, быстро подружился с командой. Она пришлась ему по душе. Полинезийцы были удивительным народом, совсем непохожим на тех людей, с которыми ему приходилось встречаться раньше. Большие дети, добрые и непосредственные, без хитрости и злобы, пожалуй, лишь с одним пороком, приобретенным у европейцев, — любовью к спиртным напиткам. Белые сделали все, чтобы привить им эту любовь, и полинезийцы, работавшие в Сан-Франциско, а теперь попавшие на «Моану», возвращались на родину без копейки. Все деньги остались в кабаках Фриско. Но матросы не очень горевали. Предвидение близкого свидания с родными островами делало их счастливыми. Они знали, что там никто не требует с них денег, они сумеют прокормиться. Беда только, что после столь длительного отсутствия они не везут своим родичам никаких подарков. Ну, и это поправимо. Они получают расчет в Папэте и купят вещей там.

Тони разделил команду на две вахты. На одной он стоял сам, на другой Алек. В каждой вахте было по три матроса. Шкипер не обязывал Алека стоять на вахте как штурмана, но он прекрасно понимал, что Алек сам будет заниматься этой работой, а платить ему можно в три раза меньше. Боцман ведь не штурман. Но Алек и не претендовал на штурманское жалованье. Плавание было интересным и нетяжелым.

Старшим в команде был Тухоэ, парень, который показывал Алеку судно. Стройный и сильный, с велико-

лепно развитой мускулатурой, черными прямыми волосами, он очень мало чем отличался от европейца. Европейская одежда дополняла сходство. Да, пожалуй, все полинезийцы на «Моане» сильно походили на европейцев.

Команда не отличалась особенным трудолюбием. Это заметил и Алек. Вахтенные матросы предпочитали лежать на палубе, подставляя свои спины солнцу, болтать, смеяться, чем заниматься починкой парусов, такелажом или палубными работами. Вот на руле они стоять любили, управление судном доставляло им удовольствие.

Раздраженный голос шкипера заставлял матросов вскакивать и приниматься за работу. Они боялись Макфейла. Называли не иначе, как «мистер кэптен» или «мастер», в его присутствии никогда не сидели, стараясь чем-нибудь занять свои руки. К Алеку же полинезийцы относились по-дружески, держались с ним свободно, охотно рассказывали о своей жизни, но если боцман что-нибудь приказывал, выполняли быстро и беспрекословно.

Не занятые вахтой матросы частенько собирались на палубе, играли на гитарах, пели. Алек садился где-нибудь рядом и слушал. Грустные мотивы уносили его в прошлое, в Ригу, к отцу. Он вспоминал своих друзей-революционеров или видел зеленоглазую Марту...

С каждой пройденной милей «Моана» приближалась к тропикам. Ночью в небе зажигались необычайно яркие звезды, выходил из-за горизонта огромный оранжевый месяц, поднимался, становился маленьким, задирал свои рога кверху и замирал в вышине, заливая океан причудливым голубоватым светом, при котором свободно можно было читать румбы на картушке компаса. Все вокруг становилось сказочным, нереальным. Паруса блестели, как металлические, по бортам двумя огненными полосами струилась вода, мерно всходил на пологие волны нос шхуны, поднимаемая под форштевнем бурун из светящихся брызг. На корме виднелась фигура рулевого, медленно поворачивающего штурвал, а на баке тихо звучала гитара. Полинезийцы пели любовные песни своих далеких островов.

В такие ночи Алеку не спалось. Он проводил их на палубе. Однажды, когда замолкли песни, Алек спросил у Тухоэ:

— Как же вы все-таки оказались в Сан-Франциско, Тухоэ? Ведь от него до ваших островов очень далеко.

Полинезиец рассмеялся:

— Очень просто, боцман. В тот год мы удачно продали большую партию копры. Были деньги. Ну, что делать с ними на нашем маленьком атолле? Никаких развлечений. Мы решили отправиться покутить в Папее. Это не так далеко, триста пятьдесят миль. Приехали, а там капитан с барка «Дези» предложил — нас было четверо — места матросов на его судне. Он шел во Фриско и сказал, что там мы увидим такое, чего никогда не видели и не увидим, даже в Папее. Ну, мы согласились. О, во Фриско все было шикарно. Мы жили в отеле, каждый день посещали рестораны и бары. У нас было много друзей. Все хотели нам услужить, помочь, показать все. Ну, когда кончились деньги, все друзья, — Тухоэ весело засмеялся и замахал руками, как крыльями, — все улетучилось. Из отеля пришлось уйти. А работу во Фриско найти трудно. Вот и сидели мы там эти два года. Еще два путешественника пристали к нам — Тека и кок, тот вон, с курчавыми волосами. Делали самую грязную работу, все хотели наняться на судно, идущее в нашу сторону. Да не так это просто. К счастью, наш мастер купил шхуну и взял всех нас до Папее. Оттуда рукой подать до дома. Приедем, купим подарки родным. Мастер обещал заплатить каждому из нас по пятьдесят долларов за рейс. Нам здорово повезло, правда, боцман?

Алек улыбался, кивал головой, соглашался. Очень уж счастливым выглядел Тухоэ. Но когда матрос упоминал о шкипере, Алеку не хотелось улыбаться.

...Как-то по-особенному сложились его отношения с Макфейлом. Он редко разговаривал с Тони, а если такое случалось, то это были деловые разговоры о просушке парусов, продуктах, питьевой воде. И всегда Тони говорил с Алеком презрительно-холодным тоном. Сухо, без улыбки и шутки. А боцман и не навязывался к нему в собеседники. Когда шкипер прокладывал новые курсы, занимался с картами и книгами в рубке, Алек никогда не заходил туда и вообще старался первым не заговаривать с Макфейлом. Но всегда он чувствовал на себе тяжелый, неприязненный взгляд шкипера. Это заставляло держаться настороже. Черт его знает, чего хочет от него этот тип!

К команде Тони относился так же. С презрением. Казалось, что он не замечает людей. Но он никогда не пускал в ход кулаки, как бы ни был раздражен, не ругался, не делал длинных выговоров. Он только глядел на человека своими страшными глазами и цедил приказания. И все, что бы он ни говорил, обижало. Он не мог иначе.

Случайно Алек открыл «секрет» Макфейла. В один из погожих солнечных дней шкипер приказал проветрить трюмы, чтобы убрать груз от отпотевания. Сам он спустился спать в каюту.

Алек снял брезенты, несколько лючин¹, развернул вентиляционные раструбы. Легкий ветерок выдувал из трюмов спертый, тяжелый воздух. Алек решил проверить, не текут ли где-нибудь в пробках керосиновые банки, которых в трюмах лежало множество, и стал внимательно разглядывать одну банку за другой, беря их из разных рядов. Наконец он добрался до последнего ряда и вдруг ощутил приятный, сладковатый запах рома. Он поднял одну из банок. Запах усилился. Алек отвернул пробку, вылил несколько капель содержимого себе на ладонь. Да, это был самый настоящий ром. Все ясно! Значит, Тони Макфейл — бутлегер². Везит на острова спиртные напитки. Верхние ряды — банки с керосином, нижние — ром. Неплохо придумано.

Тухое говорил Алеку, что на островах «сухой закон» и ввоз спиртного туда запрещен. Каждый галлон стоит бешеных денег. В Папезте осматривают все суда, идущие на Туамоту, и только после этого выдают разрешение на плавание и торговлю в архипелаге. Конечно, тут сам черт не найдет ром, если сверху он прикрыт тремя рядами банок с керосином. Тони может не бояться.

«Вот сволочь,— подумал Алек.— Я и раньше предполагал, что он занимается контрабандой, но не в таком масштабе. И меня хотел втянуть в это грязное дело...»

После этого открытия Макфейл стал Алеку еще более неприятен.

Однажды днем шкипер вышел из рубки на полуденные определения с секстаном в руках. Алек с интересом наблюдал за ним. Он всегда завидовал Макфейлу,

¹ Лючины — доски, закрывающие люки.

² Бутлегер — контрабандист спиртными напитками в странах с «сухим законом».

когда видел его с секстаном. Тони заметил его взгляд. Определившись, он позвал:

— Эй, боцман. Можешь? — Он протянул Алеку секстан.

— Могу.

— Ну, ну, посмотрим.

Алек ощутил, как привычно прильнула к его ладоням теплая деревянная ручка секстана. Сейчас он возьмет высоту! Не прошло и пятнадцати минут, как он проложил свою линию на карте. Она легла рядом с линией шкипера.

— Так, так, — хмыкнул Тони. — Можешь заниматься этим, когда будет охота.

С тех пор на своих вахтах Алек постоянно брал высоты светил и определял место судна. «Охота» была всегда огромная, а Макфейл получил возможность контролировать свои точки.

На четвертой неделе плавания шхуна попала в сильный шторм. Циклон, идущий с севера, задел их своим крылом. На горизонте появилось лилово-багровое облачко. Оно разрасталось с невероятной быстротой, и скоро все небо покрылось низкими свинцовыми тучами. Налетел сильный шквал, накренивший «Моану» так, что она черпнула бортом, как-то странно заскрипела, вытрямилась и снова легла, уже на другой борт. К счастью, шквал не прозевали, вовремя убрали паруса, оставив лишь кливер и стаксель¹. Приближающийся шквал заметил один из матросов и вызвал Тони наверх.

По вспененным волнам «Моана» под передними парусами неслась вперед. Ее нещадно качало. Гигантские волны высотой не менее десяти метров догоняли судно с кормы, и казалось, что они обрушатся на шхуну, сметут все, придавят и тогда наступит конец. По палубе со зловещим шипением носилась вода, устрашающе ревел в снастях ветер. Океан грохотал. Алеку, стоявшему в рубке, стало страшновато. Он попадал в штормы и раньше, но никогда на таком маленьком суденышке, ни когда море не было от него так близко, так угрожающе близко. До океана можно было достать рукой. Только рулевой-полинезиец бесстрастно поворачивал штурвал, стараясь не дать шхуне развернуться бортом к волне.

¹ Кливер, стаксель — передние косые паруса.

Вдруг Алек увидел Тони Макфейла. Зеленый, с перекошенным от страдания лицом, он держался за шторм-леер, сильно наклонившись к подветренному борту.

«Что это с ним?» — подумал Алек и тут же увидел, что Тони начало рвать. Это был страшнейший приступ морской болезни. У шкипера буквально выворачивало внутренности.

Вот оно что! Теперь понятно; почему всегда при качке Тони уходил к себе в каюту. Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом.

Прижимая платок ко рту, шкипер со стоном рухнул на диван в рубке. Он с ненавистью взглянул на Алека, разжал зубы и выдавил:

— Я всю жизнь провел на море и до сих пор не привык к качке. Говорят, что из людей, подверженных этой проклятой болезни, можно вить веревки, когда они укачиваются. Не надейся. Я не становлюсь добрее. Понял? — И он в изнеможении закрыл глаза.

Алека раздражал этот человек. Он поглядел на скорчившегося на диване Тони и сказал:

— Мне наплевать, каким ты становишься после того, как море вывернет тебя наизнанку, — добрым или злым. Мне от тебя ничего не надо. Я только жалею, что попал на твою ромовую бочку. Это занятие не для меня. Ты это тоже понял, надеюсь?

Макфейл приподнял веки, и злобные огоньки мелькнули у него в глазах.

— Ах, значит ты уже пронюхал... Ошибаешься. В банках керосин. Зачем я взял тебя на судно, черт возьми? Я не должен был этого делать. Но я думал, что мы с тобой сойдемся и вместе... — Он не закончил: приступ морской болезни снова выкинул Тони на палубу, к лееру.

11

...«Моана» подходила к островам ночью. Она неслышно скользила по темному океану. Впереди по носу блеснул и погас далекий огонь. Он долго не появлялся, но когда вспыхнул второй раз, Тухое, стоявший на руле, радостно закричал:

— Таити! Маяк Папезте! Я узнаю его из тысячи.

С каждой пройденной милей огонь становился все ярче и ярче, и шкипер, полистав лоцию, подтвердил,

что это огонь Папэте. Скоро до слуха донесся шум прибоя, ветер принес с берега запах затхлой копры и аромат цветов. Порт был недалеко.

— Подождем рассвета, — сказал Тони. — Пока будем дрейфовать. Здесь трудный заход.

Заскрипели блоки, шхуна сделала поворот и лениво закачалась на длинной, спокойной волне. Команда высыпала на палубу. Матросы громко смеялись, размахивали руками. Завтра наконец они будут дома!

С первыми лучами солнца открылись горы, торчащие прямо из воды. Небо очистилось от облаков, и океан засверкал ослепительной синевой. «Моана» весело побежала к берегу.

Часа через полтора шхуну встретил катер. На борт поднялся смуглолицый лоцман в белом соломенном шлеме и коротких белых штанах.

Как только он поставил «Моану» к причалу, на судно прибыли портовые «власти» — врач, таможенники, шипшандлер. На причале сразу же собралась большая толпа любопытных. Приход новой шхуны в порт был для Папэте событием. Люди останавливались, смеялись, перебрасывались с матросами шутливыми словами на их родном языке, бросали цветы на палубу. Вероятно, среди встречающих были родные и знакомые.

«Власти» побыли в каюте у Тони долго. Наконец на палубе появились два таможенника и приказали открывать трюмы. По их лицам было видно, что шкипер не жадничал и угостил их на славу. Вместе с ними на палубу вышел и Тони. Он был совершенно спокоен, улыбался и что-то говорил, поднимая руки вверх. Алек понял, что он рассказывает про шторм в океане и огромные волны. Французы удивленно вскрикивали:

— О-ля-ля! Териблы! ¹

Тем временем матросы сняли с люков брезенты и лючины, и в трюмах стали видны ровные ряды ящиков, мешков, кип.

— Все готово. Смотрите, господа, лучше, — любезно позвал таможенников Макфейл. — Смотрите так, чтобы потом не было никаких недоразумений с выдачей разрешения.

Позвав двух матросов на помощь, таможенники спустились в трюм. Они трудились добросовестно. Вскры-

¹ Ужасно! (Франц.).

вали некоторые ящики, переворачивали мешки, прорезали обшивку у кип.

— Эй, шкипер, а что у вас в банках? — донесся вдруг из трюма приглушенный голос таможенника. — Я что-то не видел на них документов.

Тони быстро взглянул на Алека и подошел к люку:

— Керосин, месье. Я же показывал вам манифест. Керосин, как и все остальное, записан туда.

Алек видел, как один из таможенников, видимо неудовлетворенный объяснениями шкипера, пытался отвернуть пробку у одной из банок.

— Боцман, помоги! — распорядился Тони.

Алек спустился в трюм, захватил тряпкой пробку, открыл банку. В нос ударил запах керосина.

— Хорошо, мастер, все в порядке. Я, грешным делом, думал, не спирт ли в банках, — ухмыльнулся таможенник, вылезая из трюма. — Необычная для керосина тара.

— Удобнее продавать, месье. Правда, в банках галлон керосина обходится на цент дороже. Но я полагаю, что это не остановит покупателей.

Формальности и осмотр скоро закончили, и шкипер вместе с «властями» отправился на берег оформлять документы. Он долго не возвращался. Матросы, не дождавшись расчета, ушли в город. На шхуне остался Алек, у которого не было знакомых в Папезте.

Он присел на корме и любовался окружающей природой. Синий океан, темная зелень кокосовых пальм, белый коралловый песок пляжа, зеленая вода в гавани, сиреневые горы, окружающие Папезте, ослепительное солнце — все было ново и непривычно для него, северянина.

Неужели он видит это наяву? Ожили яркие картинки его детских книжек. Он видит то, о чем писали Стивенсон, Джек Лондон, Сомерсет? Какие красивые женщины проходят мимо шхуны! Стройные, гибкие, смуглые, в ярких одеждах. Они улыбаются ему. Вот одна бросила на палубу белый цветок. Тоже ему? Алек улыбается в ответ. На душе становится легко. Жизнь прекрасна, он еще молод, хорошо, что он моряк и может посмотреть мир...

Шаги на трапе отвлекли его от приятных мыслей. Возвратился Макфейл. По тому, как тяжело он ступал, как неестественно прямо держался, Алек понял — шки-

пер много выпил. У Алека сразу испортилось настроение. Все потускнело вокруг. Так бывало всегда, где появлялся Тони. Замолкали веселые разговоры, смех, шутки. Шкипер давил только одним своим присутствием. Тони потоптался на палубе, подошел к Алеку:

— Скучаешь? Лучше бы сходил в бар. Впрочем, бутылка не для тебя. Я совсем забыл, что ты из «Армии спасения». Или хочешь выпить керосинчику? — Шкипер покачнулся и издевательски подмигнул Алеку: — Сознайся, ведь ты был уверен, что в банках спиртное?

— Я и сейчас не сомневаюсь, — усмехнулся Алек. — Таможенник поленился добраться до нижнего ряда... Там есть чем промочить горло.

Макфейл сжал губы. Глаза у него протрезвели.

— Можешь оставить свои домыслы при себе. В банках керосин. Это подтвердил осмотр. Все разрешения получены. Вот они где... — Шкипер похлопал себя по карману. — Завтра поплывем на острова. Придет новая команда. Я уже нанял несколько человек.

— Новая?

— Эту я сегодня рассчитаю. Лодыри. Да они и сами не пойдут дальше. Может быть, и тебе дать расчет?

— Если хочешь.

— Нет, ты еще поплаваешь со мной. Я подвезу тебя поближе к Австралии. Как я понимаю, тебе надо именно туда? Ты мне нужен, боцман. Только не занимайся домыслами. Будет полезнее для всех.

Макфейл спустился к себе. Алек услышал, как шкипер жадно пьет из графина воду, потом заскрипели коечные пружины, и все затихло. Алек остался на палубе. Может, послать к дьяволу «Моану» с ее гнусным шкипером и остаться в Папезте? Отсюда тоже, наверное, ходят пароходы в Австралию. Или уж терпеть до конца, сойти со шхуны где-нибудь поближе к Новой Зеландии или островам Фиджи, как советовал Гейл Уорд? Он-то уж знал, что лучше. Там есть регулярные линии. Да, надо остаться. Так будет разумнее.

К полудню на шхуне собралась старая команда. Все с нетерпением ожидали расчета и жаждали как можно скорее расстаться с судном. Но Тони не выходил из

каюты, а тревожить его никто не решался. Только к вечеру, когда солнце начало спускаться к горизонту, на палубу вышел зевающий Макфейл. Матросы обступили его:

— Добрый вечер, мастер. Давай наши деньги, и мы уйдем. Нас ждут на берегу друзья. Мы хорошо служили тебе, правда, мастер? Ты остался доволен?

— Правда, правда, детки, — криво улыбнулся Тони. — Сейчас я заплачу вам. Но мы должны расстаться, как подобает честным морякам. Вы славные ребята, и я угощу вас. Вы заслужили свой стаканчик, не так ли?

Матросы одобрительно зашумели. Шкипер вынес три бутылки рома и стакан:

— Кто первый?

Полинезийцы, довольные, со смехом пили свою порцию. Хороший мастер, добрый. Не прошло и несколько минут, как бутылки оказались пустыми.

— А теперь получите деньги, детки.

Макфейл вытащил из кармана пачку десятидолларовых бумажек:

— Тухоэ! Подходи. Получай. — И он протянул матросу десять долларов.

Полинезиец стоял, непонимающе глядя то на шкипера, то на свою руку, сжимающую деньги.

— Следующий, — сказал Тони.

— Как? А где же остальные деньги, мастер? Ты обещал заплатить каждому по пятьдесят долларов!

— Все правильно, Тухоэ. Я высчитал с вас за питание. Мы же не договаривались, что я буду кормить вас бесплатно? Так? А это остаток.

— На всех судах команду кормит шкипер. Почему же ты обижаешь нас?

— То на всех судах. У меня другой порядок. Не задерживай остальных, Тухоэ. Подходи, ребята.

Никто не тронулся с места. Полинезийцы с недоумением и ужасом глядели на шкипера. Они не верили тому, что сейчас слышали. Обман был слишком чудовищным.

— Ну, что вы стоите? Не хотите получать деньги? Можете идти так. Будьте еще благодарны мне за то, что я даю вам это. Если помните, вы брались довести «Моану» до Папеезе бесплатно. Только за то, что я доведу вас домой. Так?

— Не было такого! — закричал матрос с курчавыми, как у негра, волосами. — Не было! Ты обещал нам по пятьдесят долларов каждому, мастер. Давай наши деньги.

Матросы с кулаками подступили к шкиперу.

— Но, но, детки! Спокойнее. Ведь я могу вызвать и полицию, если вы станете очень волноваться. У нас с вами нет письменного договора, ведь так? Тот и оно. Ну, будете получать деньги? Пока я их даю вам.

Алек стоял у рубки, с возмущением наблюдая за безобразной сценой. Наглость и жестокость шкипера выходили за все рамки дозволенного. Пользуется тем, что матросы — полуграмотные полинезийцы. Они не сумеют доказать, что их обманули. Макфейл, белый, судовладелец, всегда окажется правым. Даст взятку кому следует, и разговор короткий. Какие могут быть претензии к капитану, если не заключен формальный договор?

— Больше я не желаю ждать, — сердито проговорил Макфейл, пряча деньги в карман. — Раз не хотите получать то, что вам причитается, забирайте свои вещи и вон с судна. Чтобы больше я вас не видел.

Алек, расталкивая обескураженных матросов, вышел вперед:

— Слушай, шкипер, отойдем-ка в сторону. Заплати им деньги, которые обещал. Будь человеком. Ведь все знают, что такие рейсы не делают бесплатно. Белая команда содрала бы с тебя в три раза больше.

Оловянные глаза Тони округлились.

— Эй, не лезь, когда тебя не спрашивают, боцман. Эти дела тебя не касаются. Ты не знаешь, на каких условиях я нанимал команду, а потому не лезь.

— Может быть, и со мной ты хочешь рассчитаться подобным образом?

— Ты получишь все, согласно нашему контракту, к сожалению подписанному мной, — проворчал Тони. — А теперь убирайся.

— Заплати деньги команде.

— Я предупреждаю тебя в последний раз, чтобы ты убирался и не лез не в свои дела. Иначе я разможу твою упрямую башку, — заревел Тони и поднял кулаки.

Но Алек не отступил. Он был такого же роста, как и шкипер, с такими же длинными и крепкими руками. Так они стояли, два сильных, высоких человека, и ненавидяще глядели друг на друга. Прошло несколько мгновений, и шкипер опустил руки. Он не знал, на чьей стороне будет перевес, а Тони всегда предпочитал беспроигрышные игры.

— Заплати им деньги, Тони. В противном случае это будет стоить тебе дороже,— тихо, угрожающе сказал Алек.— Я не болтлив по натуре, но тут мой язык может развязаться. Мне не нравится сорт твоего керосина, он может не понравиться и таможене. Понятно?

— Тихо, выродок,— выдохнул Макфейл. — Никто не должен об этом знать. Достаточно, что ты сунул в банки свой нос. Ладно. Я заплачу лодырям, но ты запомни сегодняшний день. Я не привык оставаться в долгу.

— Таких, как ты, не очень любит закон, Тони. Даже такой несовершенный, как на островах. Твои дела плохо пахнут, и, если придется, закон будет на моей стороне. Ты тоже запомни.

Вряд ли кто-нибудь из команды слышал и понял, о чем говорил Макфейл с боцманом, но все были очень удивлены, когда вдруг шкипер подошел к Тухоз, хлопнул его по плечу, засмеялся и сказал:

— Придется заплатить вам сполна. Возьму ваше питание на свой счет. Я вообще добрый. Вот и боцман полагает, что так будет справедливее, а я очень ценю его мнение. Он убедил меня. Ну что ж. Я всегда готов идти навстречу своим парням. Держите... — Шкипер снова полез в карман и отсчитал Тухоз пять бумажек.

Матрос расплылся в улыбке:

— Спасибо, мастер. Я знал, что ты шутишь. Было бы очень плохо, если бы ты так поступил с нами. Мы честно работали. Прощай.

Матросы, поднимая ладони в прощальном приветствии, весело покидали судно.

Когда с трапа спустился последний матрос, на шхуне стало тихо. На люке, обхватив колени руками, сидел Тони Макфейл и задумчиво курил. Рядом, опершись спиной о мачту, стоял Алек. Тони как-то по-новому искоса взглянул на своего боцмана.

— А ты, оказывается, крепкий парень, — процедил он, швыряя окурок за борт. — Заставил меня пустить на ветер двести сорок долларов. Редко кому удавалось сделать такое... Но ты меня поймал в ловушку... Не могу себе простить, что взял тебя на судно во Фриско. Не надо было этого делать, черт возьми....

— Можешь дать мне расчет сегодня. Есть причина.

— Причины были и раньше, — Тони остановил свои глаза на Алеке, помолчал и потом только тихо сказал: — Причины были... Но ты мне нужен. Кто займется с новой командой? Да и контракт наш еще имеет силу. Не хочу платить неустойку. А деньги... Что деньги? Где-то потеряешь, где-то найдешь. Ладно, кончим разговоры. — И шкипер, тяжело поднявшись, пошел к себе.

12

На следующее утро на борту «Моаны» появились шесть полинезийцев и спросили шкипера.

— Пришли, ребята? Вот и хорошо, — приветствовал их Тони, когда увидел свою будущую команду. — В полдень будем сниматься. Пойдем на Рароиа. Отсюда несколько дней пути...

— О, Рароиа! — воскликнул пожилой матрос с нездоровым, одутловатым лицом. — Я знаю. У нас в Папезте много их женщин. Они красивые. Я имел...

— Не болтай, — оборвал его шкипер. — Боцман, размести команду, и пусть начинают готовить судно к плаванью.

— Нам нужно взять свои вещи, мастер. Разрешите сходить за ними на берег, — попросил один из матросов, оглядываясь на стоящих позади.

Тони недовольно нахмурился:

— Надо было брать вещи сразу. Идите. Даю вам два часа на это дело. Хватит?

— Да, да, мастер. Времени хватит, — затараторили все сразу. — Даже много.

Но прошло два, потом три и четыре часа — матросы не появлялись. Тони чертыхался, проклинал полинезийцев, Папезте, порядки.

— Дармоеды несчастные! — ругался он. — Пьянствуют где-нибудь. Напрасно я дал им вчера деньги.

Команда вернулась поздно вечером сильно навеселе. Похоже, что шкипер не ошибся в своих предположениях.

— Скверно начинаете, детки. Так у нас с вами дружбы не получится, — с трудом сдерживая гнев, сказал Тони, когда увидел подвыпивших матросов. — Что ж, по-вашему, я вас должен ждать?

— Нам устроили проводы друзья, мастер. Не могли же мы отказаться? Было бы невежливо с нашей стороны, правда? — сказал одутловатый матрос.

— Скажите, какие джентльмены! Невежливо! — передразнил Тони. — Из-за вас я теряю время. С такими пьяными рожками в море не пойдешь.

— Мы можем уйти, шкипер, — обиделся один из полинезийцев. — Если хочешь, мы уйдем.

Тони махнул рукой:

— Идите спать. Отход на рассвете.

Он повернулся к команде спиной, показывая этим, что больше разговаривать не желает.

— Ладно, пошли, — проговорил с улыбкой Алек, наблюдавший за встречей шкипера с командой. — Пошли.

Он повел полинезийцев в кубрик.

— Располагайтесь. Между прочим, на каких условиях вы нанялись на шхуну? Есть договор?

— Мастер знает. Он обещал заплатить нам, как платят на всех шхунах в Папэте, — сказал, зевая, самый старший из матросов. — Он знает.

Алек о сомнении покачал головой:

— Смотри... Надо бы оформить договор.

— Здесь никто так не делает, боцман.

— Ну-ну...

«Моана» ушла на рассвете. Не успевшие как следует протрезветь, сонные матросы еле двигались по палубе. Тони выходил из себя.

— Что вы ползаете, как беременные вши! — кричал он. — Пошел грота фал! Быстрее, быстрее! О, проклятие! Кливер-шкоты раздернуть! Эдак мы с вами никуда не дойдем!

Но паруса все же поставили, и «Моана», слегка накренившись, вышла в океан.

Через трое с половиной суток в прекрасный солнечный день открылся атолл Рарона. Сначала показались верхушки пальм, которые будто поднимались из океана по мере приближения к ним судна. Потом как-то со-

всем незаметно появился зеленый остров с коралловым рифом, о который разбивался прибой, вздымая к небу облака водяной пыли. Затем снова островок и снова риф. За рифами, в глубине,— ярко-зеленая, спокойная вода лагуны. За лагуной опять островки, заросшие пальмами,— это уже другая сторона атолла. Настоящая диадема из изумрудных островов. Красивое зрелище! Ничего подобного раньше Алек не видел.

Тони сам вел шхуну. Он пристально вглядывался в далекие берега. Надо было хорошо знать район плаванья для того, чтобы найти среди множества протоков, прорезающих остров, нужную. Наконец, по одному ему известным признакам, он направил «Моану» к узкому проходу в лагуну и сказал Алеку:

— Я не буду заходить внутрь, а стану поблизости на якорь. Здесь есть безопасная стоянка за пределами атолла, вдали от бурунов. Надо узнать, имеются ли на острове копра и жемчуг. Ты съедешь на берег, все выяснишь, вернешься, и тогда мы решим. Будем вставать вон там...— Макфейл указал место рукой.— Поворот!

Шхуна стала на якорь недалеко от протоки, на достаточной глубине. Матросы спустили паруса, и тотчас же все заметили, что из лагуны по направлению к «Моане» движется острый треугольный парус.

— Каное, — сказал Тони, опуская бинокль. — Вот на нем и пойдешь, боцман.

Через полчаса к борту «Моаны» подошло большое, красиво разрисованное каное с парусом и странным бревном-противовесом с левого борта. В лодке сидело несколько полуголых островитян, все одетое, которых составляли набедренные повязки. Полинезийцы улыбались, жестами приглашали сойти в каное, указывали на протоку и определенно выражали желание провести судно в лагуну. Тони спросил у них что-то по-таитянски. Островитяне согласно закивали головами.

— Поезжай, — сказал шкипер Алеку. — Найдешь там миссионера, он тебе все расскажет. Желаю успеха. Может быть, из тебя получится хороший агент по закупке...

Алек спрыгнул в каное, и оно понеслось обратно в лагуну. Шкипер стоял у борта, засунув руки в карманы. Алек заметил его улыбающееся лицо и глаза.

Чему он радуется? Он так редко улыбался... Надеется выгодно обменять свой ром? Но мысли Алека отвлекли крики, несущиеся с берега. Там у пирса, сложенного из грубых коралловых глыб, стояла толпа островитян с цветами в руках и выкрикивала какие-то слова приветствия.

Метрах в ста от пирса на каноэ убрали мачту, ловко уложили ее на брусья, соединяющие противовес с лодкой, и уже на веслах подгребли к берегу. Первый, кто привлек внимание Алека, был белобрысый молодой парень, с серыми глазами, сильно загорелым лицом, светлой короткой, шотландской, бородкой и полными яркими губами. Над ними темнела полоска усов. Одет он был в белую с закатанными рукавами рубашку и легкие трусики. Нет, это не островитянин. Европейец. На миссионера не похож. Кто же тогда? Но самое удивительное, что он совсем не проявляет интереса к прибывшему на остров моряку. Он устремил удивленный взор куда-то в океан и глядит поверх головы Алека.

Что же привлекло его внимание? Алек невольно обернулся. То, что он увидел, привело его в ужас. «Моана» под полными парусами удалялась от острова. Так вот чему радовался Макфейл!

— Можно догнать ее на каноэ? — обернулся Алек к белобрысому парню.

Тот отрицательно покачал головой:

— Начался прилив, и ветер противный. А вы хотели ее догнать?

Алек не ответил. Он никак не мог осознать происшедшего. Оставлен на Рароиа! Надолго? Когда придет следующая шхуна? У него нет ни денег, ни вещей... Как же жить?

«Прохвост! — думал Алек, вспоминая улыбку То-ни. — Рассчитался со мною полностью за те двести сорок долларов, что выплатил команде. Нашел свои деньги! Самое скверное, что документы, мореходная книжка и диплом остались на шхуне. Ах, если бы мне удалось встретиться с ним снова, я бы...» И он опять спросил белобрысого:

— Когда на Рароиа придет следующее судно?

Парень пожал плечами:

— Трудно сказать. Последнее рейсовое ушло два дня назад. Если я верно понял ситуацию, вы попали на остров не по своему желанию?

— Кой черт по своему желанию! Этот негодяй обманул меня. Не заплатил мне жалованья за два с половиной месяца, и все мои документы на шхуне, вся одежда там... Поняли теперь ситуацию?

— Не смотрите на все так трагично, — засмеялся белобрысый. — На Рароиа вам не нужно ни документов, ни вещей, ни денег. Здесь земной рай. Может быть, хорошо, что вы повздорили со шкипером? Поживете у нас...

— Да кто вы такой, черт вас побери, чтобы предлагать мне земной рай? Бог Саваоф? Илья-пророк? Или Михаил Архангел? Мне в Австралию надо, в Австралию. Поняли вы это или нет? Я не хочу месяцами торчать на Рароиа. У меня есть свои планы...

— Я здешний миссионер. Француз. И зовут меня Кристиан Мелине. Можете звать меня просто Крис. Да посмотрите же вы на этих людей! Они жаждут, чтобы на них обратили внимание. Они так рады вашему прибытию...

«Черт его знает что! Рады моему прибытию!» — Алек сердито поднял глаза на стоявших вокруг островитян и против воли улыбнулся. В его положении все выглядело очень комичным.

Прелестные полинезийские девушки и молодые парни с гирляндами белых цветов и венками в руках окружали Алека и удивленно, с любопытством глядели на него, ожидая, когда он закончит разговор с белым.

Увидя, что моряк тоже улыбается и смотрит на них, одна из девушек надела ему на шею венок, что-то сказала на своем языке, взяла за руку и под восхищенные возгласы островитян повела к деревне.

— Вас приглашают в гости к вождю, — сказал миссионер, идущий рядом. — Эта девушка — его родственница. Идем быстрее, не то мы обидим гостеприимных хозяев.

У большой хижины, построенной из пальмовых листьев и досок, толпа остановилась. На пороге, в старых плюшевых креслах, сидели пожилой жирный полинезец в пробковом шлеме, красной набедренной повязке и черноволосая женщина в ситцевом европейском платье.

— Местный вождь Ронго и его жена Тетиа, — объяснил Крис.

Вождь сказал несколько слов по-французски. Это были слова приветствия, но он быстро перешел на таитянский. Жена его добродушно улыбалась. Когда вождь закончил свою речь, Крис сказал:

— Он говорит, что очень рад вашему приезду и надеется, что вы умеете строить лодки, что сможете научить их чему-то новому. Вам отведут хижину, дадут женщину, вы ни в чем не будете нуждаться. Ронго берет вас под свое покровительство и, если хотите, может усыновить. Он спрашивает, надолго ли вы приехали сюда и почему так внезапно ушла шхуна, не продав им своих товаров?

— Объясните ему...

Миссионер быстро заговорил, а Ронго и Тетиа, не сводя со смущенного Алека блестящих черных глаз, понимающе покачивали головами, а вокруг стояло чуть ли не все население острова и тоже качало головами. Видно, жалели Алека. Крис кончил говорить. Ронго хлопнул в ладоши, Алека подхватили под руки и потащили в глубь рощи, где у грубо сколоченных низких столов, уставленных фруктами и полинезийскими кушаньями, хлопотали девушки.

— Ждали, что обедать будет вся команда со шхуны, — засмеялся Крис, — потому так много и наготовили.

«Обед» проходил на «высоком уровне», как и полагается у вождей. Раройцы наперебой угощали Алека, предлагая попробовать то одно, то другое блюдо. Самым вкусным показалась неизвестная ему рыба, зажаренная на углях, молодые пальмовые побеги и кокосовые орехи с их прохладным прозрачным соком.

Все вокруг смеялись, хлопали Алека по спине, приглашали принять участие в веселье, но он сидел грустный, вялый, и мысли его были далеко от острова Рарсиа, наивных и радушных полинезийцев. Все складывалось не так, как он хотел. Надолго ли он застрял в этом «райском уголке»? Неужели надолго? Нет, он не собирается оставаться здесь! Должен же быть какой-нибудь выход.

Когда закончилась трапеза, начался своеобразный концерт. Кто-то затянул песню, другие подхватили ее, и через минуту отдельные голоса слились в единый мощный хор. Звуки песни то усиливались, то ослабе-

вали, подобно шуму накатывающегося на берег прибоя. Скоро стало темно, но раройцы продолжали петь. В свежем ночном воздухе, напоенном ароматом цветов, моря, запахом копры, в причудливом серебристом свете луны звучали песни, то грустные, то веселые. Удивительное это было пение...

Принесли большую керосиновую лампу и подвесили на воткнутый в землю шест. Очарование лунной ночи пропало, но появились гитаристы. Молодой парень в одной набедренной повязке, наверное лучший танцор в деревне, вошел в световой круг и начал импровизированный танец. Он кружился под одобрительные возгласы сидевших вокруг полинезийцев, но вскоре они не выдержали и, преодолев смущение, присоединились к нему. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее кружились танцоры.

Девушка, надевшая на Алека венок, не отходила от него. Она заглядывала ему в глаза, улыбалась, гладила руку и что-то шептала на ухо, из чего он смог разобрать только одно слово:

— Теретна, Теретна.

Он понял, что это ее имя. Ему было приятно и неловко. Он искоса поглядывал на Крису, но тот не обращал на них никакого внимания, шепчась со своей очень красивой девушкой.

Праздник продолжался до тех пор, пока танцоры не пришли в полное изнеможение, а вождь Ронго с супругой не удалился в свой «дворец», на прощание пожав руку Алеку.

— Ну, что? — спросил Крис. — Пойдем и мы. Вас, наверное, все здорово утомило? Сегодня переночуете у меня, пока вам еще не выделили дома. Или... или вы хотите остаться с Теретна?

«Ничего себе миссионер!» — подумал Алек и сказал:

— Пойдемте к вам.

Девушка недоуменно и сердито поглядела на него, что-то недовольно сказала Крису. Миссионер засмеялся и погладил ее по голове.

Они устроились в просторной хижине Криси, расположенной в конце деревни. Замолкли отдаленные голоса. Миссионер задул свечу. Все затихло. Только слышался шум океана, разбивающегося о рифы. Сначала лежали молча. Алека переполняли события сегодняшнего дня. Миссионер не прерывал его раздумий. Руби-

нсм светился в темноте огонек его сигары, то затухая, то становясь ярче. Наконец Алек спросил:

— Вы давно тут?

— Четыре года, — охотно отозвался Крис, — и не собираюсь уезжать.

— Так понравился «земной рай»?

— Да, так понравился, — раздался вызывающий голос Криса. — Он не может не понравиться.

— Конечно, если вам предстоит все заблудшие души островитян перевести в лоно истинного бога, это широкое поле деятельности. Можно заработать благодарность папы, — иронически заметил Алек. — А как души поддаются уговорам или противятся и скрытно от вас молятся своим деревянным идолам? Вы католик?

— Я атеист.

— Что?! — Алек подскочил на своей кровати. — Миссионера-атеиста быть не может.

— Может. Вообще я числюсь в католиках, но на самом деле не верю ни в бога, ни в черта. Я верю в людей и люблю своих raroйцев.

— Вот это да!

— Прежде чем так удивляться и испускать вопли, — обиженно сказал Крис, — вы послушайте меня.

— Ну, ну, давайте. Очень интересно.

— Так вот. Родился я в Бретани, в семье небогатого крестьянина. Отец мечтал, чтобы я стал пастором. Меня отдали в монастырь Мон сен Мишель. Я там учился. Но мне всегда были противны ханжество, ложь, эти дурацкие одежды. Все, в общем. Когда учение закончилось, предложили стать миссионером. Никто из новоиспеченных состоятельных пастырей ехать в такую даль не захотел. А я согласился, приехал на Рароиа. За мной закрепили еще пять небольших островов. Когда я познакомился с островитянами, то понял, что они по сравнению с белыми людьми — ангелы и ни в каком спасении души и истинном боге не нуждаются. А надо им совсем другое...

— Что же именно?

— Грамотность, культура, умение защищаться от мерзавцев, которые их грабят на каждом шагу, медицинская помощь, но никак не эта церковная чушь — псалмы, катехизис, длинные одежды, моногамия и уроки нравственности. Полинезийцы добры, легковерны и

непосредственны. Они как дети, которых просто обидеть и обмануть.

— Вы, оказывается, молодец, Крис. Лихой парень!— восхищенно сказал Алек. — Ну, давайте дальше.

— Что дальше? Наверное, меня скоро выкинут из ордена, лишат сана и уволят со службы. Какая-нибудь очередная комиссия раскроет все мои богопротивные действия и мысли. Ну и дьявол с ними. Жалеть не стоит. Останусь приказчиком на Рароиа и буду счастлив.

— Здорово! Но как же вам удалось продержаться эти четыре года?

— Очень просто. Моя паства посещает церковь исправно, школа работает. Мои ученики уже кое-что знают. Умеют читать, складывают и вычитают. В церкви я произношу им проповеди не о житии святых, а о нашей практической жизни. Мы организовали футбольные команды. Я научил их этой прекрасной игре. Я неплохо знаю медицину и лечу их как могу, приучаю правильно принимать лекарства...

— И никто вас не проверял?

— Начальство не любит ездить по островам, на многих опасная высадка прямо на рифы. Они предпочитают сидеть в Папезте и читать мои отчеты, которые я исправно посылаю. Пока сходит. Но я чувствую, что мне недолго осталось носить сутану.

— Как же ваша паства совмещает свои старые обычаи с вашим новым учением?

— Да нет моего учения. Просто я стараюсь объяснить им явления природы и заставить избавиться от суеверий и предрассудков. Дело трудное, но все же какие-то успехи есть.

— Нет, вы удивительный человек, Крис, — опять восхитился Алек. — Я вижу, что вам подойдет учение Маркса.

— А кто такой Маркс? Проповедник?

Алек засмеялся:

— Нет. Ученый. Человек, посвятивший свою жизнь борьбе за то, чтобы всему честному человечеству жилось на земле хорошо. Без эксплуатации человека человеком. Поняли?

— Конечно. Отличный парень ваш Маркс. Это как раз то, к чему стремлюсь я. Мы бы сошлись с ним, наверное. Ну а все-таки, что он предлагает?

— Что предлагает? Так в двух словах не скажешь. Ладно, попробую.

Алексей долго объяснял Крису сущность идей Маркса, и когда закончил, тот спросил:

— А я найду свое место в революции, как ты думаешь?

— Да. Такие, как ты, обязательно будут вместе с нами. Ведь, несмотря на то что ты носишь сутану, ты настоящий пролетарий. Ничего у тебя нет, кроме бороды.

Крис засмеялся:

— Это точно. У меня нет даже хорошего костюма. В Папезте я езжу в хлопчатобумажных штанах.

— Вот видишь! И мыслишь ты в основном верно.

— Правда?

— Наверное, у тебя в башке еще много всякой дряни и мусора, и с тобой придется поработать, чтобы сделать настоящим коммунистом, — серьезно проговорил Алек, — но основа у тебя правильная. Чувствую, что из тебя выйдет толк.

— Хотел бы я почитать твоего Маркса. У меня в Папезте есть знакомый. У него, кажется, есть все книги. Ну, ладно, давай спать. Завтра тебе предстоит увидеть много интересного. Спокойной ночи. — Крис закурил сигару.

— Погоди, Крис. Когда же все-таки придет шхуна?

— Рейсовая ходит раз в три месяца. Но не горюй. Бывают и случайные. И довольно часто. Может быть, на твое счастье кто-нибудь и забредет на наш остров в ближайшие недели.

Алек долго не мог уснуть. В голове крутился Крис с его ни на что не похожими рассказами, вождь Ронго, Теретиа, раройцы, в ушах звучали услышанные сегодня мелодии.

18

Алек уже больше месяца жил на Рарона. За это время у острова не показалось ни одно судно. Ронго отдал ему в пользование большую хижину из пальмовых листьев. В первую же ночь, когда Алек остался один в своем новом доме, к нему пришла Теретиа. Она смущенно стояла у входа, не решаясь войти внутрь.

— Входи,— тихо проговорил Алек и взял ее за руку.

Девушка подняла на него сияющие глаза, улыбнулась и обвила его шею смуглыми руками...

С этой ночи Теретиа приходила ежедневно. Наводила порядок в «доме», занималась несложным хозяйством и приготовлением пищи. Сначала Алек испытывал неловкость, но потом привык к тому, что девушка постоянно находилось около него.

Случилось так, что миссионер застал их вдвоем в хижине и, заметя смущение Алека, смеясь проговорил:

— Не краснеете, дорогой. Здесь свои обычаи. Молодые девушки и юноши до замужества сами выбирают себе партнеров, потом меняют их и, наконец, останавливаются на ком-нибудь одном. Тогда устраивают свадебный пир, и только после него их считают мужем и женой. Правда, и эта свадьба не очень укрепляет супружеские узы. Бывают случаи, когда супруги «пережевываются» несколько раз.

— И вы терпите это? Вероятно, такой обычай с точки зрения церкви безнравствен?

Крис сердито взглянул на Алека:

— Я уже говорил вам, что точка зрения церкви меня не интересует. Островитянам, например, кажется, что такой обычай лучше, чем католическое венчание. Они свободны в своем выборе, могут легко разойтись, привыкли к этому. Ну и пусть живут, как им нравится. Мне кажется, что такая жизнь честнее, чем наши браки с бесчисленными изменами.

— А как же дети?

— Здесь никто не уклоняется от отцовства. Наоборот, рады ребенку, если молодые люди предполагают жить вместе, а если нет, то любая семья с удовольствием возьмет ребенка себе. И воспитают, как своего родного. Раройцы не делают разницы между законными и незаконными детьми.

— Ну, а как власти смотрят на это?

— Требуют, чтобы производили официальные записи в книгах. А раройцы считают это бессмысленным. Они с большим удовольствием идут в церковь, все-таки это пышный спектакль. Я венчаю только такие определившиеся пары. Для отчета. А они все равно продолжают жить по-своему. Так что не придавайте большого

значения присутствию у вас этой девушки. Обычай, который очень нравится изредка прибывающим сюда гостям.

Алек привык к Теретиа и по-своему любил ее. Нет, конечно, это не было тем сильным и страстным чувством, которое он испытывал к Марте, но с Теретиа он освобождался от одиночества и за одно это был ей бесконечно благодарен. Он не переставал удивляться мягкости, деликатности и нежности этой совсем еще юной девушки. Теретиа не была назойливой и болтливой. Она умела угадывать его настроение и, если чувствовала, что он хочет побыть один, незаметно исчезала. Когда он бывал весел, Теретиа не отходила от него, без умолку смеялась и щебетала как птица.

Алек быстро научился простым туземным словам. Девушка терпеливо учила его правильному произношению. Уроки забавляли обоих. Теретиа делала ему сигареты из листьев пандана, плела циновки, стирала. Она умела готовить вкусные блюда из кокосовых орехов, плодов хлебного дерева. В праздники Ронго присылал им свинину. Свиней на острове разводили.

Алек рыбачил на рифе и приносил домой рыбу. Вечерами они вместе с Теретиа отправлялись купаться или катались на каноэ по лагуне.

Океан менял свои краски. Он становился то кроваво-красным, то изумрудным, то золотым. В прозрачной воде лагуны росли кораллы. Они походили на волшебные сады с фиолетовыми, розовыми, белыми и коричневыми кустами.

Иногда Алек и Теретиа ходили на другую сторону лагуны, садились на глыбу коралла, слушали шум океана, глядели, как волны накатываются на риф. Лучи заходящего солнца пронизывали воду, и она переливалась всеми оттенками, от аквамаринowego до изумрудного. Когда становилось темно, они возвращались домой держась за руки, садились на пороге своей хижины, и девушка тихонько напевала ему чудесные полинезийские песни. Алек ложился на циновку, закинув руки под голову, глядел в черное небо с огромными сверкающими звездами. Крис не обманул его. Это был поистине «земной рай».

Алек думал о том, что так можно провести всю жизнь, удалившись от цивилизации, от интриг, злобы, неравенства. Он хорошо понимал Криса, мечтавшего

остаться жить на Рарона. Он наблюдал за островитянами. Они казались ему беспечными большими детьми, всегда веселыми, жизнерадостными, готовыми петь и смеяться. На жизнь они смотрели легко, редко огорчались, а если случалось что-нибудь неприятное, говорили: «Не обращай внимания». Когда после продажи копры у них появлялись деньги, они закатывали грандиозные пиры или уезжали кутить в Папеэте. Прогуляв все, возвращались такими же веселыми, какими были до отъезда.

Крис рассказывал Алеку о раройцах, покидавших атолл в поисках приключений и возвращавшихся обратно из-за того, что мир, в который они попадали, оказывался для них более жестоким и безжалостным, чем они думали.

Но чем дольше Алек жил на острове, тем яснее он понимал, что и этот «земной рай» далеко не совершенен. Здесь тоже были бедные и богатые, тоже было неравенство, хотя и не такое резкое, как в мире белых. Все имели свои кокосовые плантации. Они служили главным богатством островитян. Но эти участки были очень неравными. Вождь Ронго владел самыми большими, а некоторые являлись хозяевами совсем крошечных. Были и другие изъяны у этого «рая». Скупщики бессовестно грабили туземцев, на острове все стояло непомерно дорого, белые завезли сюда новые болезни, от которых вымерло больше половины жителей.

И все-таки это был «рай». Его создала природа. На Рарона круглый год царило лето. Достаточно было соорудить домик из пальмовых листьев или старых ящиков — и человек уже мог не думать о жилье. А потом не ленись, лови рыбу в лагуне, собирай кокосовое волокно на топливо, пей сок из орехов, пеки лепешки из плодов хлебного дерева. Все это само лезет тебе в руки. И одежды, кроме набедренной повязки или трусиков, никакой не надо. Живи и ни о чем не думай.

Несмотря на все это, Алек жил беспокойно. Не об этом он мечтал, не к этому себя готовил.

Он постоянно думал о своем будущем. Неужели всю жизнь ему придется скитаться по чужим краям? Он оторван от родины, от друзей, от всего, что мило его сердцу. Почему Кирзнер, которому он так верит и которого любит, не понял его состояния, не взял с собой?

Он не нужен в России, а как ему живется, всем наплевать. С него довольно того, что пришлось пережить за эти годы!

В такие минуты Алеку снова казалось, что ему надо в Россию, и как можно скорее. Никакой Австралии, только домой, домой. Но потом, подумав, понимал, что такие мысли несерьезны. Надо ждать. Если Бруно Федорович говорил, что ему не следует возвращаться, значит, так нужно... Но от этого легче не становилось. Цель — добраться до Австралии. Но как осуществить свое намерение? Алек проклинал в душе вероломного Макфейла. Если бы не он, все было бы по-другому.

14

Крис ворвался в хижину Алека рано утром:

— Вставай быстрее! Шхуна пришла! Шкипер о тебе спрашивал! — Миссионер принялся тормошить его, но Алек уже все понял, вскочил на ноги.

— Где? Идем же!

Шхуна ошвартовалась у кораллового пирса. Все население деревни во главе с Ронго собралось на берегу. На палубе бойко шла торговля консервами в банках с яркими этикетками, дешевыми украшениями, цветастыми материалами. Полинезийцы отдавали взамен жемчуг, перламутровые раковины, мешки с копррой.

Пожилой шкипер с трубкой в зубах зорко наблюдал за действиями своего помощника, принимающего плату от покупателей. Алек поднялся на борт. Подошел к шкиперу:

— Кто спрашивал Лонг Алека?

— Так это вы и есть? — Моряк с любопытством оглядел Алека с ног до головы. — Одну минуту...

Он спустился в каюту и появился снова, держа в руках мореходную книжку и диплом Алека:

— Ваши? Получайте. Значит, драпанули от Макфейла?

— Драпанул?

— Ну да. Тони мне сказал, что вы дезертировали с «Моаны» на Рарона, бросили вещи и не захотели возвращаться на шхуну. Так?

— Наглая ложь! — вскипел Алек. — Макфейл не платил мне за два с половиной месяца и обманным

путем оставил меня на острове. Снялся в океан, когда я был на берегу. Дезертировал! Какая наглость!

У шкипера от удивления брови высоко поднялись.

— Вот как? Впрочем, на него это похоже. Он не пользуется доверием в Южных морях. Вечно у него какие-то грязные истории.

— А, черт с ним совсем! Наплевать! Меня интересует только ваш рейс, — взволнованно заговорил Алек. — Куда вы идете и не могли бы взять меня?

— Отчего же? Могу, идем мы на Гаваи, в Гонолулу. Подходит?

Алек покачал головой:

— Мне надо пробираться в Австралию.

— Да... Это в противоположную сторону.

— Где вы встретились с «Моаной»?

— Сейчас Тони плавает в архипелаге Туамоту, собирает копру и жемчуг. Мы встретились на одном из мелких островов. Когда он узнал, что я предполагаю зайти на Рарона, то принес мне документы и сказал: «Найдешь там моего боцмана, вряд ли он оттуда выехал. Его зовут Лонг Алек. Отдай ему бумажки — я не помню зла — и скажи, чтобы в следующий раз он так не поступал. Хорошо, что он попал ко мне. Ну, а если не встретишь, то сдай документы где-нибудь в управлении порта. Со временем его разыщут».

— Вот прохвост! — возмутился Алек. — Ничего похожего на правду. Пытается еще представиться добряком. Я хотел подать на него в суд, когда выберусь отсюда, но теперь это отпадает.

— Почему, если он вам не заплатил? Но надо попасть в Папезте. И необходимы свидетели. Они есть?

— Вся команда.

Шкипер презрительно сплюнул за борт:

— Той банде, что служит у Макфейла, достаточно ящика рома, чтобы они дали в суде показания в пользу шкипера. Я знаю этот народ. Пропойцы из Папезте. Больше одного рейса их не держат.

— Ну, вот я и не хочу связываться. Когда уходите?

— Сегодня. Я зашел сюда попутно, обменять остатки своих товаров.

— Хорошо, что мы встретились, а то без документов жить трудно. Спасибо.

Шхупа ушла вечером, а раройцы от мала до велика уже были пьяными. Видимо, вместе с безделушками шкипер продал им порядочное количество бутылок с ромом. Крис неистовствовал:

— Не действуют никакие законы и запрещения. Ну, я это так не оставлю! Напишу в Папеезе в таможенную, чтобы потрясли как следует этого моряка. Чему-нибудь хорошему не выучат, а вот пить — пожалуйста. Вот тут я использую бога. Говорю, что он запрещает пить и жестоко карает пьяниц. Побавляются, но не очень. Ты понимаешь, что алкоголь губителен для них?

— Как не понять.

На следующий день раройцы виновато поглядывали на Криса и Алека, а Ронго вообще не вышел из хижины. Миссионер созвал всех в церковь и произнес горячую, проникновенную проповедь против пьянства. Многие женщины плакали. Потом Крис простил своих прихожан и устроил им футбольный матч. Он прошел с большим успехом.

Для Алека опять потянулись тоскливые дни ожидания. Только присутствие Криса и Теретиа в какой-то степени скрашивало его жизнь.

Крис был удивительно деятельной натурой. Он заражал своей энергией и Алека, который в последнее время все чаще уединялся, сидел на берегу, глядел в океан и, как потерпевший кораблекрушение, ждал, не появится ли на горизонте парус.

Крис старался развеять его хандру, не понимая, как можно тосковать на Рарона. Он приходил к Алеку каждое утро, веселый, загорелый, и приглашал его принять участие в каком-нибудь полезном начинании. Казалось, что он умеет и знает все.

Обычно он приходил и говорил так:

— Позавтракал? Идем строить большое каноэ. Будем плавать между нашими островами...

Или:

— Сегодня надо помочь Мануи и положить фундамент. Он хочет строить деревянный дом...

Или:

— Порвались сети. Ты, наверное, умеешь их чинить? Пошли.

Алек всюду с охотой сопровождал Крису. Пилил, строгал, строил, вязал сети. Они организовали в деревне

кузницу и научили наиболее способных полинезийцев делать простейшие поковки. Алек не переставал удивляться обширности практических знаний миссионера.

— Откуда ты все знаешь? — спрашивал он.

Крис смеялся:

— Нужда научит. Не забывай, я уже четыре года на острове. А с малых лет жил в деревне. Кое-что помню, кое-что познал уже здесь по книгам. При желании научиться можно всему. Вот мне рассказывали про одного миссионера, так тот сам построил большое каноэ, выучился навигации, астрономии и плавал по островам. Развозил «слово божье», обращал туземцев в католичество, заставлял их на церковные службы обязательно ходить в европейском платье и в шляпах.

— Где же он теперь?

— Погиб в океане.

— Вот видишь? Бог не пожалел его.

Иногда Алек и Крис разводили большой костер на берегу лагуны. Пламя причудливо отражалось в спокойной воде, привлекая стаи рыб, кружившихся в быстром хороводе вокруг огненного пятна.

Алек рассказывал Крису о России, о том, какой бы он хотел видеть ее после революции, которая обязательно скоро произойдет. Крис слушал его с восторгом. Это было что-то новое, сильнее, чем христианство с его слюнявым непотребством, покорностью и надеждой на лучшее будущее на том свете. Здесь все зависело от самих людей, достигалось в борьбе и счастливое завтра не казалось таким далеким.

Когда в этих рассказах ему что-нибудь особенно приходилось по душе, он вскакивал, встряхивал своими золотистыми волосами, в волнении размахивал руками и кричал:

— Слушай, Алек, ведь это здорово! Знаешь что? Брось-ка ты Австралию, давай оставайся здесь навсегда. Женись на Теретиа. Что, плохая девушка? И мы с тобой тут создадим свое особое государство. Сделаем революцию на Рароии!

— Как революцию? А французы?

— Ну, не в полном смысле, конечно. Французы против не будут. Мы организуем свое маленькое правительство, пусть во главе с Ронго, все силы которого будут направлены на улучшение жизни рароийцев...

— Ну, ну... — улыбался заинтересованный Алек.

— Ронго — вождь. Ты его советник по мореплаванию и торговле, я — по образованию, религии, финансам и строительству. Религии как таковой не будет. Вместо нее я введу моральные законы. Прежде всего устанавливаем единые цены на копру, жемчуг, волокно. Все общее. Работают вместе. Доходы делятся по количеству затраченного труда. Ну, Ронго, как король, конечно, получает больше всех. «Сухой закон». Огромные штрафы за продажу и покупку спиртного. Конец перекупщикам, жуликам-шкиперам и прочей своре грабителей. Открываем кооперативную лавку. Эта противная рожа Мон-сифу не выдерживает конкуренции и закрывает свою конуру. Покупатели идут только в кооператив. Ты становишься во главе его. Оставайся, Алек. Неужели тебя не привлекают такие огромные возможности? Мне одному такое дело не под силу. А вдвоем...

Но заманчивые картины «революции» на Рарона, так живо нарисованные Крисом, не вдохновляли Алека. Несмотря на всю искренность миссионера, он понимал, что все это чистейшая утопия, буря в стакане воды, которую даже вряд ли удастся поднять. Слишком еще низок уровень развития у раройцев и велика зависимость острова от Франции. Нет, Алек должен быть на родине, в России, там, где уже начинает кипеть революционная борьба.

15

Алек увидел парус задолго до того, как судно приблизилось к острову. Он ловил рыбу с рифа и теперь с волнением наблюдал за лавирующим парусником. Вот он сделал поворот и лег прямо на вход в лагуну. Заходит! Сомнений не оставалось.

Алек собрал удочки и бросился бежать в деревню. Может быть, на этом корабле ему удастся вырваться из «земного рая»? На площади он увидел Крису, идущего ему навстречу.

— Скорее, Алек! Судно вошло в лагуну.

Они остановились и с восхищением смотрели на изящное суденышко, маневрирующее на тихой воде.

— Это не торговая шхуна, — проговорил Алек, разглядывая опытным глазом моряка вооружение и линии парусника. — Яхта.

Загрохотал якорь, и почти тотчас же от борта отделился тузик с тремя мужчинами, одетыми в белое. К берегу с приветственными криками и цветами бежали рабойцы.

Тузик стукнулся носом о пирс. Первым из шлюпки выскочил старик с красным обветренным лицом, загорелой лысиной, обрамленной полосками серебристо-седых волос. Маленькие голубые глаза глядели весело и приветливо.

— Кто-нибудь здесь говорит по-английски? — спросил он, пожимая протянутую руку вождя. — Ду ю спик инглиш, бойз?

Ронго важно показал пальцем в сторону Алека.

— Надеюсь, что мы пойдем друг друга, — сказал старик медленно, растягивая и коверкая слова, и заговорил на таком ужасном английском языке, что Алек не удержался от смеха.

— Говорите, пожалуйста, нормально. Вам будет легче, — сказал он. — Вы спрашивали про мясо? Здесь можно получить свинину в неограниченном количестве. Что еще вас интересует?

Старик выпучил глаза от удивления:

— Вы прекрасно знаете язык. Я не встречал туземцев, так хорошо владеющих английским.

— Я не полинезиец, — опять засмеялся Алек. — Не обращайтесь внимания на мою одежду и цвет кожи. Я загорел на солнце.

Старик подозрительно оглядел Алека:

— Европейец?

— Да, сэр.

— Что же вы тут делаете? Как вас занесло в эту даль?

— О, это длинная история. Я расскажу вам ее позже, а пока вот познакомьтесь со здешним миссионером, господином Кристианом Мелине. Он француз по национальности.

Крис протянул руку.

— Рад видеть вас, сэр, — сказал он по-французски.

Старик обалдело смотрел на почти голого миссионера. Потом, вероятно решив больше ничему не удивляться на этом острове, представился:

— Меня зовут Арчибальд Кларк. Профессор-океанолог из Австралии. Это мои матросы. Мы плаваем на

яхте «Чамрок». Возвращаемся в Сидней. Выполнили программу исследований. Надо обрабатывать материал. Вот так. А зашли мы сюда для того, чтобы пополнить запасы свежего мяса и послушать пение раройцев, посмотреть на их танцы. Это возможно?

— Да, конечно, — сказал Крис и что-то спросил у Ронго. Вождь согласно наклонил голову, быстро сказал несколько слов.

— Приходите вечером в деревню, к хижине вождя. Ронго говорит, что в вашу честь он устроит праздник с пением и танцами, — перевел Крис.

— Вот и отлично. — Профессор Кларк хлопнул Криса по плечу. — Передайте вождю мою благодарность и скажите, что на праздник мы приедем со всем экипажем и подарками. Пока пусть продадут свинину моему матросу, а вас, господа, прошу поехать со мною на «Чамрок».

— В таком виде? — Алек бросил взгляд на свой костюм, состоящий из одной белой повязки, и улыбнулся. — Мы должны переодеться.

— Ерунда! Я не хочу слышать никаких отговорок, — заволновался Кларк. — У меня на яхте женщин нет, поэтому можете чувствовать себя свободно.

— Хорошо, если вы настаиваете. Тем более что многого мы бы и не сумели прибавить к нашему туалету. Поехали!

Они прыгнули в тузик, и матрос погреб к яхте.

«Чамрок» был сравнительно большим, комфортабельным судном. Помещения занимали жилые каюты, моторное отделение и камбуз. Яхта сияла чистотой, везде был безукоризненный порядок. Экипаж состоял из белых матросов, молчаливых, хорошо вышколенных.

Профессор сейчас же приказал накрыть стол на палубе под тентом и принялся радушно угощать своих гостей прохладительными напитками, печеньем, кофе. Чувствовалось, что ему приятна и интересна эта необычная встреча в тропиках. Он расспрашивал Алека и Криса о жизни, раройцах, их обычаях и верованиях. В разговоре выяснилось, что Кларк является владельцем и капитаном «Чамрока».

Алеку не терпелось спросить профессора, согласен ли он взять его на борт яхты. Алек был готов идти и без

жалованья, как ходил некогда на угольщике компании «Блю Фунел». Но профессор с таким интересом расспрашивал их о Рарона, что прерывать его было невежливо. Только когда они начали прощаться, Алек решился спросить:

— Я могу задержать вас еще на несколько минут, профессор, и рассказать вам свою историю?

— Да, да, — подхватил Крис. — Вы не пожалеете. Очень интересно.

— О, конечно, я с удовольствием послушаю ее. Простите меня, я слишком увлекся вашим островом.

Алек коротко рассказал ему о том, как попал на Рарона, и закончил просьбой:

— Был бы счастлив пойти вместе с вами, профессор. Редкий случай, вы идете в Сидней, и мне туда как раз надо. Один случай из ста!

— Значит, вы русский, — задумчиво произнес профессор. — Я знал некоторых в Сиднее. Порядочные люди, великолепные работники, мастера на все руки, но смутные. Вокруг них всегда все кипит. Где один русский, там десять недовольных австралийцев. Вы случайно не из их числа?

— Что вы, профессор. Конечно, нет, — улыбнулся Алек.

— Это хорошо. Я люблю спокойных людей. Вы говорите, что вы штурман, имеете английский диплом? Если все в порядке, я возьму вас помощником. Вас устраивает?

Алек очень обрадовался:

— Вполне, сэр.

— Я так и думал. Вы поймали счастливый шанс. Я вышел в океан без штурмана, надеялся на свои силы, но плавать без помощника трудно. Мне ведь уже шестьдесят пять.

— Вы выглядите максимум на пятьдесят, сэр, — искренне сказал Алек, так как Кларк действительно казался очень молодым. — Морские путешествия идут вам на пользу. Итак, до вечера, профессор. Большое спасибо.

Они поплыли к берегу. Пока гребли, Алек спросил сидевшего на руле матроса:

— Как плавается на «Чамроке»?

— Хорошо. Арчи — прекрасный человек, платит прилично и не придирается к мелочам. Только уж очень

любит, чтобы все его считали молодым человеком. — Матрос беззлобно ухмыльнулся и продолжал: — Хочет нравиться бабам. Ну, это еще не самое плохое. А ты здешний?

Вечером Ронго устроил великолепный праздник. Девушки и юноши много пели и танцевали. Они были довольны. Кларк привез им подарки и щедро одарил всех консервами, сигаретами, конфетами.

Алек показал ему свои документы. Профессор полистал мореходную книжку, внимательно прочитал диплом, в раздумье поглядел на Алека и сказал:

— Я беру вас до Сиднея помощником. Будете получать сто двадцать пять долларов в месяц. По пути мы зайдем еще на несколько островов Туамоту. Если все будет благополучно, то месяца через полтора придем в Австралию. Я думаю, что вам понравится на «Чамроке».

На следующий день Алек объявил, что покидает гостеприимный Рароа. Прощание было трогательным. Раройцы нанесли Алеку всяких подарков. Ронго подарил ему на память две ценные раковины, уговаривал остаться на острове, предлагал усыновить. Теретиа увела его в лес и с глазами, полными слез, шептала:

— Разве я не нравлюсь тебе?

Алек молчал, не хотел лгать. Он нежно целовал девушку, но мысли его были далеки от солнечного Рароа. Он уже видел себя на борту «Чамрока».

Больше всех сокрушался Крис:

— Я очень привык к тебе и не представляю, как буду дальше жить. Лучше бы ты не приезжал сюда. Не с кем поговорить, поделиться мыслями. Напрасно покидаешь нас, Алек. Мы сделали бы с тобой много. Знаешь, какая бы пошла жизнь!

Алеку было грустно, он тоже полюбил Криса и всех этих добрых людей, но понимал, что упускать такой шанс нельзя. Иначе он может застрять на Рароа на неопределенный срок. Вообще он чувствовал, как под влиянием неторопливой и бездумной жизни на острове расслабляется его воля.

Такая жизнь, как яд, могла отравить человека. Алек этого не хотел.

— Нет, Крис, — говорил он, обнимая за плечи миссионера. — Ты должен понять, что я не могу остаться. Мне надо домой. Ты — настоящий парень, Крис. И то,

что ты живешь здесь, большое счастье для твоих друзей раройцев. Будет плохо, если тебя вышвырнут из попов, а сюда пришлют другого. Постарайся подольше продержаться.

— Я все равно отсюда не уеду. Буду бороться с новым миссионером или обращу его в свою веру, — горячо говорил Крис. — Теперь, после той свободы, которую проповедую я, жители Рарона не смогут перестроиться на новый лад. Верно? Я все-таки попробую произвести реформы, помнишь те, о которых я тебе говорил? Ах, если бы ты остался со мной...

«Чамрок» ушел утром. Все население деревни собралось на берегу. Алек видел белое платье Теретиа, светлые волосы Криса, грузную фигуру Ронго, опирающегося на посох.

Как только яхта начала двигаться, от берега отошло несколько каноэ, украшенных цветами. Молодые раройцы решили проводить «Чамрок» до выхода из лагуны. В одной из лодок сидели Теретиа и Крис. Яхта шла под этим эскортом до самой протоки.

Кларк приказал произвести три выстрела из маленькой медной пушечки, стоящей на носу. Прозвучал прощальный салют, яхта вошла в протоку и через несколько минут была уже в открытом океане. Прибой гремел на рифах атолла, поднимая облака водяной пыли, блестела зеркальная поверхность лагуны, медленно возвращались к берегу каноэ.

Алек не отрывал глаз от зеленого острова. Прощай, Рарона! И здесь он оставлял кусочек своего сердца. Он встретил хороших людей, его здесь любили.

— Что задумались, Алек? — раздался веселый голос Кларка. — Понятно! Оставили прелестную девушку и теперь тоскуете? Не отрицайте, не отрицайте! Я видел, как вы с ней нежно прощались.

— Да, у меня была прелестная подруга, вы правы, профессор, и мне тяжело расставаться с ней, с островом, с Крисом. Но...

— Не объясняйте, — прервал его Кларк. — Я знаю жизнь моряков. Она состоит из встреч и расставаний. Подчас это очень тяжело. Но море не терпит влюбленных. Оно, как женщина, ревниво и жестоко мстит им. Мстит страшной тоской по любимой. Такому человеку лучше уйти с судна. Он мученик. Вы согласны со мной, Алек?

— Не знаю, сэр. Может быть, вы и правы.

— Ну, хорошо. Отвлечемся от печальных мыслей. Вот взгляните на карту. Сейчас мы ляжем курсом на маленький остров архипелага Туамоту. Один из немногих островов, имеющих судоходную протоку в лагуну. Тоже атолл, как и ваш Рарона.

Кларк очень нравился Алеку. Профессор был веселым человеком, простым и добрым. В нем совсем не чувствовался хозяин судна. С командой он держался неизменно дружески, а к Алеку относился по-отечески. Большой ученый, интеллигентный человек, он много знал, и слушать его было настоящим удовольствием.

— Можете называть меня просто Арчи. «Сэр» — слишком официально. Мы же оба штурманы, — как-то сказал Кларк.

— А вы не думаете, что это будет удар по субординации? Вы же капитан.

— Какая разница! Мы не на военном судне, и такая фамильярность не повредит делу. Вы работаете вполне добросовестно. Вмешательства капитана не требуется.

Профессор любил разговаривать со своим новым помощником. Кларк был любознателен и болтлив. Скоро Алек узнал некоторые подробности жизни профессора.

Родился в провинции Квинсленд на ферме. Окончил университет. Много плавал на научно-исследовательских судах, принимал участие в экспедициях, написал несколько толстых книг по океанологии, являлся членом многих научных обществ, где занимал высокие должности.

Кларк был закоренелым холостяком, но... и ярым поклонником «прекрасного пола», как он называл женщин. Когда он говорил о них, то еще больше молодец, глаза у него загорались, он становился сентиментальным, в его речи появлялись яркие эпитеты и красочные сравнения. Он даже начинал декламировать, приводя строчки из стихотворений своих любимых поэтов.

У него были самые примитивные политические взгляды, и Алеку не составляло большого труда побеждать его в спорах, когда они возникали. Он всегда оставался победителем. Профессор сердился, но ненадолго. Кларк очень любил Австралию, весь загорался, рассказывая о ней.

— Нет, Алек, вы не знаете ее,— говорил он, дымя огромной сигарой.— Австралия — счастливая страна. Просторная, богатая, свободная. Вы убедитесь в этом сами. Не избытком, а недостатком людей страдает она. Безработицы нет. Надоело работать? Уходи на другое место. Оно всегда найдется. Нет безумной роскоши, все одеваются одинаково, едят одинаково...

— Оставьте, профессор. Не верю,— останавливал его Алек.— По-вашему, в Австралии все равны? Нет эксплуататоров? Тогда на чем же держится ваше производство, откуда прибыли? С неба?

— Есть, конечно, эксплуататоры, как вы их называете. Но так и должно быть. Кто-то должен стоять во главе?

— И все рабочие довольны?

— Ну... нельзя сказать. Они борются за улучшение своей жизни. Требуют.

— В том-то и дело, что борются и требуют. Значит, не очень хорошо им живется. Логика.

— Человек никогда не бывает доволен...

Такие споры происходили довольно часто. Но все же из рассказов профессора у Алека создалось представление, что Австралия действительно необычная страна и сильно отличается от тех мест, где он бывал.

16

Первое, что увидел Алек, когда «Чамрок» вошел в лагуну острова Накаофа, была стоящая на якоре «Моана».

«Вот и встретились. — подумал Алек. — Предстоит неприятный разговор с Тони. А может, плюнуть на деньги и не связываться? Тони — опасный человек».

Но тотчас же все воспротивилось такому решению. Почему он должен дарить деньги шкиперу? Он их честно заработал. Пусть вернет, раз уж встретились. Он вспомнил оловянные глаза Макфейла, его отношение к людям, презрительную усмешку, слова, вытатуированные на руке: «Да поможет мне бог», — и прежняя неприязнь к этому человеку вновь с силой вспыхнула в его душе.

«Нет, на этот раз бог тебе не поможет, — со злостью подумал Алек, — придется отдать мое жалованье».

Он повернулся к профессору, сидящему за рулем:

— Глядите, сэр. Вот моя старая знакомая «Моана», о которой я вам рассказывал. Вероятно, состоится долгожданная встреча. Да, да. Моя и шкипера с «Моаны». Вряд ли он будет рад меня видеть. Свидание со мной грозит ему потерей ста восьмидесяти долларов. А он скуп.

Кларк взял бинокль и несколько секунд рассматривал шхуну.

— Потребуется моя помощь? — Глаза у него озорно блеснули. — Я готов бороться против негодяя вместе с вами. Если наших сил не хватит, поставим свою команду за спиной. Ребята бывалые.

Алек улыбнулся:

— Я не думаю, чтобы дело дошло до такой массовой драки. Вряд ли шкипера станет защищать его экипаж. Не такой он человек. Властей, которые могли бы призвать меня к порядку и заняться расследованием, кто прав, кто виноват, здесь, наверное, нет, а с Тони я надеюсь справиться сам. Во всяком случае буду иметь ваше предложение в виду. Неизвестно, какая сложится обстановка.

— Я сам буду следить за этим, — воинственно сказал Кларк. — Вы говорили, что он вдобавок ко всему еще и бутлегер? Ну, а я являюсь специальным инспектором губернатора Папезте по наблюдению за выполнением «сухого закона» на островах. Губернатор мой приятель, и он просил помочь в наведении порядка. У меня и документ специальный есть. Мы можем сильно напугать вашего шкипера, если уличим в продаже спиртного.

— Наверное, он уже сумел обменять весь свой ром. Хотя его было на шхуне порядочно.

— Ну, посмотрим. Сейчас вызывайте команду, будем вставать на якорь, и сразу же спускайте тузик. Подем на берег.

Макфейл заметил вошедшую в лагуну шхуну, но не прекратил торговли.

«Дьявол бы побрал этих спортсменов! Вечно появляются не вовремя. Надо скорее кончать торговлю, не то мои товары могут вызвать нежелательные толки», — подумал Тони и крикнул:

— Эй, тащите живее ваши ракушки. Мне некогда. Я уезжаю на судно.

Два полинезийца побежали в поселок. Тони сидел на берегу, на опрокинутом ящике. Слева от него высилась

груда копры, кокосовых орехов, раковин. С другой стороны стояло несколько банок с ромом. На втором перевернутом ящике, служащем Тони столом, лежала пухлая пачка франков и американских долларов. За свои товары он брал не только натурой, но и деньгами, которые иногда попадали к полинезийцам. Вокруг импровизированного магазина расположилось несколько уже сильно подвыпивших островитян, жадно смотревших на банки Макфейла. Атолл Накаофа был бедным и малонаселенным. Шкипер уже высосал все, что мог, с жителей, и теперь платить за желанный ром им было нечем. Неподалеку от «базара» вместе с островитянами веселились матросы с «Моаны».

Вернулись двое из деревни. Они притащили целый мешок больших раковин. Их с интересом приглядевать Тони. На первый взгляд они казались очень ценными. Полинезийцы что-то говорили на своем языке, показывали на банки с ромом. Макфейл раздраженно отмахивался.

Такую картину застали Кларк и Алек, подошедшие сзади. Тони не видел их. Он был слишком занят оценкой раковин. Шкипер хватал то одну, то другую, отшвыривал в сторону, потом снова брал в руки, снова отшвыривал, вынимая из мешка новые. Он был в экстазе. Сделка сулила большие барыши.

Алек встал у него за спиной, наклонился и со словами: «Я не помешал тебе, Тони?» — через его плечо выбросил руку вперед и схватил пачку долларов, лежащую на ящике.

В первую секунду Макфейл ничего не понял, но когда обернулся и увидел улыбающегося Алека, все стало ясным. Он вскочил со своего ящика, сгреб оставшиеся деньги, сунул в карман и только после этого вплотную придвинулся к Алеку. Его глаза совсем побелели от ярости.

— Положи деньги, — тихо сказал Тони. — Немедленно.

— А сколько их в этой пачке? — спросил Алек. — Ты мне должен сто восемьдесят. Я не ошибаюсь?

— Я тебе ничего не должен, понял? Ну? Я долго буду ждать? — В руках у Макфейла что-то блеснуло.

— Берегись, Алек! Нож! — закричал стоявший позади Кларк.

Алек подался назад.

— Я продырявлю твою паршивую шкуру, Лонг Алек. — Лицо шкипера исказила гримаса. — В последний раз говорю! Отдай деньги.

Но он не успел выполнить угрозу. Стремительным ударом в челюсть Алек свалил его с ног. Это был мастерский удар боксера. Вот когдагодились уроки старого Янсона! Испуганные островитяне бросились бежать.

— Здорово! — в восторге закричал Кларк. — Хук с правой! Раз, два, три, четыре... Нокаут.

— Эй, матросы! Вашего шкипера грабят! Бейте их! — заорал Тони, поднимаясь с земли. Алек наступил ногой на валявшийся в песке нож.

— Не подходи, — сказал он угрожающе.

Подбегавшая команда с «Моаны» в недоумении остановилась. Люди узнали Алека.

— Боцман! Ты ли это? Догнал нас? Будешь снова плавать на шхуне? — спросил его матрос с одутловатым лицом и полез обниматься. — Что вы не поделили со шкипером? Не хочет платить тебе деньги, которые увез от тебя с Рарона? Нехорошо, мастер. Надо рассчитаться.

— Пошел в ад, кретин. Не хватало спросить у тебя, что мне делать, — проворчал Тони, видя, что на команду рассчитывать не приходится и никто ему не поможет. — Я подам на тебя в суд, боцман. Все видели, что ты украл мои деньги. Ты еще насидишься в тюрьме, свинячий сын!

Все это Макфейл говорил, злобно кривя губы, понимая, что Алек так унизил его в глазах команды и островитян, что необходимо сейчас же что-то предпринять для восстановления своего престижа. Но драться он больше не хотел. Теперь он знал, на чьей стороне перевес. Но как вернуть деньги? Так хорошо все началось. Он здорово проучил этого верзилу, оставив его на Рарона. Вернул сполна все, что заплатил по милости Алека команде в Палезте. Надеялся, что больше никогда не встретит этого проклятого трезвенника и слюнтяя. Не надо было посылать ему документов. Во всем виноват он сам, Тони. Совершена целая серия ошибок, в которых некого винить, кроме себя. Чем околдовал его этот длинный в Сан-Франциско? Ведь уж тогда у Тони возникло инту-

итивное чувство недоверия к нему. И все-таки он его взял. Послал документы! Для чего? Законченный дурак! Кажется, он никогда не оказывался в таком глупом положении.

Пока Тони корил себя за ошибки, Алек считал деньги.

— Здесь не хватает двадцати бумажек, Тони. Сто шестьдесят долларов. Я могу получить остаток?

— Получишь у господ бога, жадная свинья!

— Жадный ты, Макфейл. Ведь это не твои, а мои деньги. Я работал у тебя за них.

— Я тебе все заплатил.

Алек улыбнулся:

— Ладно, Тони, считай, что я дал тебе двадцатку как компенсацию за поврежденную скулу. Сильно болит?

Макфейл ничего не ответил. Его переполняла бесильная ненависть к этому чужаку, русскому. Лезут из всех щелей в его Америку. Правильная теория — «Америка для американцев». Сказал же какой-то умный человек. И нечего их пускать.

Из-за пальмы вперед выступил Кларк:

— Я вижу, вы освободились, шкипер? Давайте познакомимся.

— Уматывай туда, откуда пришел, болван, — заревел шкипер. — Я не желаю иметь таких знакомых, как ты. Чистоплюи, яхтсмены. Тебе, старик, нужно думать о боге, а не таскаться по океанам. Убейся!

Старик! Если бы Тони только знал, какое несмыслимое оскорбление нанес он профессору, то, наверное, проглотил бы язык. Но Кларк сдержался и язвительно сказал:

— Вы невежливы, молодой человек. Но все же вам придется со мною познакомиться. Вот мои документы. — И он вытащил из кармана удостоверение, отпечатанное на плотной бумаге.

— Что ты тычешь мне свои бумажки, старый осел? Мне... — И тут Макфейл заметил французские государственные печати. Он принялся читать. По мере того как до него доходил смысл, кем является Кларк, лицо у него менялось, становясь из разъяренного лъстивым. Он протянул бумагу профессору и испуганно проговорил, стаскивая с головы фуражку:

— Ради бога, извините меня, сэр. Никак не думал, что передо мной инспектор. Простите меня еще раз.

Ведь вы одеты так же, как все, и я мог вас не узнать. Верно, сэр?

— За вашу грубость я не сержусь, шкипер. Давайте перейдем к делу.

— К делу? К какому делу? — Тони сделал удивленное лицо.

— На какой товар вы меняли копру и перламутровые раковины и что у вас в банках, которые вы так старательно пытаетесь заслонить спиной?

— Все по закону, сэр. Консервы, материи, украшения... А в банках керосин. Вот, извольте...

Макфейл схватил ближайшую к нему банку, быстро отвернул пробку, протянул профессору.

— Ты не то даешь инспектору, Тони, — вмешался Алек. — Дай одну из тех, что имеют красное пятно на донышке. Ну, не стесняйся, прошу тебя. Профессор Кларк — большой знаток рома и сумеет оценить его по достоинству. Ну?

Макфейл не двигался с места. Алек взял две банки и передал их профессору. В них был ром.

— Все ясно, шкипер. Джек, — обратился Кларк к одному из матросов «Чамрока», с интересом наблюдавших за происходящей сценой, — Джек, отверни пробки у банок и вылей содержимое на землю. Все свидетели, что я проделал со злостной контрабандой? А вам, шкипер, придется заплатить большой штраф, когда вернетесь в Папезте. Я пошлю губернатору отчет с первой же оказией. Вам никогда больше не выдадут разрешение на торговлю во французских водах.

Тони молчал. Он был опытным человеком, долго плавал в Южных морях и прекрасно понимал, что возражать инспектору или спорить с ним бесполезно. Он попался, как нашкодивший мальчишка. Если бы не вмешательство проклятого Лонг Алека, возможно, ему и удалось бы обмануть этого интеллигента. Наверное, удалось бы. Теперь все потеряно.

— Я виноват, инспектор. Очень виноват. Понимаю, что нарушил закон. Но войдите в мое положение. Торговля идет плохо. Я с трудом выручил деньги за товар, чтобы заплатить команде. Что мне оставалось делать? Может быть, вы все же пожалеете меня? Вы меня наказали, вылили ром. Он стоит несколько сот франков. Не пишите губернатору. Будем считать инцидент исчерпанным. Очень прошу вас.

Шкипер говорил почтительно-просительным тоном. Его согбенная фигура, склоненная голова показывали, что он раскаивается, ему стыдно за совершенное, он понял свою вину и никогда больше не повторит ничего подобного.

— Нет, я официальное лицо и стою на страже закона, — строго проговорил профессор. — Вы знали, что нет большего преступления, чем продажа спиртных напитков полинезийцам. Мне кажется, что ваше пребывание на островах Туамоту вредно. Прощайте.

Вокруг распространялся сладкий аромат впитавшегося в песок рома. Огорченные полинезийцы с сожалением следили за тем, как матросы Кларка опустошают последние банки.

— Я вижу, с вами не сговориться, инспектор, — наконец сказал Тони, молча наблюдавший за уничтожением своего товара. — Что поделаешь. Я проиграл. Закон на вашей стороне. Но ты, — он повернулся к Алексу, — ты убедился, что Тони Макфейл не остается в долгу? Помнишь Рароа? Мы с тобой еще встретимся, и ты заплатишь за весь вылитый ром, за свой подлый удар, за мое унижение. Заплатишь втрое, а может быть, и больше. Будь ты проклят!

Последние слова Тони уже не говорил, а истерически выкрикивал. Пена показалась на его губах, вид был страшен. Но он сумел овладеть собой, обтер рукавом слюнявый рот, натянул фуражку.

— Эй вы, лодыри, — крикнул он своим матросам, с испугом глядевшим на капитана, — хватит тарашить плоски. Пошли на шлюпку. Нам здесь больше нечего делать. Пошли, пошли. Вам даже не осталось и капли промочить горло.

Тони засунул руки в карманы, повернулся спиной к стоявшим и медленно, вразвалочку, направился к берегу.

— Помнишь, я говорил, Тони, что тебя не любит закон? — насмешливо крикнул ему вдогонку Алекс. — Так оно и вышло.

Макфейл не обернулся. Он забрался в свою большую шлюпку, отдал приказание гребцам. Матросы нестройно погребли к стоявшей на якоре «Моане».

— Вот и все, — сказал Кларк. — Вы удовлетворены? Получили свои деньги и наказали шкипера. Какой все

же несимпатичный тип! А вы молодец, Алек, с вами не пропадешь. Вы, оказывается, неплохой боксер?

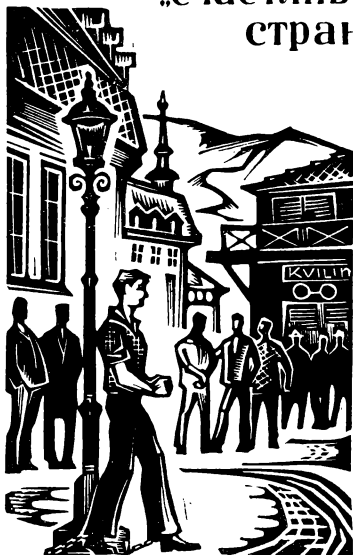
— Учился когда-то. Но не могу не отдать должного и вам, профессор. Имея вас за спиной, можно не бояться врагов. Надежная защита.

— А как вы думали? Мы никогда не бросаем своих друзей, — самодовольно сказал Кларк. — Что ж, погуляем по прелестному Накаофа, познакомимся с жителями, может быть, и они устроят для нас концерт? Постоим недельку и дальше в путь...

Алек глядел, как на «Моане» ставят паруса. Видно, Тони не хотел больше ни минуты оставаться на Накаофа. Вот из-под кормы начали вылетать голубые кольца газа. Шкипер запустил мотор. Судно развернулось и пошло к выходу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Австралия- „счастливая страна“

Яхта скользнула в узкий проход между двумя отвесными скалами, и перед глазами Алека открылась огромная, в несколько миль длиной, закрытая, естественная бухта.

— Какая великолепная гавань! — воскликнул он. — Здесь могут укрыться от всех ветров все флоты мира! Сколько всяких удобных заливчиков для постановки на якорь.

— Только Рио-де-Жанейро в состоянии соперничать с Сиднеем. Бывали в Рио? — спросил польщенный Кларк.

— К сожалению, нет.

«Чамрок» сделал поворот и прошел мимо небольшого островка с маяком. По берегам тянулась пышная и сочная зелень. А дальше на фоне голубых гор виднелось множество белых домов. Вот она, долгожданная Австралия, Сидней, с его громадным преддверьем, портом Джаксон.

Множество маленьких, расцвеченных флажками пароходиков — «ферри» — плыло по гавани. На пересечку им в разных направлениях двигались паромы. Они переправляли через бухту лошадей, экипажи и нарядных сиднейцев. По набережным с лязгом катились электрические трамваи, нескончаемым потоком шли люди. Все причалы были заняты судами, начиная с пассажирских и кончая парусными шхунами. И над всем этим простиралось голубое, безоблачное небо и сверкало горячее, щедрое солнце, освещая улицы, дома, воду. Какое-то праздничное настроение охватило Алека.

— Сегодня воскресенье, а везде полно народа. Почему? — спросил он Кларка. — Даже в Лондоне, я не говорю о других английских городах, в воскресенье пусто.

— Дорогой мой, так ведь это не Англия, а Австралия. Вам еще многому придется удивляться, — весело отозвался Кларк. — Мы станем поближе к причалам Северогерманского Ллойда. Вам будет удобнее осматривать город. Ближе к центру.

Профессор поставил «Чамрок» у самой городской набережной. На нее никто не обратил внимания. Слишком много стояло судов в порту, и приход небольшой яхты никого не заинтересовал.

— Ну что, нравится? Правда, красиво? — спросил Кларк, когда они с Алеком вдоволь налюбовались окружающей панорамой. — Тогда пойдемте вниз заниматься делами. Что будет с вами дальше?

— Поеду в Брисбен.

— Когда?

— Думаю, что завтра. Задерживаться здесь не хочу.

— Так, так. Ну, что я могу сказать вам на прощание? Я очень доволен, что мы познакомились. Вы отличный моряк и человек, Алек. И помните, если вам не повезет, я всегда буду рад помочь вам. — Профессор протянул Алеку свою визитную карточку. — А теперь я должен заплатить вам. «Чамрок» простоит тут дня три-четыре, после чего его вытащат на берег до будущего года. Надо менять обшивку подводной части. Вы, если нужно, можете жить на судне эти дни. Я завтра утром уезжаю в Аделаиду, в океанографическое общество, приеду через двое суток, поэтому попрощаемся сейчас. Можем не увидеться.

Кларк выдал Алеку причитающиеся ему деньги. Они обменялись крепким рукопожатием, и профессор, подождав проезжающий мимо кэб, покинул «Чамрок».

Алек остался один в своей каюте. Надо было собраться с мыслями. Он взглянул на себя в зеркало. Оттуда на него глядел худощавый смуглый человек с совершенно белыми выгоревшими волосами и такими светлыми голубыми глазами, что и они казались выгоревшими на солнце. Одет он был в рубашку хаки, такие же брюки и стоптанные сандалии.

«Не очень-то шикарный вид, — подумал Алек, разглядывая себя. — Прежде всего необходимо купить

одежду. Потом возьму билет до Брисбена и поеду... А пока поброжу по гавани. Вон, кажется, прибыл пароход из Европы».

Он сказал вахтенному матросу, что уходит, и не торопясь пошел по набережной. У причала Северогерманского Ллойда стоял огромный черный пароход с палевой трубой и цветами немецкого флага на ее верхушке. Он только что подал швартовы. Пассажиры еще не успели сойти с судна и толпились на палубе, на одном борту, создавая значительный крен. Они бросали серпантин стоящим на причале встречающим, что-то кричали им, махали платками.

Наконец спустили трап. Люди хлынули на землю. Что тут начало твориться! Объятия, слезы, смех, радостные возгласы на всех языках. К своему удивлению, Алек заметил большую группу соотечественников. Он сразу узнал их по растерянному виду и бедной одежде.

«Русские эмигранты», — догадался он и спросил ближайшего к нему мужчину:

— Русские?

— Да, да, — обрадовался тот. — Русские. Вот приехали, может, здесь жить будет полегче? Как вы думаете? А то дома совсем стало немогогу.

Как только их услышали, русские окружили Алека и наперебой начали задавать вопросы. Но он не успел ответить даже на первые. Появились какие-то улыбающиеся люди и стали хватать эмигрантов за рукава, отаскивая в сторону.

Маленький, щуплый человечек в соломенном канотье вцепился в русского, с которым разговаривал Алек:

— Здравствуйте, дорогой земляк! Приветствую вас на гостеприимной земле Австралии! Идемте со мной. Я представляю одну из наших богатейших фирм — «Шугар милз лимитед». Тридцать шиллингов в неделю, хороший климат, легкая работа и прекрасные жилищные условия. Аванс сегодня же! Подходите, кто хочет, буду записывать!

Но его уже отталкивал огромный верзила в ковбойской шляпе. Он кричал:

— Не слушай его! Все ложь! Резать сахарный тростник — каторжная работа. К ним никто не идет. Только моя фирма может предложить настоящее дело. У нас служит большинство русских, приехавших

в Австралию. «Далгети лимитед»! Вот кто поможет вам. Мы платим тридцать пять шиллингов...

Маленький в канотье, брызгая слюной, пытался отеснить «ковбоя»:

— Вранье! Стричь овец — убивать себя! У них умирают десятками. Там все зарабатывают туберкулез из-за шерсти, попадающей в глотку.

Растерявшиеся, оглушенные таким натиском эмигранты сбились в плотную толпу и зачарованно, недоверчиво слушали вербовщиков. Неужели им уже предлагают работу? Тридцать шиллингов в неделю — целое состояние! Они еще не успели как следует вступить на австралийскую землю, как им дают работу. И не только дают, а еще и спорят из-за них. Правду говорили на родине, когда советовали ехать в Сидней.

Какой-то толстый, с заплывшими глазками вербовщик, очевидно принявший Алека за одного из прибывших, отвел его подальше от толпы и зашептал в ухо:

— Никого не слушайте. Это прожженные типы. Получают с головы каждого завербованного. Сначала от фирмы, потом от самого рабочего. Поезжайте к нам в Квинсленд. Там строят железную дорогу. Природа райская. Ах, вы не знаете Квинсленда! Кристальный воздух, лес, горы. Мы платим больше всех остальных. Скажите об этом своим друзьям. «Квинсленд рэйлвей компани»...

Все происходящее на причале тоже казалось Алеку удивительным. Такой спрос на рабочие руки и такой высокий заработок! Везде, где он бывал за годы своих плаваний, найти хорошую работу считалось большой удачей.

Но в крикливых приглашениях вербовщиков ему чудилась какая-то фальшь. Он инстинктивно чувствовал обман. Он не мог объяснить почему. Казалось бы, все в порядке. Давали работу, платили деньги...

Он оттолкнул от себя назойливого зазывалу и сказал по-английски:

— Брось болтать языком! Я-то знаю твою компанию. Все жилы вытянут.

Алек хотел подразнить толстяка, но эффект получился неожиданный. Вербовщик отскочил от него, погрозил кулаком и исчез в толпе. Алек рассмеялся. Он угадал.

— Эй, друзья! — закричал он, обращаясь к эмигрантам. — Не торопитесь заключать контракты. Работы тут достаточно. Осмотритесь как следует, посоветуйтесь с хорошими знающими людьми. К сожалению, я сам первый день в Австралии и ничего не знаю. Но не торопитесь. Не бойтесь безработицы. Ее тут нет.

На него зашикали:

— Раз не знаешь — помалкивай. Нам есть надо, у всех семьи...

И верно. Что предложит он им? Какую работу? Но он не мог промолчать.

Эмигранты, разбившись на группки, веселые, оживленные, улыбаясь, тащили свои пожитки и расходились с причала вместе с вербовщиками. Алек грустно смотрел им вслед. Бедолаги! Что ждет их впереди?

2

Утром Алек отправился в город. Ему встретилось множество разбросанных повсюду коттеджей под красными черепичными крышами, окруженных садами; широкие бесконечные улицы, то поднимающиеся в гору, то спускающиеся вниз, и, конечно, самая красивая, самая богатая центральная часть — Сити.

Природа здесь была тропической. Пальмы, эвкалипты, какие-то неведомые деревья, усыпанные яркими цветами.

Он прошел на одну из главных улиц — Георг-стрит. Она начиналась от порта, пересекала весь город. Здесь располагались магазины, театры, государственные учреждения. Похоже на Оксфорд-стрит в Лондоне.

Алек остановился у красивого здания почтамта со стройной, высокой башней, заканчивающейся сигнальной станцией. На тонком флагштоке висели разноцветные флаги. Внизу стояло несколько мужчин. Они задирали головы кверху, смотрели на флаги и что-то записывали. Алек тоже поднял голову, но ничего интересного не увидел.

— На что глядят? — спросил он у одного из зевак.

Тот удивленно посмотрел на него:

— Сообщают коммерческому миру о прибывшей сегодня из-за океана корреспонденции. Разные сочетания флагов обозначают страны, откуда прибыла почта. Поняли?

Алек кивнул. Но больше всего его поразили люди, толпившиеся у колоннад почтамта. Он протолкался вперед и увидел огромный белый лист, прикрепленный к стене. В нем сообщались предсказания ожидаемой погоды на земле и на море. Людей было много. Они оживленно обсуждали прогнозы.

— Мне наплевать на речь, которую произнес недавно премьер-министр Франции, — услышал Алек слова крепкого бородача в клетчатой рубашке, обращенные к кому-то из стоящих рядом. — Мне важно знать, будет ли сегодня дождь в районе Перта...

«Не очень-то австралийцы интересуются политикой», — подумал Алек, выбираясь из толпы.

В большом универсальном магазине он купил себе все необходимое. Теперь Алек выглядел как настоящий австралиец. Широкополая шляпа, добротный костюм, ботинки на толстой подошве и пестрый шейный платок. Он решил расстаться с морским мешком и купил кожаный чемодан. На железнодорожной станции Алек приобрел билет до Брисбена. Взял самый дешевый. В третьем классе. Можно отправляться в путь!

К полудню стало очень жарко, и Алек, привыкший в море носить легкую одежду, обливался потом. Он пообедал в припортовом ресторанчике, вернулся на «Чамрок» и сложил пожитки в новый чемодан. Оставалось пожать руку вахтенному. Его больше ничего не связывало с судном.

— Едете в Брисбен, мейт?¹ — спросил матрос, провожая его до трапа. — Всяческих вам успехов. Жаль, что не придется плавать вместе. Мы к вам привыкли.

— Спасибо. Передай привет профессору Кларку.

На вокзале у перрона уже дымил смешной паровоз с тонкой, расширяющейся кверху трубой. К нему было прицеплено несколько зеленых деревянных вагонов. Алек купил местную газету, забрался в поезд. В газете писалось о ценах на шерсть и мясо, об урагане, о прибывающих в порт судах, очень много о спорте и почти ничего о мировой политике.

Пассажиры прибывали. В вагон ввалилась компания подвыпивших, горлающих мужчин. Они сразу же принялись играть в карты. Пришли две женщины в больших шляпах, украшенных цветами, устроились в уголке

¹ Помощник капитана (от англ. mate).

и вполголоса начали болтать. Один за одним занимали места разные люди. Но вообще отъезжающих было немного. Рядом с Алеком расположился господин с надменным лицом, в светлом костюме, с тросточкой в руках. Он свысока поглядывал на соседей.

Скоро раздался звон колокола, свисток. Паровоз тонко загудел, лязгнул составом, дернулся несколько раз, и вагоны медленно покатились по рельсам.

Алек прильнул к окну. Сначала поезд шел мимо товарных складов, потом справа и слева показались деревья, белые домики, сады. Но скоро их сменил новый пейзаж. Ландшафт изменился. Вдалеке на горизонте появилась темная цепь гор, а все, что было ближе, казалось покрытым лесом. Но не привычным и родным для Алека густым и зеленым. Нет, тут деревья отстояли друг от друга на сорок—пятьдесят аршин, образуя множество полянок. Так тянулось долго. Алеку наскучило смотреть в окно. Он повернулся к соседу и спросил:

— Тоже в Брисбен?

— Да.

— Живете там?

— Живу.

— Я хотел спросить... Вы не скажете, где я смогу найти русских в вашем городе?

Сосед нахмурился и недовольно сказал:

— К сожалению, везде. В Брисбене их больше, чем надо. Я не понимаю, почему правительство дает им такую волю. Все беспорядки в стране происходят из-за них, они начинают...— Он подозрительно оглядел Алека: — Вы случайно не русский?

— Русский.

Сосед не смутился.

— Еще одним бунтовщиком станет больше. Вы, конечно, едете в Брисбен искать работу? Все едут к нам. Прямо летят как мухи на мед... Я не против. Не думайте. Пусть работают, но помнят, чей хлеб едят. Держались бы тихо, а то, видите ли, недовольны, бастуют...

Он оглянулся, ища поддержки у других пассажиров, но никто не слышал их разговора. Единственный сосед напротив, молодой парень, уже спал.

— Кто работает, тот ест свой хлеб, — резко сказал Алек. — А за работу надо платить. Наверное, вы платите мало, вот люди и недовольны.

— Недовольны! Сидели бы тогда в своей России, если вас не устраивает наша плата, — прошипел австралиец, демонстративно поворачиваясь спиной к Алеку.

«Значит, в Австралии тоже не все благополучно. Иностранцев не любят, как везде. Или, может быть, только русских, чей свободолюбивый нрав не подходит богачам? — подумал Алек. — Ладно, утро вечера мудренее. Приеду — увижу, что к чему. Только бы мне найти Артема».

Алек прислонился к стенке, вытянул ноги и задремал. Усталость брала свое.

3

Поезд прибыл в Брисбен утром. Жмурясь от яркого солнца, Алек вышел на перрон. Он увидел кладовую для хранения багажа и оставил там чемодан. Теперь надо найти русскую колонию, о которой говорил Бруно Федорович.

Алек остановил молодого человека в кожаных штанах и ковбойской шляпе.

— Я думаю, что вам лучше всего пойти в порт. Там среди докеров много русских. Они все расскажут, — сказал парень. — Порт вон там, внизу. — Он показал рукой и вежливо приподнял шляпу.

Минут через двадцать Алек уже шел по причалу. Как и в Сиднее, здесь стояло много судов. Грохотали портовые лебедки, скрипели блоки, и надо было соблюдать большую осторожность, чтобы не попасть под раскачивающиеся подъемы с грузом.

Алек выбрал большой пароход под английским флагом. Судно грузили тюками с шерстью. Несколько минут он стоял, наблюдая за тем, как спорно идет работа. Докеры катали тележки с кипами прямо из склада к борту. Три человека укладывали их в пеньковую сетку, старший подавал знак на палубу, подъем взмывал вверх и через секунду исчезал. Алек выждал момент, когда сетка скрылась в трюме, и подошел к работающим:

— Я хотел бы поговорить с кем-нибудь из русских, если они есть среди вас.

— Конечно, есть, — ответил старший и крикнул: — Эй, Джон, иди сюда, тебя спрашивают. Земляк, наверное.

Один из докеров, катающих тележки, маленький, круглый, седой, но, видимо, еще очень крепкий человек, подвез свои кипы, вывалил их в сетку, отер потный лоб клетчатым платком и с любопытством уставился на Алека.

— Этот, что ли? Здравствуй, парень, — сказал он по-русски. — Ну, в чем дело? Хочешь на работу? Давай к нам. Устроим.

— Спасибо. Пока не надо. Я разыскиваю русскую колонию. Ну, где в основном живут русские эмигранты.

— Да знаю я, что такое колония. Можешь не объяснять, — усмехнулся докер. — Все наши, большинство во всяком случае, живут на окраине, на Элизабет-роуд. Ну, и вокруг нее. А кого тебе, собственно, нужно?

— Я ищу Артема. Не знаете ли случайно такого? Джон нахмурил брови, припоминая:

— Артем, Артем... Что-то слышал, парень. Но, убей бог, не помню, где и когда. Знаешь что? Валяй на Элизабет-роуд, семнадцать. Там живет Эдгар Струмпе. Он латыш, столяр. Занимает какую-то должность в «Союзе русских эмигрантов» и всех знает. А ты откуда? Из России?

— Нет. Я моряк. Прибыл из Соединенных Штатов.

— Вот оно что! Но ты эмигрант?

— В общем-то да.

— Ол райт! Сейчас с тобой некогда разговаривать. Вон форман¹ уже нервничает. Увидимся, если останешься в Брисбене.

Джон бегом покатил тележку в склад, а Алек отправился искать остановку трамвая. Он долго ехал в маленьком дребезжащем трамвайчике по бесконечно длинной Мейн-стрит. На каком-то перекрестке кондуктор любезно остановил вагон и сказал Алеку:

— Здесь вам выходить. Элизабет-роуд.

Алек вышел, осмотрелся, завернул за угол. Он очутился на широкой улице, состоящей из маленьких небогатых стандартных коттеджей со стандартными садиками вокруг них, с одинаковыми оградками и калитками. Казалось, что эта улица упирается в зеленое поле и тут кончается город.

¹ Старший, бригадир (от англ. foreman).

Он разыскал домик под номером семнадцать, дернул за начищенную ручку звонка. Домик, как брат-близнец, был похож на соседние.

Из открытых дверей дома выбежал белый шпиц и с лаем бросился к калитке. За собакой появилась стройная девушка, небольшого роста, с каштановыми волосами и очень ясными карими глазами, опущенными длинными ресницами. Она была одета в длинную белую узкую юбку, белую кружевную кофточку. Широкий лакированный пояс охватывал тонкую талию.

— Тише, Вайси! — сердито прикрикнула она на продолжавшего лаять шпица и по-английски спросила: — Что вам угодно?

— Я хотел видеть мистера Эдгара Струмпе, — тоже по-английски ответил Алек.

— Папы нет дома. Но он скоро придет, и если вы не боитесь поскучать полчаса в моем обществе, — девушка кокетливо взглянула на Алека, — то, пожалуйста, проходите в комнаты. Да прекрати же ты лаять, несносное создание!

Алек пошел за девушкой. Они поднялись на крыльцо и вошли в первую комнату, служащую гостиной.

— Садитесь. Я сейчас принесу содовую воду.

Алек остался один. Он принялся разглядывать фотографии, развешенные на стенах. Это были обычные семейные фотографии. Вот бородастый мужчина в длинном пальто сидит у маленького круглого столика, рядом с ним молодая миловидная женщина в широченном платье, в черной кофточке с высокими пуфиками на плечах, а между ними стоит девочка с огромным бантом. Вот тот же мужчина, но уже без бороды, одетый по австралийской моде, держит под уздцы лошадь, а вот портрет девушки, которая его встретила. О, здесь у нее совсем другой вид! Платье с декольте, едва прикрывающим грудь, завитые волосы, голова наклонена вперед, ресницы опущены, в руках цветы. Парадная фотография. Наверное, была сделана по какому-то особенно торжественному случаю. В день совершеннолетия или окончания школы. Алек залюбовался портретом. Такая прелестная была на нем девушка...

Скрипнула дверь. Вошла хозяйка с подносом в руках, на котором стояли бутылка и два стакана. Она заметила взгляд Алека, засмеялась и сказала:

— Это я. Три года назад. Мне было шестнадцать.

— Я узнал вас, — с непритворным восхищением проговорил Алек. — Вы мало изменились с тех пор.

— Ну да... Теперь не то...

И опять ее глаза лукаво блеснули. Она знала, что сейчас последуют возражения и ее примутся убеждать, что она такая же и даже еще лучше, но Алек промолчал. Девушка удивленно взглянула на него. Она разлила воду по стаканам. Пузырьки газа лопались, выбрасывая вверх мельчайшие капельки.

— Пейте, пока холодная, — сказала хозяйка.

В комнате царил полумрак, шторы были опущены. Свет и воздух проникали через открытую дверь в сад. Алек с наслаждением осушил свой стакан.

— Прелесть! — сказал он, с сожалением разглядывая пустую бутылку. — Нет лучшего напитка, чем вода. Особенно в жару. Вы родились в Брисбене?

— Нет. Я родилась в Виндаве. В России.

— Так мы почти земляки, — обрадовался Алек. — Я рижанин. Вы говорите по-русски?

— Конечно. Дома у нас принят русский язык. Мама вообще не привыкла к английскому. Можно сказать, не знает совсем.

В садике снова залаял шпиц.

— Вот и папа идет. Недолго пришлось скучать, — засмеялась девушка и выбежала навстречу отцу.

В комнату вошел высокий темноволосый человек, в синих вылинявших дунгари¹. Алек сразу узнал в нем того, кто был изображен на фотографиях. Мужчина бросил шляпу на стул, протянул ему руку:

— Эдгар Струмпе, а это моя дочь Айна.

— Мы уже познакомились, — сказал Алек, называя себя.

— Чем могу быть полезен? — с легким акцентом спросил Струмпе. — Вы давно из России?

— О да! Несколько лет.

Эдгар Янович с удивлением поглядел на него. Надо было объяснить Струмпе свое появление в Австралии.

— Вот значит как, — кивал головой Струмпе, слушая Алека. — Интересно, очень интересно.

Пока Алек говорил, Айна не проронила ни слова. Глаза у нее блеснули, чувствовалось, что его жизнь

¹ Рабочая одежда.

взволновала девушку. Когда он кончил, Струмпе спросил:

— Вы принадлежите к какой-нибудь партии?

— К РСДРП, — сказал Алек и, помолчав, добавил: — Большевиков.

Струмпе бросил на него быстрый взгляд:

— Большевиков? Это хорошо. Они правильно судят о многих вещах. Как собираетесь жить дальше? Будете искать работу на пароходе или останетесь в Брисбене?

— Плавать пока больше не хочу. Скажите, вы не знаете человека по имени Артем?

Глаза у Струмпе сузились. Он пристально поглядел на Алека.

— Зачем он вам? — вопросом ответил Струмпе.

— У меня к нему есть дело.

— Я такого не знаю, — задумчиво проговорил Струмпе. — Но если вы поедете в поселок железнодорожных рабочих (это шестьдесят километров отсюда), там есть человек, который, возможно, и поможет вам разыскать Артема. Зовут его Том Сергеев, подрывник. Съездите, это не так уж далеко. Простите, я уйду на несколько минут и приведу себя в порядок, а потом будем обедать. Нет, нет, не отказывайтесь. Мы так рады каждому новому человеку.

Струмпе ушел мыться, а Айна спросила:

— Ничего, если я накрою стол в кухне? Мы там всегда обедаем. Можно? Ну, так пошли.

Они вышли в сад, обогнули домик с заднего хода, попали в просторную кухню с полками, уставленными сверкающей медной посудой.

— Садитесь и рассказывайте.

— А может быть, вы разрешите помочь вам? Я все умею.

— Не нужно. Я сама все сделаю быстрее. Наша мама уехала в Мериборо в гости на несколько дней, и теперь я хозяйка. Подчиняйтесь.

— Я готов исполнять все, что вы прикажете, — весело сказал Алек.

— Рассказывайте что-нибудь.

— Хорошо.

Алеку хотелось повеселить девушку, и он вспоминал все смешные случаи из своей жизни. Айна от души смеялась, но не забывала делать свое дело, и через несколько минут стол был сервирован. Вернулся розовый

после горячего душа Струмпе. Он сменил дунгари на светлые брюки и легкую рубашку.

— Ну, вот теперь совсем другое дело. Давайте обедать.

Обед состоял из фасолевого супа, жареной баранины и отличного кофе с тортом со сбитыми сливками. Кажется, никогда Алек не ел с таким аппетитом. Он давно не был в домашней обстановке и поэтому почувствовал себя около этих милых, доброжелательных, гостеприимных людей как в родной семье. Отец и дочь наперебой расспрашивали его о России, о плаваниях. Больше всего их заинтересовало его пребывание на Ра-роиа и история с Макфейлом. Незаметно наступил вечер, Алек собрался уходить.

— Вы оставайтесь у нас ночевать. Ну, куда вы пойдете в незнакомом городе? — предложил Струмпе. — Правда, Айна?

— Конечно, папа. Оставайтесь, Алек. Я постелю вам в гостиной.

Алек решительно отказался. Ему не хотелось стеснять хозяев. Он спросил, есть ли поблизости гостиница.

— Тут рядом. Один квартал. Айна проводит вас, раз вы оказались таким упрямым. Завтра поедете в Уорик. Оттуда двадцать пять километров до поселка. А там ходит «кукушка», подвозит людей до места работы.

Алек дружески распрощался с хозяином, и они с Айной вышли за калитку. Стемнело. На небе появились звезды. Бриллиантовой брошкой сиял Южный Крест.

— Поздно, — сказал Алек, взглянув на свои карманные часы. — Так быстро пролетело время у вас. Я совсем отвык от настоящего общества и готов был сидеть всю ночь.

— Правда? Тогда приходите к нам почаще, — просто сказала Айна и, засмеявшись, добавила: — Тем более что мне приятно состоять в «настоящем обществе». Мы будем всегда рады вам.

У маленькой гостиницы они расстались. Алек на несколько секунд дольше, чем требовали приличия, держал руку Айны. Уж очень понравилась ему девушка.

— До свидания. Мне было хорошо у вас.

— Я же сказала — приходите.

Алек снял номер в гостинице, узнал, когда идет поезд в Уорик, и с наслаждением бросился на чистые накрахмаленные простыни. Как только голова его коснулась подушки, он мигом заснул. Во сне он видел длинную улицу, белые домики и улыбающуюся Айну.

4

Утром, когда в гостинице все еще спали, его разбудил тихий стук в дверь и шепот:

— Вставайте, мистер Лонг, не то опоздаете на поезд. Завтрак готов.

Алек быстро побрился, оделся, съел свой завтрак и вышел на пустынную в этот ранний час улицу.

Только продавцы хлеба и овощей развозили свои товары на трехколесных велосипедах.

За два часа нудного пути поезд доставил его в Уорик. Это был типичный рабочий городок. В нем не было ничего примечательного, кроме лавок, салунов и публичных домов. Несмотря на сравнительно позднее время — часы показывали около девяти, — городишко еще не проснулся. Отсыпался после бурно проведенной ночи.

Алек выяснил, что «кукушка», игрушечный паровозик с такими же игрушечными вагончиками, должен отойти через час.

Алек занял место в вагоне и с интересом принялся наблюдать за прибывающей публикой. В большинстве своем это были люди с распухшими от пьянства лицами, набрякшими мешками под глазами, равнодушные и усталые. Все неряшливо одеты и неразговорчивы. Наверное, у них здорово трещали головы от выпитого рома, а денег опохмелиться уже не осталось. Они садились в вагоны, закрывали глаза и терпеливо ждали отправления. Алек сделал заключение, что ром и здесь является «главным напитком». Гигантские красочные транспаранты, рекламирующие разные сорта рома, глядели на него со всех сторон.

Наконец поезд тронулся. Он спустился в котловину, которую со всех сторон окружали горы. Час езды по пересеченной местности, и паровозик остановился в тупике. Здесь было кольцо.

Рабочие выпрыгивали прямо на песчаную землю. Перрон еще не построили. Вышел и Алек. Справа от уз-

коколейки высилась насыпь строящейся железной дороги, теряющейся в глубине леса. Слева, чуть пониже того места, где они вышли из вагонов, виднелся палаточный город. Брезентовые палатки, в беспорядке разбросанные в котловине, белели на солнце.

Алек поднялся на насыпь. Сколько хватало глаз, она была усеяна черными фигурками людей. Они укладывали шпалы, подтаскивали рельсы, ссыпали землю. Его внимание привлекла большая толпа рабочих, сгрудившихся около чего-то, что не было видно Алеку. Он подошел поближе. В центре широкого круга стояли две вагонетки. Два человека, обнаженных до пояса, с лихорадочной быстротой насыпали в них грунт. Мелькали лопаты, пот струился по бронзовым телам, мускулы напряглись.

«Ага, понятно, работают на пари. Кто быстрее насыпет, — решил Алек. — Ну, посмотрим». Опытным взглядом он оценил соперников. Один из них, прекрасно сложенный, с торсом тренированного легкоатлета, черноволосый и черноглазый, работал быстро, красиво, даже изящно, если это слово можно употребить по отношению к такой работе.

Второй — огромного роста, длиннорукий, сутулый, с яйцевидной головой, покрытой рыжеватыми волосами, с грязной сеткой, повязанной вокруг шеи, — работал медленнее, но казалось, что его вагонетка наполняется быстрее.

У каждого из соперников были свои сторонники. Они подбадривали их криками:

— Давай, Том! Быстрее! Нажми! — кричали черноволосому. — Мы поставили на тебя пятнадцать шиллингов! Ты уже обгоняешь! Давай, Том!

— Десять шиллингов против пяти, что победит Том! Кто принимает пари? — в азарте орал маленький рабочий, размахивая киркой. — Давайте, тусы!

Но противная сторона действовала не менее активно

— Я принимаю твое пари, Малыш! Придется расстаться тебе с десяткой, — протискивался к нему высокий землекоп. — Разве ты не видишь, что выигрывает Дик? Погляди на его вагонетку. Она уже полная!

— Дик! Дик! Большой Дик! — завопили сторонники рыжего. — Дик — самый сильный человек в поселке. Он уже доказал это. Мы ставим на Дика!

Чем ближе к концу подходило состязание, тем шумнее, возбужденнее становились люди. Крики усилились, кое-где вспыхнули ссоры. В конце концов, в реве толпы только и можно было различить два слова, которые скандировали зрители:

— Том! Дик! Том! Дик!

Симпатии Алека были на стороне черноволосого рабочего. Возбуждение охватило и его. Он уже не замечал, что вместе с другими кричит:

— Давай, давай, Том! Я ставлю на Тома десять шиллингов!

Его схватил за руку один из товарищей Дика:

— Давай десять на десять за Дика! Тебя надо проучить, спорщик, чтобы в будущем ты ставил на верную лошадь. Давай!

Они ударили по рукам. А состязание уже достигло своей высшей точки. Вагонетки почти наполнились землей. «Судейская комиссия», состоящая из трех пожилых рабочих, подошла ближе. Еще несколько десятков молниеносно брошенных лопат, и толпа заревела:

— Тот! Том! Победил Том!

Не требовалось заключения «комиссии». Все было и так ясно. Вагонетка Тома стояла наполненная доверху землей, а Дик не выдержал. Последние лопаты он бросал с трудом и теперь, оставив лопату, отирал сеткой струившийся по телу пот. Он тяжело дышал открытым ртом. Его сторонники глядели холодно, даже враждебно. Парень, поставивший на него пятнадцать шиллингов, с укором произнес:

— Эх, ты! Не мог дотянуть. Из-за тебя я потерял свои деньги. Такой здоровый буйвол, а сдался.

— Покидал бы сам, вонючка, — огрызнулся Дик, протягивая ему лопату. — Попробуй. На.

Рабочий, проигравший пари Алеку, незаметно исчез. Не захотел платить деньги чужому. Но Алек и не искал его. Он во все глаза смотрел на улыбающегося Тома, которого только что перестали подбрасывать в воздух. Вот он подошел к Дик, протянул руку:

— Ладно, Дик. Наплюй. После работы я угощаю. Наверное, ты был не в форме сегодня. Счастье — капризная дама. Может быть, в следующий раз тебе повезет.

Рыжеволосый не принял руки. Он молча повернулся к победителю спиной и пошел в сторону. Толпа осуждающе загудела, а кто-то крикнул:

— Не по-товарищески! Он честно победил тебя, Большой Дик. Нечего обижаться!

— Ну, хватит глазеть, — строго проговорил один из судей в рубашке с закатанными рукавами и сигарой в зубах. — Принимайтесь за дело, мальчики, а ты, Сергеев, подойди ко мне.

Когда Алек услышал фамилию Тома, он понял, что это как раз тот человек, который ему нужен. Удача!

— Ты останешься на своем месте, Том. Большой Дик не сумел доказать, что он имеет преимущества перед тобой, — сказал человек с сигарой. — Он хотел стать подрывником вместо тебя. А мне было интересно испытать вас, а потом выбрать лучшего, наиболее ловкого. Все останется по-старому.

— Отлично, сэр, — весело отозвался Том. — Я понимаю его. Он надеялся больше зарабатывать.

— Ну, ладно. С этим покончено. Вы здорово повеселили нас. Работай.

Как только человек в рубашке удалился, Алек подошел к Тому:

— Том Сергеев?

— Да. — Том с удивлением взглянул на Алека. — Откуда ты меня знаешь?

— Слышал, как тебя называют. Но ты мне как раз и нужен. Меня послал к тебе Струмпё.

— Ах, Эдгар. Ну, так что?

— Будем говорить по-русски.

— Так ты русский? Вот здорово! Нашего полку прибыло. Здесь много русских. Останешься работать на железной дороге?

— Не знаю. Я ищу одного человека. От этого будет зависеть, что я предприму. Эдгар Янович сказал, что ты поможешь его найти.

— Кого?

— Мне нужен Артем.

— Зачем?

— Не будь очень любопытным. Если можешь, то помоги отыскать его.

— Помогу. Но зачем он тебе?

— Я привез ему привет...

— От кого?

— Какой ты дотошный. Неважно от кого. Сначала надо его найти.

Том на минуту задумался, потом улыбнулся:

— Что ж, хорошо, будь по-твоему. Приходи после работы ко мне в палатку. Правда, тут у нас черт ногу сломит, пока отыщешь, но меня все знают. Спросишь.

Проболтавшись в поселке до вечера, поев в брезентовой палатке — салуне, Алек принялся отыскивать Тома. Это оказалось значительно проще, чем он думал. Первый из рабочих, которого он спросил, сейчас же взялся его проводить.

Том лежал на койке и при свете керосиновой лампы читал толстую книгу.

— А, пришел. Ну, садись. Как тебя зовут?

— Лонг Алек...

— А по-русски?

— Чибисов... Алексей Иванович.

— А меня Федор Андреевич Сергеев. Здесь все называют Томом. Проще, короче. Так тебе, значит, нужен Артем? Это я.

Алек недоверчиво взглянул на Тома:

— Привет тебе от Кирзнера.

Как проверить, что это именно тот человек, которого он ищет? Как Том отнесется к фамилии Кирзнер? Если обрадуется, начнет спрашивать подробности, значит — Артем.

— От Кирзнера? — Том вскочил с койки. — От Бруно? Жив, здоров? Как он? Где? А Маруся? Вот сюрприз! Ты знаешь, мы с ним в одной тюрьме в Харькове сидели, можно сказать, хлеб и воду делили. Все рассказывай, все подробно, и про себя тоже.

— Зачем же такая конспирация? — обиженно проговорил Алек. — Разве не мог Эдгар Янович мне прямо сказать, что Сергеев — это Артем?

— Да нет никакой конспирации, Алексей. Просто решили не очень часто вспоминать, кто я такой. Разные тут есть люди, а царская охранка меня помнит как Артема. Правда, в поселке меня знают и под этим именем. Давай рассказывай.

Алексей принялся вспоминать Ригу и все, что связывало его с Кирзнером. Кончил он их лондонской встречей, предложением Бруно Федоровича отыскать Артема. Сергеев обнял его:

— Прислал тебя на помощь! Молодец! Угадал, чего нам так не хватает.

— Значит, нужен? — радостно спросил Алек. — Есть дело?

— Еще как! Большевик, молодой, энергичный парень очень нужен! Есть здесь группа боевых ребят, но их недостаточно. Да ты садись, садись. Теперь я буду вводить тебя в курс наших дел. В Австралии не все так просто, как кажется на первый взгляд...

Алексей сел на табуретку.

— Я постараюсь тебе коротко обрисовать положение. Русских в стране много. И рабочих, и интеллигентов. Есть здесь «Союз русских эмигрантов». Сначала вся его деятельность заключалась в том, что он помогал людям материально, устраивал на работу, но ни программы, ни устава не имел. Русских рабочих не защищал. Предприниматели что хотели, то и делали. Одно время «Союз» хотели даже распустить, преобразовать в кружки. Но мы, большевики, и близкие к нам, воспротивились. Теперь «Союз» стал более деятельным. Есть устав, собираемся выпускать свою газету, на это собрали средства. Меня избрали председателем «Союза». Но всего этого мало. Мы должны встать на защиту всех рабочих Австралии. Они борются, бастуют, но настоящей организации у них нет. Тред-юнионы, в которых состоят почти все, на поводу у капиталистов. Лейбористы — рабочая партия, самая сильная в стране, предает интересы рабочих...

— А что же можешь ты со своим «Союзом русских эмигрантов»? — перебил Артема Алек. — Чем можешь?

— Многого могу. У нас есть крепкое ядро. Настоящие, испытанные в боях люди. Нас уже знают многие в штате Квинсленд и тянутся к нам. Надо помочь им в борьбе, чего бы это ни стоило.

— Не пойму — как. Ты живешь в поселке и редко бываешь в Брисбене, где, как я понял, основные силы революционно настроенных рабочих.

— Они разбросаны по всему штату. Но ты прав. Большинство их в Брисбене. Я кончаю работать на железной дороге и переезжаю туда. Буду докером в порту. Там толковые ребята, крепко спаянные, дружные. Не то что здесь, много всякой шпаны.

— А что делать мне?

— Надо подумать. Ты хорошо знаешь английский. Это великое дело. Можешь выступать на митингах. Когда начнем выпускать газету, поставим тебя туда...

— Ну, а работать где?

— В Брисбене. Я приеду туда через несколько дней. А пока скажи Эдгару, чтобы он поговорил с Поллаком и устроил тебя в порт докером. Справишься? Конечно, справишься. Вон ты какой гигант! Вместе нам будет веселее и сподручнее. Ах, какой все же умница Бруно, что прислал тебя. Сейчас, как никогда, нужен каждый толковый человек.

— А ты уверен, что я толковый? — улыбнулся Алек. — Первое впечатление бывает ошибочным.

— Меня никогда не обманывает чутье. Близкое общение с охранкой выучило меня многому, и в частности — быстроте правильных оценок людей. Я не должен ошибаться...

Артем вдруг неожиданно замолчал, глаза его устремились в угол палатки, он задумался. Алек ждал, когда он снова заговорит. Но прошла минута, другая, а Артем молчал, как будто в комнате никого не было. Алеку надоело ждать, и он спросил:

— Ну, о чем задумался?

Артем даже не оглянулся. Тогда Алек хлопнул его по плечу. Артем вздрогнул, непонимающе поглядел на Алека и рассмеялся. Он положил ему руку на плечо:

— Ты прости, друг. Такая скверная привычка. Когда меня занимает какая-нибудь мысль, я полностью отключаюсь от окружающего. Надо толкнуть или громко крикнуть что-нибудь прямо в ухо... Могу и работать в таком состоянии. Ты знаешь, о чем я подумал? Последнее время эта мысль не дает мне покоя.

— О чем?

— Понимаешь, организованные в профсоюзы австралийские рабочие считают нас, русских, скэбами. Ну, штрейкбрехерами. Боятся нас как огня. Думают, что мы предадим их, если они объявят забастовку.

— Разве были такие случаи?

— Нет. Ты же знаешь, что это не в нашей натуре! Но поскольку мы еще разрозненны, не входим в профсоюзы, им кажется, что именно из русских можно вербовать скэбов и вообще ожидать чего угодно. И вот я уже несколько дней думаю о том, как разубедить австралийцев, доказать им обратное. Это первое, что надо сделать, чтобы сплотить рабочих вокруг нас... Ладно, ложись спать. Мне завтра на работу, а ты должен на первой же «кукушке» уехать в Уорик.

Артем бросил на пол ватное одеяло, подушку и сказал:

— Ложись. Сегодня холодно не будет. Нет ветра. Но когда дует с гор, в палатке зуб на зуб не попадает. И вообще тут сильные перепады температур. Ночью мороз, а днем такая жара, что кожа лопается. Гляди.

Он вытянул кисти рук, и Алек увидел свежие рубцы.

— Кожа трескается от солнца, кровоточит, плохо заживает. Ну, я теперь приспособился. Смазываю их машинным маслом.

— Зачем же ты тут работаешь?

— Надо было в районе организовать ячейку «Союза». Платят подрывнику хорошо. Сила еще, слава богу, есть. Да ты ложись.

Алек лег, но они еще долго говорили. Уже совсем засыпая, Алек спросил:

— А что Эдгар Янович — большевик?

— Нет. Но он наш по духу и мировоззрению. Ему можно доверять во всем. Кстати, он поможет тебе и с квартирой. Рекомендует кому надо. Спи.

Алек закрыл глаза. В памяти опять возникла Айна, с ее залихватским смехом, и тотчас же исчезла, уступив место Артему. Интересный человек. Весь загорается, когда говорит о рабочих. Какие широкие планы...

Утром Артем разбудил Алека. Они наскоро позавтракали консервами из бобов и свинины, выпили сгущенного молока. Артем сказал на прощание:

— Передай Эдгару, что я буду через несколько дней. Окончательно. А ты пока осмотришься. Приеду, тут уж начнется работа... — Он крепко пожал руку Алеку, улыбнулся и, вскинув на плечо кирку с длинной ручкой, быстро пошел к насыпи.

5

Вечером Алек уже звонил в домик на Элизабет-роуд, семнадцать. И снова его встретила Айна. Она заулыбалась, увидев его, глаза искрились радостью.

— Здравствуйте, Алек. Ну, вот видите, вы снова попали в «настоящее общество». Я рада вам. Проходите. Папа в саду, а мама на кухне. Она уже приехала из Мерисборо. Пойдемте, я вас познакомлю.

В кухне у плиты стояла еще не старая, но уже начинающая полнеть, миловидная женщина, очень похожая

на Айну. Те же волосы цвета каштана, те же лукавые, искрящиеся карие глаза.

— Мамочка, познакомься. Это Алек. Русский моряк, о котором тебе говорил папа.

— Здравствуйте, — мелодичным голосом сказала женщина. — Нина Сергеевна.

— Ну, а я Алексей, а не Алек, — засмеялся Алек, пожимая ее мягкую руку. — Айна не знала моего русского имени. Алексей Чибисов.

Подошел Струмпе. Он хитро подмигнул ему и спросил:

— Нашли Артема?

— Нашел. Напрасно вы мне сразу не сказали, что Том Сергеев это и есть Артем.

Струмпе рассмеялся:

— Надеюсь, что эта маленькая игра не затруднила его розыск? Как теперь сложится ваша судьба?

— Остаюсь работать в Брисбене, — с удовольствием сказал Алек и взглянул на Айну.

Он передал Струмпе все, о чем просил его Артем.

— Ну что ж. Я думаю, что мы все уладим. Сейчас поьем чаю с медом и начнем действовать.

Они уселись за маленький деревянный стол в саду, куда Айна принесла чай. И опять Алек почувствовал, как его охватывает атмосфера уюта, семейности, добрых людских отношений.

— Мы пойдем к Борису Корнееву, или, как его зовут в Брисбене, Биллу Корну, — сказал Струмпе после того, как закончилось чаепитие. — Устроим Алека на квартиру. Я думаю, что они охотно возьмут жильца.

— Можно я с вами, папочка? — попросила Айна.

— Конечно, дочка. Если не надо помогать маме.

— Пусть идет, — улыбнулась Нина Сергеевна. — Тут нечего помогать.

Они вышли на Элизабет-роуд.

— Это совсем рядом, — сказал Струмпе. — Мне кажется, что у Корнеевых будет удобно. Тем более что Билл — ваш единомышленник и приятель Артема.

Через четыре дома Струмпе остановился у коттеджа и дернул за звонок.

— Хорошо у вас живут рабочие, — иронически сказал Алек. — Собственные коттеджи... Благодать!

— К сожалению, далеко не все так живут. Нас с Биллом в расчет принимать не следует. Мы ремесленники высокой квалификации. Я столяр-краснодеревщик,

Билл — механик. Так сказать, рабочая аристократия. Мы зарабатываем по шестьдесят шиллингов в неделю. А большинство работает тяжело, а зарабатывает не свыше сорока шиллингов. Не всем улыбается Австралия. А дома наши взяты в рассрочку. Не заплатишь в срок, сам понимаешь...

Он не успел закончить. К калитке подошел низенький худощавый человек, с почти лысой головой, с отвислым большим носом и веселыми, добрыми глазами. Он откинул щеколду, обнял Струмпе.

— Редко ты заглядываешь ко мне, Эдди. Наверное, появилась какая-нибудь нужда в старом Билле, иначе ты не пришел бы. Так? А что за молодой человек с тобой? Здравствуй, девочка. Давно тебя не видел. Стала совсем большая и красивая.

Айна рассмеялась:

— Что вы, дядя Билл. Большая я стала лет восемь тому назад, а красота — дело вкуса.

— Ты именно в моем вкусе.

Они прошли в гостиную, как две капли воды похожую на гостиную Струмпе. Эдгар Янович объяснил цель их прихода, рассказал про Алека, не забыв упомянуть, что тот приехал к Артему. Билл не колебался.

— Даша, иди сюда! — позвал он.

Вошла его жена. Спокойно выслушала мужа и доброжелательно сказала Алеку:

— Я буду рада иметь вас жильцом, если вам понравится комната. Мы живем с Биллом вдвоем, и вы нас не стесните. Я хотела бы только сдать комнату с пансионом — завтрак и ужин. Как вы на это смотрите?

— Это меня вполне устраивает.

Спустя десять минут все было закончено и Алек мог перенести свой чемодан из гостиницы. Обстановка была самой простой, но лучше ему и не требовалось. В комнате имелось все, что нужно. Шкаф, стол, два стула, умывальник с тазом и большим кувшином. Цену Корнеевы взяли с него очень умеренную, и Алек заплатил вперед за месяц, поблагодарил хозяев и стал прощаться.

— Я еще останусь поболтать с Биллом, — сказал Струмпе. — А ты, Айна?

— Пойду домой.

— Довольны тем, как вы устроились? — спросила она, когда они с Алеком вышли на улицу. — По-моему, хорошо. И теперь мы соседи.

— Вот этому обстоятельству я и радуюсь больше всего, — искренне сказал Алек. — Только не надоесть бы вам.

— Все зависит только от вас. Вы должны быть всегда интересным собеседником, остроумным, никогда не повторяться...

— Боюсь, что я не сумею удовлетворить всем этим требованиям. Я стал таким нелюдимым за время своих скитаний.

— Тогда пеняйте на себя. Я не люблю нелюдимых. Открытые и веселые люди мне больше по душе.

— Я постараюсь стать таким под вашим влиянием, Айна. Разве не заметно, каким я становлюсь разговорчивым в вашем присутствии? Сделаю все, чтобы вы меня не прогнали.

— Посмотрим, посмотрим...

Так болтая, они дошли до гостиницы. Алек расплатился, взял свой чемодан и вернулся к Корнеевым. Айна ушла домой.

Струмпе все еще сидел с Биллом. Они пили пиво.

— Завтра вечером, Алек, я сообщу вам, что мне удалось сделать. Полагаю, что больших затруднений с работой не встретится. Люди в порту нужны. Об этом мне говорил Поллак дня три назад. Ну что ж, я, пожалуй, пойду. Будьте осторожны, Алек, с этим старым австралийцем Биллом. Он очень любит пиво и может вас приучить к нему.

— Меня это не пугает, — засмеялся Алек. — Как бы я его не отучил пить.

Струмпе попрощался, а Алек, отказавшись от ужина, прошел к себе в комнату. Настроение у него было прекрасное. Давно он не чувствовал себя так хорошо. Знакомство с Артемом и сознание того, что теперь он по-настоящему нужен любимому делу, что предстоит большая работа, делали его счастливым. И еще он думал об Айне...

6

Артем приехал в Брисбен спустя неделю. Он был возбужден, чем-то взволнован и, появившись один раз у Струмпе, исчез.

Алек устроился работать в порт грузчиком. Он попал в десятку формана Кремба. Это с ним он встретился

в первый день своего прибытия в город. Алека дружелюбно приветствовал Джонни, или попросту Иван Горячкин, маленький, круглый русский грузчик, который дал ему адрес Струмпе.

— Ол райт! — закричал он, когда увидел Алека, идущего по причалу. — Поработаем вместе. Мне кажется, тебе не будет у нас тяжело. Познакомился с Крембом? Он неплохой парень, но любит выпить, и мы каждую субботу вынуждены угощать его. От этого никуда не денешься, имей в виду.

Алек начал работать. Кремб посылал его в трюмы пароходов, где работалось труднее, но Алек быстро приловчился и не очень уставал. Он был молод, силен, ловок. Работали по восемь часов, а если приходилось что-нибудь делать сверх положенного времени, платили хорошие «овертайм»¹.

Окончив работу, Алек шел домой и, немного отдохнув, отправлялся бродить по Брисбену. Иногда он заходил к Струмпе. Его тянуло к Айне. Она работала продавщицей в магазине готового платья Гринфельда и к вечеру сильно уставала. Поэтому Алек приходил к ней не очень часто, хотя готов был бывать у Струмпе каждый день.

Айна встречала его всегда радостно. А он старался выполнить данное ей обещание — быть интересным собеседником. Большого труда для него это не составляло. Он знал много всяких историй и великолепно их рассказывал.

У Корнеевых Алеку жилось хорошо. Дарья Степановна, жена Билла, относилась к нему, как к сыну. Следила за тем, чтобы он обязательно съедал завтрак и ужин, которые она готовила, повязывал шарф на шею в ветреные дни, и, хотя заботы Дарьи Степановны выглядели несколько комичными, Алеку они нравились. Он охотно выполнял все желания хозяйки.

Дарья Степановна, не по годам живая, небольшого роста, очень походила на коренную австралийку. Она старалась быть современной женщиной, следила за модой, одевалась, как советовали проспекты больших универсальных магазинов. Ее всегда аккуратно уложенные седые волосы, элегантные дешевые платья — она их шила сама, — неплохое знание английского языка слу-

¹ Сверхурочные.

жили предметом постоянной дружеской зависти Нины Сергеевны Струмпе.

— Что за женщина, прямо чудо! — восклицала она, когда речь заходила о Дарье Степановне. — Ну почему у меня так не выходит? Почему я никак не могу справиться с английским? Почему мои платья сидят хуже? Наверное, я такая нескладная.

Дарья Степановна постоянно читала австралийские газеты и была всегда в курсе городских событий.

Алеку она чем-то напоминала мать. Ему становилось теплее жить на свете, когда он ее видел.

Билл не отставал от своей жены. Он любил носить какие-то особенные шляпы, штаны и рубашки, яркие шейные платки. Он отлично владел своей специальностью механика и поэтому держался независимо. Знал, что его всегда с распростертыми объятиями примет на работу любая фирма.

Билл прекрасно разбирался в политике, был одним из ближайших помощников Артема, членом РСДРП, большевиком, играл видную роль в «Союзе русских эмигрантов», и беседовать с ним было для Алека истинным наслаждением. От него он узнавал много интересного об Австралии.

— Вот такие дела, Алек, — говорил Билл, сидя за стаканом своего любимого пива. — Рабочая партия в Квинсленде издает только одну ежедневную газету. А что в ней печатают? Все заполнено отчетами о матчах — футбольных, гребных, велосипедных. Сообщениями о том, кто на ком женился или вышел замуж. Ты думаешь, здесь интересуются театром, музыкой, литературой? Огромное большинство населения — нет. Знают своих писателей, публицистов, политиков? Трже нет. Понятия не имеют. Вот спорт любят. Всякие азартные игры, скачки, бега. Ну и, конечно, бары. Этим живут. В Австралии рабочий чувствует себя увереннее, чем в Европе. Фермер тоже. Не хватает людей. Это временное преимущество, и мы пока можем позволить себе роскошь уйти с одной работы и поступить на другую...

— Мне говорил об этом хозяин яхты, на которой я плавал, профессор Кларк.

— А он тебе не говорил, что многие рабочие бастуют, что и здесь идут классовые бои? Что и здесь рабочих нещадно эксплуатируют? Не говорил? А зря. Все это

есть. И мы, большевики, должны зорко следить за тем, чтобы не обижали нашего брата. Помогать чем можем...

В один из вечеров неожиданно появился Артем. Он похудел, глаза его горели, движения были порывисты.

— Ну, братцы, и устал же я, — выдохнул он, валясь в кресло. — Дай стакан пива, старый пьяница. Я знаю, у тебя всегда есть в запасе холодное.

Артем выпил бутылку пива, принесенную Дарьей Степановной.

— Поужинал бы сначала, Федя, — проговорила она, с жалостью разглядывая Артема и называя его русским именем. — На кого стал похож! Потом будешь рассказывать.

— Нет, тетя Даша. Сначала о делах, а уж потом ужин. Не могу держать новости при себе. Мотался я по всему штату. Собирал подписчиков на газету. Все готово. Надо начинать организовывать типографию и выпускать в свет «Эхо Австралии». Такое будет название. Нравится? Мне очень. Ты, Алек, будешь заниматься всей подготовкой. Заказами, бумагой, помещением и прочими делами, а Биллу придется взять на себя технику, установку машины, печатание. Я буду всем остальным. Начиная с редактора, кончая корреспондентом и переводчиком. Что, многовато? А что делать? Надо.

Артем весь кипел. Чувствовалось, что он уже живет газетой, видит ее и ни о чем другом говорить не может.

— «Эхо Австралии» будет откликаться на все животрепещущие вопросы, будет нападать, разоблачать, громить наших врагов. Нам так нужна газета. «Эхо Австралии» объединит всех русских рабочих, даст возможность говорить в полный голос нашему «Союзу эмигрантов»...

— Где ты поселился, Том? — прервал Артема Корнеев. — Есть у тебя где жить? А то давай ко мне. Места хватит.

— Все уже сделано. Живу я на Литл-Черч-стрит, у самого порта. С понедельника начинаю работать грузчиком у молодого Фоя. Знаешь его? Теперь будем часто видаться, — повернулся Артем к Алеку. — А может быть, и тебе удастся перейти к Фою? Тогда будет совсем удобно. Ну, посмотрим. А теперь за работу...

— Никакой работы, — послышался недовольный голос Дарьи Степановны. — Сначала поешь, Федя. Иначе я не разрешу вам занимать стол.

Артем вскочил и порывисто обнял хозяйку:

— Подчиняюсь, тетя Даша. Знаю, что с вами нам не совладать. Вы сильнее нас всех, вместе взятых. Подчиняюсь!

Пока длился ужин, Артем не умолкая говорил о газете и планах «Союза русских эмигрантов», потом весело подмигнул Алеку и сказал:

— Придется много работать, Алек. Хватит ухаживать за Айной. Не красней, не красней, пожалуйста. Эдгар мне уже все рассказал. Полагаю, что ты бываешь у них не ради собачки Вайси? Э?

— Я и не думаю краснеть, — сердито проговорил Алек. — Какой я ухажер? Сколько лет Айне и сколько мне?

— Знаем мы таких двадцатипятилетних стариков, — не унимался Артем, блестя своими черными глазами. — Знаем. Не успеешь оглянуться, как уведешь дочку у Эдгара. Правда, ты можешь не понравиться ей, такой высоченный. Мне кажется, что она мне симпатизирует. Ладно, хватит шутить. Давайте я расскажу о том, что надо будет делать завтра же...

Артем попросил лист бумаги и карандаш. С завидным знанием дела он подсчитывал расходы, которые потребуются на издание газеты. Писал цифры, пересчитывал их, снова писал. Не хватало денег на жалованье людям, но его это не беспокоило. Все будут делать сами. Энтузиасты найдутся. Они просидели допоздна, и только настойчивые требования Дарьи Степановны заставили их разойтись. Артем остался ночевать у Корнеевых.

С этого вечера у Алека не стало хватать времени. После работы он занимался делами газеты. Подыскал дешевое удобное помещение, заказал бумагу. Тут пришлось поторговаться. Фирмы предлагали разные условия и качество товара. Артем требовал строжайшей экономии денег. Они виделись ежедневно. Алек либо забегал на пароход, где работала группа Фоя, либо приходил к Артему на Литл-Черч-стрит. Советовался, рассказывал о том, что удалось сделать.

Зато у Струмпе последние две недели он совсем не был. Никак не получалось. А как он скучал без Айны! Ему недоставало ее шуток, смеха, живого интереса к его жизни. Несколько раз он порывался зайти к ним, но всегда оказывалось слишком поздно, или он чувствовал себя усталым, или надо было писать отчет об израсхо-

дованных деньгах. Он только один раз случайно встретил Айну.

Алек шел мимо магазина готового платья Гринфелда. Взглянул на роскошную витрину, вспомнил, что здесь работает Айна, остановился. Магазин уже закрылся. Из дверей выходили служащие. И вдруг он увидел ее. Айна стояла у окна и оживленно болтала с высоким молодым человеком в модном синем пиджаке и серых фланелевых брюках. Шляпу он держал в руках, так что Алек хорошо видел его затылок и выющиеся темные волосы. Ему стало как-то не по себе, он хотел уйти незамеченным, но Айна его увидела уже и обрадованно крикнула:

— Алек! Идите-ка сюда, неверный вы человек. Поговорим. Каким ветром вас занесло в наш район?

Ничего не оставалось делать, как подойти и поздороваться.

— Вот познакомьтесь, пожалуйста, — сказала Айна. — Это заведующий моим отделением, Чарли Карпентер.

Молодой человек с явным пренебрежением оглядел Алека. На Алеке были синие рабочие дунгари и клетчатая рубашка. Такую одежду носили все грузчики. Вяло пожав ему руку, Чарли отвернулся.

— Ну куда же вы пропали, Алек? Я уже начала скучать без вас. Чем вы занимаетесь вечерами? Или мы надоели вам?

Алек смущенно и радостно улыбнулся. Он не ожидал таких милых слов, но, взглянув на Чарли, стоявшего с высокомерной миной, холодно сказал:

— Не думаю, чтобы вы скучали без меня, Айна. Я не прихожу потому, что очень много всяких дел. Нет времени.

Айна с удивлением поглядела на него, улыбка исчезла с ее лица.

— Нет времени для меня? Это плохо, — грустно сказала она. — Настоящие друзья находят его.

— Я, например, всегда нахожу время для мисс Струмпе, — с укором произнес Карпентер. — Как может не хватать времени для такой очаровательной девушки?

— Вот видите, Алек...

Алек развел руками:

— Настоящих друзей, мистер Карпентер, оценивают не по количеству времени, проведенному вместе.

— Давайте перейдем на другую тему, — брезгливо поджал губы Чарли. — Каждый по-своему оценивает друзей. Так мы поедем на пикник в воскресенье, мисс Струмпе? Мне нужно знать это сегодня.

— Поедем, Чарли. Все наши девочки едут, и я не хочу отставать от них. Может быть, и вы, Алек, примете участие?

— Благодарю, Айна. Я не смогу. А кавалеров у вас без меня найдется достаточно. Такие прелестные девушки без них не остаются. До свидания. Кланяйтесь родителям.

— Постойте, Алек. Ну что вы так торопитесь? Приходите к нам, — с видимым огорчением проговорила Айна. — Приходите. Не забывайте старых друзей.

Алек повернулся и пошел, не оглядываясь, по улице. Он уже ругал себя. Ну почему он держался таким провинциальным дураком? Принял этот пошлый тон? Почему не согласился поехать на пикник? Нашел бы время. Побыл бы целый день с Айной. Ведь было видно, как она обрадовалась встрече. Карпентер... Ну что Карпентер? Заведующий отделом, наверное, ухаживает за Айной, оказывает ей внимание, ходит с ней в кино... Не должна же она, в самом деле, сидеть безвыходно дома и ждать, когда придет Алек. А он уже две недели как не показывается у них. И потом, почему он думает, что Айна относится к нему как-то по-особенному? С чего он взял? Она веселая воспитанная девушка, приглашает его из вежливости, как и всех других.

Нет, не должен он обижаться на нее или предъявлять претензии. Не должен. Надо быть справедливым.

Но, несмотря на такие здравые рассуждения, сердце у него ныло, он ненавидел франтоватого Чарли, обвинял Айну в легкомыслии и неверности. Он старался убедить себя в том, что Айна для него всего-навсего милая знакомая девушка и он к ней, кроме обычной симпатии, ничего не испытывает, но получалось это плохо. Освободиться от ревности он не мог. Алек решил в первую же субботу выкроить время и пойти к Струмпе, но неожиданные события смешали все его планы.

Они грузили пароход «Сити оф Лондон». Во время перерыва к нему подошел докер по фамилии Нитч и, отведя в сторону, сказал, злобно щуря глаза:

— Ты вот что. Скажи своим русским... Ну, тем, ко-

которые состоят у вас в «Союзе». Скажи, что, если они пойдут работать, когда мы начнем дело, им придется плохо. Понял?

— Не понял. Какое дело?

— Поймешь. Мы, члены профсоюза, не допустим скэбов, — проворчал Нитч и отошел в сторону.

Алек разыскал Артема. Он передал ему свой разговор с Нитчем. Артем нахмурился:

— К сожалению, я уже знаю об этом. Хотел предупредить тебя, да ты оказался проворнее. Понимаешь, скоро должна начаться забастовка трамвайных рабочих и служащих. Тред-юнионисты страшно боятся, чтобы хозяева не сорвали ее при помощи русских. Они считают нас наиболее неорганизованными, а потому самым подходящим материалом для вербовки штрейкбрехеров...

— Какая подлость!

— Да, пахнет провокацией. Вот посмотри, что они распространяют среди своих... — Артем порылся в кармане и вытащил сложенный листок бумаги. — Читай, читай.

Это была листовка, призывающая к стачке, а внизу крупными буквами было напечатано: «Бойтесь русских! Они скэбы!»

— Где ты достал ее?

— Дал один друг. В общем, как бы там ни было, они готовятся к борьбе, и мы должны быть вместе с ними.

— Как же, если они считают нас предателями?

— Соберем собрание «Союза» в Брисбене, потом поедем со своими листовками по всему Квинсленду. Обратимся ко всем рабочим. Докажем, что на нас можно положиться. Все дела с газетой придется отложить.

— А как же с работой в порту?

— Попроси Кремба, чтобы он отпустил тебя на неделю к больной тетке. На это время он наймет кого-нибудь другого. Какие у вас с ним отношения?

— Хорошие. Несколько раз угощал его виски.

— Пообещай, что поставишь еще, и все будет в порядке. Освободись с завтрашнего дня.

— Ладно.

На следующий день Алек не вышел на работу. С Крембом он все уладил. Вместе с Артемом они принялись писать воззвания к русским и австралийским рабочим.

«Рабочие Австралии! — писал Артем. — Борьба за дело рабочего класса разгорается. Ваша стачка является и нашей стачкой. Мы, русские, проживающие в штате Квинсленд, вместе с вами. Мы поддерживаем ваши требования и идем в одной шеренге. Ни один русский рабочий не станет скэбом. Долой эксплуататоров! Не верьте обещаниям лживых лидеров...»

Артем и Алек работали не покладая рук. Листовки печатали на гектографе, взятом напрокат. Им помогали Струмпе, Корнеев и еще несколько членов «Союза».

Артем созвал собрание.

— На нас смотрят, как на штрейкбрехеров. Опасаются, что мы поможем хозяевам. В представлении многих австралийцев русские — темная, неорганизованная масса, — гремел он из-за своего председательского стола. — Они не считают наш «Союз» организацией, способной выступить против эксплуататоров. Вот что говорят про нас лидеры тред-юнионов. Но мы знаем свои силы, всегда сможем поддержать братьев по классу и больше того — встать во главе движения! Разве у нас нет революционного опыта борьбы? Разве большинство из нас не принимало участия в забастовках, не перенесло царских ссылок и тюрем, не участвовало в антиправительственных демонстрациях?..

Артем говорил долго и горячо. Когда он кончил и отер платком влажный лоб, аплодисменты покрыли его слова.

«Какой замечательный оратор, — подумал Алек. — Такой может поднять массы на любое дело. Трибун».

Закрыв собрание, Артем подозвал Алека:

— Ну, первый камень заложен. Завтра, в воскресенье, ты, Струмпе, Серешенинов, Воскобойников, Метакса и я выйдем на улицы Брисбена с листовками. Будем всеми силами поддерживать забастовку. Собираемся утром в восемь у моего дома. Итак, до завтра.

7

Сенатор Рейнолд позвонил. Вошел секретарь.

— Пригласите Баджера, если он пришел. Я назначил ему свидание на десять часов утра.

— Мистер Баджер ожидает.

— Просите, Майк.

В кабинет вошел высокий седой мужчина с короткими усиками щеточкой, в сером свободном костюме.

— Доброе утро, Баджер, — произнес Рейнолд, вставая. — Ну, чем закончилась вчерашняя игра в клубе? Выиграли? Тогда у вас должно быть хорошее настроение. Садитесь, пожалуйста. Берите сигару. Неплохой сорт.

Баджер сел. Несколько минут они поговорили о разных городских сплетнях, посмеялись над артисткой казино Мики, у которой во время выступления лопнуло платье, вспомнили бега, и только после этого Рейнолд, став серьезным, спросил:

— Вероятно, вам, Баджер, как главному директору трамвайного треста, известны последние требования ваших рабочих и служащих. Меня интересует, как вы относитесь к ним.

— Постараемся отклонить.

— Но ведь они грозят забастовкой.

Баджер пожал плечами.

— Мне не хотелось, чтобы дело дошло до этого, — в раздумье сказал сенатор. — Стачка чревата большими последствиями...

— Я понимаю... Но мы не можем удовлетворить их требования. Они непомерны.

— Значит, забастовка? Все движение в городе замрет на несколько дней в лучшем случае. Вот этого нельзя допустить!

— Что вы предлагаете, Рейнолд?

— Скэбы.

Баджер скептически присвистнул:

— Где их взять? Вы же знаете, что с ними сейчас не так просто. Вспомните последнюю стачку на бойне «Мит компани». Нашлось только несколько человек, и они не сделали погоды.

— Знаю. А вам, наверное, известно, что в Брисбене существует «Союз русских эмигрантов»?

Баджер кивнул головой.

— Руководит им некто Том Сергеев. Он отлично владеет английским языком. Попробуйте поговорить с ним. Может быть, он вас выручит? Найдет среди своих соотечественников людей, желающих подзаработать.

— Возможно, Рейнолд. Я воспользуюсь вашей идеей. Хотя не очень в нее верю, но утопающий хватается за соломинку. Где его можно найти, этого лидера?

Сенатор вызвал секретаря.

— Дайте мистеру Баджеру адрес «Союза русских эмигрантов», Майк. Ну, желаю вам успеха, Баджер, — сказал Рейнолд, протягивая руку. — Сообщите мне, как будут разворачиваться у вас события.

Прямо от Рейнолда директор отправился в «Союз русских эмигрантов». Обстановка в трамвайных парках настолько накалилась, что откладывать решительные меры стало невозможно. Вечером истек срок ультиматума, предъявленного профсоюзом трамвайщиков. Либо трест удовлетворит требования рабочих, либо завтра, в пятницу, на улицы Брисбена не выйдет ни один трамвай.

Алек с Артемом только что вернулись в «Союз» из порта, где они раздавали листовки. Надо было взять новые пачки и снова идти в порт.

— Отдохнем, покурим несколько минут, — сказал Артем, усаживаясь на стул и вытягивая ноги. — Ну, как тебе кажется, какое впечатление производят на людей наши воззвания?

— Читают с интересом. Почти никто не бросает листовки. Большинство кладет их в карманы.

— Ты знаешь, чего я боюсь, Алек? Провокаций. Их следует ожидать.

— А может быть, трест пойдет на уступки?

— Не думаю. Они объявили уже, что все останется по-старому...

Зазвенел колокольчик. Алек открыл дверь. На пороге стоял директор Баджер. Увидя важного, хорошо одетого джентльмена, Артем удивился, но не подал вида и вежливо спросил:

— Вы хотели кого-нибудь видеть?

— Мне нужен Том Сергеев.

— Это я. Чем могу быть полезен?

— Директор трамвайного треста, — представился Баджер и заметил, как удивленно поднялись брови у Артема. — Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз... — Он посмотрел на сидящего Алека.

— При нем можете говорить все. От него у меня нет секретов. Алек — мой ближайший помощник.

— Хорошо. Постараюсь быть кратким. Как я уже сказал, я представляю трамвайный трест. Возможно, вы слышали, что рабочие и служащие наших парков намереваются объявить забастовку. К сожалению, мы не можем удовлетворить их требования.

— Разве они выдвигают несправедливые требования? — перебил его Артем.

— Да. Чрезмерные. Поэтому нам хотелось бы найти на время забастовки людей, которые поработали бы у нас несколько дней вместо стачечников. Мы хорошо заплатим.

— И много вам нужно таких людей, мистер Баджер?

— Чем больше, тем лучше. Я не думаю, что мы займем их дольше, чем на неделю.

— Вам нужны сказки? Я правильно понял?

— Ну, если вам угодно, — замылся Баджер, — называйте их так. Это не имеет значения.

— Могу назвать их штрейкбрехерами. И вы пришли к русским в надежде, что они помогут тресту?

Директор в знак согласия наклонил голову.

— А не кажется ли вам, мистер Баджер, что вы предлагаете нам подлую сделку? Что подумают о нас австралийские рабочие, если мы сорвем им стачку? Получается так: австралийцы не пошли на подлость, а русские люмпены, эмигранты взялись за это грязное дело с удовольствием.

— Ну зачем же так?.. — протестующе поднял руку Баджер. — Всякое соглашение можно рассматривать с разных точек зрения.

— Нет, уж позвольте, мистер директор, называть вещи своими именами. Я должен вам сказать сразу. Вы пришли не по адресу. Рабочий везде рабочий. Будь то в Австралии, Франции или России. И предавать друг друга мы не собираемся. Наоборот. Встанем грудью на защиту интересов забастовщиков. Будем помогать им, как сможем и чем сможем. Вот так.

Баджер покраснел от гнева. Кто смеет с ним так разговаривать? Какой-то жалкий эмигрант, даже не австралийский подданный!

— Ну вот что, мистер Сергеев. Я не желаю слушать ваши объяснения. Нет так нет. Обойдемся и без вас. Только имейте в виду, мы найдем средства, чтобы укоротить вам язык, если вы посмеете ввязаться в наши личные австралийские дела. Вас они не касаются.

— Касаются. Личных австралийских дел не существует, — усмехнулся Артем. — Есть дела рабочих и дела хозяев. Вот отсюда и надо начинать.

— Прощайте, мистер Сергеев, — сказал Баджер, берясь за ручку двери. — Не забудьте того, что я вам сказал.

— Будьте здоровы, мистер Баджер. Не забуду. Каков гусь, а? — засмеялся Артем, поворачиваясь к Алеку, когда директор ушел. — Но, в общем, его посещение — плохой признак. Оно еще раз подтверждает, что русских считают штрейкбрехерами. Ну, ладно. Может быть, листовки разъяснят нашу позицию. Пошли, Алек. Хватит отдыхать. У нас еще много дела.

8

В пятницу жители Брисбена, как обычно, утром отправились на работу. Поодиночке, по двое и по трое они шли к многочисленным трамвайным остановкам. В этом растянутом на многие мили городе трамвай был основным средством передвижения.

Но трамваи почему-то запаздывали. На остановках скапливался народ. Его становилось все больше и больше. Самые нетерпеливые выходили на пути, с тоской глядели вдаль в надежде увидеть заворачивающий из-за угла вагон. Трамваи не появлялись.

— Черт бы их побрал! — ворчали начинающие нервничать люди. — Так и опоздать можно! Что они, загнули там?

В конце концов, ругаясь, так и не поняв, что могло случиться с трамваями, они стали торопливо расходиться. Времени до начала работы оставалось совсем немного. Только тот, кто проходил по главным улицам, уже знал, почему замерло движение в городе. Не очень стройно, окруженная молчаливыми полицейскими, шла колонна рабочих с транспарантами, на которых крупными буквами было написано:

«Страйк! Мы требуем увеличения жалования, объединения в свой союз брисбенских трамвайных рабочих, отмены штрафов... Движение в городе не начнется до тех пор, пока трест не ответит нам „да“».

У трамвайных парков толпились забастовщики. Ворота были закрыты. За ними сиротливо стояли неподвижные вагоны. Пикетчики пропускали в депо только по особым пропускам.

Алек шел вместе с небольшой группой русских рабочих. Они разделились с Артемом для того, чтобы вы-

ступать в разных местах. Накануне Артем призвал русских поддержать трамвайщиков. Решение было единым. Все, кроме нескольких человек, бросили работу. Они хотели дойти до трамвайного парка, там соединиться с забастовщиками и потом уже проследовать по всему городу.

У парка колонна остановилась. Пикетчики преградили ей путь. Кто-то истошным голосом крикнул:

— Скэбы пришли! Бей их!

Раздался свист. Из депо выбегали рабочие, вооруженные гаечными ключами, ломami и просто палками.

— Стой! — закричал Алек, поднимая кверху руки. — Слушайте меня! Русские поддерживают вас! Разве вы не слышали и не читали об этом? Мы с вами!

Пикетчики в нерешительности остановились. К Алеку подошел пожилой рабочий.

— Если так, то давай руку, дружище. А ты читал? — он протянул Алеку белый листок. — Видишь, что они пишут.

«Кто не хочет работать, пусть убирается и никогда не приходит обратно. Для него не будет места! Мы заменим таких честными рабочими. Никакого союза брисбенских трамвайщиков трест не допустит...»

— Теперь ты понял, почему мы хотели броситься на вас, парень? Приняли за скэбов, — сказал трамвайщик. — Нам стало известно, что трест выписал штрейкбрехеров из других штатов. Но мы не допустим их. Мы обратились ко всем владельцам гостиниц, хозяевам ресторанов и столовых, чтобы скэбам ничего не давали — ни жилья, ни пищи. Идите на площадь Дрейка. Там будет большой общий митинг. Ребята, — повернулся он к пикетчикам, — это друзья. Можете разойтись по местам.

Алек сунул ему в руку пачку воззваний:

— Раздай своим. Пусть знают.

Колонна двинулась дальше под приветственные крики пикетчиков.

— Чуть было нам не влетело, — засмеялся идущий рядом с Алеком Струмпе. — Это может повториться. Перепутают со скэбами и надают по шеем.

— Ничего, Эдгар Янович, не бойтесь. Разберутся.

Рабочие еще не дошли до площади, как из боковой улицы навстречу им вынырнули какие-то молодцы

в широкополых шляпах, сапогах со шпорами. Позади них бежали люди в обычной одежде, по виду чиновники или служащие.

«Кто такие? Фермеры? — мелькнуло у Алека. — Против нас?»

Но раздумывать уже было некогда. Фермеры, если это были действительно они, бросились на рабочих и с криками: «Русские люмпены, мутите честных людей! Заварили кашу!» — начали драку.

Но недаром у русских был опыт уличных демонстраций. Они знали, как надо защищаться. Через несколько минут кучку нападавших рассеяли, и они бежали.

— Вот сволочи, — сказал кто-то из демонстрантов, когда пошли дальше. — Кто это? Горожане?

— Тут, наверное, и горожане, и фермерские сынки. Буржуазное отребье. Не нравится им забастовка. Как же! Жизнь вышла из привычной колеи.

Так, переговариваясь, люди медленно двигались по улицам. На Тасман-стрит, у большой гостиницы «Кенгуру», внимание Алека привлекла необычная сцена. На тротуаре испуганно жались к стене дома десять, может быть, пятнадцать обтрепанных типов. Их окружали полицейские. С другой стороны входа в гостиницу с узелками и сумками в руках стояли мужчины и женщины. Хорошенькая девчонка, грозя кому-то кулаком, выкрикивала:

— Можете сами обслуживать своих скэбов! Убирайте за ними дерьмо и варите им жратву!

— Да уж, — сказал худой человек в белом переднике, обращаясь к Алеку, — я повар из этой гостиницы и пальцем не шевельну, чтобы накормить этот сброд...

— А что произошло? — спросил заинтересованный Алек, вспоминая то, что говорил ему пикетчик.

— Хозяин позволил поселить в «Кенгуру» скэбов, ну а мы все решили бросить работу и ушли.

— Правильно сделали. Пусть хозяин выкручивается как хочет.

— Во всех гостиницах то же. Придется им ночевать в полиции или в казармах...

Наконец колонна Алека добралась до площади Дрейка. Ее заполнила огромная толпа народа. Одновременно в разных местах говорили ораторы. Алек

увидел Артема. Он стоял на возвышении, устроенном из опрокинутых ящиков, и, энергично жестикулируя, говорил. Его мощный голос был слышен далеко.

— Не поддавайтесь провокациям и уговорам! Баджер с правительством пытается подменить вас штрейк-брехерами. Но это им не удастся. Всё честные рабочие вместе с трамвайщиками. Требуйте разрешения на организацию своего союза. Это ваше право. Рабочая партия Австралии переродилась. Как только ее лидеры вошли в правительство, они начали защищать интересы капитала. Они издают законы против стачек, они призывают полицию на борьбу с теми, кто недавно был их товарищем...

Люди одобрительно гудели. Вдруг задние ряды стали напирать на передние, толпа зашевелилась, и все побежали, стараясь скрыться в боковых улицах. Артем соскочил с ящиков и исчез среди рабочих.

Алек оглянулся. Сзади, прокладывая себе путь дубинками, в толпу врезался отряд полицейских. Они прорывались ко все еще говорившим ораторам. Кое-кто из рабочих пытался задержать их. Завязалась потасовка. Кричали женщины, плакали дети.

Откуда-то опять появились парни в широкополых шляпах. Они шли позади полицейских, прикрывая им тыл. Искривленные злобой, красные от алкоголя лица, обезумевшие глаза... Алек вспомнил Ригу и бежавшего на него солдата со штыком, пьяных черносотенцев... Все так похожел!

Он увидел молодую женщину, склонившуюся над лежащим на мостовой человеком, и парня, бежавшего к ней с поднятой над головой суковатой палкой. Алек бросился вперед, вывернул «оружие» из рук нападающего и нанес ему сильный удар. В следующую секунду он уже падал сам, теряя сознание от боли...

Алек очнулся в незнакомой комнате. Он попробовал пошевелиться. Голова раскалывалась на части. У кровати стоял старик с полотенцем. Он опускал его в таз с водой, мочил и прикладывал ко лбу Алека. Увидя, что раненый приоткрыл глаза, он улыбнулся:

— Пришел в себя? Здорово они тебя ахнули. Большая рана на затылке. Тебя притащили ко мне Гопкинс и Пери Слабыш. Им тоже изрядно намяли бока. Но и наши не остались в долгу.

— Кто вы? — простонал Алек, пытаясь приподняться.

— Меня зовут Самуэл Хьюдж. Я работаю сторожем у Гринфельда. Когда началась заваруха, я сидел дома. Так хотелось выйти на улицу, да отказывают ноги. Старею. А то бы я показал им...

— Как проходит стачка?

— Она еще не закончилась. Гопкинс говорил, что как будто Баджер пошел на уступки. Сейчас вырабатывают соглашение...

Алек хотел встать, но не смог. Он со стоном упал на подушку.

— Ты не торопись, парень. Полежи. Скоро должен прийти доктор.

— Мне бы добраться до дому.

— Успеешь. Все движение замерло. Утром, когда рабочие узнали, что трест выписал скэбов и хочет заменить трамвайщиков, все оставили работу...

— Все?

— Ну да. Сорок три профсоюза Квинсленда.

— Значит, получилась всеобщая стачка? Вот это здорово!

— Выходит, что так. Бастуют порт, моряки, железнодорожники, пищевики... Даже наш магазин отказался торговать. У нас тоже не обошлось без истории. Начальник отделения женского платья Карпентер произнес речь. Орал, что мы не должны поддерживать рабочих. Это, мол, не наше дело. Но девчонки так завизжали, что он еле унес ноги. Приехал сам Гринфельд, уговаривал не делать глупостей, кричал, что больше не возьмет на работу. Ничего не помогло. Пришлось закрыть магазин...

Алек плохо понимал старика. Ему стало хуже. Он видел какие-то странные, спутанные картины. Пароходы, толпы рабочих, Марту, Айну, Артема... Все кружилось в диком хороводе. Голова сильно болела.

Вечером к нему пришли Артем и хорошо одетый человек с чемоданчиком. Артем был обеспокоен состоянием Алека, присел на кровать, трогал ему лоб, спрашивал:

— Ну как ты? Очень болит? Тебе нанесли удар сзади. Ничего, до свадьбы заживет, — пошутил он и попросил человека с чемоданчиком: — Приступайте, доктор.

Врач внимательно осмотрел Алека и сказал:

— Рана неопасная, но потребует длительного лечения. Покой — лучшее лекарство. Как лечить, я напишу.

— Можно перевезти его домой?

— Да, конечно.

— Ну ладно, Алек. Рассказывать тебе сейчас ничего не буду, — сказал на прощание Артем, — но стачку мы выиграли. Ты бы видел, что делалось...

Алек остался на ночь у Хьюджа, а утром его на тележке, запряженной мулом, перевезли на Элизабет-роуд.

Дарья Степановна, увидев перебинтованную голову Алека, сейчас же решительно взяла бразды правления в свои руки, погнала мужа в аптеку и заявила, что она сама займется лечением больного. Через несколько дней он встанет на ноги. Она устроила Алеку постель и успокоилась только, когда убедилась, что ему удобно.

Алек лежал с закрытыми глазами. Говорить ему было трудно. Мысли вяло текли в больной голове. Алек перебирал в памяти все, что относилось к его знакомству с Айной. И это было приятным. Вот она в первый раз открывает ему калитку, вот он глядит на ее портрет на стене, вспомнилась их прогулка по темной Элизабет-роуд, ее смех и маленькая твердая рука... А какие у нее были грустные глаза, когда они прощались у магазина Гринфельда... Ведь с тех пор он не видел ее.

Опять появилась досада на себя, на глупое поведение в тот день. Почему он решил, что Карпендер нужен Айне? И вдруг пришла нелепая мысль: хорошо, если бы Айна всегда была с ним...

Его навещали товарищи по «Союзу». Приходили веселые, возбужденные. Рассказывали о драках на улицах Брисбена. Русским рабочим сильно досталось. Они приняли на себя первые удары, зато австралийцы поверили в них, и теперь слово «русский» звучит как пропуск на любое бастующее предприятие.

Но правительство ополчилось на русских. Оно не ожидало такой сплоченности и организованности.

Артем не появлялся. Он пришел только на третий день. Измученный, небритый, но его черные глаза лучились и сверкали энергией.

— Умираю от усталости. По десять длинных речей произношу. Все в разных местах, для разных слуша-

телей. Прямо сил нет. Но ты бы видел, какое единство! Хозяева положены на обе лопатки. Они вынуждены отступить от своих позиций...

Но вдруг лицо его омрачилось.

— Ты послушай, что про нас пишут. Хотят смешать с грязью, подорвать доверие к нам австралийских рабочих...

Артем вытащил из кармана смятую газету «Брисбен ньюс» и прочел:

— «...Озлобленные русские эмигранты в этот несчастный день с неслыханной жестокостью избивали граждан Брисбена. Тех, кто смело выступил против беспорядков. Почему этим людям не укажут на дверь? Неужели правительству неизвестно, кто приехал из России в Австралию? Террористы. Те, на чьих руках кровь лучших людей России. Все честные австралийцы требуют: вон из нашей страны русских!»

Артем сложил газету, сунул ее обратно в карман.

— Опасная провокация, — сказал Алек.

— Да. Это плохо. Можно ждать всего. Разговоры о выдаче русских эмигрантов царскому правительству раздаются в буржуазных кругах все чаще и чаще. Прощай. Поправляйся скорее. Ты очень нужен.

Алек и сам понимал это. Несколько раз он вставал, но сильная боль в голове укладывала его обратно в постель. Он часто терял сознание. Рана почему-то плохо заживала.

Как-то днем он заснул, а когда проснулся, увидел Айну, сидящую у его постели. Лицо у нее было бледное, похудевшее, глаза ввалились. Алек очень обрадовался:

— Неужели это вы, Айна? Почему вы так долго не приходили?

— А вы хотели, чтобы я пришла?

— Только об этом и думал, — сознался Алек.

— Так я вам и поверила. А не приходила я потому, что почти не бывала дома. Наш магазин участвует в стачке. Это вам известно? Мы охраняли входы в магазин.

— Пикетировали?

— Да. Я начальница пикета. Работы было много.

Айна рассказала о том, что хозяева сдались, но правительство озлобилось. Запретило забастовки, хотя конституцией они разрешены. Теперь стачки будут же-

стоко подавляться полицией. Кампания против русских эмигрантов в буржуазных газетах усиливается.

— Я выходила из продовольственного магазина, и одна дама уронила завернутый в бумагу апельсин. Какой-то кретин закричал: «Бомба!» Тут началась такая паника, вы себе не можете представить. Люди закричали, побежали... А вечером газеты вышли с крупным заголовком: «Русские террористы бросают бомбы!» Прямо дико! Серьезные люди могут писать такую чушь!

О многом Айна умолчала. Она не рассказала Алеку об избиении нескольких русских рабочих, учиненном конторскими служащими, и о том, что Гринфельд уже подготовил «черные списки». Наверное, она будет первой, кто потеряет работу. Атмосфера в городе была тревожной.

— Вы активный борец за дело рабочих, Айна.

— Я дочь рабочего и сама не белоручка,— вскинула голову девушка.— Иначе и быть не могло. Все мое окружение — рабочие.

— Но, честно говоря, меня поразила смелость ваших служащих. Как вы решились закрыть магазин? Ведь у вас девяносто процентов женщин.

— А вы что, не верите в женскую храбрость? Плохо вы нас знаете. К нам пришли забастовщики из депо и предложили прекратить торговлю. Мы и прекратили.

— Молодцы. А как себя чувствует Чарли?

— Не знаю. Мы разошлись с ним по политическим мотивам,— улыбнулась Айна.— И наверное, навсегда. Он вел себя недостойно в отношении всех наших служащих. Он держал сторону Гринфельда. Поправляйтесь скорее. Федору Андреевичу очень трудно. Папа говорил, что он спит по три-четыре часа в сутки. Минтинги, поездки по штату... Он, как цемент, спланивает всех в одно целое,

— Вы хотите, чтобы я поправился только потому, что трудно Федору?

— Совсем нет. Какой вы подозрительный, право. Прежде всего вы должны быть здоровым, а потом уже все остальное.

— Ну, если так, тогда постараюсь поправиться скорее.

— Вы все смеетесь. Я никогда не знаю, когда вы говорите серьезно, а когда в шутку.

Они посмеялись, поговорили еще о разных пустяках, и Айна, заметив, что Алек утомился, стала прощаться. Он долго не отпускал ее руку.

— Приходите почаще. Хорошо?

9

Австралия бурлила. То в одном, то в другом штате вспыхивали забастовки. Рабочие Брисбена не забыли «черной пятницы» и расправы, которую учинили над ними полицейские. Недовольство росло.

Алек поправился. Только на затылке остался белый глубокий шрам.

Артем сразу ввел Алека в курс событий.

— С нашей газетой дело плохо. Все средства истрачены на помощь бастовавшим русским рабочим. Придется подождать несколько месяцев. Зато каким авторитетом стали пользоваться русские! Наступило время создавать свою настоящую социалистическую рабочую партию. Марксистскую. В нее пойдут австралийцы. Наши идеи им понятны и близки. Уже есть желающие. Пока я организовал кружок. Между прочим, меня приняли в «Союз береговых рабочих». Значит, доверяют. В него не так-то легко попасть.

Алек видел, как возбужден Артем. Это возбуждение передалось и ему, и хотя он был еще слаб, с жаром принялся за работу. Он ездил в ячейки «Союза русских эмигрантов», проводил там беседы, выступал на митингах в Брисбене, появлялся у овцеводов, на скотовойнях.

Их с Артемом уже знали, встречали дружелюбно, охотно слушали. Идея создания новой рабочей партии имела успех. Правда, всеильные лейбористы косо поглядывали на такую деятельность, но Артем не обращал на них внимания. Алек чувствовал, что они делают большое и нужное дело.

Он снова вернулся в порт к Крембу. Пропагандистская работа пошла еще живее. Алек все время вращался среди рабочих.

Он с горечью ощущал, как мало еще знает. В новой для него обстановке борьбы австралийских рабочих встречалось много такого, что требовало знания экономики страны, законов, взаимоотношений между австралийскими капиталистами и рабочими, не хватало

марксистской теории, широты кругозора. Алек брал домой книги и читал их по ночам или обращался за помощью к Артему.

Артем охотно разъяснял непонятное. Казалось, он знал все. Откуда брались силы у этого человека? Он работал в порту, а кроме того, был партийным организатором и пропагандистом. Он успевал всюду. Читал. Готовился к выступлениям на русском и английском языках, писал статьи. Правду говорил Струмпе, что спит Артем не более четырех часов в сутки. Он заражал Алека своей энергией, не давал ему ни минуты покоя. Но, несмотря на такую напряженную жизнь, Алек был счастлив. Наконец он опять в гуще классовых боев, борется за идеи, ставшие для него самыми святыми.

Изредка он выкраивал час или два и бежал на Элизабет-роуд к Айне. Она всегда радовалась его приходу, расспрашивала о работе, интересовалась партийными делами. Алек мог рассказывать ей обо всем, что тревожило его, о своих успехах и неудачах, даже произносить речи, которые готовил к выступлению на следующий день.

После «черной пятницы» Айну уволили из магазина Гринфелда. Теперь она служила в другом, маленьком, на окраине. Работа оплачивалась хуже, но Айна не унывала.

Однажды Алек вернулся домой усталый и раздраженный. Хозяева уже спали. Речь, которую он произнес на бойне с призывом объединиться и вступить в новую социалистическую партию, не удалась. Он почувствовал это. Его слушали без интереса, вопросы задавали вяло. Он даже не мог объяснить, отчего так получилось. Кто-то из толпы иронически выкрикнул:

— Ты же не австралиец. Что тебе до наших дел?

Алек рассердился и, стараясь найти глазами говорившего, зло сказал:

— Посмотри на мою башку. Это я получил в «черную пятницу» от австралийского полицейского, защищая австралийскую женщину. А где ты был тогда? Сидел и смотрел в окошко?

В толпе одобрительно засмеялись, зааплодировали, а один рабочий крикнул:

— Ты бы уж помолчал, Снуки. Твое отношение к русским известно. Не обращай на него внимания, парень.

Но все-таки настроение было испорчено.

...На столе стояла тарелка, прикрытая салфеткой, и лежала записка от Дарьи Степановны: «Ешьте все, Алек».

Он не притронулся к ужину. Походил по комнате, и вдруг тоскливое чувство одиночества охватило его. Не было рядом никого, с кем можно поделиться своими неприятностями, кто терпеливо выслушает и утешит. Мысли его побежали к Айне. Наверное, если бы она была с ним, все стало бы по-другому. Они должны быть вместе. Кажется, она расположена к нему...

Алек заволновался, оглядел себя в зеркало, принялся лихорадочно переодеваться. Сменил рубашку, повязал галстук. Через минуту он был готов. А что, если Айна его не любит? Она стояла перед ним как живая. Он так хорошо изучил ее. Взгляд карих глаз, прямой и твердый... Он взглянул на часы. Поздно. Ну ничего. Возможно, Айна еще не спит.

Алек добежал до домика Струмпе и, как мальчишка, перелез через забор. Везде темно! Неужели ее нет дома? Это было бы ужасно. В другой раз он, может, и не решится сказать ей, что задумал сегодня...

Алек, как вихрь, ворвался в дом, влетел в гостиную. Никого! Он, не стучась, толкнул дверь в кухню. Айна была там. Стирала.

— Айна!

Девушка быстро обернулась. Улыбка осветила ее лицо.

— Алек?! Как хорошо, что вы пришли. Я так скучала сегодня. Мама с папой ушли в гости, а мне не захотелось.

Она стряхнула пену с рук, обтерла их передником и протянула Алеку. Он схватил ее руки, наклонился и поцеловал. Раньше он этого не делал. Айна вспыхнула:

— Что с вами, Алек? Я никогда не видела вас таким... О, как шикарно вы одеты! Даже галстук.— Она засмеялась. — В чем дело?

— Айна! Я хочу сказать вам...

В глазах Айны мелькнуло беспокойство.

— Я хочу сказать, что люблю вас и прошу стать моей женой...

— Предлагаете руку и сердце? Прямо из старинного романа. Классическое объяснение в любви...

Лицо у Айны было серьезным, но губы дрожали, глаза смеялись. В них появился какой-то новый свет. Алек поник. Все слова вылетели из головы. Зачем эта ирония? Отказ?

— Я люблю вас,—повторил Алек,—но, может быть, вы не любите меня? Тогда простите. Мне казалось...

Она тихо засмеялась и сказала прерывающимся голосом:

— Милый мой, длинный Алек... Я люблю тебя с тех пор, как увидела твои злые глаза, глядевшие на меня у магазина Гринфельда...

...В марте Алек и Айна поженились. Им устроили скромную свадьбу. Присутствовали самые близкие друзья из русской колонии и несколько австралийцев. Было весело, пели русские песни, танцевали, говорили тосты в честь жениха и невесты. Даже Алек выпил несколько бокалов вина.

Он не сводил глаз с Айны и думал о том, что вот в далекой Австралии он нашел свое счастье. Он был так благодарен за то, что она полюбила его.

...Однажды, гуляя в парке, вскоре после того, как Алек сделал предложение, он задал Айне мучивший его вопрос.

— Ты знаешь, чего я боюсь? — смущенно начал Алек. — Сумею ли я создать тебе такую спокойную жизнь, к какой стремятся все женщины. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю...

— Что-то не очень. Можно попроще?

— Проще? Пожалуйста. Если ты выйдешь за меня замуж, то должна быть готовой ко всем невзгодам, неприятностям и лишениям, которые могут выпасть на долю жены революционера. Ведь ты знаешь, чем занимается Артем, я, наши товарищи? И что ждет нас? Жизнь со мной не будет спокойной... Я должен был сказать тебе об этом.

Он замолчал. В памяти возникли рижская тюрьма, бледные, изможденные жены арестованных, свидания через двойную решетку, грубые, сальные насмешки надзирателей... Вот так, может быть, придется стоять у решетки и Айне... Вынесет ли она такую жизнь?

— Я готова ко всему, Алек, — услышал он ее тихий голос. — Я люблю тебя, и этого довольно, чтобы я перенесла все, если придется...

Он оглянулся и привлек ее к себе.

— Не бойшься?

— Я буду рядом, куда бы ни забросила тебя судьба. Помни об этом...

И теперь, глядя на сияющую, похожую на белый цветок Айну, он все еще не мог поверить своему счастью. Бурная волна нежности захлестнула его сердце.

Из-за стола с бокалом в руке поднялся Артем:

— Я хочу выпить за молодых. Будьте всегда счастливы! Держитесь крепче друг за друга во время жизненных штормов. Опередел ты меня, Алексей Иванович, утащил из-под носа невесту, пока я делами занимался,— шутил Артем.— А теперь по старому русскому обычаю — горько молодым! Горько!

Алек с удовольствием поцеловал Айну. Артем захлопал в ладоши, засмеялся:

— Что-то ты ее очень долго целуешь. Так неприлично.

Австралийцы непонимающе переглянулись, увидели, к чему привел тост Артема, и весело заорали:

— Горько! Горько!

Пришлось жениху и невесте поцеловаться еще раз. За столом сидели до утра. Уходя, Артем шепнул Алеку:

— Наверное, сегодня счастливый день. Приехал наш казначей и привез порядочную сумму денег. Можно будет выпускать газету. Я на седьмом небе. Скоро приступим к работе. Пусть твоя молодая жена привыкает и не сердится.

Он обнял Алека, прижал к себе, похлопал по спине и ушел, напевая какую-то песенку.

Алек поселился у Струмпе, в комнате Айны. Его жизнь мало чем изменилась после женитьбы. Он так же поздно приходил домой, читал по ночам и рано, чуть свет, уходил на работу в порт. Но теперь, когда он приближался к домику на Элизабет-роуд, сердце его нетерпеливо билось, и, когда он слышал легкие шаги Айны, бегущей открывать калитку, невыразимая радость охватывала его. Щелкала задвижка, весело лаял Вайси, и Айна попадала в крепкие объятия Алека. Он целовал ее, а она стояла с закрытыми глазами, подставляя свое лицо поцелуям.

Потом, взявшись за руки, они медленно шли к дому. Алек рассказывал ей, что произошло с ним за день. Нина Сергеевна кормила его ужином, и они отправля-

лись к себе в комнату. Алек брался за книги, а Айна или уходила помогать матери или делала что-нибудь свое.

Если она оставалась с ним, чтение совсем не шло на ум. Алек поминутно вскакивал, подбегал к жене, тормозил ее. Айна притворно сердилась:

— Оставьте меня в покое, мистер Лонг. Занимайтесь своими книгами. А то я опять буду виновата, что вы не успели сделать того, что надо. Я уйду.

— Нет, миссис Чибисова, вы не уйдете так просто. Я не отпускаю вас. Только за выкуп...

Начиналась возня. Алек хватал Айну на руки, носил по комнате, приговаривал:

— Что, попались? Ну, уходите, уходите, если можете. Выкуп!

Все кончалось жаркими поцелуями...

10

В конце апреля в Брисбен пришло страшное известие о Ленском расстреле в Бодайбо. Австралийские буржуазные газеты писали о «наглости восставших рабочих» и мерах, принятых правительством для подавления «бунта». Хвалили решительность губернатора, храбрость офицеров и указывали количество убитых и раненых. Цифры были чудовищными.

Алек узнал о Ленском расстреле в порту. Джонни, русский грузчик, сунул ему в руку газету:

— Вот почитай, что делают у нас в России, сволочи. Самих бы их всех перестрелять! Ведь одних убитых около трехсот человек. Уму непостижимо...

Алек побежал разыскивать Артема. Но докеры Фоя выгружали пароход в отдаленной гавани, и он не успел повидать его в обеденный перерыв. Пришлось ждать до вечера. Сразу после работы Алек пришел к Артему на Литл-Черч-стрит. Он весь кипел от возмущения и гнева. Не здороваясь, бросил газету на стол:

— Знаешь?

Артем тяжело вздохнул:

— Читал...

— Что будем делать?

— Революцию будем делать...— зло проговорил Артем. Он взял со стола папиросу и, нервно сломав несколько спичек, закурил.

— Я не о том. Что сейчас думаешь предпринять?

— Расскажем всей Австралии о расстреле. Надо, чтобы рабочие знали, как царское правительство по указке буржуазии расправляется со своими подданными. Ненависть должна подняться в их сердцах, и они поймут, что их не пожалеют, если...

— Не то, Федор,— перебил Алек.— Ты слишком далек от Лены. Ты не слышишь плача матерей, не видишь оставшихся сирот. Конечно, сидеть в Австралии, рассказывать о Лене спокойнее, чем защищать рабочих в России...

— Ну, давай дальше,— произнес Артем, и его темные глаза недобро сверкнули.

— Я уезжаю в Россию. Мое место там. Уничтожить надо всех повинных в этом преступлении. Пусть знают, что такие дела им с рук сходить не будут. За каждого убитого рабочего они заплатят собственными жизнями. Пусть боятся.

— Значит, террор?

— Нет. Возмездие. Кровь за кровь...

— Эх ты, марксист! — с сожалением и иронией, раздраженно швыряя в угол недокуренную папиросу, сказал Артем.— Правильно ты делаешь, что читаешь, набираешься ума. Но я вижу, что читать тебе еще много придется. Пока толку маловато. Я-то думал, что ты уже достаточно опытный большевик, чтобы понимать такие простые истины.

— Можешь думать, что хочешь. Я уезжаю. Хватит сидеть и разговоры разговаривать. Там люди умирают, борются. А мы здесь... Да что там говорить! Тебе и так все понятно.

— Понятно, что тебя надо гнать из партии большевиков. Ты же народоволец. Вот кто ты. Твое «возмездие» — тот же террор. Читал, что Ленин говорил о терроре?

— Читал. Это он писал до Ленского расстрела. Теперь, я уверен, он посмотрит на дело по-другому.

— Ну, ты совсем ошалел, брат.— Артем начал сердиться.— Да ты понимаешь, дурья твоя башка, какую ересь несешь? Мы должны развивать борьбу в мировом масштабе. Иностранная буржуазия и царское правительство для нас одинаково опасны. Здесь, в Австралии, нужна сплоченная партия, своя газета, в которой мы

будем рассказывать о таких событиях, как Ленский расстрел. Газета попадет ко всем товарищам, рассеян-ным по Австралии... Ведь ты пойми, что не только царское правительство и русские заводчики устроили эту неслыханную расправу, мировые хищники были подстрекателями преступления. С ними надо бороться.

Алек упрямо помотал головой:

— Я не могу сидеть сложа руки. Я должен ехать в Россию. Наймусь на пароход и уеду. Прощай.

Артем не ответил. Он был так разозлен, что даже не нашел слов на прощание.

Возвращаясь на Элизабет-роуд, Алек немного остыл. Первое чувство возмущения прошло, и он смог подум-ать обо всем спокойно. А может быть, Федор прав? Очень уж логично звучали его слова.

Он пришел домой расстроенный: была неприятна размолвка с Артемом.

— Что с тобой, Алек? — спросила Айна. — Ты чем-то огорчен?

Он протянул ей газету:

— Читала?

— Мы уже обо всем знаем. Какой ужас! Какая жестокость! — Слезы блеснули у нее на глазах. — Что же делать?

— Я считаю, что мы должны ехать в Россию.

Он, волнуясь, рассказал жене о своем разговоре с Артемом. Айна слушала его молча.

— Что ты скажешь? — спросил Алек, когда пол-ностью выговорился.

Айна прямо посмотрела ему в глаза:

— Мне кажется, что Федор Андреевич прав...

— Ну конечно, у тебя Федор всегда прав.

— Почему? Не всегда, — без улыбки сказала Айна. — Не сердись и спокойно все обдумай. По-моему, просто. Если убьют одного палача, появится другой. Нет, я не знаю, но бороться со злом надо иначе. Наверное, как говорит Федор Андреевич.

Спал Алек плохо. Его мучили сомнения. Из головы не выходил Ленский расстрел, и все еще казалось, что если он уедет в Россию, то принесет больше пользы, чем здесь. Но мало-помалу он пришел к убеждению, что Артем прав. Он понял, что поездка в Россию ничего не изменит. Пользы от нее не будет. И террор, конечно, не метод...

Рано утром Алек поспешил на Литл-Черч-стрит. Он хотел застать Артема до того, как тот уйдет на работу. Артем стоял перед зеркалом с намыленным лицом и брился, подсовывая язык то под одну, то под другую щеку. Он положил бритву на умывальник и холодно взглянул на Алека:

— Что тебе, Алексей Иванович? Кажется, мы вчера все выяснили... Я думал, что ты уже на пути в Россию.

Алек улыбнулся:

— Уж больно ты грозен, как я погляжу. Скажу сразу, зачем пришел. Ты был прав. Во всем прав. Я всю ночь думал об этом.

Глаза у Артема радостно вспыхнули.

— Тогда другое дело. Садись. Ты теперь-то понимаешь, что наша партия давно осудила террор как средство борьбы? Тебе не знать этого непростительно.

— Наверное, простительно. Первое веление сердца — ехать туда, в Россию. Чем-то помочь. Наказать виновных. Понимаешь?

— Ты думаешь, что сердце у меня болит меньше, чем твое? Хватит. Завтра устроим собрание «Союза». Там поговорим.

Собрание было бурным. Оказалось, что многие русские тоже хотели ехать в Россию. Ехать немедленно, бороться с царскими прислужниками, уничтожать их. С такими речами выступили некоторые горячие головы. Но железная логика Артема, его доводы и разъяснения быстро охладили их пыл.

Последним выступил Алек. Он честно признался, что в первый момент, не подумав как следует, тоже хотел бросить все и ехать на родину. Теперь же полностью согласен с Артемом.

— ...Но мы, оставаясь здесь, в Австралии, не будем пассивными наблюдателями,— сказал он, заканчивая свое выступление.— Каждый из нас должен стать пропагандистом, рассказывать правду о Ленском расстреле, разоблачать сообщения буржуазных газет. Если австралийские рабочие поймут всю подлость царского правительства, это станет большим делом.

11

Наконец вышел первый номер газеты «Эхо Австралии». Это был настоящий праздник для колонии. Газета на русском языке! Ее раскупили мгновенно.

Сначала всю работу по выпуску газеты Артем взял на себя. Он стал главным редактором, он писал статьи, вычитывал корректуру, рассылал номера подписчикам, вел переписку с корреспондентами, занимался переводами. Ко всему этому Артем еще работал в порту, и такая нагрузка оказалась для него непосильной. Вскоре часть ее он передал Алеку. Тот с жаром принялся за дело. Билл Корнеев выполнял техническую работу.

«Эхо Австралии» стала боевой газетой. Она живо откликалась на все самые важные вопросы жизни. Она печатала материалы о классовых боях, осуждала политику «рабочего правительства», лживую австралийскую демократию и разоблачала миф о «счастливой стране».

«Демократическое правительство» зорко присматривалось к новой газете. Этот небольшой листок мешал ему, как кость, застрявшая в горле. Надо было принимать меры, нападать...

...Королевский судья сэр Эндрью Бартон, по английским понятиям, совсем молодой человек (он не достиг еще сорока лет), был разгневан. Только что ему принесли свежий номер газеты «Эхо Австралии», и переводчик услужливо перевел ему все напечатанные там статьи. Он прочел такое, от чего у сэра Бартона закололо сердце. Нет, действительно, наглость русских не имеет границ! Подумать только... «Рабочее правительство предаст интересы своего класса и плетется на поводу у капиталистов... Русских эмигрантов используют как рабов на самых тяжелых и плохо оплачиваемых работах... Рабочие Австралии должны объединиться и требовать от предпринимателей улучшения жизненных условий, повышения жалованья...» Это уж прямой призыв к бунту! А рассказ о гибели двадцати шести рабочих на предприятии мясного треста «Мит компани лимитед»... Конечно, трест сделал ошибку, что не позаботился своевременно произвести переоборудование, но совсем не следует так широко оповещать об этом население. Чего не бывает!

Правда, сэру Бартону известно и кое-что другое... Министр Лайонс и министр Юз вложили немалые деньги в трест. Юз, старый лейборист, когда-то ярый защитник рабочих, теперь так далеко отошел от них. Понятно, член правительства... Надо поговорить с Юзом.

Судья снял трубку, нажал кнопку и попросил телефонную станцию соединить его с Юзом.

— Хэлло, Уильям. Доброе утро. Это Бартон. Благодарю вас, все идет хорошо. Я вот по какому поводу. Мне принесли русскую газету «Эхо Австралии». Там снова поднимают вопрос об этой истории с гибелью двадцати рабочих на мясозаводе. Помните?

На другом конце провода послышался кашель, и хриплый голос произнес:

— Все помню. Трест заплатил семьям пострадавших. И довольно писать и говорить об этом. Дело закончено.

— Как видите, пишут и говорят. Пишут о том, что трест заплатил гроши, но никакие деньги не могут вернуть к жизни кормильцев. Надо закрыть предприятие или заново его переоборудовать.

— Дело закончено, — опять проскрипел Юз. — Я думаю, что вы найдете средства заткнуть рты клеветникам.

Бартон помолчал.

— Все будет зависеть от закона. Просто так мы не можем ликвидировать газету.

— Я не сомневаюсь, что вы разыщете что-нибудь. Хватит о газете. Вы говорили мне, что хотите купить дом на побережье? Я могу помочь вам. Очень хороший, а главное — очень дешевый дом, Энди. Для вас он будет дешевый... Хе-хе. Вы поняли меня? Ну, до встречи.

«Хитер старик, — подумал Бартон, кладя трубку, — хитер. Ну ладно, пороемся в законах».

Он подошел к длинному стеллажу, уставленному толстыми книгами с позолоченными корешками. Своды законов, постановления, указы — все было собрано здесь. Бартон вытащил один том, полистал, присвистнул, уселся в кресло и углубился в чтение. Кажется, он нашел, что ему нужно. Старый закон от тысяча восемьсот тридцать шестого года, написанный еще для каторжных поселений Австралии, давал властям право запрещать выпуск всех газет, если они призывали к публичным выступлениям. Да тут есть еще уйма всяких подходящих пунктов. Отлично, скоро машина закрутится.

Бартон снова взял трубку и позвонил домой.

— Мама, — сказал он веселым голосом. — Сегодня вечером мы поедем смотреть дом на берегу. Ну да, тот, который вам так понравился. Да, да. Можем захватить и Оливию. Это ей доставит удовольствие...

...Через несколько дней газету «Эхо Австралии» запретили.

— На каком основании? — спросил возмущенный Артем. — Ведь мы живем в свободной демократической стране.

— Тут в постановлении все сказано. — Полицейский притронулся к фуражке. — Надеюсь, что нам не придется применять к вам более строгие меры?

— Не придется, смею вас заверить, джентльмены, — саркастически проговорил Артем. — Мы дисциплинированные граждане Австралии.

— Как же теперь быть? — спросил Алек, когда судебный исполнитель и полицейский ушли. — Подписчики с нетерпением ждут газету.

— Они ее скоро получат. Прежде всего, газету закрыли не на век, а потом есть выход. Объявим издателем Билла Корна, назовем газету по-другому, подыщем новое помещение и снова будем выпускать. Вот так. Первое время, конечно, придется печатать с осторожностью.

К большому удивлению Алека, Артем тотчас же принялся за организацию новой газеты. И верно, не прошло и недели, как в Брисбене появилась русская газета «Жизнь рабочего». Алек снова с азартом принялся за работу. Он почти полностью освободил Артема от газеты. Федор Андреевич создавал новую социалистическую партию, читал лекции в кружке, писал рефераты, выступал на митингах. Да и Алек с трудом успевал делать все, что было надо.

В конце концов Артем сказал ему:

— Придется тебе уйти из порта и заняться только газетой.

— А на что жить?

— Положим тебе три фунта в неделю, будем выплачивать за счет газеты. Я понимаю, это мало, в порту ты зарабатывал больше, но другого выхода нет. Ты грамотный человек, хорошо знаешь английский и, как я вижу, имеешь некоторые журналистские способности. Так что придется тебе соглашаться.

— Да я ничего и не говорю. Раз надо, так надо. Думаю, что и Айна ничего не будет иметь против.

— Тем лучше. Уходи из порта. Я буду помогать тебе перед каждым выпуском номера.

С тех пор как Алек оставил Кремба, он почти совсем перестал бывать дома. Газета отнимала все его время. Теперь он с удвоенным вниманием выполнял свои обязанности. Артем появлялся только перед выходом номера в свет. Прочитывал материал, кое-что исправлял, иногда писал короткие статьи.

Алеку приходилось много читать, проверять сообщения корреспондентов, выезжать из Брисбена на места происшествий. Самостоятельная работа в газете требовала много сил.

Айна приняла его новое положение с удовлетворением, хотя денег в семье уменьшилось. Она радовалась тому, что Алеку не приходится тяжело работать в порту и ему поручили такое важное, ответственное дело. Только его постоянные задержки допоздна в редакции огорчали ее. Правда, и до этого она не была избалована тихими вечерами, проведенными с мужем.

— Ну что же делать, мама,—пожимала она плечами, когда Нина Сергеевна сетовала на отсутствие Алека.—Ты сама понимаешь, как важно то, что он делает. Тебе, наверное, говорил Федор Андреевич? А любить меня он станет больше. Я не успею ему надоесть.

На самом деле она очень тосковала по мужу. Ей не хватало тех коротких минут, что они бывали вместе, но Айна держалась стойко, не упрекала его, не показывала виду.

Удивительный был у нее характер. Спокойный, уравновешенный. Алек знал, что если Айна что-нибудь говорит, то говорит искренне и не покривит душой ни при каких обстоятельствах, даже если ее слова будут неприятны собеседнику. И вместе с тем все она умела сказать так, чтобы не обидеть человека. Чем больше он узнавал ее, тем ближе становилась ему Айна, тем больше он любил ее. Часто он спрашивал у нее совета.

— Я не знаю, может быть, я не права, но мне кажется, что надо поступить так...—мягко говорила Айна.

Как-то в редакцию пришел Артем и сказал Алеку:

— Придется тебе на несколько дней поехать в Сидней. Ты уже знаешь, что там началась стачка рабочих газовых заводов. Мы собираем для них деньги. Эту стачку запретило правительство. А она все-таки разыгралась. Надо посмотреть своими глазами, что там про-

исходит, и дать несколько ярких корреспонденций в «Жизнь рабочего». Найдешь там Комлева, он тебе во всем поможет.

Алек поехал в Сидней. То, что он там увидел, еще раз показало: надеяться на профсоюзы рабочие не могут. Лидеры тред-юнионов были против стачки. Но забастовка прорвала все препятствия и разлилась по городу, как бурная река.

— Сейчас наступил решающий момент,— говорил Алеку Комлев, русский рабочий на одном из газовых заводов, когда они сидели в его маленькой квартире.— Правительство выпустило воззвание к населению Сиднея. К сожалению, у меня его нет, но я читал. Примерно вот что там писалось: «Честные граждане Сиднея! Мы призываем вас всех занять места дезертиров, лишивших город нормальной жизни. Мы должны доказать, что обойдемся без них. Пусть знают это и сделают выводы. Записывайтесь у наших представителей...» Примерно смысл такой.

— Ну и как, нашлись желающие среди «честных граждан» Сиднея?

— Много. Вчера начали вербовку. Записались студенты, врачи, спортсмены, лавочники... Завтра они начинают работать. Это надо посмотреть. Давайте пойдем к заводу утром?

— Непременно. За тем, собственно, я и приехал, чтобы посмотреть все самому.

— Не знаю только, как они смогут работать. Ребята из других профсоюзов не хотят грузить уголь и смазочные масла для газовых заводов. А без угля и масла, сам понимаешь, машины не пустишь.

На следующий день, рано утром, Алек и Комлев отправились к газовому заводу. На улицах чувствовалось необычайное оживление. Большие группы рабочих шли поглядеть, как же «честные граждане» справятся с тяжелой работой.

У завода, где работал Комлев, цепочкой стояли хмурые полицейские. Они не пропускали за ворота ни одного человека. Рабочие остановились неподалеку и ждали, обмениваясь шутками, когда же наконец появятся их «дублеры».

Спустя минут пятнадцать подошла колонна хорошо одетых людей. Их охраняли полицейские. Высокопоставленные скэбы с гордым видом проследовали к воротам.

Среди них был и лорд-мэр. Он тоже шел работать, бросая вокруг насмешливые взгляды. Кто-то из толпы рабочих весело крикнул:

— Сними цилиндр, Фредди. Тебе придется жарко.

Лорд-мэр оглянулся и так же весело бросил в ответ:

— Не беспокойтесь, мальчики. Мы покажем вам, на что способно население Сиднея, и тогда берегитесь...

— Смотри не наделай в штаны, когда станешь поднимать тяжести!

Град насмешек посыпался из толпы рабочих.

— Эй ты, глиста,— заорал один из молодых газовщиков, выбрав своей мишенью высокого худого человека в белом спортивном свитере.— Не переломись надвое. Это тебе не в гольф играть, тут работать надо!

Полиция принялась отгонять рабочих, ворота распахнулись и пропустили новоиспеченных специалистов. На некоторое время все затихло. Рабочие не расходились. Алек увидел, как во двор завода привезли корзины с лимонадом и фруктами.

— Не поможет им даже такое угощение,— засмеялся человек, стоящий рядом с Алеком.— Придется нелегко.

Над высокой заводской трубой появился жиденький дымок.

— Котел затопили. Ну, посмотрим, что будет дальше.

Прошло не более двух часов, а на заводской двор уже начали выбегать люди. Вид у них был уже совсем не такой блестящий и боевой, как утром. Утирая катившийся пот, они жадно и много пили, дышали широко открывая рты, и медленно, неохотно возвращались обратно.

Рабочие не таясь радовались. Снова через решетку ворот понеслись ядовитые реплики:

— Как вы себя чувствуете, джентльмены? Не помочь ли вам? Только тогда придется заплатить нам то, что мы просим.

— Эй, там, справа, пуздрон, выпей еще бутылочку, может быть, тебе станет легче. Когда выйдешь отсюда, будешь весить на двадцать фунтов меньше. Тебе полезно.

Появилась карета скорой помощи. Ее вызвала администрация завода. Как только лошади въехали во двор, из помещения вынесли на носилках двух человек.

Им сделалось дурно от вонючего, отравленного воздуха. Вскоре на двор стали выходить остальные. Они в изнеможении садились на скамейки и больше уже работать не шли, несмотря на непрекращающиеся насмешки.

Дольше всех продержался лорд-мэр. Он трудился четыре часа. Но какой у него был вид! Потный, грязный, измученный... Он, как и все другие, жадно глотал воздух и пил лимонад. Обрато на завод он не возвратился. Наконец все скэбы, вероятно, решили, что работали достаточно, принялись приводить свои костюмы в порядок. «Работу» закончили. Снова открылись ворота, и эскортируемые полицией «честные граждане Сиднея» вышли на улицу. Толпа редела от восторга.

— Фредди, ну скажи, если ты честный человек, как тебе пришлось у газгольдеров? Туго?

И тут лорд-мэр сказал свою знаменитую фразу, которая наделала много шума в стране:

— Работа адская. Я удивлен, почему вам отказываются платить по десять шиллингов. Вы должны получать больше...

Такого скандала, кажется, не вызывала еще ни одна стачка Австралии.

Забастовку газовщики выиграли.

— Передай спасибо Тому и всем квинслендским рабочим. Они нам здорово помогли материально и морально,— говорил на прощание Комлев садящемуся в поезд Алеку.— Тебе будет что написать в газете. И не забудь рассказать, как мы с тобой ходили на завод. Давай руку.

Алек возвращался в Брисбен окрыленный. Рабочие одержали еще одну победу.

18

Правительство не забыло стачки газовщиков в Сиднее. Оно прекрасно знало, какую роль сыграли в ней рабочие Квинсленда. Знало и о больших денежных суммах, собранных для забастовщиков. Многочисленные открытые митинги в защиту стачечников, которые провели в Брисбене Артем и его товарищи, вызвали сильное недовольство в правительственных кругах. Королевский судья Бартон требовал применения строгих мер.

Но, по конституции, воскресные митинги на открытом воздухе разрешались, и это осложняло дело.

— Мы не можем в дальнейшем допускать подобное подстрекательство,— раздраженно говорил судья начальнику брисбенской полиции Коллинзу.— Не можем. Вы понимаете, к чему ведут такие выступления? Вы ссылаетесь на конституцию, на закон, Коллинз. Но всякий закон можно толковать по-разному. Подумайте, как нам пресечь вредную агитацию.

— Хорошо, сэр,— сказал Коллинз, выслушав советы Бартонна.— Мы примем меры.

«Меры» оказались чрезвычайно простыми. В следующее воскресенье митинг на площади Дрейка, собравший несколько сот человек, полиция разогнала.

Артем был вне себя.

— Ну хорошо же,— говорил он, сжимая кулаки.— Значит, открытая война! Хорошо. Мы должны говорить. Если только смиримся, замолчим, не будем сопротивляться полиции, допустим ограничения свободы слова, последуют еще более серьезные наступления на наши права. Я думаю, это ясно всем.

Митинг назначили на будущее воскресенье, а в четверг Артем отправился в полицию за формальным разрешением. Так делалось всегда. Обычно разрешение выдавали без задержки, но на этот раз Коллинз принял Артема очень холодно.

— Мистер Сергеев,— сказал он, потирая свои большие руки,— такого разрешения вашим социалистам я не дам.

— Но почему? Запрещение идет вразрез с правами, данными конституцией гражданам Австралии.

— Конституция разрешает выступления, направленные на благо страны, и потом вы не австралийский гражданин...

— В законе не говорится об этом. Митинги в воскресенье разрешены вообще и всем,— отпарировал Артем.— Например, «Армии спасения» вы беспрепятственно разрешаете публичные выступления. Почему?

— Она проповедует слово божие. Не будем терять напрасно время, мистер Сергеев. Выступления социалистам я не разрешаю, а если вы нарушите мой запрет, ваши ораторы пойдут под суд. До свиданья.

Артем, чертыхаясь, покинул полицию. Полный произвол! Что хотят, то и делают. У кого власть, у того и сила. Он вернулся в «Союз эмигрантов», где его с нетерпением ожидали товарищи.

— Митинг не разрешили, но мы его все равно проведем. Будем говорить в разных местах. Я — на площади Дрейка, Алек — у Гамильтон-сквера, Джеймс Олвин — на улице Железнодорожного переезда. О чем говорить, вы знаете.

В воскресенье Алек поднялся рано. Он бегом просмотрел свои заметки. Артем поручил ему рассказать о борьбе рабочих в России и призвать к слиянию всех профсоюзов в один, для того чтобы создать мощную силу, способную противостоять натиску буржуазии. Лидеры должны быть смены на подлинных защитников рабочих...

Айна еще спала. Он не стал будить ее, на цыпочках прошел в кухню, съел заботливо приготовленный с вечера завтрак и вышел на улицу. Солнце сияло, воздух был прозрачен и чист. Алек чувствовал себя полным сил и очень счастливым. Он немного волновался, как всегда перед публичными выступлениями, но знал, что это чувство пройдет сразу же, как только он начнет говорить, как только появится контакт с аудиторией.

На улицах еще было мало народа, тихо, и он шел не торопясь, наслаждаясь прогулкой. Из головы не выходил Артем. Несколько дней назад он застал его одного. Он сидел за столом, уронив голову на руки. Его поза указывала на безысходную тоску, охватившую этого всегда жизнерадостного и сильного человека.

Алек негромко позвал:

— Федор Андреевич!

Артем не пошевелился. Тогда Алек, вспомнив его особенность ничего не слышать, когда он думал о чем-нибудь, положил ему руку на плечо. Артем поднял голову.

— Что зажурился, Федор Андреевич? — мягко спросил Алек. — Какие-нибудь неприятности?

Артем ничего не ответил, не улыбнулся, и Алек понял, что его что-то мучает.

— Ну что с тобой, Федор? — повторил Алек. — Скажи, легче станет.

— Ерунда все... — с тоской проговорил Артем, глядя на Алека грустными глазами. — Ты что же думаешь, мне хорошо живется? Один я, понимаешь, один. Ты вот нашел свое счастье... Нет, нет, ты не думай, я не зави-

дую, я рад. Но иногда мной овладевает такая тоска... В Россию бы мне...

— В Россию все хотят, Федор Андреевич.

— Я понимаю. Это так, к слову. Обычно плохое настроение у меня бывает редко, за работой забываюсь.

— Ты бы нашел себе подругу по душе. Сколько их тут...

Счастливый Алек был готов подарить Артему всех австралийских девушек.

— Если бы все решалось так просто,— невесело усмехнулся Артем.— Ведь сердцу не прикажешь. Не в магазине костюм выбирать, а друга на всю жизнь. Пока не встретил такую. Ну, ладно. Не будем больше про это. Все в порядке.

Артем встал, улыбнулся, но тоска в глазах его осталась.

Сейчас, идя по залитой солнцем улице, Алек вспомнил Айну, ее улыбку и с еще большей силой ощутил полноту своего счастья. Ему даже как-то совестно было перед Артемом. Чем же помочь другу? В таких делах помочь трудно. Правильно сказал Федор: не костюм в магазине выбираешь...

До начала митинга Алеку нужно было зайти к Роберту Дэви. Он работал кузнецом на одном из металлургических заводов компании «Брокен Хил». Вчера они вместе придумали кое-что на случай, если полиция попытается сорвать митинг.

Дэви уже ждал его. Увидя Алека, Роберт засмеялся:

— Здорово! Все приготовлено, Лонг Алек. Пошли. Часика два им придется помучиться...

— Ты ничего не забыл? Взял инструмент?

— Я же сказал — пошли.

Роберт взвалил на спину небольшой, но, видимо, тяжелый мешок, и они зашагали к Гамильтон-скверу, где Алек должен был выступать. Минут через пятнадцать они дошли до места. Здесь Алек встретил нескольких своих знакомых. Они подходили к нему, жали руку, спрашивали о новостях. Ведь он, редактор газеты, должен знать больше остальных. Мало-помалу собралась порядочная толпа. Алек встал под деревом, поднял ладонь вверх, начал:

— Леди и джентльмены! Сегодня митинг будет проходить несколько необычно. Вы, вероятно, уже слышали, что полиция запретила нам публичные выступления?

Поэтому я буду медленно передвигаться по улице, а вы потихоньку следуйте за мной. Я думаю, что вы услышите все.

В толпе засмеялись:

— Валяй, говори на ходу, Алек. Для нас все равно.

Алек начал говорить. Он делал несколько шагов, останавливался, говорил, снова медленно двигался и снова говорил. Люди следовали за ним. Так спокойно прошло около получаса, но вот появился полицейский. Квартальный Джек Вебстер. Джека многие знали и встретили его шутками:

— Тебя только и не хватало здесь, Джек. Ты, наверное, хочешь помешать нашей прогулке?

— Кончайте говорильню,— заорал полицейский, пробываясь к медленно двигающемуся Алеку.— Закрывай собрание! Или ты не знаешь постановления начальника полиции?

— Здесь нет никакого собрания, сэр,— сделав невинную физиономию, проговорил, останавливаясь, Алек.— Я разговаривал с приятелями и шел, куда мне надо. Сам не понимаю, почему люди следуют за мной.

— Не валяй дурака. Сейчас же расходитесь и прекратите митинг, не то ты прямым ходом отправишься со мной в тюрьму.

— За что? Нигде не сказано, что социалистам запрещено ходить по улицам.

Препирательство, вероятно, продолжалось бы еще некоторое время, но пришел другой полицейский, отозвал Вебстера в сторону и что-то зашептал ему на ухо.

— Ладно, сейчас,— недовольно отмахнулся Джек и погрозил кулаком Алеку:— К сожалению, я должен уйти, но я вернусь через двадцать минут. Чтобы здесь не было ни одного человека. Вы поняли?

— Не беспокойся, Джежки. Все будет ол райт. Можешь уходить спокойно. Мы тебя не подведем,— заорали из толпы.— Проваливай побыстрее.

Когда полицейские ушли, Алек, улыбаясь, сказал:

— Надо менять тактику. У меня еще есть что сказать вам, а он ведь вернется и не даст говорить. Пожалуй, я залезу на дерево.

— Лезь! Оттуда мы услышим тебя еще лучше.

Алек влез на дерево, уселся поудобнее на сук и снова начал говорить. Но не успел он произнести и двух слов, как снова появился Вебстер.

— Теперь ты забрался наверх и продолжаешь болтать оттуда? А ну слезай сейчас же!

— Мне здесь удобно, сэр,— потешался Алек.— И я молчу.

— Слезай немедленно. Не то я тебя сниму сам...

Под свист и улюлюканье Вебстер полез на дерево.

— Не лезьте на мою ветку, сэр,— испуганно закричал Алек.— Она не выдержит двоих!

— Слезай!

— Но вы меня арестуете тогда, сэр?

— Там будет видно. Слезай.

— Я не хочу в тюрьму,— издевался Алек.

Вебстер перебрался поближе к Алеку. Ветка затрепала и обломилась. Под восторженный гогот толпы оба неуклюже прыгнули на землю.

— Я же вас предупреждал, сэр,— проговорил Алек, обтирая платком поцарапанные руки.— Так должно было случиться. Вы не ушиблись?

— Ну вот что,— строго сказал полицейский.— Хватит шуток. Я тебе говорю в последний раз. Прекращай митинг и не заставляй меня тащить тебя в тюрьму.

Он повернулся и, грубо расталкивая людей, ушел.

— Давай дальше, Лонг Алек. Он больше не придет. Ты же еще не кончил?

— Ладно, парни, продолжим. Но для этого надо прежде произвести кое-какие работы. Роберт, иди сюда,— позвал Алек стоящего невдалеке Дэви.— Я думаю, что этот столб подойдет? — Он встал у фонарного столба: — Начинать, Роберт.

Дэви подошел, вытащил из своего мешка две толстые цепи с кандалами на концах, обкрутил их вокруг столба, надел кандалы на руки и ноги Алеку, защелкнул их и приклепал к столбу.

— Что ты делаешь? — завопили в толпе.— Зачем это надо?

— Пусть теперь попробуют увести меня отсюда,— засмеялся Алек.— Потребуется время. А мы поговорим.

Рабочие зааплодировали. Поняли, что задумал Алек.

— Итак,— начал Алек.— Все вы читали листовку, выпущенную комитетом борьбы за свободу слова, «Обращение к здравому смыслу»? В ней сказано обо всем, что нас волнует. И о свободе слова тоже. Мы имеем

право на свободу слова, на забастовки, на объединения в партии и союзы. Почему правительство устраивает гонения на социалистов? Да потому, что они говорят правду. А правда для них хуже смерти. Сейчас наши ораторы говорят повсюду, в разных местах Брисбена. У нас нет разрешения от полиции, но мы не сдадимся и будем говорить хоть в таком виде...— Он потряс цепью.— Мы не предадим...

— Полиция! — вдруг закричал кто-то перепуганным голосом, и, раздвигая людей, к Алеку подъехала тюремная карета с решетками на окнах, запряженная двумя лошадьми, — «черная Мери», как ее называли австралийцы. С подножки соскочил Вебстер и еще один полицейский.

— Продолжаешь болтать языком? Я так и знал! — заревел вконец обозленный Джек, почувствовав в неповиновении Алека удар по престижу власти.— Сейчас ты замолчишь надолго. Поехали!

— Я не могу отойти от столба, сэр, — жалобно проскулил Алек. — Рад бы, но не могу... — И продолжал своим обычным голосом, обращаясь к рабочим: — Конституция разрешает митинги по воскресеньям, а начальник полиции издает запрещающий циркуляр. Разве мы живем не в свободной демократической стране? Разве это свобода слова, которую нам даровала конституция? Мы даже не имеем права...

— Замолчи! — закричал Вебстер. Он дернул Алека к себе и только сейчас заметил цепь и кандалы на его руках.

— Эй, люди! — обернулся он к толпе. — Нет ли у кого-нибудь из вас ножовки и хорошего зубила? Ведь надо же освободить человека.

— Освободить, чтобы увезти в тюрьму, Джек? Мы тебя понимаем. Но мы не носим с собою инструмент, когда ходим на прогулку в воскресенье, — хохотали рабочие. — Давай, Лонг Алек, давай!

И пока полицейские в замешательстве топтались вокруг Алека, он продолжал говорить.

— Быстро поезжай и достань где-нибудь инструмент, — шепнул Вебстер своему коллеге. — Не то этот тип будет трепаться до вечера.

Полицейский вскочил на подножку, и «черная Мери», громыхая колесами, покатила обратно. Прошло не менее получаса, прежде чем он вернулся с инструментом.

Алек давно закончил приготовленную для митинга речь, но не переставал говорить. Он хотел использовать каждую минуту своего необычного положения. И он говорил... Об эксплуатации, о русских эмигрантах, о подневольном труде на овцеводческих фермах, о стачке газовщиков в Сиднее... Обо всем, что приходило в голову.

Тем временем оба полицейских пытались освободить руки Алека от кандалов. Но Роберт Дэви знал свое дело. Замок не открывался никакими силами. Тогда полицейские принялись пилить цепь. Это было комичное зрелище. Два уже немолодых человека по очереди принимались за работу,тирали пот, отдувались и опять брались за ножовку, а Алек продолжал говорить. Из толпы сыпались веселые советы:

— Рубите заклепки! Скорее будет...

— Ну как? К завтрашнему дню закончите? Вы ее зубилом, зубилом...

— А теперь, друзья,—говорил Алек,—споем нашу любимую песню «Красное знамя». «Поднимите красное знамя, под его сенью мы живем»,—запел он, и люди подхватили слова. Их знали все.

Под бунтарскую песню закончили свою работу и полицейские.

— Пошли,—толкнул Алека Вебстер.—Довольно драть глотку.

— Вы забыли про мои ноги, сэр. Они тоже прикованы. Придется еще немного поработать.

Полисмен выругался. Ничего не оставалось делать, как продолжать осточертевшую работу. Он со злостью схватил ножовку и начал пилить вторую цепь. Ни на чью помощь рассчитывать не приходилось.

Только через час Алек был «освобожден». Его пинками загнали в карету. Полицейских осыпали насмешками.

— Не бойся, Алек,—кричали рабочие.—Мы заплатим за тебя выкуп. Они завтра выпустят тебя под залог. Молодец, Лонг Алек! Ты показал, на что способны русские социалисты.

Эти слова донеслись до Алека, когда он уже сидел в карете. Лошади рванули, «черная Мери» понеслась по улицам.

— Давай быстрее на Мелвилл-авеню,—приказал Вебстер кучеру.—Там уже заткнули рты таким же двум

негодьям и ждут нас. Мы слишком задержались с этим. Но кто знал, что так получится?

В этот день арестовали нескольких ораторов-социалистов. Артему удалось уцелеть. Об этом Алек узнал позже. А пока тюремная карета везла его в полицейский участок. Но, несмотря на такую неприятную прогулку, настроение у него было превосходным. Его слушали несколько сотен людей, и симпатии всех были на стороне социалистов.

14

Алека освободили на следующий день под залог, который внесли товарищи. А через неделю состоялся суд. Айна очень волновалась, но Алек успокоил ее:

— Не бойся, девочка. Все обойдется. Ты непременно приходи посмотреть комедию.

Судил ораторов-социалистов сам королевский судья Бартон. В назначенный час в помещение, где должен был происходить суд, набилось столько народа, что полицейские перестали пускать туда желающих задолго до начала. Всем хотелось послушать «процесс».

Алека судили первым. После нудных формальностей с неизбежной клятвой на Библии говорить «правду, одну лишь правду» судья приступил к делу. Заслушав короткие показания полицейского Вебстера, он начал задавать Алеку вопросы:

— Итак, несмотря на запрещение говорить в воскресенье, вы все же организовали митинг?

— Нет, сэр, я ничего не организовывал. Митинга не было.

— Свидетель Вебстер, где вы застали подсудимого в воскресенье утром и чем он занимался? Он говорил?

— Так точно, сэр,— вскочил со скамейки полицейский.— Он говорил у Гамильтон-сквера.

— Это правда?

— Правда, сэр.

— Так почему же вы отрицаете митинг?

— Я беседовал со своими друзьями, но митинга не было.

— Вас слушало много народа. Они все ваши друзья?

— Я уже заявлял свидетелю Вебстеру. Я не стоял, а шел и разговаривал с товарищами и не знаю, почему

толпа незнакомых людей следовала за мной. Не мог же я запретить им этого? Мне даже не нравилось, что они идут по пятам.

В зале раздался смех. Бартон позвонил в колокольчик, призывая к тишине.

— Хорошо, оставим это. Вы имели разрешение говорить в воскресенье?

— Да, сэр. У меня было разрешение «здравого смысла».

— Это что же за разрешение? — иронически поджал губы Бартон. — Нельзя ли узнать?

— Оно есть у свидетеля Моррисона. Прикажете ему прочитать.

— Я не считаю это нужным, — опасливо проговорил судья, оглядываясь на присяжных. Но их лица выражали живейшее любопытство.

— Пусть прочтет! Пусть прочтет! — закричали из зала. — Что за разрешение?

Судья снова позвонил в колокольчик.

— Свидетель Моррисон, прочтите то, что подсудимый называет разрешением.

Рабочий Моррисон встал, вытащил из кармана смятую прокламацию и принялся читать. Это было обращение ко всем людям, имеющим здравый смысл, свободно говорить по воскресеньям, так, как написано в конституции, сопротивляться притеснениям, которые терпят рабочие от хозяев. А когда Моррисон дошел до слов, где говорилось о продажности рабочего правительства, судья побагровел и яростно зазвонил:

— Довольно, Моррисон! Садитесь.

— Вы же сами просили, сэр...

Зал давился от хохота.

Суд продолжался. Алек отвечал на вопросы весело, находчиво, но так, чтобы ни в чем нельзя было усмотреть неуважения к суду.

— Продолжим. Значит, вы шли, окруженный толпой, и говорили? Там присутствовали ваши знакомые и...

— И полицейские, сэр. У меня даже сздалось впечатление, что я губернатор и меня охраняют.

— Свидетель Вебстер!

Полицейский рассказал, как Алек залез на дерево и говорил оттуда и как он, Вебстер, пытался заставить его замолчать.

— Что ж ты не расскажешь, как ты ушиб свой зад, Джекки, когда летел с дерева? — спросили из зала. — Не скрывай. Ты клялся говорить правду.

— Хорошо, Вебстер. Достаточно. Садитесь. Свидетель Грин! Вы показывали, что подсудимый пел антиправительственные песни. Вы подтверждаете?

— Да, сэр, — вскочил с места краснорожий верзила. — Подтверждаю.

— Что это были за песни?

— Призывающие к бунту, сэр.

— Вы подтверждаете, подсудимый, что это были песни, призывающие к бунту?

— Я протестую, сэр. Пусть свидетель Грин поет ее.

— Здесь не опера.

— Прошу прощения, сэр. Тогда пусть свидетель повторит слова. В них не было ничего криминального.

— Грин, повторите.

Грин смущенно начал невнятно говорить.

— Громче! — закричали в публике. — Ничего не слышно.

Грин оглянулся на судью и произнес во всю свою могучую глотку:

— «Поднимите красное знамя, под его сенью мы живем и умрем. Прочь, трусы! Долой изменников! Здесь мы поднимаем развевающееся красное знамя...»

— Замолчите! — заорал Бартон, неистово звоня в колокольчик. — Довольно! Все понятно.

Грин испуганно плюхнулся на свое место. Зал в восторге аплодировал.

— Вернемся, подсудимый, к митингу, который вы организовали. Объясните суду, что заставило вас нарушить закон.

— Нет, сэр, я не нарушал закон. Наоборот, я использовал свое право на свободу слова, освященное законом Австралии.

— Довольно. Об этом я уже слышал. Вы нарушили циркуляр комиссара полиции.

— Разве? Тогда он должен касаться всех партий и обществ. Тем не менее некоторые ораторы спокойно выступают на улицах Брисбена.

— Запрещение касается социалистов. Вы не будете отрицать, что социалисты призывают к открытому бунту и свержению существующего в Австралии строя?

— Буду, сэр. Социалисты борются за истинную демократию — за свободу слова, печати, собраний, за справедливое социальное устройство общества... Все сидящие здесь должны знать, за что борются социалисты, и поддержать нашу партию, как наиболее справедливую. Но если правительство обеспечит все наши требования, то лучшего нам не надо. О каком свержении существующего строя тогда может идти речь?

— Хватит! — закричал судья, поднимая руку. — Вы занимаетесь недозволенной пропагандой своих идей. Отвечайте по существу.

— Я ответил по существу, сэр.

В таком духе, под смех и язвительные реплики публики, продолжался суд. Лорд Бартон вспотел, покраснел, был зол. Показания свидетелей превратились в фарс.

Приговор был короткий и гласил: «За проведение воскресного митинга без разрешения начальника городской полиции Алек Лонг приговаривается к одному месяцу тюремного заключения или к ста пятидесяти фунтам штрафа...»

После Алека быстрым темпом судили двух других ораторов.

— Не горюй, Алек, — крикнул Артем, когда осужденных выводили из здания суда на улицу. — Придется отсидеть месячишко. У нас нет таких денег. Ведь надо платить за всех троих.

У входа уже стояла «черная Мери». На Алека надели наручники и сковали с одним из осужденных. В толпе он увидел грустную Айну, но, когда глаза их встретились, она нашла в себе силы улыбнуться и помахала ему рукой. Ее губы шевелились, вероятно, она что-то говорила, но Алек не слышал ее.

Когда их сажали в карету, присутствовавшие на суде пытались подбодрить арестованных криками:

— Пусть не думают, что мы замолчим!

— Мы заговорим громче. Не испугали.

— Правду в тюрьму не посадишь!

Арестованных усадили на узкие скамейки в карете, и лошади тронулись.

Алек спросил у своего напарника:

— Тебя как зовут, парень?

— Джим Гудвин. Слесарь с «Брокен Хила». Я им здорово попортил крови. Выступал каждое воскресенье, и всегда удавалось смыться. А тут не повезло. Ну, да ладно.

15

...Брисбенская тюрьма «Бога Род» славилась своими жестокими порядками. В первый момент тюремная камера показалась Алеку неплохим помещением. Он хорошо помнил тесные, душные и грязные клетушки в рижской тюрьме. Но, осмотревшись как следует, заключил, что «хрен редьки не слаще».

Просторная камера была выкрашена снизу в белый, сверху в желтый цвет. Пол — цементный. В потолке — окно, забранное решеткой. Толстая, обитая железом дверь без «глазка», но с оконцем, расположенным на высоте поднятой руки. Деревянный стол, табуретка, приклепанная цепью к стене. Щетка, совок, кружка с водой, тазик, параша, половик и одеяла. Ни койки, ни нар в камере не оказалось.

«Неужели здесь спят на полу? — подумал Алек, присаживаясь на табурет. — Если так, то воспаление легких обеспечено».

Алек сидел с закрытыми глазами, и события последних дней проносились в его памяти. Митинги, выступления перед рабочими, суд... Нет, не напрасны усилия Артема и его единомышленников... Рабочее движение крепнет, социалистические идеи становятся популярными. Ведь совсем недавно многие относились к социалистам с недоверием и опаской, а теперь вступили в партию. После открытых митингов лицо австралийской демократии, так превозносимой буржуазией, открылось во всей своей неприглядности, без лживой маски...

Недавно Артем сказал, что надо принимать австралийское подданство. Тогда будет легче влиять на политическую жизнь. Но сначала это сделает он один. А может быть, так нужно поступить и Алеку? Как справятся без него в газете, пока он будет в тюрьме? И Айна осталась одна, наверное, беспокоится, бедняжка. Впрочем, о ней тревожиться не надо. С Айной родители. Эдгар Янович, Нина Сергеевна... Поддержат. Да и она сама не такой человек, чтобы опускать голову в тяжелые

минуты. Месяц — не так долго. Алек вспомнил отца. Как он волновался, когда сына арестовали в Риге! Правда, там было посерьезнее... Алек давно не писал ему. Все откладывал со дня на день. Выйдет — сразу же напишет...

Стемнело. Под потолком зажглась тусклая лампочка. От неудобного сидения заболела спина, затекли ноги. Алек встал, походил по камере.

«Прилечь бы», — думал он, обводя глазами голую камеру. Ему мучительно хотелось спать. Как бы угадавая его мысли, у дверей загремели ключами. Вошел надзиратель. Под мышкой он держал свернутый рулон.

— Сейчас ляжешь, — сказал надзиратель. — Давай повесим гамак.

Он развернул свой сверток. В нем оказалось брезентовое полотнище с двумя палками и петлями на концах. Их прикрепили крючками к противоположным стенам одиночки.

Надзиратель, не сказав больше ни слова, усмехнулся и ушел. Алек схватил одеяла, бросился в гамак. Сначала он испытал ни с чем не сравнимое наслаждение полного отдыха, но чем больше проходило времени, тем неудобнее становилось лежать. Он чувствовал себя помещенным в корыто. Голова и ноги поднимались кверху, а туловище почти касалось пола. Через несколько часов отдых превратился в пытку.

Алек не мог сомкнуть глаз. Он ворочался, менял положение, садился — ничего не помогало. Так продолжалось до утреннего колокола. Им поднимали всю тюрьму. Начинался «рабочий день». Плеснув на лицо из кружки воды, разбитый, невыспавшийся Алек нехотя съел миску жиденькой мансовой кашки, принесенной надзирателем. У него ныло все тело, голова казалась налитой металлом. Пришел надзиратель и повел его на работу.

— У вас в койках только матросы с парусных судов могут спать, — невесело пошутил Алек, но надзиратель сердито проворчал:

— Через несколько дней и ты привыкнешь. Прекрати разговоры.

Алеку дали ведро и швабру. Он до вечера ходил по этажам, мыл коридоры, галереи, уборные. В тюрьме

езде была идеальная чистота. Наконец в пять часов раздался звон колокола.

— Ну, чего стал? — заорал надзиратель на остановившегося в нерешительности Алека. — Надевай куртку, расшнуровывай ботинки и пошли.

— Зачем?

— Делай, что тебе говорят!

Через пять минут вновь прозвучал колокол, всех арестантов построили и повели в коридор, где происходил обыск. Каждый снимал ботинки, тряс ими перед надзирателем, показывая, что в ботинках ничего не спрятано. Надзиратель шарил по карманам, ощупывал все тело. Брезгливое чувство охватило Алека, но на этом унижения не окончились. Их провели мимо начальника тюрьмы, которому надо было отдавать честь.

Алек облегченно вздохнул, когда очутился в своей камере. Ну, кажется, все. Но он ошибся. Не успел он присесть на табурет, как открылась дверь и надзиратель громко спросил:

— Арестованный Алек Лонг здесь?

— Здесь.

— Не «здесь», а «здесь, сэр».

— Здесь, сэр, — с ненавистью повторил Алек.

К чему издевательства? Ведь всего десять минут назад тюремщик привел его в камеру. Дверь хлопнулась. Алек в оцепенении сидел на табурете. На галерее раздался пронзительный свисток. Алек вздрогнул.

«Что еще?» — подумал он. Нервы его напряглись. Он подбежал к двери и принялся колотить кулаком по холодному железу.

— Здесь Лонг Алек! Здесь! Здесь, сэр! — злобно кричал он. Хотелось хоть чем-нибудь выразить свой протест.

По галерее топали тяжелые шаги. Алек напряженно ждал. Снова распахнулась дверь, и в камеру ворвался помощник начальника тюрьмы.

— Ты что, не знаешь порядков, незаконнорожденный? — заорал он. — Мы тебя быстро выучим...

— Я первый день в тюрьме...

— Сэр, сэр! Не забывай добавлять это к каждому твоему слову. По свистку ты должен стоять у двери с поднятой рукой и показывать ее в окно, чтобы я уже из коридора видел, что ты в камере. Понял?

— Понял.

— «Понял, сэр!» Олух! Заруби себе на носу, если не хочешь ночевать в карцере.

Помощник начальника тюрьмы выбежал из камеры. Алек в изнеможении опустился на табурет. Ему не хотелось ни думать, ни есть, только бы забыться в сне. Он бросился в свой гамак, но мучения прошлой ночи повторились. Он ерзал в койке, переворачивался, пытался выбрать наиболее удобное положение. Безуспешно. Заболели спина, ноги, шея. Ночь прошла в полудремоте, а в шесть часов утра он вскочил, услышав звон колокола. День повторился, похожий, как близнец, на предыдущий. Ему опять дали ведро, швабру, и Алек мыл, скреб, чистил галереи и уборные на всех этажах. Теперь он знал порядки, не удивлялся ничему и к вечеру едва волочил ноги.

Через несколько дней Алек привык к «Бога Род». Надзиратель сказал правду. Он даже ухитрился сносно выспаться в своей подвесной койке. Желание думать вернулось к нему и скрашивало тюремную жизнь. Когда после утомительной работы, обыска, проверок он слышал сигнал ко сну, то сразу же ложился в койку и оставался наедине со своими воспоминаниями, забывая унизительный день. Мысли текли нескончаемой вереницей, в памяти вставали мельчайшие события пережитого. Ему никто не мешал. Он думал об Айне и о том, что ждет их впереди. Вот уже начались испытания, о которых он говорил ей. Он знал, что его арест — первая ласточка и с невзгодами еще придется встретиться. Настоящая борьба начинается, их противники не будут сидеть сложа руки.

Теперь Алек уже не был тем увлекающимся, горячим юношей, которого когда-то учил и наставлял Кирзнер. За эти годы он научился многому, умел трезво оценивать обстановку и силы врагов. Он стал закаленным борцом, редактором социалистической газеты, оратором. Он понимал, что рабочее движение в Австралии так же важно, как и борьба рабочих в России, и Артем делает большое дело, спланивая австралийских социалистов.

Алек радовался успехам своей партии, чувствовал, как она набирает силу, как растет ее влияние. Он верил в окончательную победу рабочих, и ничто не могло поколебать его уверенность.

Иногда ему вспоминалась далекая Рарона, он слышал шум прибоя на атолле, видел светловолосого Криса и бриллиантовый Южный Крест над головой. Где сейчас Макфейл и профессор Кларк со своим «Чамроком»? Бороздит ли океан «Анни Мёрск»? Остался ли на ней кто-нибудь из старой команды? Интересно знать, осуществил ли свою мечту Сиг Бьёрн, купил ли домик в Аалезунде? Он никогда не вспоминал Марту и Теретиа. Айна заслонила их.

Теперь все прошлое, казалось, происходило не с ним, а с кем-то другим. Главным в его жизни стал Брисбен. Он чувствовал себя неотъемлемым участником всего, что происходило там...

Так тянулись ночи и дни. Через месяц Алека освободили. Его радостно встретили товарищи по партии, русские и австралийцы, Артем и Айна.

— Ну что, познакомился с австралийской демократией? Узнал «Бога Род»? — Артем обнимал Алека, пылливо заглядывал ему в глаза. — Не слишком тебя там мучили? Ничего, так приобретается опыт.

Счастливая Айна бросилась к Алеку, целовала, гладила его лицо, не зная, куда его посадить и чем накормить. Ей казалось, что она не видела мужа целую вечность.

После тюремной камеры он наслаждался домашним уютом. Блаженствовал, не веря, что дома. Неужели он откроет глаза и не увидит опротивевших бело-желтых стен?..

— Плохо было? — спросила Айна мужа. — Я все время думала о тебе.

— Нет, девочка, не очень. Месяц не год. Я знал это и не горевал. Видишь, мои опасения оправдались. Ты стала женой преступника.

Айна улыбнулась:

— Не говори глупостей. Я жена социалиста. Не будем больше об этом.

— Я очень люблю тебя, Айна. Знать, что ты страдаешь, было бы для меня невыносимым.

На следующий день Алек уже принялся за работу в газете. Борьба за свободу слова не прекращалась. Несмотря на запрет, каждое воскресенье социалисты устраивали митинги. Их хватали, судили, сажали в тюрьму. Но это не могло остановить революционеров.

Газета, поездки по штату Квинсленд, собрания, стачки, демонстрации, революционные выступления заполняли всю жизнь Алека. Напряженные месяцы катились один за другим, превращаясь в годы.

Уже протоптали по улицам Брисбена батальоны патриотически настроенных австралийцев... Добровольцы уезжали в Европу помогать союзникам. В порту грузили оружие и солдат на закамуфлированные, пестрые корабли... Отъезжающих провожали с цветами, желали вернуться с победой... Правительство готовилось издать новый закон о всеобщей воинской повинности... В мире бушевала война.

Среди австралийских рабочих и русских эмигрантов нашлись «патриоты», желающие принять участие в победе над Германией. Они собирались уйти в австралийские полки. Правительство горячо поддерживало «благородный порыв», газеты восхищались «отважными австралийскими львами», а Артем на каждом собрании громил виновников войны и объяснял подлинные причины ее возникновения.

— Неужели вам не понятно, что война затеяна врагами рабочего класса? — спрашивал он. — Капитал повернул рычаг, и погибли тысячи людей. Вы говорите: выстрел в Сараеве. Да разве в нем причина? Огромные прибыли сейчас текут в карманы и русской, и германской, и союзной буржуазии... Выгодно. А то, что умирают люди, неважно. Столкнуть лбами народы, устроить международную бойню, отвлечь умы от революции и получать золото за оружие — вот в чем цель. Плохо ли? Воевать будут рабочие и крестьяне, умирать — тоже они, а деньги пойдут толстосумам...

Артем принял австралийское подданство и теперь был признанным австралийским лидером. Они вместе с Алеком вступили в социалистическую партию Австралии, основанную на марксистских принципах.

Наступил февраль тысяча девятьсот семнадцатого года. Русские эмигранты волновались. Царское правительство проигрывало войну. Россия стояла на пороге революции. Что-то должно было случиться. Из Петрограда поступали самые невероятные слухи. И вот телеграф донес до Брисбена радостную весть о Февральской

революции. Революция! Слово, которого русские ждали так долго. Скорее домой, на родину!

Алек узнал о событиях в России из газет, но не успел он как следует осмыслить сообщение, к нему в редакцию ворвался Артем. Он бросился к Алеку, обнял его, тискал своими железными руками и все время повторял:

— Революция! Да ты понимаешь, что произошло? Революция в России! Конец нашему изгнанию! Не верю своему счастью. Не верю!

Они, как расшалившиеся дети, обнявшись, танцевали, высоко подбрасывая ноги. Когда закончился «индийский танец» и они в изнеможении уселись на стулья, Алек спросил:

— Когда едем, Федор Андреевич?

— Немедленно. Завтра же. Ох, не могу! Совсем задохнулся.

Алек уже видел себя и Айну идущими по улицам Риги, представлял встречу с отцом, с Кирзнером, Лободой, Новиковым... Вот будет что рассказать! Он снова встанет на палубу судна и будет плавать, но уже под красным флагом...

Вдруг Алек заметил, как изменилось лицо у Артема. Из бесконечно счастливого, радостного оно стало печальным, глаза потускнели, губы сжались, перестали улыбаться.

— Федор Андреевич! Что с тобой?

— Эх, дураки мы, Алексей Иванович. Не придется нам ехать. Не подумал я сразу. Обаял от радости. Простительно, конечно, такое событие, но...

— Что но?

— Ну, подумай сам. Мы начали здесь большое дело. Многие русские не поедут в Россию. Они натурализованные австралийцы, входят в социалистическую партию, а мы их лидеры. Да не только о них речь. Вообще о рабочих. Что же будет? Мы уедем, а кто же станет продолжать еще не совсем окрепшее дело? Нет, нельзя... Еще необходимо выполнить то, чего без нас не сделают так скоро и, может быть, так успешно. Я все понимаю... Но кому-то из нас придется еще пожить в Брисбене. Дело начато, и бросать его неоконченным нельзя, невозможно...

Алек опустил голову. Он сразу понял, о чем говорит Артем. Понял и то, что он прав. Слишком много людей

связано с ними, верят им, и уехать было бы предательством. Но кто же должен остаться?

Ему вспомнились приступы ностальгии у Артема, его печальные глаза, одиночество. Но и он, Алек, все эти годы мечтал о возвращении домой...

Артем сидел молча, уставившись в одну точку. Потом встал, положил руку на плечо Алека:

— Что ж, Алексей Иванович, мы с тобой не барышники. Цирлих-манирлих разводить не будем. Если согласен со мной, то давай решать. Кому ехать, кому оставаться. Мы оба большевики, обоим надо быть в России в это горячее время. Может, растянем на спичках?

Алек глядел на Артема, на его обтянутое кожей нервное лицо, на черные усики, на глаза, с нетерпением ожидающие его ответа. Они смотрели прямо и твердо.

— Ну, что думаешь? — поторопил Артем.

Алек тяжело вздохнул:

— Поезжай, Федор Андреевич. Тебе, наверное, нужнее. Да и пользы от тебя будет там больше.

Глаза Артема радостно вспыхнули.

— Спасибо, Алексей. Отказываться не буду, — сказал он, протягивая руку. — Спасибо. Жертву приносишь?

— Нет, — покачал головой Алек. — Искренне так думаю. И потом еще одно. Мне здесь все-таки будет легче. Со мной Айна.

— Верно. Только вот что ты должен знать. Я уеду — вся работа ляжет на твои плечи. Конечно, я назову тебе людей, на которых ты сможешь опереться, они будут хорошими помощниками, но все же...

— Я знаю. Скажи, Федор Андреевич, как ты думаешь, когда же я смогу вернуться в Россию? Ведь не на век ты меня тут оставляешь?

— Если бы я мог тебе сказать, мой дорогой друг! Но что не навсегда — определенно. Я расскажу о тебе в Центральном Комитете. Они решат и вызовут, когда будет можно.

— Так мне говорил и Бруно Кирзнер, а что получилось? — усмехнулся Алек. — Ну ладно, к этому возвращаться больше не будем. Когда поедешь?

— Уеду я, конечно, не завтра. Мне еще здесь много дел всяких надо утрясти. Не грусти, Алексей Иванович. Может быть, и ты скоро за мной.

Счастливым Артем ушел, а Алек остался сидеть за столом. Работа не шла в голову. Он еще раз спокойно подумал о своем решении. Правильно ли поступил, так легко согласившись на отъезд Артема? Сомнений не было. Правильно. Кто-то должен был остаться. И «кто-то» — это он. Артем — революционер с большим опытом и сейчас в России нужнее, чем он. Возможно, и ему не так долго осталось жить в Брисбене. Кто знает? Теперь события начнут разворачиваться быстро. Алек принялся за прерванную корректуру заметок.

Когда он вернулся домой, то застал в гостиной целое ликующее общество. На полу валялась куча прочитанных газет. Дарья Степановна, Билл, вся семья Струмпе, несколько соседей-австралийцев сидели вокруг стола и, перебивая друг друга, о чем-то спорили. Алек услышал слово «отъезд».

Увидя Алека, стоящего в дверях, Айна бросилась к нему:

— Ты уже, наверное, все знаешь? Революция! Едем в Россию.

Алек нежно поцеловал жену, обнял ее и шепнул на ухо:

— Не говори никому. Мы остаемся. Потом все расскажу. — И, обратившись к присутствующим, как можно веселее сказал: — Поздравляю вас. Дождались. Какая радость!

Все зашумели, вскочили, принялись жать Алеку руку.

— Поедем в свою Виндаву, — улыбаясь, проговорил Эдгар Янович. — Эх, хорошо там... Ты уже, наверное, все забыла, Нина? Как мы целовались под рябиной у моего дома? Помнишь?

— Все помню, Эдди. Кто может забыть свою молодость? А помнишь...

— Поедем вместе, Эдди, — деловито вставил Билл. — Легче будет упаковывать вещи, отправлять, грузить.

— Приедете к нам в Виндаву в гости, да? — спросила Нина Сергеевна так, как будто они все уже давно жили в далекой России.

— Мы не отпустим вас! — смеясь, закричал сосед Браун. — Кто же будет помогать нам делать революцию, если вы разъедетесь? Не отпустим.

В шутках, смехе и веселье прошел вечер. Все были возбуждены, много говорили, обсуждали, как теперь

пойдет жизнь в России, дорого ли будет стоять переезд, хватит ли денег. Не обошлось и без любимого Биллом пива. Только Алек сидел молчаливым, но на него никто не обратил внимания. Разошлись поздно. Счастливые, веселые.

Когда Алек и Айна остались вдвоем, Айна, тревожно заглядывая в глаза мужу, спросила:

— Что случилось, дорогой? Ведь ты так мечтал о России. Почему же мы не поедem?

Алек взял ее руки в свои.

— Я тебе сейчас все объясню. Так мы решили с Федором. Понимаешь...— И он принялся рассказывать ей, что побудило его отказаться от поездки.

— Вот и все, девочка. По-моему, другого быть не может. А что считает мой первый и самый мудрый советчик?

Айна с минуту подумала.

— Тебе было очень тяжело принять такое решение? — спросила она. — Ты не будешь потом каяться и страдать от своего благородства?

— Нет, дорогая. Я понимаю сердцем и разумом, что так надо. Каяться не буду.

— Раз так, то не о чем говорить. Я с тобой, и мне кажется, что ты поступил правильно. Вот стариков жаль. Они не поедут без нас. А ведь так обрадовались.

— Надо попробовать уговорить их. Может быть, правда им лучше уехать?

— Не поедут. Я знаю, мама не захочет оставлять меня одну, а папа... Ну куда же он без своей Ниночки? Завтра придется сказать им.

Разговор со старыми Струмпе получился более простым, чем думала Айна. Помог Артем, забежавший к ним вечером. Он толково объяснил, почему Алек должен остаться в Брисбене. Эдгар Янович долго молчал, потом посмотрел на Нину Сергеевну, она тоже молча слушала Артема, и решительно сказал:

— Поезжай, Федор Андреевич. Правильно рассудили. Дело в Австралии бросить нельзя. Здесь остается много наших, ну и мы еще проживем какое-то время. Что ж делать, правда, Нина?

— Правда, Эдди, — улыбнулась Нина Сергеевна. — Ведь я из-за тебя хотела туда ехать. Знала, что ты хочешь. А так я уже привыкла здесь. Ну, проживем еще.

Больше об отъезде Артема старались не говорить. Опять обсуждали события в России.

Русская колония в Брисбене бурлила, как котел на огне. Многие эмигранты хотели вернуться на родину. Люди были взволнованы. Где взять деньги? Как их встретят дома? Найдут ли сразу работу? Как быть с вещами?

На их пути встало еще одно препятствие. Натурализованным английским подданным, так же как и англичанам, выезд из Австралии правительство запретило. А таких среди русских оказалось много. В их числе был и Артем.

Он пришел к Струмпе озабоченный, но полный планов и надежд.

— Слышали, не выпускают нашего брата из Австралии. Пока жил в Брисбене, являлся нежелательным элементом, тюрьма висела над головой, а захотел уехать — нельзя, видишь ли!

— Как же ты думаешь действовать, Федор Андреевич?

— А вот так. Из Брисбена мне не уехать. Меня здесь каждая собака знает. Наймусь в Австралийскую мясную компанию. Они набирают на север, в порт Дарвин. Оттуда как-нибудь нелегально доберусь до Китая, а там дальше. Путь знакомый. Только в обратную сторону. Ведь так я в Австралию попадал.

Провожали Артема самые близкие друзья. Собрались, как обычно, у Струмпе. Федор Андреевич, оживленный, с сияющими глазами, много шутил, смеялся и никому не давал грустить.

— Вы, товарищи, приедете в Россию, когда там уже все будет налажено. На готовенькое, так сказать. А нам придется еще потрудиться. Вы, наверное, выиграли, что остаетесь здесь. Ну, не хмурься, Эдгар, не хмурься. Я ведь шучу.

Попрощались дома. На вокзал пошел только Алек. Решили не устраивать шумных проводов. На перроне было малолюдно. Они поставили чемодан в вагон и принялись гулять вдоль состава. До отхода поезда оставалось более двадцати минут. Артем говорил о делах, о том, что необходимо сделать в первую очередь, как вести себя при различных обстоятельствах. Это обсуждалось уже несколько раз, но он хотел, чтобы у Алека не осталось чего-нибудь неясного.

Прозвучал колокол. Надо было садиться. Артем обнял Алека:

— Надеюсь на тебя, Алексей Иванович. Верю, что ты со всем справишься не хуже меня. Ты человек крепкий. Спасибо тебе еще раз, что отпустил... Ну, прощай.

— Ты хоть вести о себе подавай, Федор Андреевич. Иначе будем беспокоиться.

— Непременно. Обещаю. Но если сообщения не придут скоро, вы не тревожьтесь. Всякое бывает. Прощай, дорогой друг. Я ничего не забуду.

Вагон лязгнул, Артем вскочил на подножку. Поезд медленно набирал скорость. Алек шел за ним, все ускоряя и ускоряя шаг, Артем махал ему с подножки. Мелькнула дверь последнего вагона. Алек остановился.

Домой он возвращался печальным. Алек завидовал Артему и боялся за него. Тяжело терять такого товарища. Он всегда был готов прийти на помощь, ответить на любой вопрос, поддержать... Надежный, как скала. Алек очень привязался к Артему, уважал и любил его за прямоту суждений, честность и веселый нрав.

Вслед за Артемом из Австралии на родину потянулись и другие русские. Уехали и Корнеевы. В домике Струмпе стало тише. Изредка заходили соседи-австралийцы. Эдгар Янович поскучнел, Нина Сергеевна глядела на него с жалостью.

От Артема не было никаких известий. О его судьбе тревожились. Прошло несколько месяцев — и ни слова. Успокаивал Эдгар Янович:

— Я вот несколько не беспокоюсь. Надо знать Федора. Не такой он человек, чтобы пропасть. Из более сложных историй выпутывался, когда жил в России. А сейчас почти работает плохо.

Он оказался прав. Алек получил короткое, радостное письмо. Каким путем оно добралось до Брисбена, один бог знает! Артем сообщал, что из Дарвина на пароходе он добрался до Шанхая, а затем до Владивостока. Теперь он дома, ничего не забыл, помнит свое обещание и, как только представится случай, доложит об Алеко кому следует. Дальше шли приветы всем друзьям и адрес, куда можно посылать письма, если, конечно, они дойдут. Обстановка сложнейшая...

Артем не напрасно предупреждал Алека. Он сразу почувствовал, какая большая ответственность легла на

его плечи. Времени совсем не стало. Айна видела мужа только по ночам. Усталого, измотанного. Частенько она не успевала накормить его. Он засыпал у стола в ожидании ужина. Работы было очень много.

Газета выходила регулярно, если не считать коротких запретов, иногда накладываемых правительством. Приходилось ездить в сенат, в суд, в полицию. Доказывать, просить, требовать. Социалистическая партия Австралии росла. Ее ораторы и пропагандисты выступали по всей стране. Безработица увеличивалась, цены на продукты повышались, квартирная плата невероятно подскочила вверх.

Бастовали ширеры — стригали овец, рабочие-металлисты, шахтеры, батраки. В Южном Уэльсе, где было больше всего шахт, горняки непрерывно вступали в конфликты с хозяевами.

В ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года в Брисбен пришло известие об Октябрьской революции. О ней под крупными заголовками писали все австралийские газеты.

Алек ворвался домой с сияющими глазами, схватил Айну на руки и закружил по комнате:

— Революция, девочка! Наша революция. Ты понимаешь это?

— Пусти, сумасшедший! Ничего не понимаю. Пусти же наконец и объясни все толком.

— Сейчас все расскажу. Наши свергли Временное правительство, и Россия стала советской. Ленин встал во главе правительства. Значит, все будет как надо. Ура! Вся власть Советам! — по-мальчишески закричал Алек, не желая сдерживать своей бурной радости. Он открыл дверь в соседнюю комнату: — Эдгар Янович! Эдгар Янович! Идите сюда! Послушайте, что произошло.

В комнате появился перепуганный Струмпе:

— Что случилось, Алек?

— Россия стала советской. Понимаете? Советской. У власти — рабочие и крестьяне. Как здорово! Прямо не верится. Сбылись надежды нашего народа. Ведь об этом, именно об этом, мечтали русские революционеры-большевики. У власти не Керенский с его правительством заводчиков и помещиков, а рабочие и крестьяне! Невероятно хорошо! Как я завидую Артему. Счастливый человек! В самую гущу событий попал.

— Не завидуй, Алек, — улыбаясь, сказала Айна. — По-моему, кому-кому, а уж тебе на спокойную жизнь жаловаться не приходится. Событий хватает. Тем более, вы сами решили, что кому делать.

— Да я пошутил. Если и завидую, так немножко. Все-таки он в России в интереснейшее время. Участник революции! Звучит гордо.

— А это надежно? — осторожно спросил все время молчавший Струмпе. — Врагов ведь много, и они сильны. Как ты думаешь?

— Какие бы ни были враги, народ сильнее. А с Лениным народ, — твердо и уверенно сказал Алек. — Хотя в одном вы правы, Эдгар Янович: врагов много, и газеты уже с пеной у рта пишут, что Антанта не допустит, чтобы Россией правили большевики. Уже сейчас собираются в поход. Ну что ж, пусть. А пока по бокалу вина за рабоче-крестьянскую революцию! По такому поводу даже я выпью.

Алек подбежал к буфету, достал бокалы, бутылку вина, не нашел пробочника, проткнул пробку внутрь бутылки и наполнил бокалы.

— За нашу революцию и за победу над всеми ее противниками! За Ленина!

Все выпили до дна.

С этого дня у Алека еще прибавилось работы. Октябрьская революция воодушевляла людей на борьбу. На каждом собрании его просили рассказать о России. А рассказать было о чем. Активно зашевелились контрреволюционные силы. Румыны оккупировали Бессарабию, в феврале германские войска вторглись в Советскую страну, а еще через несколько месяцев войска Антанты высадились на севере и заняли Мурманск, Архангельск, Кемь. Вскоре началось наступление белых на Кубань.

— Нельзя допустить, чтобы интервенты и белые генералы задушили революцию! — кричали рабочие.

— Долой интервенцию!

— Прочь руки от Страны Советов!

— Поставим вопрос в парламенте!

— Неужели мы бессильны что-нибудь сделать? Долго мы будем сидеть и плевать в небо? Действовать!

В такой напряженной обстановке приходилось работать Алеку. Он радовался. Сердца австралийских рабо-

чих на стороне молодой Советской Республики. А это важно.

Алек появлялся то в одном, то в другом штате. Выступал, произносил горячие речи, рассказывал правду о большевиках. Материальные дела в их семье шли неважно. Айна зарабатывала мало, он получал от газеты и того меньше. Алек очень уставал. Нос у него заострился, глаза ввалились, он похудел, часто не успевал побриться. Айна с тревогой наблюдала за мужем.

— Ну на кого ты стал похож? Нельзя так. Пожалей себя. Заболеешь, — говорила она, глядя его светлые волосы. Говорила, но знала, что ничего не изменится.

Алек виновато улыбался, привлекал к себе Айну, целовал и заявлял:

— Завтра придется уехать в Ньюкасл. Только на один день. Правда. Очень важное дело.

Как-то Алек вернулся домой, виновато взглянул на жену и с деланной веселостью принялся рассказывать ей о каких-то пустяках. Айна сразу поняла, в чем дело. Алеку никогда не удавалось обмануть ее.

— Итак, куда ты снова удираешь от меня, несносный бродяга? Опять, наверное, к своим горнякам или овцоведам?

— А вот и никуда, — засмеялся Алек. — Не угадала. Завтра буду рано дома, целый вечер проведу с тобой, исполню все твои прихоти и желания.

— Что-то плохо верится. Никогда ты не был послушным. Рано придешь? Тоже сомнительно.

— Увидишь. Я не лгу.

Алек не сдержал слова. На следующий день в Брисбене разразилась невиданная по силе стачка на скотобойнях и холодильниках. Профсоюзы предполагали начать ее позже, но грубая выходка одного из мастеров взорвала и так уже накаленную до предела атмосферу, и работу прекратили стихийно.

Алек, бывший в это время в «Союзе эмигрантов», бросился в газету. Надо было срочно давать материал о забастовке. Вечером его просили приехать к стачечникам и выступить там с речью. Домой он, конечно, не попал.

Айна напрасно ждала его. Она надела его любимую кофточку и юбку, приготовила кофе с тортом. Знала, что доставит ему удовольствие. Часы пробили девять, потом десять, а он не появлялся.

«Вот всегда так последнее время, — подумала Айна, глядя на себя в зеркало и поправляя волосы. — Ждешь, ждешь... Алек ты мой, Алек... Ну ладно, не приходи, все равно я знаю, что ты любишь меня одну, и буду ждать тебя в таком виде хоть до завтра».

А в это время Алек с импровизированной трибуны заканчивал свое выступление. Он говорил резко, зло, не стесняясь называл фамилии капиталистов, руководителей мясных концернов, членов правительства, связанных с этими предприятиями, астрономические цифры прибылей, получаемых от эксплуатации рабочих, занятых на скотобойнях и холодильниках. Алек призывал их держаться сплоченно и твердо.

— ...Правда и справедливость на вашей стороне. Вы должны победить. Вы — сила. Это подтверждает русская революция!

17

В редакции газеты «Жизнь рабочего» раздался телефонный звонок. Алек поднял трубку.

— Это вы, мистер Лонг? — услышал он приятный мужской голос. — Я хотел бы повидаться с вами. Говорит судья Бартон. Да, да. Королевский судья Эндрю Бартон. Если бы мы могли встретиться сегодня у меня дома, на Милитери-Ки, пятнадцать, в шесть вечера? По какому поводу? Частный разговор, вероятно интересующий нас обоих. Прекрасно, жду вас.

Алек положил трубку на рычажок и с недоумением поглядел на аппарат. Судья Бартон? Почему он пригласил его домой? Они не встречались уже несколько лет. С тех пор, как судья посадил его на месяц в «Бога Род». Но идти надо. Может быть, он скажет что-нибудь важное. Алек позвонил Айне:

— Я сегодня приду поздно, девочка. Получил приглашение в высшее общество Брисбена. К судье Бартону. Помнишь, к тому, который упек меня в тюрьму? Айна молчала.

— Почему ты ничего не отвечаешь?

— Думаю. Это не опасно?

— Да нет. Вряд ли он станет арестовывать меня у себя дома. Не беспокойся. Надо бы для такого случая надеть визитку, да у меня ее сроду не бывало. Пойду так. Лорд Бартон переживет это, правда?

— Переживет, если ты ему нужен. — Алек услышал, как смеется Айна. — Ну, целую тебя, мой дорогой.

Ровно в шесть часов Алек остановился у калитки уютного особнячка на Милитери-Ки. Его встретил сам судья.

— Рад вас видеть, мистер Лонг. Прошу за мной, — говорил он, провожая Алека в гостиную. — Устраивайтесь поудобнее. Вот в это кресло, пожалуйста. Ром или виски? Тогда кофе и сигару.

Бартон позвонил и распорядился подать кофе впорхнувшей в комнату горничной.

Алек вспоминал, как выглядел судья три года назад. Он мало изменился. То же холеное молодое лицо, усики щеточкой над верхней губой, спокойные серые глаза, стройная спортивная фигура.

— Ну вот, теперь мы можем говорить не торопясь, — сказал Бартон, обворожительно улыбаясь, когда горничная принесла кофе. — Вы, наверное, удивлены моему приглашению?

— Признаться, да. Мы встречались с вами в совершенно другой обстановке, и я не думал, что вам будет приятно...

— Как же, как же, — перебил Алека судья. — Я все помню. Действительно, это была не особенно приятная встреча, но что поделаешь, такова моя служба. Я вынужден принимать меры, когда нарушаются законы. Но, согласитесь со мной, мистер Лонг, приговор был мягким.

— Наверное, вы не могли дать мне больше.

— Напрасно вы так думаете. Преступление можно толковать по-разному.

— Не хотите ли вы сказать, мистер Бартон, что смягчили приговор из личной симпатии ко мне? Все мои товарищи, обвиненные в нарушении циркуляра полиции, получили не больше месяца.

— Только потому, что я совсем не такой жестокий человек, как вам кажется. Забудем о прошлом. Перед нами настоящее, и более серьезное.

— Я внимательно слушаю вас.

— Три дня тому назад вы выступали с речью перед забастовщиками предприятий Австралийской мясной компании, так?

Алек молчал.

— Прекрасная зажигательная речь, мистер Лонг, как мне рассказывали. Вы не уступаете в красноречии

своему шефу. Кстати, где сейчас мистер Сергеев? Он совсем исчез с политического горизонта.

— Он в России, мистер Бартон.

— Ах вот как? В России! Это хорошо. — На лице судьи появилась довольная улыбка. — Мне кажется, там он нужнее, чем здесь.

— Я тоже так думаю.

— Ну, хорошо. Я отклоняюсь от основной темы. В тяжелое время мы живем, мистер Лонг. Война нанесла величайший вред нашей экономике. Люди недовольны. Началось брожение у всех рабочих профессий. Даже шахтеры, имеющие сравнительно высокие заработки, бастуют. Да и понятно. Уменьшился экспорт угля, появился бурый уголь-конкурент, разработки ведутся допотопным методом... Впрочем, не буду рассказывать, вы знаете это лучше меня. Революция в России тоже сыграла немаловажную роль в настроении рабочих... — Бартон отхлебнул из чашечки кофе и продолжал: — Ваша деятельность мне хорошо известна, из-за нее промышленники терпят огромные убытки, она приносит вред государству... — Бартон помолчал, как бы раздумывая над чем-то. — А что, если бы ваш талант оратора обратить на его пользу? — сказал он и поднял глаза на Алека. — Вас знают в Квинсленде, прислушиваются к вашим словам и советам, в социалистической партии Австралии вы не последний человек...

— Простите, я не совсем улавливаю смысл сказанного вами.

— По-моему, просто. В это тяжелое для Австралии время вы могли бы своими речами как-то успокоить рабочих, объяснить, направить их по умеренному пути мирного разрешения спорных вопросов. С промышленниками можно договориться. Они тоже люди и готовы сделать многое для улучшения положения рабочих. Не надо только призывать к резким действиям, выставлять требования, которые не могут быть сейчас выполнены. Когда все стабилизируется, наладится, тогда можно говорить о каких-то коренных изменениях в труде и политике.

— Теперь понял. Значит, я должен отказаться от всего, что говорил прежде, и встать на путь соглашения с промышленниками? Так?

— В принципе так. Отказаться на какое-то время. К чему эти дикие забастовки? Они ничего не дают ни

той, ни другой стороне. Кроме того, если вы согласитесь, то будете получать большие деньги. — Бартон недвусмысленно взглянул на потертый костюм Алека.

— Деньги? От кого и за что?

— Мы сделаем вас лидером одного из наших профсоюзов. Вы будете получать хорошее жалованье за правильную линию, которую станете проводить. Мы гарантируем вам поддержку некоторых профсоюзов, несогласных с крайностями. Ваше положение упрочилось бы.

— Не продолжайте, мистер Бартон, — остановил судью Алек. — Не продолжайте. Я никогда не был предателем своего класса и никогда им не буду. А то, что вы мне предлагаете, самое низкое предательство. За деньги сменить веру!

Алек говорил спокойно, учтиво, но внутри его все кипело от возмущения.

— Не надо горячиться, мистер Лонг. Ведь на все можно смотреть по-разному. Предательство! Зачем употреблять громкие слова? А если это предательство принесет благо рабочим? Убережет их от многих невзгод, позволит сохранить работу, оставит верный кусок хлеба? А ведь ваша линия, мистер Лонг, приведет только к плохому. Сотни людей будут уволены после стачек, некоторые предприятия закроются совсем, многие рабочие будут арестованы. Или вы предполагаете, что правительство не найдет средств, чтобы бороться с нарушителями закона? С организаторами беспорядков?

— Вот этого я как раз не думаю. Знаю, что будет много невинно осужденных только за то, что они посмели открыто говорить, знаю, что нам придется тяжело, но все равно мы сильнее и добьемся своего. А время сейчас самое подходящее, чтобы требовать.

Улыбка сбежала с лица судьи. Оно сделалось серьезным и надменным.

— Видите ли, мистер Лонг, я не хочу быть предсказателем, но мне кажется, что ваша деятельность скоро закончится совсем. Правительство не допустит подстрекательства.

— Посадите в тюрьму?

— Не знаю. Возможно. У нас уже набралось достаточно фактов. За них вас можно судить...

— Но я живу в свободной Австралии и виновен только в том, что открыто говорю правду. Конституция никому такого не запрещала.

Судья раздраженно махнул рукой:

— Я жалею, что вы не приняли моего предложения. Но еще не поздно. Подумайте, мистер Лонг.

— Мое решение неизменно. Я не предатель,— проговорил Алек, вставая. — Если позволите, я пойду.

Бартон позвонил. Вошла горничная.

— Проводите мистера Лонга, Кэт. Я очень боюсь за вашу судьбу,— сказал Бартон вслед Алеку. — Очень.

Выйдя из дома судьи, Алек взглянул на часы. Было поздно, но ему хотелось побыть одному, подумать обо всем, что говорил Бартон, и он решил идти пешком. Прежде всего, очевидно одно: судья выполнял чье-то поручение. Конечно, инициатива пригласить его, поговорить частным образом исходила от кого-то другого. От кого? Вероятно, от заинтересованных лиц, ворогил из мясного треста. Может быть, от самого Юза. Наверное, Алек здорово насолил им своими статьями в газетах, выступлениями, связями со стачечниками. Что же произойдет дальше? Снова закроют под каким-нибудь предлогом газету? Или его посадят в тюрьму? Но это вызовет возмущение общественности. Да и закона такого нет.

Если ему предложили сотрудничество, значит, считают его по-настоящему опасным. Они объявили войну против него персонально и постараются заставить его замолчать. Убьют из-за угла? Нет, на это они не пойдут. Убийство повлечет за собой широкую огласку.

Алек медленно брел по улице, и на душе у него было тревожно. Он прекрасно понимал, что угроза Бартона не напрасна. Противник силен, коварен, имеет в своих руках все, чтобы раздавить его. Но отступать нельзя. Не зря Артем оставил его здесь. Он должен продолжать начатое дело.

Встревоженная долгим отсутствием, Айна ждала его.

— Слава богу, вернулся! — облегченно вздохнула она. — Я так волновалась! Ну что?

Алек не стал делиться с женой своими опасениями, но Айна, выслушав рассказ, инстинктивно почувствовала опасность.

— Может быть, нам уехать, Алек? Нет, я говорю глупости. Знаю, что ты никуда не поедешь. Ну, не станем предвосхищать события. Возможно, ничего плохого и не случится. Готовиться к худшему и надеяться на лучшее, как говорят наши друзья австралийцы. Сегодня у нас в магазине... О'Кейси принесла смешного щенка. Знаешь, такие квадратные мордочки?..— Она начала болтать о каких-то пустяках, чтобы немного развеселить мужа.

Алек благодарно улыбнулся.

18

В роскошном доме Английского клуба на маленькой тихой Брук-стрит в гостиной у потухшего камина сидели трое. Королевский судья Бартон, вице-президент Австралийской мясной компании Крэг и толстый краснолицый человек с седыми кустиками волос на голове, которого коротко называли Пат. По тому, как почтительно обращались к нему, было очевидно, что Пат—лицо важное. Все трое пили виски, разбавленное содовой водой, и курили сигары. Голубоватый дымок причудливыми струйками вился над столом.

— ...Итак, вы говорите, что он отказался от наших предложений? — спросил Бартона Крэг, продолжая начатый разговор. — Вы сказали ему, что поддержка профсоюзов будет обеспечена?

— Конечно. Я сказал все, что следовало сказать. Он непреклонен.

— Неужели его не интересуют деньги? Мне казалось, что Лонг беден.

— Так оно и есть. Но беда в том, что он идейный человек.

Пат, до сих пор не принимавший участия в разговоре, задумчиво глядевший на потухшие угли в камине, вдруг заговорил:

— Идейный! Не смешите меня. Сколько мы знали идейных людей, забывших про идеи, когда в воздухе запахло хорошими деньгами? Не надо далеко ходить. Что стало со стариком Фишером? Вы помните, каким он был ярым лейбористом, вожакom рабочих? А чем кончил? Милитарист, сподвижник Китченера. Военные поставки, оружие и... золото. Вот вам идеи!

— Очевидно, есть исключения, Пат. Мы встретили такое исключение. Если говорить безотносительно, мне даже понравилась его непримиримость. Хорошо, если бы наши единомышленники имели такую убежденность.

— Я не люблю фанатиков, — сердито сказал Пат. — С ними всегда трудно.

— Хорошо, господа, кончим теоретические экскурсы в психологию. Я практик и хотел бы знать ваше мнение, что мы предпримем дальше. Лонг не может продолжать свою агитацию. Вы согласны со мной? — спросил Крэг.

— Безусловно. Он должен быть обезврежен, — проговорил Пат, раскуривая новую сигару.

— Как? — покосился на него судья. — У вас есть предложения?

— Его надо убрать.

Бартон пошевелился в кресле и удивлению поглядел на собеседников:

— Убрать? Я полагаю, Пат, что вы не имели в виду физическое уничтожение Лонга? Мы же не бандиты и убийцы.

— Нет, конечно. Только убрать с политической арены.

— Я не пожалею, если Лонг отправится куда-нибудь подальше и надолго, — проворчал Крэг. — Своими речами он выбивает почву из-под ног лояльно настроенных по отношению к нам профсоюзов.

— Все верно. Остается подумать о том, как его устранить. Мне кажется, что он должен быть замешан в каком-нибудь крупном политическом деле. Тогда... Вы не сможете помочь в этом направлении, Пат? Вы один из хозяев крупнейших заводов «Брокен Хил» в Брисбене и, вероятно, более, чем кто-нибудь другой, заинтересованы в том, чтобы замолчал опаснейший пропагандист социалистической партии. Если мне не изменяет память, несколько дней назад вы говорили, что на ваших заводах есть много преданных вам людей... — осторожно напомнил Бартон. — Так?

— Так. — Пат встретился глазами с судьей. — Кажется, я понял вашу мысль, Эндрю. Надо подумать. Все очень сложно.

— Как будет организовано дело...

— Если потребуются деньги, можете рассчитывать на нас, Пат, — вмешался в разговор Крэг.

— Деньги потребуются, и немалые, но трудности в другом. В общем, дайте мне несколько дней на размышление, и я вам скажу о своих возможностях. Я позвоню вам, и мы условимся о следующей встрече. Вы вчера были на бегах, Крэг? Что там произошло? Говорят, рыжая кобыла Миллера Дези победила Триумфа? Сенсация! Бедняга Пирсон потерял тысячу фунтов.

Разговор перешел на бега. В последние недели они особенно интересовали жителей Брисбена. Появились новые неожиданные фавориты. В тотализаторе проигрывались состояния...

19

Алек заканчивал проверку готовой верстки завтрашнего номера «Жизни рабочего», когда дверь отворилась и в комнату вошел молодой человек в синих рабочих брюках и сдвинутой на затылок кепке. Он смущенно поглядел на Алека, стянул с головы кепку и тогда только спросил:

— Вы мистер Лонг?

— Да, я. Садитесь, — Алек кивнул на стул.

Молодой человек радостно улыбнулся:

— Как хорошо, что я сразу нашел вас, мистер Лонг. Я думал, что придется долго разыскивать. Мне казалось почему-то, что вы сидите в большом доме и надо будет бегать по этажам.

Он вытащил из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок и подал его Алеку. Алек заметил большие руки с чернотой, въевшейся в кожу.

«Металлист», — подумал он, разворачивая листок. В нем было написано: «Рабочие завода «Брокен Хил» просят мистера Лонга выступить на собрании, которое состоится сегодня в шесть часов после полудня в зале Виктория-холл. Желательно услышать правду о событиях в России». Кто-то неразборчиво подписал приглашение.

— Сможете? — спросил парень, как только Алек кончил читать.

— Придется, — улыбнулся Алек. — Тема для меня близкая. А вообще надо предупреждать заранее. Мало ли какие могут быть у меня дела.

— Значит, вас сегодня ждать? Вы знаете, где находится Виктория-холл? На Рендел-стрит, двадцать три.

— Мне приходилось выступать в нем. Сколько там в зале помещается людей?

— Не знаю. Да нас много и не будет. Только те, кто интересуется. Спасибо, мистер Лонг. — Парень протянул свою большую, крепкую руку.

— Как вас зовут? — спросил Алек. Ему понравился этот молодой рабочий.

— Лесли Эмерсон, слесарь.

— Социалист?

— Пока еще нет, мистер Лонг. Но, наверное, скоро им стану. Значит, в шесть? Мы вас встретим.

Лесли Эмерсон ушел, а Алек с удовлетворением думал о том, что интерес к России у рабочих с каждым днем растет.

Он позвонил Уайту, секретарю социалистической партии, и сказал, что вечером поедет выступать в Виктория-холл.

Уайт удивился:

— Никто не говорил нам, что там будет собрание. Обычно устроители звонят заранее. Нет, нет, ты, конечно, поезжай, если обещал. Завтра расскажешь, как тебя слушали.

Потом Алек позвонил домой и предупредил Айну, что обедать не будет. Поест в салуне и оттуда отправится прямо в Виктория-холл.

Алек приехал в Виктория-холл за десять минут до начала выступления. У входа в невысокое здание стояло несколько незнакомых мужчин. Они сосредоточенно курили. Алек увидел Лесли, идущего к нему навстречу. Сейчас он был одет не в рабочую спецовку, а в темный костюм и белую рубашку. Алек помахал ему рукой.

— Пришли, мистер Лонг? — приветствовал его Лесли. — Вот и хорошо. Скоро начнем. Большинство уже собралось.

Алеку показалось, что лицо у парня почему-то было растерянным. Он провел Алека в небольшой, плохо освещенный зал. Там скучало десятка два молчаливых людей. Появление Алека вызвало оживление. В рядах зашептались. Алек проследовал за Лесли и занял свое место за столом у маленькой трибуны.

«Неужели здесь все, кто хотел послушать про русскую революцию?» — подумал он и, обведя присутствующих дружелюбным взглядом, шутливо проговорил:

— А я-то надеялся увидеть полный зал. Ну, ничего...

Ему никто не ответил. Алека неприятно поразила такая холодность. Обычно он сразу находил с людьми общий язык и еще до выступления отвечал на шутки, шутил сам. Создавалась простая, дружеская атмосфера. А тут...

В зал вошло еще несколько человек. Они уселись в задних рядах.

— Можно начинать, мистер Лонг, — сказал Лесли, подходя к Алеку. — Все в сборе.

В зале сидело не более двадцати — двадцати пяти человек. Алек пожал плечами, привычно положил руки на края трибуны и начал:

— Первое в мире государство рабочих и крестьян существует. Рабочие всего мира с волнением и надеждой следят за борьбой молодой Советской Республики. Со всех сторон она окружена врагами...

Алек любил рассказывать о России, о ее прошлом, борьбе рабочих, о революции. Эти рассказы волновали австралийцев. Он всегда чувствовал, с каким напряженным интересом его слушают. И сейчас он ждал проявления этого интереса, ждал, когда протянутся невидимые нити между ним и людьми, сидящими в зале. Обычно он выбирал среди слушателей симпатичного ему человека и поглядывал на него в продолжение всего выступления. Так было легче говорить.

Сегодня он не нашел никого. Напрасно он останавливал взгляд то на одном, то на другом лице. На него старались не смотреть. Сидели, уставившись в пространство или обернувшись к соседу. Первые ряды оставались пустыми. Все устроились подальше от оратора. Алек обратил внимание на двух пожилых, тихо переговаривающихся мужчин. Один из них, с тонким худощавым лицом, близко поставленными черными глазами и седыми волосами, казался знакомым. Где-то Алек видел его раньше.

Второй — толстый, круглый, как шар, — все время крутил большими пальцами сомкнутых рук. Он отвлекал внимание, раздражал Алека.

Неясная тревога закралась к нему в душу. В чем дело? Отчего так странно ведут себя рабочие? Такого еще не случалось. Он оглянулся, ища среди слушателей Лесли. Его не было. Эмерсон куда-то исчез.

Алек продолжал говорить, но теперь он произвольно следил за поведением людей. Он заметил, что они часто оборачиваются к дверям. Почему? Ждут кого-нибудь. Лесли сказал, что больше никого не будет.

Алек уже рассказывал про интервенцию. В этом месте всегда раздавались возмущенные возгласы, едкие замечания...

«Ну, ну, — мысленно обратился он к слушателям, — да скажите же что-нибудь! Каково ваше мнение? Что вы думаете?»

Он обвел зал глазами. В рядах — тишина. Ни одного вопроса, ни одного гневного слова. Он услышал какой-то шум или, может быть, даже не услышал, а почувствовал его, и тотчас же все повернули головы к дверям. Они распахнулись, и в зал быстрыми шагами вошли несколько полицейских.

Алек прервал свою речь на полуслове. Два полицейских подошли к нему, стали рядом.

— Именем закона вы арестованы, Лонг, — сказал полисмен чином постарше. — Руки!

Алек вытянул руки вперед, щелкнули наручники.

— Товарищи! — крикнул Алек. — Ведь мы же не на воскресном митинге на улице! В чем дело? Беззаконие!

В зале никто не пошевелился. Алек увидел, как улыбается седовласый, обнажив желтые длинные зубы.

— Замолчите и следуйте за мной, — приказал полицейский. — Там разберутся, беззаконие это или закон. Идем.

Он подтолкнул Алека к выходу. Они прошли на улицу мимо молчавших людей. Мелькнул Лесли и тотчас же скрылся в доме.

«Так вот чего они ждали, — подумал Алек, глядя на выходивших из Виктория-холл рабочих. — Неужели знали? Не может быть...»

Все остальное было знакомым. И «черная Мери», ждавшая у входа, и тюрьма «Бога Род», и даже надзиратель, который проводил Алека в камеру.

— Вот ты опять приехал к нам в гости, — сказал ему тюремщик. — Теперь скоро не выберешься. Я-то уж знаю. Бери свой гамак.

Надзиратель швырнул ему брезентовый сверток. Оставшись один, Алек попытался последовательно обдумать все случившееся с ним сегодня. За что его арестовали? Он не выступал на улице, не говорил ничего такого, за что можно было бы посадить человека в тюрьму, все происходило в закрытом помещении... Непонятно. Какое-то недоразумение. Вероятно, его выпустят завтра.

Но снова мысли вернулись к выступлению в Виктория-холл. Перед ним проплывали лица рабочих, мрачные, неулыбчивые, беспокойные глаза Лесли Эмерсона и те двое — седой и толстяк, вращающий большими пальцами... Где же он видел того, худого? Он напряг память и неожиданно вспомнил.

...Судили Артема за организацию митинга без разрешения. В суде публика вела себя бурно, и вот этот седой, вскочив со скамейки, орал тогда:

— Вон социалистов! Запретить их партию!

Дело чуть не кончилось дракой. Зачем он пришел в Виктория-холл? Послушать ненавистного ему социалиста?

Нет, что-то тут не так. Алек еще не мог понять, что именно «не так», но уже чувствовал опасность. Тревожные мысли не оставляли его. Он ворочался в своем гамаке и долго не мог заснуть.

Не дождавшись Алека к ночи, Айна забеспокоилась. Муж никогда не задерживался так поздно, не предупреждая ее. Значит, с ним что-то случилось. Как быть? Ночь. Спросить не у кого. Придется ждать до утра. Айна так и не сомкнула глаз. Утром она позвонила Уайту в социалистическую партию.

— Не вернулся домой? — услышала она обеспокоенный голос. — Очень странно. Но вы не волнуйтесь. Я постараюсь все выяснить и позвоню вам. Думаю, ничего страшного.

Целый день Айна не находила себе места. Ждала звонка от Уайта. Тревога ее росла. Что с Алексом? Где он? Она позвонила в магазин и сказала, что не придет, плохо себя чувствует. Хозяин недовольно спросил:

— Надеюсь, что вы скоро поправитесь? За сегодняшний день придется удержать с вас жалование.

А Уайт все не звонил. Только когда начало смеркаться и вернулся с работы отец, раздался долгожданный звонок. Айна бросилась к телефону.

— Это вы, миссис Лонг? Ради бога, не волнуйтесь. Алек жив и здоров,— как-то неуверенно сказал Уайт, и сразу сердце ее забилося сильнее в предчувствии чего-то плохого.— Вы меня слушаете? По совершенно непонятным причинам Алек вчера арестован во время выступления в Виктория-холл. Да, да, вы правильно поняли, арестован.

— За что же? — упавшим голосом спросила Айна.— Ведь он выступал не в первый раз.

— Мы сами не можем понять. Нам с трудом удалось получить даже эти сведения. Его увезли в «Бога Род». Я очень прошу вас держаться спокойно, миссис Лонг. Мы все узнаем, а если потребуется, сделаем запрос в парламент.

Уайт положил трубку, а Айна в изнеможении опустилась на стул. Слова партийного секретаря встревожили ее еще больше.

— Ну что с Алеком? Удалось им узнать, почему он не пришел? — спросил Эдгар Янович, кладя руку на плечо дочери.

— Его арестовали, папа.

— Арестовали? Рассказывай все подробно.

— Я не хочу утешать тебя,— сказал Эдгар Янович, выслушав дочь и потирая переносицу.— Дело нехорошее и непонятное. Ты должна быть мужественной и подготовиться к худшему.

— К худшему? К чему же, папа? — испуганно спросила Айна.— Что может с ним случиться?

— Не знаю. Когда ты чего-то не понимаешь, всегда кажется, что можно ждать всего. Ну, не унывай. Ты всегда была сильной, дочка.

— Я сильная,— сквозь слезы прошептала Айна,— когда знаю, откуда мне грозит опасность. Я поеду в тюрьму.

— Попробуй.

Айна надела шляпку, накинула на плечи легкое пальто и отправилась в «Бога Род».

Она долго глядела на мрачное здание, стоящее за высокой кирпичной стеной, думала об Алеке и о его про-

роческих словах, сказанных накануне свадьбы. Тюрьма преследует их! Она позвонила в дверь дома тюремной администрации. Домик выглядел уютным. Оббитый плюшем, он ничем не походил на тюремную канцелярию. Послышались шаги, и заспанный солдат открыл дверь, впустив Айну вовнутрь. Здесь все было иначе, чем снаружи. Стены, окрашенные желтой грязноватой краской, затхлый запах смеси табачного дыма с каким-то дезинфицирующим средством наводили тоску.

Айна попросила вызвать начальника тюрьмы или кого-нибудь, кто сможет ответить на ее вопросы. Она села на жесткую, отполированную посетителями и временем скамью. Небольшую комнату освещала тусклая лампочка. За перегородкой что-то писал старый полицейский сержант. Он не обратил на Айну никакого внимания. Время тянулось медленно, нудно. Никто не входил в комнату и не выходил из нее. Наконец дверь отворилась. Появился помощник начальника тюрьмы. Айна сразу узнала его. Ведь она приходила сюда раньше, когда в первый раз арестовали Алека. Она даже помнила его фамилию — Соткин.

Офицер кивнул Айне, как старой знакомой.

— Все хорошеете, миссис Лонг, — сказал он, игриво окидывая взглядом стройную фигуру Айны, ее свежее лицо с нежным румянцем на щеках. — Такой женщине не следует тратить свое время на посещение тюрем. Вы меня вызывали?

— Я просила начальника тюрьмы принять меня, мистер Соткин.

— Его нет. Думаю, что я смогу заменить начальника. Что вам угодно?

— Мой муж у вас?

— Да. Его привезли вчера вечером.

— В чем его обвиняют?

— Это мне неизвестно, миссис Лонг.

— Вы говорите неправду. Вы все знаете.

— Возможно, но все равно я не могу сказать вам ничего до окончания следствия.

— Тогда я прошу свидания с мужем.

— И это невозможно.

— Только на несколько минут, мистер Соткин. — Айна умоляюще сложила руки. — Три минуты, не больше. В вашем присутствии.

— При всей моей симпатии к вам — невозможно. Я бы посоветовал набраться терпения. Через несколько дней все выяснится, и вы получите свидание.

Соткин сделал движение к двери.

— Вы уходите? — остановила его Айна. — К кому я могу обратиться и попросить о свидании?

— К королевскому судье, миссис Лонг. Но я думаю, что вашу просьбу не удовлетворят. Есть законы... Сожалею, что не мог быть полезным такой милой женщине. До свидания.

Он ушел. Она не знала, что ей делать дальше. Старый полицейский отложил перо в сторону, сочувственно взглянул на Айну.

— Эх, дорогая миссис, — сказал он скрипучим голосом. — Не нужно вам ходить сюда. Только сердце свое мучить. Вы такая молоденькая. А до конца следствия ничего не скажут.

Айна подбежала к загородке. Она уловила добрые нотки в словах старика.

— Скажите, ну скажите мне, сержант, может быть, вы что-нибудь знаете? За что его арестовали?

Полицейский опасливо оглянулся и шепотом проговорил:

— Точно не знаю, миссис. Арестовали за выступление. А что там, как... Не знаю. Не горюйте. Может, и обойдется. — Он снова взялся за перо.

Надо было уходить. Айна вышла на улицу. Сияло ослепительное солнце, небо, голубое и ясное, расстилось над головой, зеленые эвкалипты бросали свои тени на тротуар. Прыгали со скакалками девчонки, кричали, смеялись, а у Айны на душе было черным-черно. Она ничего не узнала.

Идти к судье Бартону? Она взглянула на часы. Еще не поздно. Она пойдет. Нужно использовать все возможности, даже если шансов на успех очень мало.

Айна вытащила пудреницу, протерла пуховкой по носу и щекам, поправила волосы.

...Судья принял Айну немедленно. Она прошла в его кабинет через пышную анфиладу комнат королевского суда. При входе молодой женщины сэр Бартон приподнялся с кресла.

— Миссис Лонг? — полувопросительно произнес он, мысленно удивляясь, что у Алека такая хорошенькая

жена.— Пожалуйста... — Судья жестом указал ей на стул. — Чем могу быть полезен?

— Вчера арестовали моего мужа. Я прошу, чтобы мне дали с ним свидание.

— Арестовали? — Бартон сделал удивленное лицо. — Мне об этом ничего не известно.

— Я была в «Бога Род» и узнала, что он там.

— Прошу прощения, миссис Лонг. Одну минуту.

Бартон снял трубку, назвал номер, подождал немного и, услышав ответ, спросил:

— Кто это? Соткин? Говорит королевский судья Бартон. Скажите, Лонг у вас? Ах, так... Понимаю, понимаю... Нет, дело еще ко мне не поступило. Благодарю вас, Соткин. К сожалению, ничем не могу вас порадовать, миссис Лонг,— повернулся он к Айне.— Ваш муж арестован за антиправительственное выступление. Пока о свидании не может быть и речи. Следствие начнется завтра, и полагаю, что закончится скоро. Дело очень ясное.

Айна сидела опустив глаза. Антиправительственное выступление? Да, в последнее время судили много рабочих за антиправительственные выступления, и наказания были не очень строгими. Правительство боится общественного мнения. Ну что ж. Надо подождать. Может быть, Уайту удастся выяснить подробности. Она встала.

— Спасибо, сэр. Больше мне не к кому обращаться за помощью. До свидания.

— Миссис Лонг,— вкрадчиво проговорил Бартон.— Я не знаю, говорил ли вам муж о нашей встрече, но я искренне симпатизирую ему и предупреждал о возможных последствиях его деятельности. Я хотел уберечь мистера Лонга от них и...

— Да, он говорил мне о вашей встрече, сэр, — вызывающе глядя на судью, сказала Айна.— Но он всегда был честным человеком.

Брови у судьи высоко поднялись, он хотел добавить что-то еще, но Айны уже не было в комнате.

20

Многое стало ясным Алеку после первого свидания с полицейским следователем. Арестованного привели в дом тюремной администрации и оставили одного

в комнате. Все ее убранство составлял стол и два стула. У дверей встал солдат. Через несколько минут явился молодой чиновник с тонкой папкой в руках. Он уселся за стол, полистал дело и поднял на Алека темные глаза.

— Вот что, Лонг. Я думаю, в ваших интересах не заператься, а сразу сознаться во всем,— сказал следователь.— Суд учтет ваше чистосердечное признание.

— Мне нечего скрывать, сэр. Я ни в чем не виноват.

— Тем лучше, Лонг. Тогда начнем. Итак... — следователь взглянул в папку,— в прошлый четверг вы выступали в Виктория-холл?

— Да, сэр.

— И призывали рабочих совершать террористические акты и диверсии, если их требования не будут удовлетворены. Так?

— Нет, сэр. Я не говорил ничего похожего.

— О чем же вы говорили?

— Рассказывал о революции в России. Это могут подтвердить все присутствовавшие в зале. Легко проверить.

— К сожалению, присутствовавшие показывают совсем другое. — Следователь опять заглянул в папку. — У меня показания десяти человек. Они слушали вас в четверг, и все показывают одно и то же. Цитирую: «Лонг призывал к террористическим актам и диверсиям...»

— Это ложь! Могу ли я ознакомиться с показаниями?

— Вы все услышите на суде. Но, если хотите...

Следователь протянул Алеку открытую папку. Алек с ужасом и негодованием принялся листать дело. Чиновник не солгал. Десять листов допросов, подписанных разными лицами, подтверждали его слова. Неизвестные смиты, калаганы, фишеры, уотсоны показывали, что Лонг Алек призывал к террору, диверсиям, свержению рабочего правительства.

У Алека на лбу выступил холодный пот. Он прекрасно понимал всю серьезность обвинений. Невероятно! Вот наконец мелькнула знакомая фамилия. Лесли Эмерсон. Ну, этот-то должен показать правду. Алек углубился в протокол, но с первых же слов ему стало ясно, что его надежды напрасны. Эмерсон показывал то же. Алек подвинул папку к следователю.

— Ну что, Лонг? Убедились? Ваше дело проиграно, поэтому я еще раз советую вам признаться и не затягивать следствие.

— Все, что я читал, сэр, самая гнусная фальшивка. Подписи поддельные, и меня на такой крючок не поймаете.

Следователь нахмурился:

— Напрасно, Лонг. Я совсем не хочу вас ловить на чем-нибудь. В этом нет никакой необходимости. Я же сказал, что всех свидетелей вы увидите на суде, услышите их показания.

Алек молчал. Он был подавлен сгустившимися над ним тучами лжи. Опять вспомнился четверг, его выступление в Виктория-холл... И лица, лица... Атмосфера отчуждения и безразличия... Ощеренный в улыбке рот седого... Люди, ожидавшие чего-то, что сейчас должно произойти, и их головы, повернутые к двери... Молчание в зале, когда ему на руки надевали наручники... Нет, он не верит, что все было подстроено заранее. Но как удалось получить подписи? Фальшивки!

Следователь что-то записывал.

— Продолжим, Лонг. Значит, вы утверждаете, что ничего подобного не говорили?

— Да, сэр. И буду настаивать на этом, сколько бы мне ни пришлось просидеть в тюрьме.

— Ну, хорошо. За что вы отбывали наказание несколько лет назад?

— Вы должны знать, сэр. За выступление в воскресенье без разрешения полиции.

Дальше допрос стал формально скучным. Следователь совсем потерял интерес к Алеку и задавал вопросы, мало относящиеся к делу.

Часа через полтора чиновник составил протокол, дал подписать его Алеку, позвонил. В комнате появился солдат.

— Уведите арестованного, Джим,— приказал следователь.— Очень неумно ведете себя, Лонг. Ну, мы еще увидимся. Подумайте обо всем. Может быть, здравый смысл окажется сильнее вашего упрямства.

Когда Алек остался один в камере, он стал вспоминать подробности своего выступления в Виктория-холл, вопросы следователя, показания свидетелей... По-прежнему картина начала проясняться. С чего же началось?

С «дружеской» встречи с судьей Бартоном. Брошенная им угроза... Затем? Приглашение выступить в Виктория-холл. Пришел неизвестный ему человек и просил приехать. Ну, в этом нет ничего особенного, так бывало часто. Не сообщили в социалистическую партию? И так бывало. Но вот почему ему не показалась подозрительной такая немногочисленная аудитория? Стоило из-за нескольких человек нанимать дорогое помещение? Кто нес расходы по найму? А потом поведение и реакция слушателей... Это должно было насторожить Алека. Он вел себя легкомысленно. А что оставалось делать? Отказаться? Нет, так он не мог поступить. Теперь, сопоставляя все факты, он пришел к выводу, что вся эта история затеяна не рабочими. Какие страшные обвинения возводят на него! Хотят покончить с ним одним ударом. Да, к сожалению, это не пустяковое дело о митинге без разрешения с приговором в один месяц тюремного заключения... Здесь пахнет каторжными работами на долгие годы, если ему не удастся доказать свою невиновность. Теперь надо было доказать на суде, что это была провокация. Конечно, ему будет очень трудно, но за ним стоит социалистическая партия. В общем, надо быть готовым к худшему, как всегда говорила Айна. Опять она остается одна, и теперь надолго. Какую жизнь он создал ей! Что она видела за то время, что они вместе? Да можно сказать, ничего. Страх за Алека, работа, вечное беспокойство. Но они были счастливы? Были. По-настоящему.

Ведь не приговорят же его к смертной казни? Нет. А тогда любой приговор — еще не конец жизни. Много может случиться. Человек жив — значит, способен бороться. И он будет бороться. Нет, они должны запомнить его выступление в суде. Он сорвет с них маски. И с лица вежливого Бартона тоже...

Так успокаивал себя Алек, а от сознания, что у него есть Айна, становилось легче.

Следователь приходил еще несколько раз. Мягким, вкрадчивым голосом он уговаривал Алека признаться в несуществующих преступлениях. Однажды на допросе Алек встретился с Лесли Эмерсоном. Следователь устроил им очную ставку.

— Вы знаете этого человека, Лонг? — спросил он, когда конвоир вышел и они остались втроем в комнате.

— Да, сэр. Я видел его два раза.
— При каких обстоятельствах?
— Это он пригласил меня выступить в Виктория-холл. А второй раз я видел его в зале во время выступления.

— Вы что-нибудь имеете против него?
— Ничего, сэр.
— А вы, Эмерсон?
— Ничего.
— Скажите, Эмерсон, вы подтверждаете свои показания?.. — Следователь перелистал папку. — Вы показали, что Лонг в своей речи призывал к террористическим актам и диверсиям. Так?

— Да, сэр.
— Тебе не стыдно, парень?! — взорвался Алек. — Ведь не было такого.

— Спокойнее, Лонг. Продолжайте, Эмерсон.
Лесли, не глядя на Алека, начал быстро бубнить заученные слова о диверсиях и терроре.

— Вы подтверждаете, Лонг?
— Отрицаю все начисто. Это ложь.
— Вы, Эмерсон?
— Подтверждаю.

Следователь писал протокол. Лесли ерзал на стуле, курил одну сигарету за другой и старался не смотреть на Алека. Они сидели в противоположных углах. Но в какой-то момент глаза их все же встретились. Алек, усмехаясь, спросил:

— Сколько тебе заплатили за показания, Эмерсон? Я не думал, что ты такая грязная гадина...

Следователь оторвался от бумаг:
— Сейчас же прекратите, Лонг, не то придется посадить вас в карцер.

— Я не могу видеть эту подлую, лживую рожу, сэр.

Следователь укоризненно покачал головой:
— Преступники никогда не могут видеть честных людей. Подпишите.

Алек подписал протокол допроса. Подписал свои показания и Лесли.

— Можете идти, Эмерсон. Благодарю вас.
Лесли скрылся за дверью.
— Вот видите, Лонг, что говорят люди...

— Я уже все понял, сэр.

— Мы еще устроим несколько очных ставок с теми, кто вас слушал. Вас припрут к стенке, и вы должны будете признать свою вину.

— Не трудитесь, сэр. Все равно я не соглашусь с ними.

Больше очных ставок не устраивали. Несмотря на неоднократные ходатайства Алека, свидания ни с Айной, ни с кем-либо из товарищей ему не дали. Назначили день суда. Алек потребовал, чтобы накануне принесли его одежду, разрешили побриться. Он знал, что на суде будут все его товарищи, Айна, родственники. За день до суда в камеру принесли его серый костюм, ботинки, белую рубашку и галстук-бабочку. Все вещи еще не потеряли домашнего запаха. Алек вздохнул. Вечером вместе с надзирателем пришел тюремный парикмахер. В руках он держал табуретку и плетеную корзиночку с инструментами.

— Садись. На бал собираешься? — пошутил парикмахер. Он был в арестантской полосатой одежде, сам худой и небритый, наверное, находился в «Бога Род» уже не один год.

— Садись, садись. Я тебе сделаю самую модную прическу, — повторил он. — Судья посмотрит на тебя, такого шикарного, и даст маленький срок.

Он ловко принялся орудовать ножницами. Светлые волосы Алека летели во все стороны. Потом он побрил его мелкой машинкой, — в тюрьме бритвы не разрешались. Надзиратель угрюмо наблюдал за парикмахером.

— Готов, — сказал парикмахер, стряхивая грязноватую простыню. — Выглядишь как лорд. Дай сигаретку.

Алек поблагодарил его, но сигареты кончились, и он, порывшись в кармане, протянул арестанту двадцать центов:

— купишь в тюремной лавочке.

— Пошли, пошли, — заворчал надзиратель. — Завтра будь готов к десяти часам. Пошли.

Загремели ключи, и все затихло. Алек остался наедине со своими мыслями. Последняя ночь перед судом... Завтра... За те три недели, что он провел в тюрьме, он постоянно думал об этом дне. Готовил защиту. Но чем яснее становилась для него сложившаяся обстановка,

тем меньше оставалось надежд на благополучный исход дела.

Свидетели подкуплены, их много. У всех одинаковые показания. Комедия разыграна, как в хорошем театре. Они выучили свои роли наизусть. Что может он противопоставить им? Только отрицание всего, в чем его будут обвинять, а это малоубедительно. Видимо, все присутствовавшие в Виктория-холл были специально наняты теми, кто хотел во что бы то ни стало убрать Алека. Кто может выступить в его защиту? Никто. Значит, надеяться не на что. Ну что же. Завтра кончится мучительная неизвестность. Лучше открыто смотреть опасности в глаза, чем чувствовать ее нависшей над тобой. Он встретится с «правосудием». От этой встречи зависит его будущее.

«Можешь не надеяться,— сказал ему арестант, с которым он недавно попал на прогулку.— Если они задумали погубить кого-то, то будь спокоен, погубят. Вот я, например, совершенно невиновен, а получил три года...» — И он принялся подробно рассказывать историю о том, как его несправедливо обвинили в мошенничестве. Заметив, что они разговаривают, надзиратель лишил их прогулки...

Алеку вспомнилось, как они с Лободой возили литературу из Англии, как сидел в рижской тюрьме, допросы Лещинского. Там было все проще, примитивнее. Сознаться! Не хочешь? В морду, в морду! Ну, как теперь? Молчишь? Снова избиение... Обрывки воспоминаний... Пруд с лебедями в центре Риги, Генуя, негр Джакоб, объяснение с Айной, Артем, кидающий грунт в тачку... И снова мысли возвращаются к завтрашнему дню.

21

Суд над Алеком собрал огромное количество людей. Зал был переполнен. Во втором ряду Алёк увидел Айну, Эдгара Яновича, Нину Сергеевну и многих товарищей по партии. Бледная Айна не отрывала от него печальных глаз и через силу улыбалась. Он ответил ей улыбкой и даже помахал рукой.

Алек сидел за деревянной загородкой на скамье подсудимых. Позади него стояли два полицейских со сложенными за спиной руками. Алек в сером костюме, ру-

башке и галстукe, высокий, похудевший, не походил на арестанта. Он сидел подняв голову, его светлые глаза были спокойны.

В зале он заметил несколько знакомых лиц, из тех, кто слушал его в Виктория-холл. Они занимали задние ряды. Публика тихо переговаривалась между собой.

Пришел секретарь суда, разложил бумаги на столе, скрылся в задней комнате и, появившись снова, возвестил:

— Встать! Суд идет.

Все встали. Вошли судьи в черных мантиях и королевский судья Бартон с массивной золотой цепью на шее. Он пошептался с коллегами и сказал:

— Суд приступает к разбору дела. Обвиняется Алек Лонг в антигосударственных преступлениях...

Скучным голосом он начал читать длинное обвинительное заключение. Публика затихла, шепот прекратился. Судья закончил чтение и спросил:

— Вы согласны с обвинением, подсудимый?

— Я отрицаю все до единого слова, сэр, — твердо сказал Алек, вставая.

— Тогда начнем опрос свидетелей.

Один за другим в зал суда входили свидетели обвинения. Алек не удивился, узнав в них людей, слушавших его в Виктория-холл. Здесь был и Лесли Эмерсон, и тот высокий, худой, с желтыми зубами, и маленький, толстый, похожий на шар, и другие, чьи лица он видел тогда.

Они подходили к большой Библии в потертом кожаном переплете, лежавшей на круглом столике, поднимали вверх два сложенных пальца, клялись говорить «правду, одну лишь правду» и принимались лгать. С подозрительными подробностями они рассказывали о речи, которую Алек никогда не произносил. После опроса каждого свидетеля атмосфера в зале накалялась все больше. А когда на Библии поклялся очередной свидетель и, преданно глядя судьям в глаза, заявил, что Лонг призывал к убийству некоторых администраторов завода, в публике раздались возмущенные голоса:

— Клятвопреступники! Лжесвидетели! Мы много раз слушали Лонга, и он никогда не говорил ничего подобного! Кто заплатил вам за показания?

Бартон позвонил в колокольчик и пообещал вывести из зала людей, не умеющих себя вести в присутствии суда.

Свидетели не интересовали Алека. Он знал, что они скажут. Он смотрел на Айну. Она вся напрыглась, вцепилась в руку отца и в отчаянии шептала ему:

— Что же это, папа? Как они смеют? Наглые лжецы. Я больше не могу слушать, я...

— Держись спокойнее, девочка, — говорил Струмпе, глядя ее руку. — Подождем приговора. Сейчас мы бес-
сильны что-нибудь предпринять.

— Ну почему, почему он отказался от адвоката? Он, наверное, помог бы Алеку.

— Нет. Казенный адвокат... Одна шайка. Тише!

Опрос свидетелей окончился. Начал свою речь прокурор. Он говорил об опасности, какую представляют для страны люди, подобные Алеку, о тяжелом времени, которое переживает Австралия, о единении национальных сил, патриотизме и о многих других прекрасных вещах, совершенно не имеющих отношения к Алеку. Закончил прокурор словами:

— ...Я требую для подсудимого наказания в пятнадцать лет каторжных работ. Один такой человек может принести нашей стране больше вреда, чем целая армия. Его действия и проповедуемые идеи являются крайне опасными для любого государства.

Зал ахнул. Люди повскакали с мест. Закричали. Бросились к судейскому столу. Неистово звонил колокольчик. Сейчас же появилось несколько полицейских, оттеснили толпу, образовали барьер между судьями и публикой.

— Мы не допустим произвола! — кричал Уайт, поднимая кулаки над головой. — У нас есть еще парламент, куда мы можем обратиться. Есть губернатор. Мы соберем тысячи подписей, чтобы разоблачить эту комедию!

С трудом удалось восстановить спокойствие. Подействовала угроза продолжать суд при закрытых дверях.

Алек не ожидал, что прокурор потребует такого наказания. Он боялся за Айну. Сумеет ли она выдержать все это? Она прижалась к отцу и дрожала. Эдгар Янович обхватил плечи дочери рукой.

После многочисленных и ненужных вопросов, заданных Алеку судьями, Бартон провозгласил:

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово.

Алек поднялся со скамейки. Он встретился глазами с Уайтом, чуть улыбнулся Айне, она теперь сидела выпрямившись, приложив ладони к щекам, и смотрела на него.

Повернувшись к судьям, Алек громко произнес:

— Я отрицаю все обвинения, предъявленные мне. Я социалист. Идеи Маркса — мои идеи. Любой из вас, кто когда-либо читал труды этого ученого, знает, что он всегда был против террора и диверсий. И мы, социалисты, против них. Мне не нашлось бы места в социалистической партии, если бы я проповедовал террор. Да, я выступал в Виктория-холл. Но говорил только о революции в России. Никто никогда не запрещал рассказывать о ней. Почему же свидетели показывают другое? Да потому, что они все подкуплены. Поэтому их было так мало в зале. Я признаю, что часто выступал в защиту рабочих, но это право каждого человека. Право защищать свои права. Я уважаю страну, в которой живу уже несколько лет, уважаю ее конституцию, и мне стыдно, когда ее так безбожно попирают...

Люди в зале зашевелились. Кто-то крикнул:

— Ее давно забыли!

— ...но, видно, мои выступления стали кому-то поперек горла и меня нужно было убрать, — продолжал Алек. — Сначала мой голос хотели заглушить деньгами. Они хотели купить меня, как купили свидетелей, предлагали должность в профсоюзе, если я буду говорить то, что они хотят. Меня пригласил к себе домой влиятельный человек нашего города...

Люди сидели так тихо, что можно было услышать собственное дыхание. Бартон позвонил.

— Не отвлекайтесь. Говорите по существу, подсудимый.

— Все по существу вопроса, сэр. Итак, я продолжаю. Я приехал в роскошный особняк на Милитери-Ки, и меня любезно встретил сам хозяин...

По мере рассказа Алека лицо судьи краснело, наконец он не выдержал и снова взялся за колокольчик:

— Еще раз предлагаю говорить по существу дела, иначе я лишу вас слова.

— Так, конечно, безопаснее. Я ничем не оскорбил ни суд, ни судей, сэр. Хозяин дома сказал мне, что моя деятельность повлечет за собою неприятные последствия. Как видите, их не пришлось долго ждать. Я на скамье подсудимых.

Из зала возмущенно закричали:

— Назовите имя! Кто был этот человек?

— Мне нечего терять, друзья. Я не делал отвода судьям, потому что такой шаг бесполезен. Не все ли равно, кто будет судить меня? Это был судья Бартон.

По залу прокатился возмущенный шепот.

Судья встал. Он подождал, пока наступит тишина, и спокойно проговорил:

— Подсудимый Лонг сказал правду. Я действительно приглашал его для того, чтобы предупредить об опасности, которая грозит ему, если он не прекратит своих подстрекательских речей. Я хотел ему только добра. У него было время подумать. К его выступлению в Виктория-холл я не имею никакого отношения. Суд удаляется на совещание.

Судьи ушли в заднюю комнату. Объявили перерыв. Алека увели.

— Чудовищно! Мы будем протестовать. Прокурор сошел с ума. Суд не может согласиться с его требованием. Я никогда не слышал ничего подобного,— говорил Уайт, подойдя к семье Струмпе, сидевшей в углу зала ожидания и окруженной русскими эмигрантами. — Возмутительно!

Эдгар Янович молчал, с жалостью поглядывая на Айну. Она прильнула к матери, устремив застывшие глаза в пространство. Нина Сергеевна гладила ее плечо, прижимала к себе, как бы желая защитить от посторонних взглядов, и шептала слова ободрения:

— Крепись, девочка. Не надо плакать. Слышала, что сказал Уайт? Все изменится. Они подадут протест, соберут подписи. Дело пересмотрят. Все будет хорошо.

— Я не плачу, мама. Думаю, как жить дальше. Я не могу без Алека. Мне надо собраться с мыслями...— шептала в ответ Айна.— Немножко приду в себя. Ты не бойся за меня...

Кругом шумели. Возмущались, предлагали немедленно ехать к губернатору, кое-кто разыскивал свидетелей.

— Нужно заставить клятвопреступников отказаться от показаний,— возбужденно размахивая руками, говорил молодой человек, судя по одежде — батрак с фермы. — Не откажутся — бить их до смерти!

— Правильно! Заставить их...

Но ни одного свидетеля в суде уже не было. Они исчезли.

Только через два часа судьи вернулись на свои места. Бартон встал и торжественно объявил приговор:

— Королевский суд вынес приговор в защиту государства против человека, назвавшегося Алеком Лонгом. Точное установление личности подсудимого суд не интересуется. Достаточно того, что личность, привлеченная к суду, является той личностью, которая действовала преступно...

Далее следовали пункты обвинения, подкрепленные показаниями свидетелей. Чем дальше читал Бартон, тем напряженнее становилась тишина в зале.

— За совершенные преступления против государства суд приговорил Алека Лонга к десяти годам каторжных работ...

Эдгар Янович сжал руку Айны так крепко, будто хотел передать ей свою силу. Но она сидела спокойно, уставившись в лицо судьи. Айна искала только его глаза, когда время от времени он устремлял свой взор в зал.

— Но,— продолжал Бартон, подняв указательный палец кверху, голос его зазвучал патетически,— королевский суд гуманен. Подсудимый является русским по национальности, подданным другого государства, и, хотя его преступления совершены в Австралии, против нашей страны, суд нашел возможным не приводить приговор в исполнение, а выслать подсудимого из Австралии и под конвоем отправить в Одессу с передачей его единственно законному правительству России, правительству генерала Деникина. Алеку Лонгу навсегда запрещается появляться в любой точке земного шара, принадлежащей Соединенному Королевству. Невыполнение повлечет за собою смертную казнь...

Бартон читал дальше, но все уже было ясным, и публика не слушала судью, тихо переговариваясь между собой.

— К Деникину! Там ему не поздоровится. Вот мерзавцы! Сделали хитрый ход. Лишили нас возможности

ходатайствовать за Алека. Будут тянуть месяцами,— сказал кто-то сидящий позади Айны.— Ловко отделались от беспокойного человека. Что может ждать большевика в белой России?

А Бартон все читал. Номера статей, пунктов и параграфов.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит,— заключил он, садясь на свое место и отирая лоб платком.

— Ну это мы еще посмотрим! — закричал Уайт.— Никто не может помешать нам протестовать.

— Не успеешь, Уайт. Его немедленно увезут из Австралии,— сказал сосед, рабочий со скотобойни.— Неужели ты думаешь, что они будут ждать?

Суд закончился. Судьи удалились. Секретарь не торопясь собирал со стола папки и бумаги. Люди, переговариваясь, выходили из зала. Алек в последний раз обменялся с Айной взглядами, улыбнулся ей. Жалость разрывала ему сердце. Так сильно изменилась жена за эти несколько часов.

— Я приеду в тюрьму, Алек. Теперь нам дадут свидание,— крикнула она, когда его уводили.— Держись, милый!

Пока Алека везли из здания суда в тюрьму, он раздумывал над приговором. Сначала он был ошеломлен, не сразу понял, что тот принес ему, но вскоре коварство судей стало для него очевидным. Что он, большевик, осужденный английским судом на десять лет каторги за агитацию против правительства, может ожидать у Деникина? Пулю или петлю. Он много слышал о той жестокости, с какой белые расправлялись с большевиками. Пощады для них нет. Суд хорошо знал, куда надо его послать.

И все же, несмотря на мрачное будущее, какое-то чувство, похожее на облегчение, охватило его. Может быть, товарищам удастся что-нибудь предпринять. Значит, пока ему не придется носить полосатую тюремную одежду, его не повезут на Новую Гвинею в каторжные поселения, не заставят там работать, а путь до Одессы далек... Никто не знает, что произойдет с ним в дороге, какие могут встретиться неожиданности. Он получил отсрочку. Никогда не надо мучить себя из-за того, что еще не случилось. Вот привезут в Одессу, тогда он будет ду-

мать, что ему делать. Возможно, и ехать никуда не придется. Многое зависит от того, что сумеет Уайт.

Эти мысли подбодрили Алека. Надзиратель, впуская его в камеру, удивленно спросил:

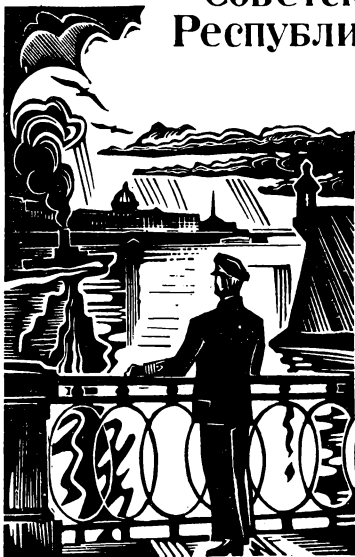
— Что? Дали маленький срок?

— Предлагают морское путешествие для восстановления подорванного здоровья. Скоро уеду от вас, Куки.

Тюремщик недоверчиво покосился на него и в сердцах захлопнул дверь. Он не любил, когда арестованные называли его Куки — прозвищем, данным ему тюремными офицерами. Но Алеку уже было наплевать на него.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Гражданин Советской Республики

После суда Бартон вернулся домой в отличном настроении. Как умно он ответил Лонгу, когда тот выложил свои главные козыри и принялся рассказывать о визите к судье. Ответил так, что у публики отнялись языки, а к аресту в Виктория-холл он на самом деле не имеет никакого отношения. И все же хорошо, что суд над Лонгом наконец закончился. Надо только скорее отправить его в Россию, чтобы не дать возможности социалистам заварить кашу, поднять общественное мнение. Конца не будет протестам, обращениям к народу, запросам в парламент. Ну, об этом он позаботится сам. Сейчас же позвонит в тюрьму и даст указания. Пусть подберут сопровождающего, оформят все нужные документы для Константинополя, откуда Лонга пересадят на русский пароход, и отправляют его с богом. Чем скорее, тем лучше.

На пороге дома судью встретила миссис Бартон. Она всегда интересовалась процессами, которые вел ее сын. Волновалась за него и очень хотела, чтобы о нем говорили и писали как о справедливом человеке.

— Ну, и чем же кончился суд, Эндрью? — спросила она, целуя сына в лоб.

— Лонгу дали десять лет каторжных работ, но заменили высылкой в Россию, — сказал Бартон, сбрасывая пиджак. В комнате было душно.

— Я всегда была уверена, что ты добрый и гуманный мальчик, — воскликнула миссис Бартон. — Ну, хватит о делах. Ты, вероятно, страшно голоден? Сейчас Кэт принесет тебе поесть. Кстати, сегодня твои любимые бананы котлеты с косточкой.

— Ты просто ангел, мама,— сказал судья и поцеловал руку матери.

Как только миссис Бартон вышла из комнаты, судья схватился за телефонную трубку.

— Вы уже знакомы с приговором по делу Алека Лонга, Джордж? Очень хорошо,— сказал он начальнику тюрьмы.— Заготовьте все документы. Справьтесь об отходящих завтра судах в Европу. Если не будет прямого парохода в Турцию, где Лонга надо пересадить на идущий в Россию, то найдите место на том, который идет в порт, где можно сделать пересадку. Понятно? Необходимо все организовать срочно и совершенно секретно. Свидание? — Бартон с минуту подумал.— Мне кажется, что не стоит. Пообещайте дать в ближайшие дни, а потом сообщите жене, на каком пароходе его отправили. Почему? У него слишком энергичная жена, Джордж...

Ну, так. Сколько нервов надо иметь человеку, чтобы быть судьей! Какое сегодня число? Двадцать третье, пятница. Больше недели он не виделся с Лолой Брэдок...

При воспоминании о Лоле судья улыбнулся. Какая женщина! Создает же бог таких красавиц. Ноги, руки, глаза! Да что говорить, все — совершенство.

Только теперь судья понял, как он соскучился по Лоле. Всё проклятые дела! Но вечером он обязательно встретится с ней. Отдохнет и поедет в «Золотую подкову». Они поужинают вместе, а потом...

Ночное кабаре «Золотая подкова» помещалось на краю города, в живописном уголке на берегу океана. Дом стоял в густом саду, и с улицы была видна только аллея, обсаженная ровно подстриженными кустами. У калитки висела большая деревянная подкова, выкрашенная золотой краской, а на самом доме, уже внутри сада, огромный красочный плакат, изображавший Лолу Брэдок в черных длинных чулках с розовыми подвязками. В этом году она была гвоздем сезона и пользовалась невиданным успехом у публики.

Бартон появился в «Золотой подкове» поздно, когда программа уже началась. Его встретил почтительно склонившийся метрдотель и доверительно сказал:

— Забыли вы нас, мистер Бартон, давно не были. Мисс Брэдок еще не выступала. Ваш стол, как всегда, свободен. Прошу.

Он откинул перед судьей тяжелую портьеру, и они очутились в небольшом зале, заставленном столиками.

Все места были заняты. На маленькой эстраде молодой человек в цилиндре лихо выбивал чечетку. Громко играла музыка. Бартона заметили. Со всех концов неслись приветственные возгласы:

— Хэлло, Эндрю! Где вы пропадали?

— Здравствуйте, Бартон! Идите к нам.

Раскланиваясь, он следовал за метрдотелем в глубь зала, к свободному столику.

— Пригласить мисс Брэдок? — спросил метрдотель, когда судья уселся в кресло. — И подать ваше любимое «Редерер»?

— Скажите ей, что я в зале, Фердинанд, и жду ее. Пусть придет после своего номера. Шампанское подайте.

Метрдотель почему-то не уходил. Бартон удивленно взглянул на него:

— Вы хотите что-то сказать мне, Фердинанд?

— Да, сэр, — наклонился к уху судьи метрдотель. — Может быть, это не мое дело... Мисс Лола в очень плохом настроении. Я хотел сказать вам об этом, сэр... Извините.

— Спасибо, Фердинанд, — улыбнулся судья.

Бартон самодовольно подумал: «Простой человек Фердинанд, а все замечает и понимает».

Танцор кончил отбивать чечетку, раскланялся, скрылся за кулисами. Конферансье, улыбаясь, объявил:

— Мисс Лола Брэдок!

Он захлопал в ладоши. Зал гроыхнул аплодисментами. На эстраду выбежали шесть девушек, одинаково одетых в бело-черные кружевные платья со множеством воланов. Под бравурный мотив, высоко закидывая ноги, они начали танцевать канкан. Когда они становились одна за другой, казалось, что на сцене извивается бело-черная змея. Но вот раздалась дробь барабана, музыка смолкла, танцовщицы остановились. Появилась Лола Брэдок.

Зал восторженно приветствовал артистку. Лола Брэдок! Королева «Золотой подковы»! Любимица публики!

Она действительно была хороша. Гибкая, как пруттик вербы, стройная, с длинными ногами, маленькой красивой грудью, смуглокожая, с чуть раскосыми глазами, пунцовым чувственным ртом, Лола напоминала редкий экзотический цветок. Таких девушек Бартон встречал на острове Бали, когда ездил в увеселительное путешествие по островам Индийского океана.

Но почему она не подошла к его столику? Лола всегда подходила к нему. Она видела его,— он сидел на своем обычном месте. Видела — и не подошла. Даже не посмотрела в его сторону, не встретила глазами. Почему? Сердится за что-нибудь? Плохое настроение? Он постарается развеселить ее. Порадует. Скажет, что она может купить браслетик в магазине Вигзеля. Он ей так понравился.

Тем временем Лола кончила петь и ушла с эстрады. Публика требовала повторения песенки, неистово хлопала, некоторые встали и что-то кричали. Артистка не появлялась. Свет на эстраде погас. Программа кабаре закончилась.

Через зал к столику Бартона шла Лола. Сейчас на ней было черное закрытое платье, на груди блестела маленькая скромная брошь.

— Здравствуй, Эндрью, — сказала девушка. — Ты давно не был. Вершил справедливый и скорый суд?

Бартон встал, подвинул ей кресло:

— Я рвался к тебе, дорогая. Ты не можешь себе представить, как я соскучился по тебе! Но дела, дела... Будешь что-нибудь есть?

— Нет. Налей мне шампанского.

Она залпом выпила бокал и попросила налить второй. Бартон удивился. Обычно Лола пила мало.

— Ну, расскажи мне, в чем все-таки дело. Может быть...

— Расскажу. Налей мне еще вина.

Бартон пожал плечами и наполнил бокал.

— Еще бутылку! — скомандовала Лола подошедшему к ним метрдотелю. — Бутылку моего любимого «Редерера». Отпразднуем твой успех, Эндрью.

Она быстро пьянела. Фердинанд заметил это и вопросительно взглянул на Бартона. Судья кивнул головой. Через минуту на столе появилась вторая бутылка.

— Ну, скажи же наконец, что тебя так волнует?

— Зачем ты упрятал моего брата в тюрьму на два года, Эндрью? — раздельно и громко спросила девушка. Сидящие рядом повернули головы в их сторону. — Ты же знал, что они требовали своего законно.

— Какого брата? Я ничего не понимаю.

— Родного брата. Джемса Брэдока. Рабочего с лесопильного завода. Не помнишь?

Бартон вспомнил. Действительно, три дня назад он судил трех молодых парней с лесопилки. Они взбунтовались из-за непомерных вычетов, сделанных из их жалованья хозяином, и в знак протеста поломали циркульные пилы. Все получили по два года. Джемс Брэдок! Да, кажется, там была такая фамилия. Но кто же знал, что он брат Лолы?

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Ничего бы ты не сделал. Ничего. Раньше я не могла тебе сказать, так как только сегодня узнала об аресте Джемса. Ты безжалостный, черствый подлец, Эндрью! Разве ты справедливый судья? — Лола дрожащими от волнения руками налила себе шампанского. Она была совсем пьяна.

— Говори, пожалуйста, тише. На нас обращают внимание, — прошептал судья, видя, что люди с интересом смотрят на их столик, ожидая скандала. — Лучше пойдем отсюда и поговорим где-нибудь в другом месте.

— Никуда я не пойду. Ты знал, ведь знал, что рабочих обидели, они правы, а полностью виноват их толсто-мордый хозяин Скинер. Знал и все-таки посадил их в тюрьму. А у Джемса жена и двое детей. Справедливый судья! И сегодня ты послал хорошего человека на виселицу. Кого? Лонга. Я все знаю.

Она размахнулась и влепила оторопевшему судье звонкую пощечину.

— Это тебе за Джемса, за Лонга и аванс за будущих невинно осужденных. Подлец!

Лола упала в кресло и забилась в истерике. В зале хохотали:

— Вот это да! Смелая девчонка...

Судья бросил салфетку на стол и, ни на кого не глядя, пошел к выходу. За ним с извинениями и поклонами следовал вконец расстроенный Фердинанд. Такая история в «Золотой подкове»! Грандиозный скандал. Что это грандиозный скандал, понимал и Бартон. Королевский судья, первое лицо в городе, публично получил пощечину! От кого? От девки, танцовщицы сомнительного поведения! Позор, огласка, анекдоты...

На следующий день все брисбенские газеты в отделе хроники поместили пикантные описания происшествия в «Золотой подкове». Газета «Брисбен ньюс» дала завлекательный заголовок: «Любовь и политика». Бартон был вне себя. И хотя ни одна газета не посмела упомя-

нуть его фамилии, все было «секретом полишинеля». Город смаковал скандал, и действующие лица были всем хорошо известны. Пощечину мисс Брэдок услышал весь штат Квинсленд.

А через два дня судью Бартон вызвал в Канберру губернатор. Сэр Эндрью сразу понял, что приглашение — следствие скандала в кабаре.

2

Алек поднял руки, звякнули наручники, и он открыл иллюминатор. В каюту ворвался свежий морской ветер. Стало слышно, как волна плещется у борта судна. Он просунул голову в круглое отверстие, с наслаждением вдохнул прохладный воздух. Над ним расстилалось черное небо со знакомыми звездами. Он безошибочно узнавал их: Маркаб, Крест, Андромеда, Сириус... Внизу, отражая их в такой же черной, как небо, воде, лежал океан.

Судно покачивало, палуба чуть заметно дрожала под ногами. Он так давно не ощущал этого дрожания. Доносился скрежет железа. Кочегары орудовали лопатами, подбрасывая уголь в топку.

Алек сел на койку. Из соседней каюты через дощатую переборку слышался залихватый храп. Это безмятежно спал Гордон Мерфи, конвоир Алека, молодой курносый солдат из Дарвина. Он вез «опасного государственного преступника», так ему сказали в тюрьме, и потому с утра был очень важным, строгим и неразговорчивым. Но сразу же после отплытия судна изменился. Стал простым деревенским парнем. Вот только наручники снять отказался. Бойтся, чтобы Алек не убежал. Дуралей! Куда здесь убежишь? Каюта заперта, в иллюминатор не выскочишь, а выскочишь, так попадешь в зубы акулам. Да и без них все равно гибель. Не доплывешь, — до берега двести миль. Пароходы проходят редко.

Да... Он был готов смириться со всем. С наружниками, с душной каютой, с плохой тюремной пищей. Со всеми лишениями и неудобствами, кроме одного. Алек так и не повидал Айны. Его подло обманули. Заверили, что дадут свидание, и обманули. Рано утром приказали собрать вещи и быть готовым к отъезду. Он отказался. Заявил, что никуда не поедет до тех пор, пока ему не

позволят повидаться с женой. Начальник тюрьмы приложил руку к сердцу:

— Я вам обещаю. Мы сообщили миссис Лонг, что бы она приехала прямо на пароход. Времени у нас в обрез. Судно уходит через три часа.

Он поверил. Его привезли в порт, закрыли в каюте, сказали, что скоро придет жена. Он мучительно ждал ее, прислушивался к каждому шороху в коридоре, к обрывкам разговоров, к малейшему звуку. Он был в страшном напряжении и наконец услышал, как отдают швартовы, убирают трап. Алек так хорошо знал эти команды, топот ног по палубе, отрывистые приказания боцмана у трап-талей. Тут уж его нельзя было обмануть. Он принялся бешено колотить ногами в железную дверь, кричал, посылая проклятия на головы тюремщиков, но никто не обращал на него внимания.

Пароход начало покачивать. Они вышли в океан. Все было кончено. Он в изнеможении упал на койку, вцепился зубами в подушку, слезы текли по его щекам. Может быть, он никогда больше не увидит Айны. Никогда! Эта мысль была невыносимой.

Так он и не увидел в последний раз Айны. Не смог утешить ее, вселить надежду в измученное сердце. Ничего не сумел он сделать. Будь они прокляты, лжецы и фарисеи! Он чувствовал себя бесконечно одиноким. К чему такая жестокость? Что случилось бы, если они побыли бы вдвоем полчаса? Чего они боялись?

Он не думал о своем будущем, только об Айне. Незадолго до его выступления в Виктория-холл она, ласкаясь к нему, сказала, что ожидает ребенка.

Лучше бы она этого не говорила, лучше бы не было ребенка в это тяжелое для них время.

Алек лежал с открытыми глазами. Судно продолжало покачивать. В иллюминаторе то показывалась, то исчезала яркая звезда, рядом храпел Мерфи, из кочегарки доносился скрежет лопат... Все было кончено.

Английский пароход «Сити оф Лондон» бесстрастно разрезал своим острым штевнем ночные воды Индийского океана, на мостике нес вахту второй штурман, капитан пил кофе со старшим стюардом, механики болтали в кают-компании. Никому не было дела до арестанта из носовой каюты, до его переживаний...

Утром Алек услышал, как в замке повернули ключ. Вошел Мерфи. Чисто выбритый, в отглаженной форме, он выглядел празднично.

— Пойдемте завтракать, Лонг, — сказал солдат, улыбаясь. — Путешествие началось. Поедим на палубе. Сегодня чудесный день. Думаю, что вам будет приятнее, чем сидеть в каюте. Потом погуляем, полюбуемся на океан.

Мерфи так и лучился добродушием и хорошим настроением. Он был в восторге от миссии, которая совсем неожиданно выпала на его долю. Подумать только, он побывает в Индии, в Африке, в Турции! Будет, что рассказать дома, когда он вернется.

Алек глядел на него с неприязнью:

— Скажите, Мерфи, почему мне не дали свидания с женой?

— Свидания? Понятия не имею.

— Врете, Мерфи. Я целый час дубасил ногами в дверь, когда мы уходили, и кричал. Вы не могли не слышать.

— Я слышал, что вы ведете себя беспокойно, и думал, что так и должно быть. Мне сказали, что вы нервный, при отправлении, наверное, будете бушевать. Предупредили, чтобы я ни в коем случае не отпирал каюту. О вашей жене я ничего не знаю.

Алек понял, что солдат искренен и говорить с ним бесполезно. На самом деле он ничего не знает. Его тоже обманули.

— Ладно, Мерфи. Снимите с меня наручники. Они мне натирают запястья. Я же просил вас.

На лице солдата появился испуг.

— Нет, Лонг, я этого не сделаю. У меня есть строгий приказ — держать вас все время в наручниках.

— Для чего?

— Чтобы не убежали.

— Экий вы все же... Ну посмотрите, куда я могу убежать?

— Так-то оно так... Но приказ?

— Плюньте вы на приказ. Ведь теперь надо мной самый главный начальник — вы. А над вами нет никого. Вы вроде бога.

Мерфи растянул рот в улыбку:

— Скажете тоже! Вроде бога!

— Нет, на самом деле, Мерфи. Вы же неглупый парень. Кругом океан, а я не собираюсь прыгать за борт. Хочу еще пожить. Ну?

— Хорошо. Я сниму с вас наручники, если вы дадите честное слово джентльмена не пытаться бежать и не употреблять мою доброту во вред, — сказал солдат.

— Не сомневайтесь. Слово джентльмена, Мерфи.

— Смотрите. Я верю вам. А теперь пошли завтракать.

Они устроились на залитом солнцем трюме. Небольшие волны со снежными гребешками катились по синему океану от бортов до самого горизонта. По небу плыли похожие на ватные комочки легкие облака. Напоенный запахами океана воздух был чист. Ветер обдувал лицо. Несмотря на утро, на палубе уже становилось жарко.

Все напоминало Алеку прошлое. На какую-то минуту он почувствовал себя матросом парохода «Анни Мёрск». Вот так же они завтракали и обедали на трюмах в Средиземном море, когда в кубрике становилось невмоготу от духоты.

Мерфи сходил на камбуз, принес овсяную кашу, кофе, по куску пирога, и они принялись есть. Мимо проходили матросы, с любопытством поглядывали на Алека. В конце концов один из моряков не выдержал, бросил на трюм пачку сигарет и спросил:

— Кто этот человек, солдат?

Мерфи важно ответил:

— Проходи, проходи. С ним запрещено разговаривать. Государственный преступник.

— Убийца?

— Нет. Говорят тебе — государственный преступник. Политический. Проходи!

— Ой как страшно! — Матрос показал Мерфи рога, сложенные из двух пальцев. — Бери сигареты, парень, — обернулся он к Алеку. — Если у тебя туго с куревом, я соберу еще у ребят. Можно, Томми?

— Спасибо, — поблагодарил Алек. — Сигареты не мешают. Притащи, если сможешь.

Мерфи рассердился.

— Прекратить разговоры! — заорал побагровевший солдат. — Я сказал — запрещено. Или я сейчас же запру вас в каюте, Лонг, а на тебя пожалуюсь капитану. Узнаешь тогда, что будет.

— Слушаюсь, сэр, — с деланным послушанием сказал Алек и замолчал. Ему не хотелось уходить с палубы в душную каюту.

— Ну ты и служака, Томми! Только в деревнях есть такие законченные ослы, — засмеялся матрос. — Ты такой дурак на самом деле или только делаешь вид?

— Но, но! Ты поговори у меня. Не забудь, что я при исполнении служебных обязанностей.

Алек молча курил, наблюдая за нахохлившимся солдатом. Вид у него был очень смешной.

— Не сердитесь на меня, Мерфи, — примирительно проговорил Алек. — Право, я не виноват.

— Вы не должны разговаривать с командой. У меня на этот счет тоже есть приказ.

— Вы сами себе здесь приказ, Мерфи. Я же говорил вам. Ничего не случится, если мы перекинемся парой слов с парнями. Вы знаете, ведь я тоже моряк...

— Разве? — удивился Мерфи. — А ну, расскажите. Давайте пройдемся.

Они встали с трюма и, как два добрых приятеля, принялись шагать по палубе от полубака до средней надстройки. Алек охотно рассказывал солдату о себе, о своих плаваниях. Мерфи слушал его с открытым ртом.

— Сколько вы повидали! — воскликнул он, когда Алек дошел до своих скитаний по Южным морям. — Только в книжке и можно прочитать такое. За что же вас арестовали?

— А вам разве не сказали в тюрьме?

— Нет. Только приказали не спускать с вас глаз.

— Ну, об этом я расскажу вам в следующий раз. Не все сразу. Лучше вы мне скажите, куда вы везете меня.

— Как куда? В Турцию. Там я передам вас другой охране, и вас отправят дальше, в Россию.

— Значит, наш пароход идет в Турцию?

— В Индию. Там перейдем на другое судно.

— Ах вот что...

Они оставались на палубе до самого обеда. Пообедали. Мерфи захотел спать. Он надел Алеку наручники и повел в каюту.

— Отдохнем, а потом снова погуляем, — утешил его солдат.

— Напрасно, Мерфи. Никуда я не денусь. Можете спокойно отдыхать, а я побуду на палубе.

— Э, нет. Так дело не пойдет. Я должен быть все время с вами.

Прошло несколько дней, и солдат привык к Алеку, особенно после того, как тот рассказал ему, за что его арестовали.

— Если все правда, уж очень строго с вами поступили.

Между солдатом и Алеком вскоре установились дружеские отношения. Теперь днем Мерфи не надевал на Алека наручники, разрешал быть на палубе с утра до наступления темноты, перестал обращать внимание на его общение с командой парохода. Матросы и кочегары, свободные от вахты, любили посидеть на свежем воздухе, поболтать с Алеком. Они сразу почувствовали в нем хорошего человека, а когда узнали, что он моряк, то засыпали его куревом и едой. Каждый хотел хоть чем-нибудь ему помочь.

Алек попросил разрешения у Мерфи работать вместе с командой. Работа отвлекала его от мрачной действительности. Солдат милостиво разрешил, но все же никогда не оставлял Алека одного. Всегда торчал рядом.

Боцман «Сити оф Лондон» не мог нарадоваться, видя, как отлично знает арестант морское дело. Алек быстро стал на пароходе своим.

Только когда Мерфи отводил его в каюту и Алек оставался один, мысли об Айне возвращались вновь и вновь, не давали ему покоя, и будущее казалось безнадежным. Он подходил к открытому иллюминатору, глядел в звездное темное небо, слушал плеск волн за бортом. При каждом движении позвякивали наручники, которые Мерфи не забывал надевать на ночь, и мучительно напоминали, что он всего-навсего арестант, государственный преступник и ждать впереди чего-либо хорошего не приходится.

Алек плохо спал. Мешали скованные руки и кошмары. Они терзали его каждую ночь. Ему снилась Айна. Всегда с ней происходило что-нибудь плохое. Он стремился к ней, хотел помочь, освободить ее, но что-то темное, липкое наваливалось на него. Он все видел, но не мог шевельнуться, испытывая невероятные муки от своего бессилия. Вокруг кривлялись страшные, искаженные уродливыми гримасами рожи, хохотали, протя-

гивали к Айне когтистые лапы, а он не мог поднять рук, защитить ее... Алек просыпался в холодном поту, счастливый от того, что это был только сон, но после долго не мог заснуть.

«Сити оф Лондон» был старым грязным пароходом всего с двумя пассажирскими каютами. Ходил он медленно, и плавание до Бомбея, куда шло судно, предстояло длинное. Не меньше двух недель.

3

...Всю ночь Айна ходила по комнате, хваталась то за одно, то за другое. Что-то убирала, принималась за никому не нужное шитье, потом бросала все. Как и чем помочь Алеку?

Она подбегала к комоду; в какой уже раз доставала заветную коробочку с «драгоценностями», подарками разного времени! Золотым колечком, тонкой цепочкой, часиками... За них можно выручить только несколько жалких фунтов. Отчаяние охватывало ее. Она металась по комнате, как пойманная в сети птица.

Эдгар Янович и Нина Сергеевна прислушивались к шагам в соседней комнате и не знали, как утешить дочь.

— Не спит! — шептала Нина Сергеевна, прикладывая к глазам платок. — Эдди, пойдй, постарайся уговорить ее лечь в постель.

Струмпе нерешительно шел в комнату к Айне.

— Ложись, дочка, ложись. Утро вечера мудренее. Не мучай себя напрасно. Из-за того, что ты не будешь спать, Алеку не станет легче. Поспи. Завтра тебе предстоит еще много волнений.

— Не могу, папа. Не могу! Как жить? Я должна быть с Алеком.

— Придумаем что-нибудь. Ты ложись, ложись. — Струмпе подошел, погладил ее по голове. — Ну, пожалуйста.

Чтобы не огорчать отца, Айна, не раздеваясь, прилегла на кровать, закрыла глаза. Струмпе сел рядом и начал напевать старинную песенку, которую он пел дочери в детстве, когда та была совсем маленькой. Под это тихое пение Айна забылась в тревожном сне.

Утром, бледная, измученная, с синими кругами под глазами, Айна поехала в «Бога Род». Начальник тюрьмы принял ее любезно.

— Садитесь, пожалуйста, миссис Лонг. Я должен вас несколько огорчить. Сейчас свидание получить нельзя. Нет, нет, не пугайтесь. Вы получите его позже. Дело в том, что сегодня Лонга отправляют в Бомбей, где предполагается пересадка на пароход, идущий в Турцию...

— Сегодня? — Айна похолодела. — Почему же так скоро?

— Мы не можем ждать, миссис Лонг. Пароход уходит сегодня. Приговор обжалованию не подлежит, и потому мы должны привести его в исполнение. А следующий пароход отплывает только через две недели. Таковы указания свыше.

— Когда же я могу повидать мужа?

— Судно покинет порт в три часа. К этому времени Лонга привезут на пароход, и мы дадим вам возможность побыть вместе целый час. Согласитесь, что такое свидание будет много приятнее, чем здесь. Все-таки отдельная каюта...

— Я хочу видеть его сейчас. Вызовите Лонга сюда. Что вам стоит? Очень прошу вас!

— Не могу. Приезжайте на пароход «Сити оф Лондон» к трем часам. Я напишу распоряжение конвоиру, чтобы он не препятствовал вашей встрече. Только одно условие...

— Какое?

— Вы не должны ничего передавать ему.

— Хорошо.

— Верю. Обыска вам делать не будут.

Начальник тюрьмы сел за стол и набросал несколько слов на тюремном бланке.

— Передадите конвоиру, когда подниметесь на палубу парохода. Очень сожалею...

Айна ушла. Начальник тюрьмы с сожалением покачал головой. Такая славная молодая женщина! Он был противен сам себе. Он понимает — преступника надо скорее увозить из Австралии, но зачем же лишать последней радости эту милую женщину, миссис Лонг? Ну, поцеловались бы в последний раз, помиловались... Может быть, и не увидятся больше никогда. А что, если своей властью разрешить им свидание в тюрьме? Вернуть миссис Лонг?

Он выглянул в окно. Улица была пустынна. Э, не бежать же за ней, в самом деле? Не ровен час, еще узнает

королевский судья — неприятностей не оберешься. Жаль, что поздно пришла ему на ум эта мысль. А ведь мог бы порадовать ее. Ну, да что теперь говорить... А судья все же жестокий человек.

...Было одиннадцать часов, когда Айна подошла к дому, где помещалась социалистическая партия. Ее встретил Уайт:

— Что случилось, миссис Лонг?

— Алека сегодня увозят из Австралии.

— Сегодня? — Уайт переменился в лице. — Не может быть! А мы только наметили план его освобождения. Хотели послать делегацию к губернатору с доказательствами, что была организована чудовищная провокация, хотели устроить в Брисбене демонстрацию в знак протеста против приговора... Ах как плохо. Плохо, — повторил Уайт, нахмурясь. — Они оказались хитрее, чем я думал. Сейчас мы бессильны что-нибудь предпринять. Надо иметь хоть немного времени, чтобы все привести в движение.

— Мистер Уайт, — сказала Айна, — вы сами говорите, что уже поздно что-нибудь делать в защиту Алека. Прошу вас, помогите мне поехать за ним, может быть, хоть чем-нибудь облегчу его участь. Но для этого нужны деньги, а у меня их нет. Может быть...

Уайт положил свою большую руку на руку Аины:

— Не говорите мне больше ничего, миссис Лонг. Я все понял. Вы получите деньги. Алек был другом австралийских рабочих, и они этого не забудут. Но... Вас не пугает неизвестность?

— Я должна быть вместе с ним, мистер Уайт.

— Хорошо. Я не стану отговаривать вас. Через несколько дней вы получите необходимую сумму.

— Спасибо, мистер Уайт. Я была уверена, что товарищи Алека помогут мне.

Уайт смотрел на Аину с восхищением. Какая смелая и преданная женщина. Надо быть очень мужественной, чтобы не побояться отправиться в такое путешествие.

Айна ушла от Уайта в приподнятом настроении. Оставалось два часа до встречи с Алеком. Скоро она увидит его и скажет, что последует за ним, что разделит с ним все тяготы и невзгоды.

Она не смогла дождаться назначенного часа и сразу же поехала в порт. «Похожу по причалу, посижу где-нибудь. Может быть, увижу, как Алека привезут

на пароход», — думала Айна, подъезжая к проходной порта. Дежурный полицейский, заглянув в список судов, находящихся в порту, сказал ей:

— «Сити оф Лондон»? Он стоит у причала «Вулл энд Коттон компани». Пройдете сначала прямо по этой дороге, а потом завернете направо, миссис.

Айна быстро нашла причал «Вулл энд Коттон компани». У стенки грузилось несколько пароходов. «Сити оф Лондон» среди них не было. У Айны дрогнуло сердце. Недоброе предчувствие охватило ее. Быстрыми шагами она прошла мимо судов, останавливалась у каждого, читала названия. «Цирцея», «Сломан-4», «Генерал сен Мартин»... Нет, «Сити оф Лондон» не был ошвартован тут. Ушел? Этого не может быть! Стоит где-нибудь в другом месте. Надо спросить...

— Не скажете ли мне, сэр, — бросилась Айна к человеку в морской форме, — где стоит пароход «Сити оф Лондон»? Мне сказали, что он должен быть на этих причалах.

— Да, действительно он стоял здесь, мисс. Но вы немного опоздали. Пароход снялся утром, в одиннадцать. — Человек притронулся к козырьку фуражки и пошел дальше.

Ушел! Ушел в одиннадцать, а не в три! Все надежды рухнули. Какой подлый обман! Зачем? Поехать сейчас в тюрьму, плюнуть в лживые глаза начальника?.. Впрочем, что это изменит? Злость, обида, отчаяние бушевали в душе Айны.

Обессиленная, она медленно побрела к волнолому. На самом конце его остановилась. Океан был спокоен. Под лучами солнца блестела голубая гладкая поверхность. Пронзительно кричали и кружились чайки. На горизонте черной палочкой поднимался дым. Может быть, это уходил «Сити оф Лондон»? Сердце Айны разрывалось на части. Алек, ее Алек! Он, наверное, так ждал свидания! Надеялся до последней минуты. И потом увидел, как пароход отплывает, а ее нет даже на причале. Что он подумал?

Снова злоба и негодование поднялись в ее душе. О, как она ненавидела Бартона, начальника тюрьмы, всех, кто так гнусно участвовал в обмане. Надо держаться. Сейчас нет времени для размышлений, надо действовать. Она бросилась в порт узнать о ближайших рейсах пароходов в Европу.

Молодой, розовощекий клерк с видимым удовольствием отвечал на ее вопросы. Приятно разговаривать с такой милой дамой.

— Да, мэм, «Сити оф Лондон» ушел в одиннадцать. Он зайдет в Калькутту, сдаст там часть груза, а потом закончит выгрузку в Бомбее. Ближайшее судно на Бомбей? Через четыре дня пойдет «Элеонора». О, конечно, догоните. Вы будете в Бомбее на несколько суток раньше. «Сити» — тихоход, да и выгрузка в Калькутте займет время. Пожалуйста, мэм. Был рад услужить вам, мэм.

Значит, во что бы то ни стало надо успеть на «Элеонору». Сейчас же бежать к Уайту, рассказать ему обо всем, поторопить. Она должна уехать на «Элеоноре».

Уайт был потрясен тем, что услышал от Айны.

— Ну и мерзавцы! — Он ударил по столу своим огромным кулаком. — Мы и это используем для нашей борьбы. Расскажем всем, на что способны наши уважаемые власти. Труссы! Кого побоялись? Женщины. Вероятно, на «Элеонору», миссис Лонг, вы попадете. Мы сегодня же начнем сбор средств. Не вешайте головы.

Дома Айна нашла в себе силы спокойно рассказать родителям о том, что произошло с ней, об обещании Уайта помочь и своем желании как можно скорее покинуть Брисбен.

— Так, значит, и не повидались, — грустно сказала Нина Сергеевна. — И ты нас покидаешь? Как же теперь мы, Эдди?

— Как, как? Никак, — сердито проговорил Эдгар Янович, — поезжай, девочка. Это твой долг жены и друга. Я считаю, что ты правильно делаешь, хотя мне больно расставаться с тобой. Больно и тревожно. Я понимаю, едешь ты не на радость. Много придется испытать, но ты не была бы моей дочерью, если бы бросила Алека в беде. Струмпе так не поступают. А ты... — он подошел к плачущей Нине Сергеевне и ласково обнял ее за плечи, — не горюй, утри слезы. Делать нам в Австралии нечего, поедem в свою Виндаву. Теперь нас ничто не держит.

Нина Сергеевна сквозь слезы улыбнулась и поцеловала Струмпе. Айна с нежностью глядела на своих стариков. Она понимала, какие чувства переполняют сей-

час их сердца. Страх за нее, тревога за Алека, одиночество. Они так любили ее и все же не сказали слова упрека, не уговаривали остаться, подумать, прежде чем принимать такое серьезное решение. Все было ясным. Ехать. Ни минуты не сомневались в правильности ее поступков.

«Милые, дорогие мои», — думала Айна.

— Я буду часто писать вам, — сквозь слезы проговорила она и, уйдя к себе в комнату, бросилась на постель и зарыдала, уткнувшись в подушку.

Через три дня ей позвонил Уайт:

— Миссис Лонг, приезжайте, мы собрали для вас порядочную сумму. Приезжайте, я буду ждать вас.

Айна тотчас же помчалась к Уайту.

— Здесь достаточно на дорогу и на первое время, — сказал Уайт. — Желаю вам счастья, миссис Лонг. Его желают вам все рабочие. Я не сомневаюсь, что вы увидите с Алеком и все будет хорошо. Вы настоящая женщина, миссис Лонг.

Последний вечер дома прошел грустно. И хотя Эдгар Янович изо всех сил пытался отвлечь жену и дочь от печальных мыслей, это ему плохо удавалось. Нина Сергеевна с трудом сдерживала слезы, Айна молчала, думая о своем. Когда чемоданы были собраны и все готово к отъезду, Струмпе обнял дочь:

— Ты должна помнить, девочка, что бы ни случилось, у тебя есть мама и я. Мы всегда поможем. почаще пиши. Ну, а теперь спать.

Провожали Айну только родители. Она не захотела видеть никого из друзей. Старики держались молодцом, старались ничем не выдать своего горя, пробовали шутить, и только когда наступило время расставания, Нина Сергеевна судорожно обхватила Айну, зарыдала, покрывая ее лицо поцелуями. Эдгар Янович сам еле сдерживался, но старался оторвать жену от дочери и тихо, сердито уговаривал:

— Ну, хватит, хватит, Нина. Ты же обещала мне... Не растравляй ей сердце. Ну, довольно.

Надо было подниматься на пароход. Матросы готовились убирать трап. Айна долго глядела на две машущие ей фигурки, которые становились все меньше и меньше и, наконец, совсем исчезли, когда судно повер-

нуло за волнолом. Подавив тяжкий вздох, Айна спустилась к себе в каюту. Она присела на койку. Хотелось собраться с мыслями, выработать план действий. В Бомбей... Там, если удастся, повидать Алека и обсудить с ним дальнейшие ее шаги. Может, что-нибудь придумают. Но куда бы ни повезли Алека, она не оставит его. Лицо ее посуровело, в глазах появился необычный сухой блеск. Никто не узнал бы в ней прежнюю мягкую, приветливую, веселую Айну. В каюте на «Элеоноре» сидела совсем другая женщина — молчаливая, задумчивая, решительная, готовая на все.

...«Элеонора» пришла в Бомбей без всяких приключений. Как только закончились формальности и пассажирам разрешили сойти на берег, Айна, взяв свои чемоданы, спустилась на причал. Там ее окружили рикши, носильщики, агенты гостиниц. Все наперебой предлагали услуги. Нищие требовали «бакшиш». Ее дергали за платье, теребили, кричали в самые уши. В первый момент, оглушенная шумом, она растерялась, но очень быстро пришла в себя и с чисто женской хозяйственностью выбрала недорогую гостиницу поближе к порту. Оттуда ей будет удобнее наблюдать за приходящими судами, наводить справки. Носильщик подхватил ее вещи. Через пятнадцать минут она уже распаковывала чемоданы в крошечном номере на втором этаже маленькой гостиницы. Комната ей не понравилась. Она была душная, без вентиляции, грязноватая, но зато дешевая, и это устраивало Айну. О комфорте не думала. Еще в Брисбене она готовила себя к самому худшему.

Айна переоделась в легкое, светлое платье и побежала в управление порта узнать о пароходе, на котором должен прибыть Алек.

«А вдруг опоздала? Или что-нибудь изменилось с рейсом?» — думала Айна, подходя к конторе капитана порта, и сердце ее тревожно билось. Но беспокоилась она напрасно. Ей сказали:

— «Сити оф Лондон»? Одну минутку... Он придет послезавтра и станет на причале у Александер Уорф. Пожалуйста, миссис...

Айна успокоилась, но теперь не знала, чем себя занять. Все мысли были заняты Алеком и встречей с ним. Она вернулась в гостиницу.

За день до прихода в Бомбей Мерфи сделался сух и неразговорчив. Он запретил Алеку работать на палубе, ходить в кубрики и даже надел на него наручники днем.

— В чем дело, Мерфи? — спросил его удивленный Алек. — По-моему, я выполнял все ваши требования и держал свое честное слово.

— Верно, я не могу пожаловаться, но не сердитесь на меня, Лонг. Завтра мы приходим в Бомбей. Там начальство. Оно должно знать и видеть, что я вез вас согласно инструкции. И мое отношение к вам должно быть другим. Поедем дальше — тогда будет по-старому.

— Ну, если так, то понятно, — засмеялся Алек. — Я могу даже пожаловаться на вас за слишком строгое отношение. Хотите?

— Было бы неплохо, — серьезно сказал Мерфи. — Пусть знают, что на меня можно положиться.

— Ладно. Пожалуюсь.

Пароход пришел в порт вечером. Айна уже ждала его на причале. Подали швартовы, спустили трап, и она увидела, как к борту подъехал военный автомобиль. Из него вышли два офицера в колониальной форме, пошли на судно.

«Наверное, за Алеком», — решила она. Сердце колотилось часто-часто. Что делать? Подняться на пароход и попросить свидания? Или подождать, когда уедет автомобиль? Может быть, он приехал совсем не за Алеком? Надо действовать так, чтобы не напортить. Лучше подождать.

Прошло более получаса. С судна сходили помощники капитана в фуражках с якорями, свободные от вахт, чисто одетые матросы, а офицеры не показывались. Айна совсем изнервничалась. Все-таки, может быть, пойти на судно? Но вот у трапа появилась группа людей. Айна вздрогнула. Ей показалось, что среди них был Алек. Ну да, конечно, это он. Вот стоит австралийский солдат, офицеры и за ними, на голову выше всех, ее Алек! Она подбежала к трапу. Но тут ей преградил дорогу вахтенный:

— Вы к кому, миссис?

— Я хотела видеть того, кого... — сбивчиво начала говорить Айна, но не успела что-нибудь толково

объяснить,— люди, стоявшие на палубе, уже спускались по трапу.

Как только они сошли на берег, Айна крикнула:

— Алек! Я здесь, милый! Алек! — Она бросилась к мужу, но тотчас же была грубо отброшена одним из офицеров.

Алек рванулся к ней, оттолкнул плечом военного. Но его тут же затолкнули в автомобиль.

— Айна!.. — только и успел крикнуть он. Но в этот крик было вложено все: любовь, безудержная радость, гордость за жену, мечта о встрече. Все чувства, которые мог испытывать одинокий человек, приговоренный к смерти, потерявший надежду когда-нибудь увидеть своих близких... Автомобиль уехал. Айна осталась одна на причале. И хотя ей не удалось поговорить с Алеком, она была счастлива. Она видела его. К Айне подошел вахтенный:

— Простите, мэм, вы хотели разговаривать с Лонгом? Вы его жена?

— Да.

— Как вы очутились здесь? Он говорил, что вы остались в Брисбене, и ~~очень~~ горевал, что ему не удалось повидаться с вами. Хороший человек! Мы к нему очень привязались за время плавания.

— Скажите, вам неизвестно, куда его увезли сейчас?

— Нет, мэм. Но, если вам надо, мы узнаем. Солдат придет за своими вещами, и мы у него спросим. Приходите сюда завтра утром, я выйду к вам и скажу, что мне удалось выяснить.

— Спасибо. А солдат, который конвоирует Алека, приличный человек?

Матрос усмехнулся:

— Да, кажется, ничего. Он относился к Лонгу хорошо, особенно не придирался.

— Мне хотелось бы познакомиться с ним. Это возможно?

— Думаю, что да. Я скажу ему.

— Как вас зовут?

— Микки Корниш.

— Ну, спасибо вам, Микки. — Айна улыбнулась матросу. — Завтра ровно в девять я буду ждать вас на этом месте.

Микки помахал ей рукой.

На следующий день утром Айна пришла к борту парохода. У трапа уже стояли матрос Корниш и Мерфи.

— Здравствуйте, мэм, — приветствовал ее матрос. — Вот поговорите с Мерфи, он вам все расскажет. А я пойду, надо работать.

— Вы меня извините, что я побеспокоила вас, — просительно сказала Айна. — Вы не знаете, куда увезли моего мужа и когда будут отправлять дальше?

— Он в бомбейской тюрьме. А когда дальше... Не знаю. Как будет пароход на Константинополь.

Все это Мерфи сказал, хмуро глядя на Айну. Видно, ему не хотелось с ней разговаривать.

— Я могу получить свидание с ним?

— Не знаю. Теперь у него новое начальство, и так будет до тех пор, пока мы снова не очутимся на пароходе.

— Ну, тогда, может быть, вы передадите ему письмо?

Мерфи испуганно оглянулся вокруг:

— И не просите, пожалуйста, меня ни о чем. Я не могу. Ведь я на службе и должен подчиняться приказам.

— Маленькую записку. Никто ничего не узнает, мистер Мерфи.

— Нет.

— Я хорошо заплачу вам.

Мерфи гордо вскинул голову:

— Этого делать не нужно. Я сам уважаю Лонга и жалею его, но поймите, я на службе и должен честно выполнять долг солдата его величества.

— Ах какой вы... Ведь никто, никто не узнает, что вы передали ему маленькую записку.

Мерфи отрицательно покачал головой:

— Нет, мэм. Не просите.

Он сделал движение к трапу. Разговор был тягостен для него.

— Не уходите, — заволновалась Айна. — Ну, если не хотите передать письмо, то скажите ему... что я здесь и мне хорошо, у меня есть деньги, товарищи помогли мне уехать из Брисбена и я поеду за ним всюду, как бы далеко и трудно это ни было... Потом скажите, что я люблю его и буду любить всегда...

Голос ее прерывался от волнения, она почти плакала. Мерфи с жалостью глядел на нее:

— Не плачьте, мэм. Я передам ему...

— Спасибо вам большое. Но есть еще одна последняя маленькая просьба. Мне непременно надо знать, на каком пароходе вы поедете дальше. Вы можете сказать?

— Скажу. Где вы живете? За сутки до отъезда я оставлю для вас записку у портье. Если, конечно, отъезд не произойдет внезапно.

— Я вам так благодарна, мистер Мерфи, — с чувством сказала Айна. — Храни вас бог.

— Не стоит благодарности, мэм, — смущенно проговорил солдат. — Лонг хороший парень, и я был бы рад сделать для него больше, но не могу, я принимал присягу.

— Вы не забудете дать мне знать? Не забудете? Ведь это так важно.

— Я никогда ничего не забываю, если обещал. Не беспокойтесь. Прощайте, мэм. И не мучайте себя напрасно.

После разговора с солдатом Айна, не заходя в гостиницу, поехала в тюрьму. Она находилась далеко, на самом краю города. На улицах уже становилось знойно. Разморенная жарой тюремная охрана, в коротких штанах, легких рубашках и пробковых шлемах, сидела за столиком у проходной и резалась в кости. Айна попросила вызвать дежурного офицера. Оглядев ее с ног до головы (от этого взгляда Айна вспыхнула), молодой солдат нехотя бросил кости и скрылся в доме. Через несколько минут он вернулся вместе с тучным, обливающимся потом офицером. Видимо, уже предупрежденный солдатом о внешних достоинствах Айны, он также долго и внимательно разглядывал женщину и, только насладившись ее смущением, спросил:

— Ну, что тебе, милочка? Зачем ты оторвала меня от важных дел?

— Я жена Лонга, хотела бы получить свидание с ним. Я приехала из Австралии.

— Приехала из Австралии? Не могла себе найти другого мужа там? Такая красotka!

— Прошу вас, оставьте этот тон. Ведь вы разговариваете с женщиной. Это недостойно английского офицера.

— Вы не понимаете шуток, миссис. Прошу прощения, — сказал дежурный, но глаза его стали злыми. —

Я не хотел вас обидеть. Вы говорите, что Лонг ваш муж? Это не делает вам чести. Он важный государственный преступник, поэтому свидание исключается. Мы имеем инструкцию содержать его со всею строгостью.

— В таком случае не могла бы я передать ему фрукты и сигареты?

— Никаких передач.

— Я буду жаловаться начальнику тюрьмы.

— Можете. Я выполняю инструкцию, присланную из Брисбена. У вас есть еще ко мне вопросы?

— Нет.

Расстроенная Айна вернулась в гостиницу. Она написала жалобу начальнику тюрьмы, требовала свидания, обосновывая это тем, что после суда свидания всегда разрешались. Она просила сообщить ей, когда ее заявление будет рассмотрено. Нет, она не собиралась складывать оружия. Она отправила свою жалобу, пообедала в дешевом ресторанчике и поехала к мэру города. Тот принял ее сразу. Выслушал внимательно, сочувственно кивая головой, звонил куда-то, разговаривал с начальником тюрьмы и в конце концов развел руками:

— К сожалению, миссис Лонг, ничего не могу сделать. Они выполняют специальную инструкцию. Конечно, все зависит от доброй воли начальника тюрьмы. Если он захочет и возьмет на себя ответственность, тогда... Но заставить его дать свидание я не могу. Мне очень жаль, миссис Лонг.

— Я обращусь к губернатору.

— Я думаю, это будет бесполезно. Пока дойдет до него ваше прошение, пока лорд Стенли разберет его, вашего мужа отправят дальше.

— Пусть так. Но я напишу ему обо всех беззакониях, которые творят английские власти, — упрямо сказала Айна. — До свидания.

Письмо губернатору Айна отправила в тот же день.

Несколько дней она ждала ответа, но ответа не было. Дважды Айна пыталась встретиться с начальником тюрьмы, но он ее не принял. Хотела повидать Мерфи, ходила в порт, но парохода на причале не оказалось. Ей сказали, что судно ушло в рейс. Она находилась в тоскливом бездействии. Наконец, на седь-

мой день пребывания в Бомбее, ее остановил портьер — Вам письмо, мадам.

Айна бегом поднялась к себе на второй этаж, закрылась на ключ и только тогда дрожащими от волнения руками разорвала конверт. Письмо было без подписи.

«Пароход "Трафальгар" отходит на Константинополь одиннадцатого июля».

Больше ничего солдат не сообщал, но и этого было достаточно, чтобы Айна принялась действовать. Одиннадцатого июля... Значит, пароход уходит послезавтра. Она пошла в порт, разыскала грузившийся «Трафальгар», поднялась на палубу. Ее встретил мрачноватый, неопрятный второй помощник капитана. Айна объяснила, что хотела бы взять билет до Константинополя, так как судно идет туда. Второй помощник усмехнулся:

— Что вы, миссис, посмотрите на эту старую лохань. Какие тут могут быть пассажирские места? Мы не продаем билеты. Здесь негде жить.

— Я согласна на любые условия, — настаивала Айна. — Мне не нужен комфорт. Я готова ехать хоть в кладовке.

Штурман посмотрел на нее с удивлением:

— Нет, милая миссис. Поймите, мы не продаем билеты. Даже капитан не может решить этот вопрос, потому что у нас действительно негде жить. Единственная свободная каюта уже занята. Нас предупредили, что в рейс пойдут два человека. С радостью помог бы вам, но бессилён.

— Сжальтесь! Мне во что бы то ни стало надо быть в Константинополе как можно быстрее.

Помощник сдвинул фуражку на затылок.

— Стоп, стоп, стоп... — проговорил он, почесывая небритую щеку. — Кажется, я смогу вам дать совет. У нас по корме стоит турецкий пароход «Энвер Паша». Он имеет шесть очень удобных пассажирских кают. И только вчера второй помощник капитана приходил ко мне в гости, жаловался, что все каюты свободны, никто не едет в Турцию из Бомбея и они терпят убытки. Мы уходим одиннадцатого, а «Энвер» двенадцатого. Тоже в Константинополь. Вас устраивает такой вариант?

— О, как я вам благодарна! — воскликнула обрадованная Айна. — Раз нельзя ехать на «Трафальгаре»,

еще как устроит. Сейчас же пойду туда. Вы отличный парень, мейт.

— Вот видите,— улыбнулся второй помощник.— Желаю успеха.

Б

Спустя десять минут Айна уже сидела в роскошной каюте старшего помощника капитана на «Энвер Паше». Молодой, высокий, черноволосый, с закрученными вверх усиками, большим носом — типичный турок, Мюджиб, как представился штурман, принял Айну, рассыпаясь в любезностях. Его темные восточные глаза излучали такое восхищение и радость, такую готовность услужить, что Айне стало как-то не по себе.

— Мы предоставим вам лучшую каюту, мадам. Вы будете как в раю. Я сам буду развлекать вас, если позволите. Путешествие останется в памяти, как одно из самых приятных воспоминаний. Наш пароход почти не подвержен качке. Вы разрешите угостить вас?

Турок бросился к шкафу и беспорядочно начал ставить на стол фрукты, вино, какие-то восточные сладости. Он наполнил два бокала вином, посмотрел через стекло на Айну и с улыбкой многозначительно произнес:

— За ваше плавание!

Айна едва притронулась к бокалу. На губах остался приторный вкус сладкого виноградного вина. Мысли ее были далеко от Мюджиба и разложенных на столе яств. Она думала о том, сколько сдерут с нее за каюту, о которой с таким восторгом говорил старпом. Она спросила:

— Сколько стоит билет до Константинополя?

— О, сущие пустяки, мадам.

Он назвал умопомрачительную сумму. У Айны упало сердце. Неужели придется отказаться от «Энвер Паши»? Она не могла заплатить такие деньги. Нужно было думать о будущем, экономить каждый пенс.

— Мне не подходит такая дорогая каюта, чиф,— сказала Айна, через силу улыбаясь.— Я заплатила в три раза меньшую сумму и приехала на пассажирском лайнере из Австралии в Индию...

— О, что вы, мадам! Какое может быть сравнение! — протестующе поднял руку старпом.— Я огорчен.

У нас великолепный стол, отдельная каюта, отличная скорость...

— Мне нужна самая дешевая каюта, которая есть на вашем судне, — выпалила Айна, чувствуя, что терять ей нечего и не стоит затягивать разговор.

Лицо у старпома вытянулось, но тут же снова осветилось любезной улыбкой.

— Хорошо, мадам. Мы пойдем вам навстречу. У нас есть каюта дешевле. Без ванны, без горячей и холодной воды, маленькая по размеру и не очень удобно расположенная. Она на второй палубе в носовой части. Билет стоит в четыре раза дешевле. Подходит?

— Подходит.

Старпом порывлся в столе, вытащил билетную книжку, выписал плацкарт и передал его Айне.

— Теперь пойдем посмотрим каюту, — сказал он, вставая и пропуская ее вперед. — Может быть, еще не понравится.

— Не беспокойтесь. Понравится. Я неприхотлива.

Они спустились по внутреннему трапу вниз, прошли по пахнувшему машинным маслом коридору в переднюю часть судна. Старпом распахнул одну из дверей, выходивших в коридор:

— Вот тут.

Каюта была крошечная, с маленьким столиком, табуреткой-раскладушкой и жесткой узенькой койкой.

— А где мыться? — спросила Айна.

— Умывальник в коридоре.

— Ну и отлично. Я поеду на вашем пароходе. Когда прикажете явиться?

— Я счастлив, мадам. Вы позволите иногда навещать вас и гулять с вами по палубе?

Айна ничего не ответила. Она едет. Это было главным. Все остальное не имело для нее никакого значения. Она заплатила деньги старпому и распрощалась.

— Не опоздайте! — крикнул ей с палубы Мюджиб. — Двенадцатого в шесть вечера.

Весь день одиннадцатого Айна провела в порту, недалеко от «Трафальгара», ожидая, когда привезут Алека. Но проходили часы, а тюремная машина не показывалась. Айна совсем извелась. Голодная, измученная, она боялась уйти. А вдруг Алек приедет, когда ее не будет? Она сидела на кипе хлопка, глаза слипались от усталости, хотелось спать. Сквозь дремоту

она услышала шум подъехавшего автомобиля, бросилась к пароходу, но не успела добежать — Алек и конвоиры уже поднялись на палубу. Теперь уж, наверное, они не увидятся до самой Турции. И неизвестно, увидятся ли там.

...Мерфи передал Алеку все, о чем просила его Айна, и от себя добавил:

— Замечательная у вас жена, Лонг...

— Вы находите? Мне приятно, что она вам понравилась.

Алек был счастлив, услышав слова солдата. Айна не нуждается в деньгах, товарищи не забыли его, а главное — она здесь, рядом, и останется с ним до конца...

— А то как же? — продолжал Мерфи. — Неизвестно куда поехала! Вот бы мне такую верную найти.

— Найдете. Вы и сами неплохой человек. Когда отправляемся?

— Не знаю. Говорят, скоро. До свиданья.

И вот сейчас, когда его везла разболтанная тюремная машина по улицам Бомбея, он очень надеялся, что снова увидит Аину у борта судна, сумеет махнуть ей рукой, может быть, поймать взгляд любимых глаз. Рядом сидели Мерфи и два сержанта из тюрьмы. Им было поручено доставить Алека на пароход и сдать под расписку Мерфи. Все молчали.

Наконец после долгой езды машина остановилась. Они слышали, как хлопнула дверца, из кабинки вышел шофер и крикнул:

— Эй, вы там! Вылезайте.

Сержант открыл решетчатую дверь, спрыгнул на землю, второй подтолкнул Алека:

— Давай быстрее! Не разевай рта.

Алек старался идти как можно медленнее, поворачивал голову во все стороны, но Аины нигде не было. Закончились формальности, тюремные сержанты уехали, пришел Мерфи.

— Ну, вот и едем дальше, — удовлетворенно сказал он. — Хотите подышать на палубе, Лонг?

— Вы не заметили случайно моей жены, Мерфи?

— Нет. Может быть, и приходила, но не могла же она торчать в порту целые сутки, ведь не знала точного времени нашего приезда, — я не мог ей сообщить об

этом, сам не знал. А сейчас ночь, поздно. Ушла, наверное. Не переживайте, Лонг. Увидитесь в Турции.

Алек понимал, что потеряна еще одна возможность повидаться с женой, и только по счастливой случайности они могут встретиться. Кто знает, будет ли она?

— Ладно, пойдем на палубу. Ох, и надоела мне бомбейская тюрьма! Никогда не думал, что в наше время еще могут существовать такие учреждения. Грязь, вонь, камеры сырые, надзиратели — взяточники. Ваша «Бога Род» после этой тюрьмы кажется раем.

— Да уж свинарник, — согласился Мерфи. — Куда только администрация смотрит?

Они вышли на палубу.

— Снимите наручники.

Мерфи обиженно засопел. Опять старая история. Неужели Лонг не понимает, что он и так делает для него больше того, что может? Если узнает начальство, его строго накажут. Недолго лишиться места.

— Сниму в море, — проворчал он, присаживаясь на кнехт.

Алек не настаивал. Он облокотился на фальшборт и с наслаждением вдыхал знакомые портовые запахи. Пахло копррой, джутом, апельсинами, застоявшейся водой, ладаном. Черное небо сливалось с океаном. Он шумел, невидимый, где-то рядом. Темными, расплывчатыми громадами впереди и позади стояли суда. Наступила полночь. Грузчики ушли. Порт опустел. На паромоходах остановили динамо-машины. Желтыми, дрожащими огоньками светились керосиновые штаговые фонари. Только лайнер, стоящий на отдаленном пассажирском причале и готовящийся к отходу, празднично сиял, весь залитый светом.

Вдалеке через равные промежутки времени вспыхивали буй — красные, зеленые, белые. Входной маяк бросал в океан мощный белый луч. Он то исчезал, то снова появлялся. Казалось, что огромная птица машет крылом.

Было тихо. Замолкли обычные звуки порта — гудение кранов, тархтение лебедок, гортанные выкрики кули. Порт спал. Алек задумался. Вот и прошла половина жизни, но чего он достиг? Не была ли напрасной его борьба, принесла ли она хоть какую-нибудь пользу делу, которому он служил? Принесла. Иначе он бы жить не смог. Он боролся, что-то делал для других, для того,

чтобы люди жили на земле лучше, он что-то оставил будущему. Разве для этого не стоило жить? Разве не для этого жили все его товарищи? Даже если ему придется расстаться с жизнью, он будет знать, за что он отдал ее... Но прочь мрачные мысли. Потерять жизнь пехитро, надо постараться ее сохранить. Они еще будут вместе с Айной, встретятся с друзьями, еще увидят счастливых людей...

Вспомнились брисбенские митинги, выступления, стачки, Сидней и мэр города, победы и поражения, крепнущая сила рабочих. Нет, стоило так жить! И только так.

Минута слабости прошла. Он уже был полон надежд, веры в свою судьбу и силу. Все должно быть хорошо, каким бы мрачным ни казалось будущее. Алек швырнул окурок за борт. Мерфи дремал на кнехте.

— Ну что, Мерфи, пойдем спать? Поздно. Теперь мне будет веселее с вами. Живем в одной каюте. Вот только храпите вы здорово.

Мерфи поднялся:

— Пойдемте. А то, что храплю, тут уж я не виноват. У нас в семье храп передается по наследству. Дед храпел, отец и вот теперь я. Придется вам терпеть, Лонг.

— Буду, если вы останетесь прежним добрым Мерфи и не будете меня очень притеснять. Что же все-таки с моей женой?

— Вот уж не стоит беспокоиться. Она произвела на меня впечатление напористой женщины. Наверное, купила билет на какой-нибудь пароход, следующий за нами. Другого предположить нельзя.

— Наверное, так, — согласился Алек. — Может быть, и так...

В каюту постучали. Айна поморщилась. Опять этот Мюджиб. В течение двух суток, которые она провела на «Энвер Паше», штурман по несколько раз в день приходил к ней в каюту. То принесет фрукты, то вино и сладости. Сидит от вахты до вахты, развлекает глупейшими, пошлыми разговорами. Его ухаживания уже становятся слишком откровенными, назойливыми. Вчера он даже осмелился обнять Айну, положил руку на колено, пытался поцеловать. Она резко сказала ему

несколько отрезвляющих слов и просила прекратить его посещения. Он обещал, и вот опять...

— Войдите, — нехотя отозвалась Айна и встала.

В каюту просунулась голова Мюджиба.

— Простите меня, миссис Айна, за то, что я нарушил свое обещание, но океан так бесподобно красив, сегодня такой удивительный закат, что я не простил бы себе, если вы этого не увидите. Пойдемте на палубу.

Айна облегченно вздохнула. Все-таки это лучше, чем сидеть с ним в каюте. Она накинула на плечи пальто и вышла к ожидавшему ее в коридоре штурману. Они поднялись по трапу.

Солнце садилось. Осталась лишь огненно-красная горбушка. Все на горизонте окрасилось в пурпурные тона, переходящие выше в оранжевые. Небосвод, залитый причудливым сиреневым мягким светом, был прекрасен, как театральная декорация. Потом небо стало менять свои краски, и сиреневый цвет уступил прозрачно-зеленому. Потом вдруг потемнело. Океан стал опалово-лиловым, зеленый небосвод темно-зеленым, от солнца осталась одна горячая точка, но вот и она исчезла, в последний раз блеснув красным лучом. Тучи, громоздящиеся на западе, стали совсем черными, с отчетливыми, резко очерченными краями. Они казались сказочными чудовищами, гигантскими рыбами, крылатыми драконами. Быстро темнело, как будто в театре постепенно гасили люстры. Еще недолго менялись краски, потом наступили спокойные, короткие сумерки.

Айна молчала, замороженная удивительной красотой природы. Молчал и Мюджиб.

— Невероятно, правда? — спросил он, когда Айна очнулась от оцепенения. — Не зря я вытащил вас на палубу. Надо было прийти сюда немного раньше. А теперь пойдем посидим в лонгшезах на ботдеке. Воздух чист, как кристалл.

Они уселись на два заранее приготовленных кресла за трубой. Разговор не клеился. Обычно болтливый, Мюджиб молчал, нежно поглядывал на Аynu.

— Ангел пролетел, — сказал Мюджиб. — Знаете, миссис Айна, вы нарушили мой покой. До тех пор, пока вас не было на судне, я жил, как полагается старшему помощнику капитана, обремененному судовыми делами. Теперь я все время думаю о вас, жду встречи с вами...

И на вахте и в каюте все мысли только о вас... — Он придвинул свое кресло поближе к ней.

«Это становится несносным и утомительным. Пора открыть ему все, чтобы положить конец его намерениям», — подумала Айна и сказала:

— Я очень польщена вниманием такого красивого моряка, как вы, Мюджиб, но выслушайте меня внимательно. Вы неплохой человек, Мюджиб, и, мне кажется, настоящий мужчина, поэтому вам я могу открыться...

Мюджиб самодовольно улыбнулся, наклонил голову, всем своим видом показывая, что согласен с оценкой, данной ему Айной. Она продолжала:

— Я не та, за кого вы меня принимаете. Не скучающая барынька-путешественница, с которой можно приятно провести время в течение скучного плавания. Ведь вы принимали меня именно за такую?

— Что вы, миссис Айна!

— Ну, слушайте, слушайте. Во-первых, я не англичанка, а русская. Во-вторых, я жена русского социалиста, большевика. Вы слышали о таких? Он арестован австралийскими властями, и его под конвоем сейчас переправляют в Турцию для того, чтобы выдать генералу Деникину. Его везут на пароходе «Трафальгар», а я следую за ним. Я люблю его, понимаете, он для меня единственный человек в мире, и, кроме него, для меня никто не существует. Вот и вся история.

Лицо Мюджиба выражало крайнюю степень удивления. Он сидел не в силах вымолвить ни слова и во все глаза смотрел на Айну. Когда он наконец обрел дар речи, то спросил:

— Так, значит, вы русская? Как все неожиданно для меня! Жена русского большевика! За что же его арестовали? Как он очутился в Австралии?

— Долго рассказывать. Он был вынужден эмигрировать из России, а арестовали его за то, что он защищал интересы рабочих. Англичане боялись его, и вот...

— Да, это все коренным образом меняет дело, миссис Айна, — нахмурившись, прервал ее Мюджиб. — Прошу меня извинить, миссис Айна. Я представлял вас именно такой, как вы говорили. Английской дамочкой, путешественницей. Нет, нет, теперь все меняется, — повторил штурман, отвечая на какие-то свои мысли.

Айна испугалась. Не напрасно ли она все рассказала этому щеголеватому офицеру? Может быть, он

станет чинить ей какие-нибудь препятствия, изменит отношение, по приходе в Стамбул заявит о ней полиции?

Впрочем, чего ей бояться? Едет она легально, и в Константинополе все равно должна зарегистрировать свой паспорт, если там придется жить. Она опять будет добиваться свидания, обращаться к властям. Нет, ей нечего бояться. А свои ухаживания он прекратит. Ей будет спокойнее ехать дальше... Ее размышления прервал голос Мюджиба. Совсем стемнело, и она не видела его глаз.

— Ну что ж, миссис Айна, откровенность за откровенность, — негромко и, как показалось Айне, искренне произнес штурман. — Я всей душой ненавижу англичан. Что сейчас происходит в моей стране, вы, конечно, знаете. Она оккупирована, нас хотят стереть с лица земли, но этому не бывать. Есть преданные родине турки, есть человек, который поведет народ... — Мюджиб, почувствовав, что сказал лишнее, осекся и замолчал.

Айна не верила своим ушам. Как обернулось дело!

— Я вас не совсем понимаю, Мюджиб.

— Вам и не нужно понимать. Знайте только одно — я ваш друг и постараюсь помочь вам во всем. А сейчас, простите, должен уйти. Надо выспаться перед вахтой.

Штурман ушел, а Айна осталась сидеть в кресле, взволнованная тем, что услышала от Мюджиба. Кто он? Чем сможет помочь ей и Алеку? Но как бы там ни было, а хорошо, что у нее появился доброжелатель. А вдруг да поможет в чем-нибудь важном?

На следующий день Мюджиб появился у нее только вечером.

— Миссис Айна, капитан просил вас перейти в каюту номер четыре, на спардеке, — произнес он торжественно, победоносно поглядывая на Айну. — Там вам будет много удобнее. Разрешите, я зайду за вами через час и помогу перенести вещи?

— Нет, нет. Что вы! Поблагодарите капитана за любезность. Не надо. Я останусь здесь, — запротестовала Айна, вспомнив стоимость каюты на спардеке.

Мюджиб сразу угадал ее мысли:

— Не беспокойтесь. С вас не возьмут ни шиллинга больше. Вы единственная пассажирка на судне, а все каюты свободны. Надо выполнять приказ капитана, —

улыбнулся штурман. — Это приказ, и я не могу ослушаться. Через час я приду.

Айна поселилась в каюте на спардеке. По сравнению с ее прежней клетушкой она была роскошной. Умывальник с горячей и холодной водой, ковер, хорошее большое зеркало, свежий воздух и прекрасный вид из иллюминатора на океан. Чего еще можно желать? На минутку заглянул старпом и почтительно осведомился, как она устроилась. Всем ли довольна?

— О, прекрасно! — только и могла сказать Айна. — Спасибо.

— Это не мне, а мастеру. Пойдем вечером гулять?

— С удовольствием.

Чудеса не прекращались.

Во время прогулки по палубе пришел матрос и сказал, что господин капитан просит ее подняться на мостик.

— Пойдемте вместе, Мюджиб, я боюсь, — пошутила Айна. — У него такой грозный вид.

— Пойдемте. Я провожу вас.

Капитан, толстый, с каким-то странным оливковым цветом кожи мужчина, с выпученными рачьими глазами, с неизменными по моде закрученными кверху усиками, весь облитый золотом нашивок, погон, пуговиц, шитьем козырька, сказал на плохом английском языке, прижимая руку к сердцу:

— Я рад приветствовать вас на борту своего судна и льщу себя надеждой, что мадам не откажется завтра отобедать со мной и с... — капитан кивнул в сторону Мюджиба, — моим старшим помощником.

— Благодарю вас, капитан, за любезное приглашение. Я с удовольствием принимаю его.

Мюджиб с улыбкой поклонился и вежливо сказал:

— Желание капитана для меня приказ.

Обедали в капитанском салоне. Стол был сервирован богато и с большим вкусом. Очевидно, на судне служил опытный стюард. На белой скатерти сверкали и переливались разноцветными огоньками хрустальные бокалы, тускло поблескивал мельхиор, в вазе стояли живые цветы. Подавал им молчаливый бой-китаец. Он незаметно менял блюда, старался угадать каждое желание гостей.

Сначала разговор вращался вокруг всяких пустяков. Капитан Эксиоглу расхваливал свое судно, рассказывал о Стамбуле, восхищался красотой города, советовал Айне непременно посетить знаменитую мечеть Айя-София, погулять по роскошной Перу, шутил, подтрунивал над Мюджибом, который почтительно улыбался и, судя по всему, был очень доволен происходящим.

Только когда слуга принес ароматный кофе и мужчины, попросив разрешения у Айны, закурили сигары, беседа приняла другое направление.

— Миссис Айна, — сказал капитан, серьезно глядя на нее, — Мюджиб рассказал мне вашу историю. Она очень меня тронула. Вы с мужем благородные люди. Вы попали в беду. Ну а как поступают друзья в таком случае? Помогают, даже если под удар придется поставить свою голову. Так? Вот мы и должны помочь вам, миссис Айна.

Айна с сомнением покачала головой:

— Я очень признательна вам и Мюджибу. Мне стало как-то теплее жить на свете от сознания, что я не одна и в далекой Турции у меня появились друзья, но... — она помолчала, — что могут сделать два добрых моряка против вооруженных до зубов охранников, тюремных стен? Боюсь, что...

— Вы напрасно так думаете, миссис Айна, — обиженно прервал ее капитан. — У двух добрых моряков есть десяток добрых друзей-единомышленников, все еще занимающих высокие должности и посты в султанских учреждениях. Но не будем предвосхищать событий. Подождем прихода в Константинополь.

— Правда, миссис Айна, — вмешался в разговор молчавший Мюджиб, — подождем. Обстановка покажет, что делать дальше. Мы должны догнать «Трафальгар», хотя он и вышел из Бомбея раньше. А пока вот что я хочу предложить вам. В Стамбуле вы поселитесь у моей матери, в районе Бейоглу. Она примет вас, как дочь, а я буду счастлив оказать вам маленькую услугу.

— Я не хотела бы стеснять вас, Мюджиб, — неуверенно сказала Айна, в глубине души радуясь такому предложению.

— Вы не стесните их, миссис Айна, — произнес капитан Эксиоглу. — Первое, о чем надо вам подумать, —

о безопасном и удобном жилье. Дом Мюджиба удовлетворяет этим требованиям.

— Вы не будете обузой. В доме несколько комнат, живут там две женщины. Мать и сестра. Все складывается очень удачно. Наш пароход встает на ремонт, больше в море не пойдет, и месяца два мы пробудем в Константинополе, — сказал штурман.

— Я не знаю, как благодарить вас обоих! — воскликнула Айна. Она была растрогана, слезы выступили у нее на глазах. Совсем чужие люди и стали друзьями.

Обед затянулся до вечера. Айна вернулась в каюту полная надежд. Ей невероятно повезло на этот раз.

7

Загрохотала якорная цепь. Айна вышла на палубу. Несколько часов судно шло по Суэцкому каналу. По обоим бортам тянулась желтая скучная пустыня. Лишь иногда вдалеке появлялись группы пальм, зеленые квадратики рисовых полей. Стоял нестерпимый зной. Палило какое-то белое, мутное солнце. На зубах поскрипывал песок, принесенный горячим ветром из Сахары. Пейзаж утомил ее. В каюте переносить жару было легче, чем на палубе.

Сейчас «Энвер Паша» остановился в расширении канала, называемом Горьким озером. Здесь чаще всего расходились караваны судов, идущих навстречу друг другу — с севера на юг и с юга на север.

Айна огляделась вокруг и чуть не вскрикнула от радости. Не больше чем в ста пятидесяти метрах от «Энвер Паши», тоже на якоре, стоял «Трафальгар». Айна заволновалась. Надо скорее попасть на него, хоть на несколько минут. Может быть, удастся повидать Алека. С полубака от якоря к ней шел улыбающийся Мюджиб, одетый в короткие штаны и рубашку хаки с закатанными по локоть рукавами. Он еще издали показывал ей на «Трафальгар».

— Все-таки догнали! Я был прав, — произнес он, подходя. — Придется нам здесь задержаться суток на двое. Сейчас подходил катер, и с него сообщили: движение по каналу закрыто. Произошло столкновение, одно из судов затонуло, и пока его не отташат с нашей дороги, будем стоять. Задержка.

— Мюджиб, вы можете доставить меня сейчас на «Трафальгар»? — умоляюще попросила Айна. — Мне так надо повидать Алека!..

— Подождите несколько минут. Боцман спустит шлюпку, и я сам отвезу вас туда.

Через полчаса Айна уже плыла на гребной шлюпке по Горькому озеру. Четыре матроса дружно ударяли веслами по воде, на руле сидел Мюджиб в белой тропической фуражке с огромной золотой эмблемой и легком кителе с шевронами старпома на рукавах.

Они подгребли к обшарпанному, в ржавых потеках «Трафальгару». С фальшборта спускался грязноватый, замасленный штормтрап. Шлюпку никто не встретил. Мюджиб сложил ладони рупором, крикнул:

— Эй, на «Трафальгаре»! Примите человека!

Его услышали. На палубе показался матрос и бросил в шлюпку конец для швартовки.

— Сколько вы тут пробудете, миссис Айна? Я приеду по первому вашему зову. Нет, пожалуй, я сам поднимусь наверх и согласую сигнал с вахтенным штурманом.

Мюджиб ухватился за штормтрап и ловко, по-морски, поднялся на палубу. За ним полезла Айна. Первого, кого она увидела, был Алек. Он сидел на трюме безразличный к тому, что делалось за бортом, и ел суп из глиняной миски. Рядом обедал Мерфи.

— Алек! — закричала Айна и бросилась к мужу.

От неожиданности он выронил из рук ложку, вскочил, схватил ее в объятия и, не стыдясь окружающих, принялся целовать ее губы, глаза, руки.

— Айна! Айна! Наконец-то! — повторял он, не в силах вымолвить ничего другого. Он целовал ее и снова повторял: — Наконец-то! Встретились...

Когда прошли первые минуты радости, Алек обернулся к Мерфи, с участием глядевшему на него, и проговорил, радостно улыбаясь:

— Мерфи, познакомьтесь с моей женой. Ах, черт возьми, совсем забыл, что вы с ней уже знакомы. Разрешите нам побыть вместе немного?

— Здравствуйте, миссис Лонг, — проговорил Мерфи, протягивая ей руку. — Я же говорил ему, что о вас не надо беспокоиться, а он все тревожился: где моя жена, где она? Вот вы и догнали нас.

— Так вы разрешаете нам остаться вдвоем? — нетерпеливо переспросил Алек, не зная, как долго Айна сумеет пробыть на судне.

— Разрешаю,— важно кивнул Мерфи.— Можете идти в каюту.

Подошел Мюджиб, поклонился Алеку и сказал:

— Все в порядке, миссис Айна. Они дадут один продолжительный гудок, когда вы захотите поехать обратно. Мы сразу же придем шлюпку. А если отход будет раньше, я сам приеду за вами. Желаю счастья! — Он еще раз поклонился и перелез через фальшборт.

Несколько часов Айна и Алек провели в маленькой каюте. Им никто не мешал. Когда они остались вдвоем, то снова бросились в объятия, прижались друг к другу и так застыли, не произнося ни слова. Они были вместе. Все невзгоды отодвинулись от них, страшное будущее исчезло, Алек видел только ее глаза, широко открытые, теплые карие глаза, которые он так любил...

Они забыли весь мир, все, что их окружало, стенки маленькой грязной каюты раздвинулись, они очутились в прекрасном, счастливом, сказочном царстве, где существовали только они одни.

Ласки сменялись бессвязными рассказами Айны о ее мытарствах, последних событиях в Брисбене, надеждами и опасениями. Она даже вспомнила и рассказала ему о пощечине, которую получил судья Бартон после ареста Алека.

— Бартон заслужил ее,— засмеялся Алек.— Молодец Лола Брэдок. Я знал ее брата.

Его очень заинтересовал рассказ жены о капитане Экшиоглу и его старшем помощнике.

— Мне они показались честными людьми, Алек. Не знаю, чем они смогут нам помочь, но такое желание у них есть.

— Ну что ж, капитан сказал тебе правду. Единственная страна, которая помогает их освободительному движению,— Россия. Поэтому им можно верить. Не теряй с ними связи.

— Я буду жить у матери одного из них.

— Это хорошо. Сейчас трудно предполагать, какая помощь потребуется мне в Константинополе. Одно несомненно — надо устроить побег до того, как меня увезут в Одессу. Спроси, возможно ли это организовать.— Алек снова привлек Айну к себе.

Кто-то тихо постучал в дверь.

— На минутку, Лонг,— услышал Алек голос Мерфи. На палубе Алек увидел смущенного солдата.

— Мне сказали, что «Трафальгар» простоит здесь двое суток. Канал закрыт. Я думаю, не будет ничего плохого, если миссис Лонг пробудет с вами это время. Я уже договорился со вторым помощником капитана, что перейду спать к нему в каюту.

— Мерфи, вы настоящий парень! — воскликнул расстроженный Алек. — Спасибо вам огромное. Если бы я мог хоть чем-нибудь отплатить вам.

— Ничего не надо. Только имейте в виду, чтобы никаких там глупостей, — уже строго произнес солдат, опять принимая свой начальственный тон. — Наручники я вам не надену.

— Я же джентльмен, Мерфи. Вы убедились в этом. Клянусь, никаких глупостей не будет. Даже не выйду из каюты. Спите спокойно.

Радости Айны не было конца. Двое суток! Целая вечность после стольких дней разлуки.

При помощи второго штурмана, который сразу узнал ее и встретил, как старую знакомую, ей удалось купить у стюарда продуктов, и двое суток она кормила Алека и Мерфи бифштексами, вкусными супами и даже пирожными, которые сама пекла на камбузе. Мерфи был в восторге и при каждом удобном случае восклицал:

— Миссис Лонг, где бы мне найти такую жену, как вы? Готовите лучше, чем в ресторанах Брисбена. Знаете, один раз я ужинал с друзьями в «Кенгуру». Совершенно шикарный ресторан! Его посещают самые богатые люди. Но кормят там хуже, чем вы нас.

Канал открыли на третьи сутки. С «Энвер Паши» за Айной пришла шлюпка. Надо было прощаться.

— Береги себя, — сказал Алек в последний раз, целуя жену. — Помни, что ты не одна. До свидания, моя любовь. И старайся не унывать. Все будет хорошо. Я уверен в этом. Да... передай мою благодарность морякам за все, что они сделали для тебя, и за участие в моей судьбе. Теперь у меня появилась большая надежда.

Алек старался поддерживать жену, но глаза у него были грустными. Будущее оставалось угрожающим,

и чем ближе «Трафальгар» подходил к Константинополю, тем тревожнее становилось у него на душе. Сумеют ли друзья моряки помочь ему? Только на них он мог надеяться.

Айна понимала состояние мужа. Она собрала свою волю, чтобы не расплакаться, улыбалась, старалась казаться веселой.

— Ты прав, милый. Все должно быть хорошо, — твердила она, как заклинание. — Нет таких положений, из которых не было бы выхода. До встречи в Стамбуле.

Она села в шлюпку, и все время, пока матросы медленно гребли к пароходу, махала Алеку, а он стоял у фальшборта с высоко поднятой рукой. Как только шлюпку подняли на борт, судно начало сниматься с якоря. Малым ходом оно прошло мимо «Трафальгара», занимая свое место в порядке следования, и Айна еще раз увидела теперь уже маленькую, далекую фигурку Алека. Он по-прежнему стоял у фальшборта. Все суда снимались с якорей. Караван двинулся на север.

8

«Трафальгар» ошвартовался у одного из константинопольских причалов.

— Приехали, — сказал Мерфи, закрывая Алека в каюте. Он уже давно надел на него наручники. — Сидите спокойно, Лонг. Я отправляюсь к начальству и, наверное, скоро вернусь с распоряжениями, что с вами делать дальше.

— В тюрьму повезете, куда же еще?

— Конечно уж не во дворец турецкого султана, — огрызнулся Мерфи: он был в плохом настроении. Щелкнул замок, и Алек прильнул к иллюминатору.

В приземистый кирпичный склад грузчики таскали мешки, кипы, ящики. Вероятно, разгружался пароход, стоящий по корме «Трафальгара», но Алек не мог его видеть. У дверей склада на ящике сидел английский солдат с карабином в руках. Громко разговаривая и смеясь, по причалу прошли французские военные моряки в синих беретах с красными помпонами. Появился офицер в незнакомой Алеку форме. Он подошел к молодому грузчику и начал что-то говорить жестикулируя,

показывая на разгружавшийся пароход. Грузчик, согнувшись под тяжестью кипы, терпеливо слушал. Потом, не выдержав длинной речи, сбросил свою ношу на землю и выпрямился, держа руки по швам. Когда офицер ушел, грузчик смачно плюнул ему вслед. К нему подошли два его товарища, подняли с земли кипу, положили ему на спину. Турок, тяжело переступая кривыми, сильными ногами, скрылся в складе. Проехал грузовик на литых резиновых шинах. В кузове сидели английские солдаты.

Алеку наскучило смотреть в иллюминатор. Он присел на койку, задумался. Что же с ним теперь будет? «Приятное» путешествие окончилось. Удастся ли Айне повидаться с ним перед отправкой в Россию? Какое начальство в турецкой тюрьме, если ему суждено туда попасть? Все имело важное значение. Но пока не стоило думать о будущем. Надо заснуть. Он закрыл глаза...

Алек очнулся от звука ключа, поворачивающегося в замке. Вернулся Мерфи. Вид его не предвещал ничего хорошего.

— Опоздали, — раздраженно проворчал он, присаживаясь на койку. — Пароход ушел в Одессу вчера вечером. Когда будет следующий, неизвестно. Сообщение нерегулярное. Говорят, недели через две. Придется вам, Лонг, посидеть в турецкой тюрьме. Она похуже, чем в Бомбее. Мне жаль вас, но ничего не поделаешь. Собирайтесь.

— Я готов. Вещей-то у меня нет. Все на себе.

— Тогда пошли. Хочу вам сказать на прощание — не обижайтесь на меня. Я делал для вас все, что мог. Вы хороший человек, и я никогда бы не посадил вас в тюрьму. Желаю, чтобы ваше дело закончилось хорошо. Может быть, в России будет легче?

— Сомневаюсь. Спасибо вам, Мерфи, — с чувством произнес Алек. — Я все понимаю.

Они вышли на палубу. У трапа курили два турецких жандарма.

— Вот новые конвоиры. Я уже оформил на вас документы и сдал тюремному начальству. Прощайте, Лонг.

— Прощайте, Мерфи. Куда же вы теперь?

— На днях идет пароход в Индию. Сяду на него, а там домой, в Брисбен.

— Мерфи, сделайте для меня еще одно доброе дело. Если возможно, конечно. Зайдите на Элизабет-роуд, семнадцать, к старику Струмпе, и расскажите подробно о нашем плавании. Он отец моей жены.

— Ладно, Лонг. Я сейчас запишу адрес. Прощайте.

Мерфи повернулся и пошел в каюту. Один из жандармов подтолкнул Алека в спину:

— Но, но! Иди!

На пристани жандармы встали по бокам Алека, и они двинулись к городу. Шли по разбитым каменным мостовым, мимо лавчонок с узкими ставнями, рынка ремесленников. Здесь стоял невероятный шум. Кузнцы, ткачи, чеканщики, сапожники громко предлагали свой товар. На арестанта никто даже не посмотрел. Ну что он мог купить? По улицам шатались иностранные матросы. Они бесцеремонно хватали вещи, разложенные на лотках, бросали продавцам деньги, засовывали покупки в карманы и шли дальше. Их провожали озлобленные взгляды турок. Некоторые шептали вслед ругательства.

После долгого петляния по кривым улочкам они вышли к берегу моря. Высокая, поросшая мохом стена окружала каменное здание. Вверху все было обтянуто колючей проволокой, по углам стояли вышки с вооруженными часовыми. В стене — железные ворота, над ними надпись: «Главная городская тюрьма».

Жандармы позвонили у маленькой квадратной двери, и старый усатый надзиратель впустил их. Он подозрительно оглядел Алека и сказал что-то конвоирам. Они пошли по темному, вонючему коридору. У дверей с табличкой «Дирекция» надзиратель остановился, пригладил усы, постучал.

В тесной, задымленной комнате с низким потолком, в углу, за заваленным бумагами письменным столом, сидел толстый жандармский офицер в очках. Он неприязненно взглянул на Алека, бросил несколько слов конвоирам. Те козырнули и вышли из комнаты. С минуту тянулось молчание, потом жандарм спросил:

— Говоришь по-французски?

— Немного.

— Черт бы тебя побрал, сын осла. Мало нам своих заключенных! Так возись еще с тобой, отвечай, — на довольно правильном французском языке проворчал жандарм.

— Я сюда не просился.

— Молчать! Тебя не спрашивают. Меня зовут Хасан-эффенди. Запомни. Я здесь аллах, султан и высшая власть. Эй, Пич Нури! — повернулся он к надзирателю, стоявшему навтыжку у дверей. — Посади его в общую камеру. Обыщи как следует. Чтобы не было ножа.

Надзиратель схватил Алека за скованные руки, вытолкнул в коридор. Темным проходом через две узкие железные двери они вышли в маленький дворик. Толпа оборванных арестантов бросилась к ним, окружила плотным кольцом. Надзиратель заорал истошным голосом:

— Прочь с дороги!

Никто не обратил на него внимания. К Алеку подошел высокий человек с багровым шрамом через всю щеку, нахмурил брови, что-то сказал. Алек сделал жест — не понимаю, мол. Высокий обернулся к заключенным, искал кого-то глазами, крикнул:

— Чамлы!

К нему подбежал молодой парень с лицом, похожим на крысину мордочку, понимающе кивнул головой.

— Слушай, я буду твоим переводчиком. Я знаю английский. Кто ты такой, спрашивает Куру Али.

— Русский.

Чамлы перевел. Арестанты зашумели. Из задних рядов к ним безуспешно пробивался оттертый заключенными надзиратель.

«Ну и ну!» — подумал Алек.

К нему тянулись десятки рук с кисетами. Все предлагали свой табак.

— За что тебя взяли? Уголовник?

— Политический. Арестовали англичане.

Раздался возмущенный гул голосов. Кто-то закричал:

— Всюду неверные!

Неожиданно толпа расступилась. Появился старший надзиратель. Он закричал, потрясая кулаками. Люди стали неохотно расходиться.

— Вечером поговорим, — шепнул Алеку Чамлы. — Я приду к тебе.

Надзиратель Пич Нури, воспользовавшись относительной тишиной, потащил Алека на второй этаж, толкнул в общую камеру. Из-за окошка, забранного решеткой, можно было видеть только безбрежное море. От

него арестантов отделяла высокая стена, опоясанная ключей проволокой. Между стеной и зданием — мощеное пространство, тюремный двор. Здесь гуляли заключенные.

Большинство турецких тюрем было построено еще в средние века, поэтому камера, в которую попал Алек, представляла собой зловонный, зараженный паразитами склеп. Как только Пич Нури ввел его туда, Алек почувствовал тошнотворный запах раздавленных клопов. Несколько арестантов сидели на нарах, давили насекомых.

Надзиратель снял с него наручники и замкнул решетчатую дверь. Алек огляделся. В камере стоял сколоченный из досок стол, нары, несколько грязных табуреток, в углу — вонючая параша. Заключенные обступили Алека. Их было человек десять — двенадцать. Все наперебой говорили, показывали его место на нарах, предлагали закурить.

Он устроился на голых нарах, свернул пиджак, положил его под голову и лег. Надо было собраться с мыслями. Времени для размышлений оставалось не так уж много.

После ужина, состоявшего из жидкого кукурузного супа и куска отвратительного, похожего на глину хлеба, прибежал Чамлы.

— Как тебе удастся так свободно передвигаться по тюрьме? — спросил удивленный Алек.

— Тут это не так сложно. К тому же я разносчик баланды. Доверенное лицо, так сказать.

Чамлы протянул Алеку немного табака и огрызок белого чурека:

— Бери. Прислал Куру Али.

— А кто он, Куру Али?

— Ты же видел. Такой большой, со шрамом. Сильный человек. Его даже тюремное начальство боится. Месяц назад он так засветил надзирателю, что тот долго с «фонарем» ходил. За это Куру Али в карцере неделю гноили.

— А за что он сидит?

— За убийство. Кокнул американского матроса. Куру тогда грузчиком в порту работал и повздорил с американцем из-за девчонки. Дал ему в лоб, а у того и дух вон.

— Скажи, свидания вам дают?

— Раз в неделю. А у кого есть деньги, то и чаще. Дашь Хасану-эффенди парочку долларов, вот тебе и свидание вне очереди.

Чамлы ушел. Начали затихать арестанты в камерах, улеглись на нары. Лег и Алек. Ночь прошла «спокойно», если не принимать во внимание свирепых, каких-то особенно больших, продолговатых клопов, напавших на Алека сразу, как только в камере погасили лампу и оставили один тусклый светильник. Алек не смог заснуть, пришлось вести непрерывную борьбу с насекомыми.

Утром Алек поднялся с надеждой увидеться с Айной. Она должна прийти. Но подошло время обеда, а его никто не вызывал. Алек забеспокоился. Уж не случилось ли с ней чего-нибудь? Может быть, подвели моряки с «Энвер Паши»? Не удалось получить свидания? Впрочем, он, кажется, слишком нетерпелив. Ведь сегодня только первые сутки его пребывания в Турции. Отогнав от себя мысли об Айне, он принялся изучать тюремную жизнь.

Да, здесь, в стамбульской тюрьме, она совсем не походила на то, с чем он встречался раньше. Заключение могли ходить из камеры в камеру, разговаривать между собой, заниматься обменом вещей и продуктов.

В тюрьме было пять больших камер, несколько изоляторов, несколько совсем маленьких клетушек. В первом этаже сидели самые бедные, во втором — те, кто побогаче, у кого имелась влиятельная родня на воле. Обитатели первого этажа в большинстве состояли в услужении у этой тюремной «аристократии». Места в камерах тоже распределялись в зависимости от состояния заключенного: победнее — у дверей, около параш, побогаче — у окон, ближе к свету и чистому воздуху. В отдельных маленьких камерах сидели «беи». Обо всем этом Алеку рассказал Чамлы, не отходявший от него ни на минуту. Он с энтузиазмом выполнял обязанности гида и, видно, очень гордился тем, что знает английский. Он же сказал Алеку, что в тюрьме сидит около двухсот человек. В основном это крестьяне и ремесленники.

Как только открылись двери, заключенные высыпали на дворик. Лучи солнца уже нагрели его правый угол. Ссорясь, толкаясь, выкрикивая проклятия, арестанты

занимали места на теплых камнях. Они снимали свои рубашки и расправлялись со вшами. Остальные гуляли парами или по трое. Голоса заключенных заглушал непрекращающийся звук шаркающих по камням кованых ботинок. Кляк-кляк-кляк!

Тут же на дворе открылся базар. Один, похитрее, организовал «баню» и за несколько курушей за мешковой занавеской поливал счастливчика горячей водой. Два арестанта на сложенных во дворе очагах варили и продавали кофе, этот турецкий нектар. Они изо всех сил старались перекричать друг друга:

— Самый крепкий! Самый горячий! Самый черный с каймаком!

Конкуренция была жесточайшая.

К Алеку подошел Куру Али, улыбнулся, протянул руку:

— Селям!

— Селям!

Вездесущий Чамлы крутился рядом.

— Куру Али спрашивает, не хочешь ли чашечку кофе? Он платит.

Алек отказался. Судя по одежде, Куру Али был не очень-то богат, хотя заключенные смотрели на него с уважением. Видно, что Куру Али в тюрьме признанный вожак и пользуется авторитетом.

— А вот тот, видишь? — показал пальцем Чамлы на молодого паренька в тельняшке. — Тоже моряк. Устроили бунт на учебном военном корабле из-за плохой еды. А когда его спросили, почему он бунтовал, отдал честь и ляпнул: «Нет больше Турции. Англичане все захватили. Так жить больше нельзя. Почему же вы даете нам винтовки без затворов?» Его разжаловали и засунули сюда.

Чамлы рассказывал, за что люди сидят в тюрьме. Этот за неуплату налогов, этот за кровную месть, кто за убийство. Причина преступлений — споры из-за межи, земли, пастбищ, воды... Но всех арестантов объединяет ненависть к оккупантам. Неверных, как тут их называют, ненавидят и богатые и бедные. Куру Али важно кивал головой в знак согласия. Делал вид, что все понимает.

Алек с интересом слушал Чамлы. Хаос, происходящий в стране, наложил свой отпечаток и на тюрьму. Порядка никакого. Похоже, что и надзирателям напле-

вать на заключенных, на то, что они делают, как живут. Только бы не убежали.

Неожиданно раздалась дикие вопли. Куру Али остановился. Двое «кофейщиков» бросились друг на друга: не поделили клиентов. У одного в руках сверкнул нож. Куру Али бросился к дерущимся. Ударил по щеке одного, потом другого, вырвал нож. Посыпалась отборная ругань. На шум прибежал надзиратель. Куру Али незаметным, ловким движением спрятал нож на груди. Заключенные начали успокаиваться. Опять застучали ботинки. Прогулка продолжалась как ни в чем не бывало.

Обед, прогулка, ужин, отбой... Так прошли первые сутки в стамбульской тюрьме. Алек все ждал, что его вызовут на свидание, но напрасно. Айна не пришла. Что же случилось? Опять тревожные мысли не давали покоя. Надо вооружиться терпением. Завтра она непременно придет.

9

Айна поселилась в семье Мюджиба. Дом был небольшой, но удобный, современный, с маленьким садом. Зийнет-ханум, мать штурмана, приняла ее с истинным восточным радушием. Отвела в отдельную комнату, просила ни в чем не стеснять себя. Она очень рада, что в доме появилась еще одна женщина. Будет повеселее. Сестра Мюджиба, Зульфия, ей недавно исполнилось шестнадцать, училась во французском колледже, но дух патриотизма, каким все было пропитано в доме, коснулся и ее. Она носила национальные турецкие одежды, восторгалась Кемалем-пашой и, узнав, что Айна русская, жена большевика, смотрела на нее, как на святую, ловила каждое ее желание.

Айне было трудно объясняться с турчанками, — они не знали английского, если не считать нескольких фраз, выученных Зульфией в школе, тем не менее жесты, улыбки, доброжелательность хозяек восполняли этот пробел. Они понимали Айну, а она их.

Как только Айна переделалась, она сказала Мюджибу:

— Я хотела бы сейчас же навести справки о муже. Скажите, куда мне пойти, к кому обратиться?

— Миссис Айна, во-первых, уже поздно и вряд ли вы застанете официальных лиц, во-вторых, не надо то-

ропиться. Завтра с утра мы узнаем все, что вас интересует. Для нас все будет легче и проще. Подождите денек.

— Я не могу ждать, Мюджиб. Ведь его сразу же могут посадить на пароход и отправить в Россию. Что тогда делать мне?

— Я уже заходил на «Трафальгар». Мне сказали, что ваш муж в стамбульской тюрьме и пароход на Одессу будет не раньше чем через две недели. Прошу вас, не беспокойтесь. Подождите до завтра.

Мюджиб куда-то ушел, а Айна осталась в смятении и тревоге. К большому огорчению Зийнет-ханум, которая хотела попотчевать гостью национальными блюдами, Айна едва прикоснулась к ужину и, посидев немного за столом, ушла к себе в комнату.

Неотвязная мысль не давала ей покоя. Она боялась опоздать. Все теперь было в руках моряков, все зависло от них. Она заснула тревожным, некрепким сном. Часто просыпалась, прислушивалась к тишине и снова засыпала. Стонала, ворочалась, спала плохо и поднялась рано. Ее хозяйки еще не встали. Она оделась и тихо вышла в сад.

День прошел в тревоге. Она с нетерпением ждала Мюджиба, но он почему-то не появлялся. Пришел он поздно вечером, улыбающийся, немного навеселе. Айна бросилась к нему:

— Как дела? Что нового?

— Вы уж простите меня, миссис Айна, что заставил вас поволноваться. Все хорошо. Завтра вы увидите своего мужа. Не думайте, что я тратил напрасно время. Нет, я занимался вашими делами. Пока ничего не буду рассказывать. Подождем капитана Эксиоглу. Он сейчас должен прийти. А пока будем ужинать. Я голоден как черт. Мама!

Скоро они услышали шум подъехавшего фазтона. В комнату вошел капитан Эксиоглу. В руках он держал несколько красных гвоздик. Он потрепал по щеке Зульфию, низко поклонился Зийнет-ханум и передал цветы Айне со словами:

— Поздравляю вас с первым успехом.

Он уселся в кресло, отер платком влажный лоб и начал:

— Оказывается, у бедного старого моряка Эксиоглу в стамбульской тюрьме работает приятель. Вот как

бывает, дорогая миссис Айна. Он начальник. Ну, если и не самый главный, то достаточно авторитетный. Надо сказать, что он подлец из подлецов, мздоимец, жестокий человек, но, к нашему счастью, у него свои счета с англичанами. Чем-то они его обидели, и теперь он ярый приверженец Кемал-паши. Надолго ли, не знаю, во всяком случае — пока. Вот этим мы и воспользуемся.

Экшиоглу что-то сказал по-турецки Зийнет-ханум. Женщина скрылась в комнате. Через минуту она подала капитану дымящуюся чашечку кофе.

— Простите меня, друзья. Я должен выпить кофе. Без него я не могу прожить и двух часов.

Капитан отхлебнул из чашки. Айна сидела, крепко стиснув руки. Такое начало обещало многое.

— Продолжим, — отдуваясь, проговорил капитан. — Я имел удовольствие видеться с приятелем. Намекнул, что завтра к нему придет одна милая дама и попросит свидания с русским по имени Лонг. Так чтобы он не вздумал отказать в свидании. Мы в этом заинтересованы. Кто «мы», он не знает, но догадывается. Ну как, миссис Айна, вы одобряете мои первые шаги?

— Я готова даже поцеловать вас, капитан, — пошутила Айна. — А что будет дальше?

— Уже и дальше! Трудно иметь дело с женщинами, да еще с влюбленными, — улыбнулся капитан Экшиоглу. — Дальше эта милая дама скажет своему мужу, чтобы он подал прошение на имя начальника тюрьмы с просьбой перевести его временно под надзор полиции в город. Если мне не изменяет память, вы как-то говорили, что ждете ребенка?

Айна утвердительно кивнула головой.

— Вот это обстоятельство и должно послужить причиной прошения. Вы одни в Константинополе, плохо себя чувствуете, за вами некому ухаживать, и он просит... и так далее... Жандармам сейчас не до заключенных. Они не знают, кому придется служить завтра. Одним арестантом больше, одним меньше, какая разница? Везде полная неразбериха. Понятно?

— Вполне. Но ведь ему наверняка откажут.

— Отказали, если бы не бедный, старый, но влиятельный Экшиоглу и его знакомый начальник.

Видно было, что капитану доставляет огромное удовольствие поражать Айну своими связями и возможностями.

— Поэтому не откажут. Ко всему тому, что я рассказал, мой приятель равнодушен к золоту. Я подарил ему чудесные запонки со слонами, которые купил в Бомбее.

— Я не могу вводить вас в расходы, капитан, — покраснела Айна. — Вы и так делаете для меня слишком много. У меня есть деньги, и если надо...

— Они еще пригодятся вам, миссис Айна. И мы с Мюджибом достаточно состоятельны, чтобы не говорить о таких пустяках. Давайте не будем больше вспоминать о деньгах. Хорошо?

— Вы просто гений, капитан, — в восхищении проговорил Мюджиб. — Столько сделали за такой короткий срок. Видите, на что способен мой капитан, миссис Айна?

— Никогда не хвалите человека в глаза, Мюджиб, — усмехнулся довольный лестью Эксиоглу. — Значит, так. Завтра мистер Лонг подает заявление Хасану-эффенди. Запомните это имя. К нему же пойдете и вы за разрешением на свидание.

— Действительно, вы волшебник, капитан! — воскликнула счастливая Айна. — Думала ли я, когда садилась на ваш пароход, что найду таких друзей? Никогда.

— Хорошим людям всегда воздается, — важно сказал Эксиоглу. — Так примерно говорит коран.

— Если Алека выпустят, где же мы будем жить? Вас стеснять неудобно... — проговорила Айна.

— Да что вы, миссис Айна! — воскликнули в один голос Мюджиб и Зийнет-ханум.

— Вы будете жить здесь, — многозначительно сказал капитан. — Это входит в наш дальнейший план. Вот когда он очутится за стенами тюрьмы, вы встретитесь с более важными людьми, чем я и Мюджиб, будем думать дальше, как выручить Лонга. Сегодня я сказал все.

Засиделись до полуночи. Капитан приглашал Айну на прогулку по ночной Перу, обещал показать интересные места, но она так взволновалась предстоящим свиданием с Алеком, что отказалась, и была рада, когда мужчины попрощались. Мюджиб пошел прозодить капитана, и Айна осталась одна со своими мыслями.

Надзиратель Пич Нури оглядел двор и, перекрывая своим голосом стук арестантских башмаков, закричал: — Лонг!

От неожиданности Алек вздрогнул, сердце забилося сильнее. Может быть, пришла Айна? Он подошел к надзирателю. Тот молча грязным указательным пальцем ткнул на выход. По тем же темным коридорам, по которым несколько дней назад они шли в камеру, добрались до комнаты, перегороженной решеткой на две половины.

«Место свиданий, — решил Алек, вспоминая рижскую тюрьму. — Там было так же».

Надзиратель вышел. Через минуту он появился на другой стороне, ведя за собой Айну. Если бы не проклятая решетка! Ему так хотелось обнять жену. Они прижались к решетке друг против друга, и Айна шепнула:

— Все идет хорошо, милый.

— Ты молодец, девочка. Я так ждал тебя, верил, что ты придешь. Как тебе удалось получить свидание?

— Сначала о самом главном...

Айна рассказала ему, как он должен действовать.

Пич Нури скучая торчал у двери. Подслушивать было незачем. Арестанты говорили по-русски. Почему начальник дал свидание заключенному в неурочный день? Наверное, отхватил хороший куш. Впрочем, это не его дело.

— Понимаешь, я пришла в тюрьму просить свидания, — шептала Айна Алеку. — Начальник был любезен, сказал, что для меня сделает исключение. Я пошутила: не могу, мол, остаться в долгу и подарю ему на память колечко. Ну, знаешь, подарок папы, с сапфиром. Хасан-эффенди рассыпался в комплиментах, приказал надзирателю не мешать нам. Я пришла в тюрьму с Зийнет-ханум и не хотела бы задерживать старушку. Я пойду, Алек. Скоро ты будешь со мной. Если бы ты знал, как я жду этого дня!

Она просунула руку через решетку. Алек поцеловал ее пальцы. Надзиратель, удивляясь, что свидание закончилось так быстро, проводил Айну, а когда вернулся и хотел вести Алека в камеру, тот замотал головой, повторяя одно слово: «Хасан-эффенди! Хасан-эффенди!»

Надзиратель понял. Он повел Алека в комнату ди-

рекции. Там сидело несколько жандармов. За своим столом Хасан-эффенди курил кальян. В комнате плавало густое синее облако дыма. Солдаты чему-то громко смеялись. Увидя Пич Нури с Алеком, Хасан-эффенди принял серьезный вид, бросил трубку, махнул рукой жандармам. Те вскочили, откозыряли начальнику, вышли из комнаты. Бросив несколько слов Пич Нури, Хасан-эффенди поднял глаза на Алека:

— Что ты хочешь?

— Подать заявление.

— Подавай.

Видно, просьба его не удивила. Он протянул Алеку лист бумаги, карандаш, кивнул на маленький стол, стоящий в комнате:

— Вот тут пиши.

Алек раздумывал, на каком языке писать прошение. На русском не поймут, по-французски он не может, по-английски...

Его выручил Хасан-эффенди:

— Пиши по-русски. У нас есть переводчики.

Когда Алек закончил, изложив в своем прошении все, что ему говорила Айна, и подал бумагу жандарму, тот, повертев ее в руках, спросил:

— О чем ты просишь здесь?

Алек объяснил. Хасан-эффенди, подмигнув ему, с ехидцей произнес:

— Ты не дурак, Лонг. Это почти что на свободу. Ну, ну...

— У меня больная жена, ухаживать за ней некому, она в первый раз в Турции, знакомых нет, не знает языка...

— Уж не ври, что нет знакомых. По-моему, у нее здесь много друзей. Или она завела их без тебя? А язык... Сейчас в Турции достаточно знать английский, будь он проклят! Ладно... Ответ через три дня. Надо кое с кем согласовать твоё прошение. Я тебя вызову. Пич Нури, забери его.

Во дворе его обступили любопытные арестанты.

— Куда тебя? На суд или переводят? — спросил Чамлы.

— Да нет. Потребовались дополнительные сведения, — ответил Алек. Он не хотел ненужных вопросов. Лучше помолчать.

На третий день его вызвал Хасан-эффенди.

— Ну, твое прошение удовлетворено. Благодарю меня, я его поддержал, — сказал жандарм, протягивая Алеку плотную карточку. — Это твой вид на жительство. Будешь каждое утро отмечаться в районной полиции. И не вздумай убежать. Мы найдем тебя на дне моря, и тогда уж тебе несдобровать. Понял? А сейчас можешь идти. Жена ждет тебя на улице. Вещи есть?

— Вещей нет.

Алек заметил на мизинце Хасана-эффенди колечко Айны.

— Тогда иди. Пич Нури, проводи его до ворот.

У дверей тюрьмы его ждала Айна. Они уселись в стоявший недалеко фаэтон. Ехали молча. Ни о чем не хотелось говорить в присутствии кучера. Айна не выпускала руку мужа из своей, с жалостью глядела на исхудавшего, бледного, грязного Алека. Наконец они добрались до Бейоглу, к домику Мюджиба. Их встретила вся семья.

— Ну, вот вы и у себя дома, мистер Лонг, — радушно сказал Мюджиб, пожимая Алеку руку. — Познакомьтесь с моими дамами. Мать и сестра.

В комнате уже был накрыт стол.

— Надо отпраздновать ваше освобождение, — сказал Мюджиб.

— В таком-то виде! — закричала Айна. — Прежде всего мыться, долой эту одежду. Придется позаимствовать ваш халат, Мюджиб. Потом я куплю ему новый костюм и все необходимое. Чтобы и духа не оставалось от тюрьмы.

Алек с наслаждением вымылся горячей водой с мылом, растерся жестким полотенцем и облачился в халат Мюджиба. Он так долго был лишён этого удовольствия. Сейчас он почувствовал себя совсем другим человеком.

Мюджиб, оживленный и веселый, говорил без умолку. Освобождение Алека окрылило его.

— Пока все получилось очень удачно, — сказал он, становясь серьезным. — Осталось самое трудное. Тут будет мало наших связей.

За столом сидели недолго. Все понимали, что Айне и Алеку хочется побыть вдвоем. Целый день Алек провел с Айной. А вечером пришел капитан Экшиоглу. Он крепко пожал руку Алеку:

— Вот вы и на свободе. Теперь надо действовать. Завтра здесь соберутся несколько человек из нашей пар-

тии. Я им уже говорил о вас, и они согласны помочь. По-моему, они уже наметили план.

— Я несказанно благодарен вам, капитан Экшиоглу.

— Это наш долг.

Утром Алек в новом костюме, ботинках и рубашке отправился в районную полицию. Полицейский, курчавый турок, в феске и форме, подозрительно осмотрел его, долго рассматривал «вид на жительство» и потом, как показалось Алеку, неохотно сделал отметку. Алек вытащил пять лир, положил их перед полицейским, лицо которого сразу же преобразилось. Он уже ласково поглядел на Алека, приложил пальцы к феске и сказал, смешно коверкая слова:

— Ту мору морнин. Завтра утром.

«Дружба с полицией налажена, — про себя усмехнулся Алек, — это никогда не помешает».

Он едва дождался вечера, так хотелось ему узнать, что предпримут его новые друзья. Когда Зийнет-ханум стала закрывать окна темными портьерами, он понял, что сейчас начнут собираться люди, от которых зависела его дальнейшая судьба.

Вскоре он действительно услышал в соседней комнате приглушенные голоса, смех, звук отодвигаемых стульев. Потом все затихло, и кто-то негромко начал говорить. Алека никто не приглашал. Прошло более часа. Голоса то усиливались, то затихали, то снова раздавались, сердитые, возбужденные. Собравшиеся о чем-то спорили. Наконец открылась дверь, и появился Мюджиб.

— Пойдемте, — торжественно сказал он. — Настало время познакомиться с лучшими людьми Турции.

Они вошли в комнату. К удивлению Алека, там было всего три незнакомых человека. Один, в отлично сшитом костюме, с совершенно седой головой, черными, очень широкими бровями, походил на европейца, светского человека, дипломата, и только по темно-карим глазам и носу с горбинкой можно было предположить, что он турок. Второй, облокотившийся на камин, молодой, очень смуглый, с тонкими усиками над верхней губой, одетый в рваный бешмет, с повязанным по-курдски башлыком, в высоких шерстяных носках и старых, запыленных чулках, выглядел бедным крестьянином, и, наконец, третий, сидящий в кресле, худой, с резко выдающимися скулами, очень красным, тонкогубым ртом, был одет в форму полковника турецкой армии.

— Селям! — приветствовал их Алек.

— Селям! — ответили присутствующие в комнате.

— Вы можете говорить по-английски. Мы все понимаем этот язык, — проговорил, улыбаясь, седой. — О вас мы все знаем. Можете не рассказывать. Мы ваши друзья.

— Во всем положитесь на нас, — наклонил голову капитан Эксиюоглу.

— Я хотел бы представить всех, — сказал седой. — Меня зовут Рюшту-бей. Я приехал из Анкары, где помогаю Мустафе Кемалю-паше в его благородном деле. Это, — он показал на молчаливо стоящего у камина крестьянина, — наш прославленный партизан Карачалы, гроза оккупантов. Сам несколько раз переходил границу, побывал на Кавказе. Так, Карачалы?

— Хорошо, товарищ! Борба, — улыбнулся партизан, сверкнув крупными белыми, как тыкваемые семечки, зубами.

— А это полковник Заро-ага. Один из военных советников и ближайших друзей Кемаля. Остальных вы знаете.

Алек поклонился.

— Теперь я изложу вам наш план. Мы долго спорили, куда лучше отправить вас, и в конце концов пришли к единому мнению: несмотря на опасность, вам надо пробираться в Одессу. Разумеется, вам нужно хорошо законспирироваться. Но это мы берем на себя. А оттуда вам легче будет перебраться в другое место.

Алек помолчал. Разве они не знают, что Одесса занята белыми? Он попадет в самое логово.

— Мне кажется, лучше бы избрать другое направление, — сказал он. — А не могли бы вы переправить нас в Россию через Анатолию и Кавказ? Тем же путем, каким туда ходил Карачалы.

Полковник Заро-ага выпрямился в кресле, отрицательно покачал головой:

— Чрезвычайно сложно, долго и опасно. А вы еще и с женой. Нет уверенности, что вы пройдете благополучно. Везде интервенты. И на суше, и на море. Наши люди рискуют жизнью, ведут кровавые стычки. Ведь я прав, Карачалы?

— Совершенно, ага. Слишком велик риск. Мы не можем подвергать ему женщину, — к удивлению Алека, на чистейшем английском языке галантно сказал партизан.

— О, вы говорите, как англичанин, Карачалы, — не удержался от похвалы Алек. — Где научились?

— Мальчишкой я работал несколько лет боем в английском посольстве.

— Не будем отвлекаться, Карачалы, — нахмурился Рюштю-бей.

— Итак... — повторил он. — Мы приняли план Карачалы. Послушайте, Лонг, одну историю. Несколько месяцев назад в Анатолии появились мужчина и женщина. Они выдавали себя за чету Бернсов. Муж — богатый коммерсант, представитель и акционер фирмы «Викерс», якобы прибывший для заключения сделок с турецким правительством. Они поселились в Сивасе и всеми силами старались влезть в доверие к Кемалю. Это было так явно, что за ними установили слежку. И оказалось, что они занимались шпионажем. Отряд Карачалы захватил их с поличным. На допросе чета Бернсов созналась во всем. У них было обнаружено еще два паспорта на имя Генри и Вирджинии Палмер. Только один человек, сказал Бернс, директор фирмы «Викерс», не считая тех, кто послал их, знал об этих паспортах. Негласный суд приговорил англичан к расстрелу. Карачалы предлагает... — Рюштю-бей оглядел всех присутствующих своими темными глазами, — создать новых супругов Генри и Вирджинию Палмер, отдав вам их паспорта. По счастливой случайности, вы с женой блестяще владеете английским. В вас никто не заподозрит русских. На паспортах нужно только заменить фотографии. Мы сажаем вас на пароход «Русь», и через тридцать часов вы в Одессе. Как, товарищ Лонг?

— Совершенно неожиданный вариант. Я ожидал любого, только не этого. В принципе — хорошо. Только вы не учитываете возможности нашей встречи с людьми, знавшими Палмеров. Если она произойдет, нам конец.

— Все, с кем они имели дело, знали их как Бернсов. Так что такая встреча исключается. Кроме того, в Одессу на пароходе «Русь» главным образом едут всякие мелкие дельцы, авантюристы, русские военные, интеллигенты, высокопоставленные лица. Представители Антанты предпочитают пересекать Черное море на французском пароходе «Ганновер». Это тоже облегчает задачу. Мы решили, что встречи бояться не надо. Остается один процент риска на какой-то совсем невероятный случай.

— Понимаю, — сказал Алек.

— Ну что ж, если больше нет возражений, начинаем действовать,— снова взял слово Рюштю-бей, по-видимому, здесь он был старшим. — Завтра вы и ваша жена поедете к нашему портному и портнихе. Они сошьют подobaющее вашему новому положению платье. Я пришлю за вами человека. Потом с Мюджибом вы купите необходимые вещи. Чемоданы, обувь, белье. Все должно быть лучшего качества и английского происхождения. О деньгах не беспокойтесь.

Рюштю-бей закурил толстую сигару, выпустил клуб дыма и продолжал:

— Когда закончим с вашим внешним видом, займемся составлением «легенды». Я думаю, что она должна выглядеть примерно так. Богатый английский коммерсант направляется в Одессу по поручению фирмы «Викерс». К генералу Деникину, непосредственно к нему. Это поднимет вас в глазах пассажиров и освободит от назойливых вопросов. Палмер едет для переговоров о поставке белой армии оружия. Все нужные сведения о Палмерах мы доставим вам для изучения. Вы и миссис Лонг должны будете все выучить наизусть. А теперь, господа, давайте расходиться. Желаю всем счастья.

— Благодарю вас, — горячо сказал Алек.

— Тссс-с! — в комическом испуге поднял руку Рюштю-бей. — Не благодарите. Я суеверен. Только когда будете на своей стороне, можете сделать это мысленно. Выходим по одному.

Рюштю-бей первым исчез за дверью. Когда все разошлись, Мюджиб с гордостью сказал:

— Видите, какие люди взялись помочь вам? Я уверен в успехе.

Вернувшись к ожидавшей его в нетерпении Айне, Алек обнял жену и шутливо сказал:

— Ну, миссис Палмер, вам придется изучать манеры светских дам. Надеюсь, вы не опозоритесь, Джинни?

Он подробно рассказал ей все, о чем говорили турки. Она слушала его внимательно, с беспокойством в глазах.

— Сумеешь перевоплотиться, девочка?

— Попробую.

— Оплошность может стоить нам дорого, Джинни,— грустно сказал Алек. — Я должен называть тебя этим именем, а ты меня Генри. Чтобы привыкнуть. Все было бы хорошо, но теперь в опасную игру вовлечена и ты. Я не могу чувствовать себя спокойным.

— Напрасно, Алек. Ведь я буду рядом с тобой. Наши судьбы неотделимы. Но я почему-то верю, что все закончится хорошо.

— Ну, раз так — вперед! У нас нет другого выхода, и этот, кажется, самый надежный. Применим твою любимую поговорку: надейся на лучшее, будь готов к худшему.

11

Пароход «Русь» готовился к отплытию из Константинополя в Одессу. Ждали последнего третьего гудка. На кормовом флагштоке в безветрии повис флаг. Пассажиры прогуливались по палубам, переговаривались с толпящимися на причале провожающими, смеялись, ссорились, разыскивая свои вещи.

Котелки, военные фуражки, дамские шляпы, казачьи папахи — все перемешалось в этой шумной, яркой толпе. Изредка на палубах появлялись офицеры судна в накрахмаленных белых кителях, сновали матросы, помогая пассажирам перетаскивать чемоданы, узлы, баулы. Везде слышалась русская, вперемежку с французской, речь. Дносились обрывки фраз:

— Пожалуйста, сюда, мадам...

— Куда прешь, служивый? В первый класс вход запрещен...

— Ваше превосходительство? И вы здесь? Не ожидал, не ожидал...

— Решили все-таки вернуться, Михаил Павлович? Правильно сделали. Теперь наша взяла...

Молодые солдаты-добровольцы, в аккуратных зеленых гимнастерках, со скатанными шинелями через плечо, в новеньких, только что полученных фуражках, погромыхая винтовками, сгрудились на носовой палубе.

Их набрали здесь, в Константинополе, из сынков богатых родителей, бежавших в начале революции за границу и теперь срочно возвращающихся, чтобы принять участие в крестовом походе на большевиков. Их дети должны стать героями, вступить в Москву и получить георгиевские кресты.

Какой-то генерал, окруженный дамами и штатскими в чесучовых пиджаках и соломенных панамах, приглаживая седые усы, попыхивая кривой трубкой, авторитетно говорил:

— Да, батенька мой, Деникин продвигается к Белокаменной. Он на пути к Туле, и надеюсь, что мы с вами на пасху уже будем христосоваться у Иверской...

— Ваше превосходительство, можно ли верить? — с сомнением качал головой мужчина в золотых очках. — Говорят, большевики все еще оказывают сильное сопротивление.

— С такими, как вы, господин Пачкин, России не освободишь, — презрительно посмотрел на него генерал. — Маловеры. Я всегда считал, что только военные способны на подвиг. От вас один вред и паника, любезнейший. Зачем тогда едете? Подождали бы.

— Правильно говорите, ваше превосходительство, — пробасил священник с огромным золотым крестом на груди. — Верить надо.

— Неужели мы снова будем гулять по Тверской, вечерами пить чай из самовара и вспоминать Стамбул как кошмарный сон? — щебетала дама в большой шляпе.

— Марья Сергеевна, не скажете, кто это?.. Фи, как вульгарно! Правда?

Кое-кто уже успел выпить в буфете и бессмысленно шатался по судну, приставая ко всем с никчемными вопросами. В общем, настроение было приподнятым, как будто «Русь» везла пассажиров на пикник. Буржуазия, обнадеженная успехами генерала Деникина, торопилась обратно, боясь опоздать к разделу богатого русского пирога.

За несколько минут до последнего гудка к трапу подъехал роскошный «ролл-ройс». С переднего сиденья соскочил молодой турок в красной феске, распахнул заднюю дверцу. Из машины, не торопясь, вышел высокий светловолосый мужчина и за ним дама в элегантном сером, дорогом костюме, в небольшой шляпке со спускающейся на лицо серой с мушками вуалеткой. Турок открыл багажник, вынул три блестящих кожаных чемодана, поднял голову кверху, крикнул:

— Эй, матросен! Багаже!

Мужчина что-то сказал своей даме по-английски, и они двинулись к трапу.

Любопытные пассажиры обратили внимание на прибывшую пару, зашептались:

— Вы не знаете, кто это? Английский посол? Заметила, какая машина?! Или кто-нибудь из нашей знати?

Черный «ролл-ройс» и бой-турок! С ума можно сойти, как шикарно.

Английский солдат, проверяющий внизу у всех документы, бегло взглянул на протянутые ему паспорта, щелкнул каблуками, приложил два пальца к фуражке.

На спардеке со списком в руках стоял казачий хорунжий из контрразведки и пофамильно проверял пассажиров. Одетый в коричневую черкеску с газырями, с кинжалом у пояса, с белым башлыком за спиной, он был картинно красив. Рядом с ним помощник капитана и вахтенный матрос отбирали билеты, показывали, куда надо идти растерявшимся на пароходе людям.

Увидя поднимающихся по трапу англичан, хорунжий переломился надвое в поклоне и по-французски сказал:

— Ваши документы, господа. На одну минуту.

Мужчина недовольно поджал губы, сунул офицеру паспорт и билеты.

— Только у русских так много формальностей,— возмущенно процедил он, поворачиваясь к женщине.— Восток.

— «Губернаторская», мистер Палмер, — почтительно произнес помощник, заглядывая в список через плечо хорунжего. — Николенко, проводи барина в «губернаторскую» каюту по правому борту, — сказал он вахтенному матросу с повязкой на рукаве.

— Прошу меня извинить. Пожалуйста. — Хорунжий протянул паспорта англичанину. Тот, не глядя на него, положил их в карман.

— Сюда, прошу сюда. Посторонись! — расталкивал вахтенный пассажиров, забивших проход левого борта. — Вот здесь ваша каюта, прошу, пожалуйста.

Матрос распахнул дверь в большую двухместную каюту. Англичанин вытащил кошелек и небрежно дал ему пятишиллинговую бумажку. Раздался третий гудок.

Люди на палубе махали платками, кричали прощальные приветствия.

— Скоро и мы за вами! — несло с берега.

Заскрипели тали. Трап полез вверх. На мостике, в форме, белый, как лебедь, появился капитан. Раздалась команда: «Отдать швартовы!» Связь с берегом прекратилась. Нос судна отваливал от причала.

— Конец, — облегченно вздохнул хорунжий. — Кажется, всех посадили. А ничего бабеч, Ваня, эта англичанка, а?

— Хороша Маша, да не наша. Видел, какой верзила с ней? В «губернаторской» едет. Туз.

— Для нашего ведомства, милый Ваня, все едино — туз или шестерка, — хвастливо сказал хорунжий. — Мы и тузам головы отворачивали.

— Руки короткие, Сережа, — засмеялся помощник. — Это, брат, англичанин, богатейший человек. Попробуй тронуть. Задницу нарежут — сидеть не сможешь. Дипломатический конфликт. Я тебе лучше другую покажу, в третьем классе едет. Пальчики оближешь!

Пароход вышел в Босфор. В «губернаторской» каюте шелкнул замок. Наверное, пассажиры решили отдохнуть.

— Ну, Джинни, поехали, — сказал, улыбаясь, Алек. — Пока все благополучно. Хорошо бы поменьше показываться на людях. Однако ужинать придется пойти в ресторан, чтоб не вызвать подозрения.

— Хорошо, милый, я все понимаю. А как удалось обмануть Хасана-эффенди? Ведь за день до прихода «Руси» в Стамбул тебя должны были вернуть в тюрьму.

— Рюштю-бей говорил, что они купили его со всеми потрохами. Пообещали оставить на месте, когда власть перейдет к Кемалю-паше. В этом никто уже не сомневается. Переодевайся к ужину.

— О боже милостивый! — вздохнула Айна.

Они занялись своим туалетом вовремя. Скоро пробил гонг на ужин.

Алек бережно вел Айну по коридору, устланному красной ковровой дорожкой. Ресторан со столиками, накрытыми белыми скатертями, с бутылками шампанского в посеребренных ведерках, с накрахмаленными салфетками, — все это очень напоминало петроградские рестораны «Медведь», «Доминик» или «Донон». Но главное сходство придавала публика. Публика «доброе старого времени». Военные, духовенство, бывшие промышленники, блестящие дамы... В зале стоял гул от разговоров, раздавались взрывы смеха, стреляли пробки от шампанского.

Алек вошел в ресторан, оглядел зал, ища свободные места, жестом подозвал официанта:

— Я хотел бы отдельный столик.

Официант поклонился, куда-то побежал. Через минуту он вернулся с метрдотелем.

— Что вам угодно, сэр? — по-английски спросил он.

— Отдельный столик.

Метрдотель огорченно развел руками:

— Вы немного опоздали, сэр. Могу предложить только место за тем столиком, в углу, но там уже сидят два господина. Полковник Луговицкий и князь Магалов. Если вы не возражаете?.. В следующий раз я оставлю для вас отдельный стол, сэр.

Он повел Алека и Айну через зал. Их провожали любопытные, завистливые взгляды. Вероятно, слух о богатстве Палмеров уже достиг широкой публики. Увидев даму, мужчины вскочили со своих мест:

— Полковник Луговицкий!

— Князь Магалов!

Алек поклонился:

— Палмер. Моя жена Вирджиния. Что вы будете есть, Джинни? — спросил он, протягивая ей меню.

Сначала обед проходил в молчании, только иногда Алек перебрасывался с Айной короткими, ничего не значащими фразами. Полковник нежно поглядывал на англичанку, подвигал ей то соль, то горчицу, то масло и повторял к делу и не к делу одно, вероятно, известное ему слово «плиз». Айна мило улыбалась, благодарилась легким кивком головы. Князь, сравнительно молодой человек, похожий на грузина, тоже с интересом рассматривал Айну и Алека. Он не проронил ни слова и только, когда подали десерт, спросил по-английски:

— Простите, мистер Палмер, не сочтите за бестактность, по каким делам вы едете в Одессу?

— К генералу Деникину с предложением от фирмы «Викерс».

— А чем занимается ваша фирма?

— О, она хорошо известна Деникину, — важно сказал Алек и замолчал, показывая, что не хотел бы продолжать разговор на эту тему.

— Что он говорит? — наклонился полковник к князю Магалову.

Князь неохотно перевел.

— Скажите ему, — оживился полковник, — что он выбрал хорошее время. Скоро наша армия возьмет столицу, и торговля с Англией возрастет колоссально. Выпьем за победу белой армии!

Магалов поморщился. Полковник был уже навеселе. Он наполнил бокалы шампанским. Сидящие за столом чокнулись. Айна улыбнулась полковнику.

— Господин полковник ошибается, — насмешливо сказал Алек. — Он, наверное, понимает, что именно сейчас наша помощь больше всего необходима генералу и размеры наших поставок велики. Мы надеемся, что после победы расчет будет произведен сполна.

Луговицкий обиженно надулся. Какой-то англичанин смеет сомневаться в кредитоспособности его высокопревосходительства!

— Я хотел просить вас и вашу супругу вечером спуститься в бар, выпить со мной бутылочку шампанского. У меня есть к вам деловое предложение, мистер Палмер, — негромко проговорил Магалов. — Премного обяжете.

— Благодарю вас, — сдержанно ответил Алек. — Боюсь, что это будет затруднительно. Жена плохо переносит море, и я вижу, что начинает покачивать.

— Очень жаль, мне так хотелось провести вечер в вашем обществе. Но... Может быть, мистер Палмер, вы сумеете уделить мне полчаса? Уверен, мое предложение заинтересует вас.

— Последнее время я имел столько предложений от русских за границей, что не очень-то верю в их реальность, — с иронией проговорил Алек. — Продадут то, что им пока не принадлежит. Хорошо, я встречу с вами, князь.

Лицо Магалова залилось краской.

— Хам, — прошептал он, отворачиваясь.

— Что он говорит? — опять сунулся к князю полковник Луговицкий.

Князь пропустил вопрос мимо ушей и, справившись с гневом, сказал:

— Прошу прощения, я должен покинуть вас. Итак, до вечера. В баре в девять. Вам удобно?

Алек кивнул головой.

Оставшись один, полковник почувствовал себя хозяином за столом. Он сыпал комплиментами, пытался объясняться по-французски, помогал себе жестикულიцией. Айна смеялась, Алек снисходительно улыбался. Когда ужин подошел к концу, она вдруг побледнела, закрыла глаза, откинулась в кресле.

— Что с тобой, Джинни? — изобразив на лице испуг, спросил Алек. — Тебе плохо?

— Нет, ничего, милый. Сейчас пройдет. Пойдем, я хочу лечь.

Алек подозвал официанта, мельком взглянул на счет, положил на поднос несколько долларов. Полковник жадно глядел на толстый бумажник англичанина, на зеленые банкноты. Валюта!

— Сдачи не надо, — махнул рукой Алек.

— О! — вздохнул полковник. — Царские чаевые. Богат, прохвост, если так разбрасывается деньгами.

Алек попрощался с полковником, взял жену под руку, повел в каюту.

— Ты прекрасно сыграла роль, Джинни, — засмеялся он, когда они вернулись к себе. — Настоящая артистка.

— Нет, это не нарочно. Я на самом деле почувствовала себя плохо. Это из-за маленького...

Алек испуганно поглядел на жену:

— Неужели так скоро? По твоей фигуре ничего не заметно.

— Нет, не беспокойся. Но такое состояние теперь может быть у меня довольно часто. Не обращай внимания. Ничего серьезного.

Но Алек не на шутку встревожился. Здоровье Айны может сильно усложнить и без того напряженную обстановку. В Одессе ее непременно нужно отдать в добрые, дружеские руки.

— Ты приляг, девочка, а я пойду на свидание с князем.

— Это необходимо? Не опасно?

— Я не думаю. Пусть принимают меня за коммерсанта высшего полета, который ворочает огромными деньгами. А какой настоящий коммерсант откажется от выгодной сделки?

Когда Алек спустился в бар, Магалов уже ждал его. Он встал, поклонился.

— Что вам предложить, мистер Палмер? Шампанское, виски, сухое вино?

— Я предпочел бы содовую. Не люблю спиртного, князь.

Магалов с удивлением поглядел на него. Англичанин не пьет виски! Удивительно. Он заказал себе вина и для гостя бутылку содовой.

— Перейдемте сразу к делу, мистер Палмер. Я не хочу задерживать вас. У меня на Кавказе, в районе Каспия, несколько земельных участков. Там обнаружили большие залежи нефти. Я хотел бы...

— Продать их, — подхватил Палмер. — Так? Я не ошибся?

— Так, — процедил начинающий злиться князь. Бесцеремонность англичанина его раздражала.

— Ну вот, повторяется старая история, о которой я вам говорил, — засмеялся Палмер. — Почему русские так торопятся продавать земли, когда они еще находятся в руках большевиков?

— Через несколько месяцев они будут освобождены и возвращены законным владельцам.

— Вот тогда, по-моему, и надо начинать переговоры.

— Что же, вы сомневаетесь в победе нашей армии? — язвительно спросил Магалов.

— Ни в коей мере. Иначе я бы не ехал в Одессу. Но мне хотелось бы поместить свои капиталы в верное дело. А пока идет гражданская война, согласитесь, что это неразумно.

— Почему? Я выдам вам форменные документы на владение землей. Вот тут у меня... — Магалов полез в карман. — Мне нужен всего небольшой аванс.

— Не трудитесь, князь, — остановил его Палмер. — Сейчас я вам ничего не скажу. В принципе ваше предложение интересно. Давайте решим вопрос так. Мы оба едем в Одессу, вероятно, сможем там встретиться и тогда, если обстановка будет благоприятной, перейдем к конкретным переговорам.

— Мы можем не встретиться. Я сразу же уезжаю на фронт. Буду при ставке его высокопревосходительства.

— Вот там и встретимся.

— Вы можете опоздать, мистер Палмер. Я не хочу ждать долго. Возможно, найдется другой покупатель.

— Закон всякой коммерческой сделки. Если найдете выгодного покупателя — продавайте. Но помните, что я не отказываюсь от вашего предложения.

— Это ваше последнее слово?

— Я не привык торговаться, — высокомерно бросил Палмер. — И дело, как вы понимаете, не в сумме, вы даже не назвали ее, а во времени.

— Хорошо, — недовольно произнес князь, допивая свой бокал. — Оставим вопрос открытым. Я полагал, что вы окажетесь более решительным человеком.

— О, когда дело касается миллионов, всегда требуется осторожность, князь. Иначе их можно потерять.

Магалов встал:

— Благодарю вас, мистер Палмер. Честь имею!

Выйдя из бара, Алек облегченно вздохнул. Во время разговора с князем им владело страшное напряжение. Он думал только об одном: как бы не оступиться. Простенький, невзначай заданный вопрос мог послужить началом провала, если он не сумел бы правильно ответить. Кто его знает, что может спросить этот великосветский князь, объездивший всю Европу и Америку? С какими людьми он встречался? Каждое его слово таило опасность. В зеркале он увидел, как тонкая струйка пота течет по щеке. Алек платком обтер лицо.

У каюты его догнал маленький человечек в засаленном клетчатом костюме и с галстуком «бабочка».

— Одну минутку, мистер Палмер, — зашептал он Алеку в ухо на ужаснейшем английском языке. — Вы едете в Одессу? Ну? Кровь из носа, вам потребуются русские бумажки. Или? Я меняю вам любую сумму валюты — доллары, фунты, лиры, не по курсу. Кто говорит по курсу? По ценам черной биржи. Да? Принимается? В Одессе на этой операции вы потеряете огромные деньги.

— Я думаю, что фунты и доллары у меня примут везде. Вы обратились не по адресу, — усмехнулся Алек. — Будьте здоровы.

Айна еще не спала.

— Ну, как ты себя чувствуешь, девочка? — нежно спросил Алек. — Тебе не лучше?

— Все хорошо. Как прошло свидание с князем? Я ужасно беспокоилась.

Алек засмеялся:

— Я чуть было не купил богатейшие нефтяные участки на Каспии. К сожалению, они еще в руках у большевиков. Решили подождать, когда князь станет их полновластным хозяином.

— Кажется, ты тоже вошел в роль и чувствуешь себя настоящим Палмером?

— Пока это нетрудно, хотя и не очень приятно, — серьезно сказал Алек. — Самое сложное впереди. Одесса. Куда мы пойдем? Какая там обстановка? Есть ли в городе наши? Мы с тобой ничего не знаем, и требуется время для того, чтобы сориентироваться. А Палмеры должны как можно скорее исчезнуть с одесского горизонта. Ну, отдыхай, Джинни. Завтра к обеду мы уже будем в Одессе.

Алек сел в кресло, вытянул ноги, закурил. Как действовать дальше? Так... Они сходят с парохода и отправляются в гостиницу, если она есть. Там потребуют сдать паспорта. Конечно, в гостинице сидит контрразведчик и проверяет приезжающих. Где сейчас Деникин? В городе или на фронте? Если в Одессе, то плохо. Надо как-то избежать встречи с ним. Долго ли удастся ему откладывать свидание? Или рискнуть и все-таки сыграть роль Палмера до конца? Это начисто освободит их от подозрений. Он достаточно знает о фирме «Викерс», чтобы свободно говорить о поставках. Нет. Опасно. Вести переговоры с кем-нибудь из представителей Деникина было бы проще. И самое главное — надо срочно найти людей, симпатизирующих красным, и просить их укрыть его и в первую очередь Айну. Есть ли в городе большевистское подполье? Должно быть. Но как связаться с ним? Не примут ли его за белогвардейского агента? Вполне возможно...

Перед Алеком вставали десятки вопросов. Ответить на них могло только время. Он взглянул на задремавшую Айну. А как быть с ней? Теперь ее присутствие обременяло его. Алек не обольщайся. Знал, что в случае провала пощады от белых ждать не приходится. Они будут зверски замучены в контрразведке.

Он готов перенести любые муки, только бы знать, что Айна в безопасности. Алек на секунду представил себе допрос. Пьяные офицеры издеваются над избитой, окровавленной Айной... Он увидел ее гладкий, начинающий полнеть живот... Невозможно! Алек с ненавистью скрипнул зубами.

Айна открыла глаза:

— Я знаю, о чем ты думаешь.

— О чем?

— Обо мне. Угадала?

— Да.

— Не терзайся напрасно. Я уже говорила тебе. Мы неотделимы. Поцелуй меня, Алек...

В полдень следующего дня открылись зелено-желтые берега Большого фонтана. Волнение прекратилось. Море лениво плескалось у бортов. У форштевня играли дельфины. Айна и Алек молча стояли на спардеке. Россия... Родной берег... Он так долго мечтал о той минуте, когда увидит его, так рвался домой... Но сейчас берег был для него зловеще-опасным, и чувство радости заменило чувство тревоги.

— Россия, — сказал по-английски Алек. — Земля наша...

Айна оглянулась. Они были одни. Пассажиры толпились на носовой палубе.

— Ты волнуешься?

— Очень. Ведь столько лет прошло...

Она погладила его руку, лежавшую на планшире.

— Все будет хорошо, — сказала она убежденно. — Не может родина не принять своего сына...

— Тише!

К ним подошел Магалов:

— Через два часа Одесса. Надеюсь, что вам понравится город, миссис Палмер. Похож на итальянские города. Правда, сейчас военное время, он запущен, но все равно прекрасен. Не напрасно его называют жемчужиной Черного моря.

— Скажите, князь, а в этой «жемчужине» есть приличная гостиница? — спросил Алек.

— Вы совсем уж считаете нас за дикарей, мистер Палмер, — обиженно сказал князь. — Конечно, есть. Первокласная «Лондонская». К сожалению, она всегда переполнена, но для вас, конечно, найдут номер.

— Вы не правы, князь. Я бывал в Петрограде и Риге. Прекрасные города, делающие честь любой стране, а Одессу я не знаю. К тому же вы сами говорите — военное время. Что ж, Джинни, пойдем собирать вещи. До встречи, князь. И помните о моем существовании.

— Можно попросить полковника Луговницкого помочь вам на первых порах, мистер Палмер, у него в Одессе большие связи.

— Если его не обременит, буду очень признателен, — вежливо согласился Алек.

— О, нет. Он в таком восторге от вашей жены, что будет счастлив оказаться полезным. Я ему скажу.

— Благодарю за заботу, князь. Пойдем, Джинни.

— Черт бы его побрал с его полковником. Не хватало нам иметь рядом назойливого, любопытного белогвардейца. К тому же он пьяница, — проворчал Алек, когда они очутились в своей каюте. — Впрочем... Быть может, его присутствие в какой-то мере защитит нас от подозрений контрразведки? «Очарован вашей женой»! Ты имеешь успех, Джинни.

— Жена миллионера Палмера не может быть дурнушкой, — засмеялась Айна. — Надо использовать ее привлекательность для нашего дела. Но мне показалось, что полковник вообще любвеобилен.

12

На причале стояла толпа встречающих. Тут же два подозрительных типа в светлых костюмах и канотье молча наблюдали за сходящими с судна пассажирами, которые медленно стекали вниз по узкому трапу.

— Пойдем, Джинни, — тихо сказал Алек. — Ни пуха ни пера. Бери маленький чемодан.

Он подхватил два других, и они вышли из каюты. Не успели Палмеры выйти на палубу, как их догнал полковник Луговицкий. Он щелкнул каблуками, козырнул.

— Одну минутку, господа. Идите за мной, а то в этом кавардаке иностранцу разобраться трудно. — Полковник сделал приглашающий жест рукой: — Силь ву пле!

Он взял из рук Айны чемодан. Алек благодарно поклонил голову, Айна улыбнулась. На палубе Луговицкий поискал кого-то глазами. К нему подскочил молодой солдат-доброволец в чистой, хорошо пригнанной форме.

— Федя! Быстро вещи в автомобили!

Солдат выхватил у Алека чемоданы и, бесцеремонно расталкивая людей, начал спускаться по трапу. У борта пофыркивал допотопный открытый автомобиль, выкрашенный когда-то зеленой, теперь во многих местах облупившейся и потерявшей свой первоначальный цвет

краской, с резиновой грушей-сигналом, медным, до блеска начищенным рожком и такими же блестящими медными рычагами управления. Шофер, в серой каракулевой кубанке с красным верхом, стоял, опершись спиной о борт, и лузгал семечки.

Увидев полковника, он бросил подсолнух на землю и уселся на свое место. Луговицкий подбежал к машине, распахнул заднюю дверцу:

— Же ву при, мадам! — Он помог Айне сесть. — Федя, клади все в ноги. Вам удобно, мадам? Плиз. Ну, вот и отлично. Федор, можешь отправляться домой. Скажи, что скоро буду. Поехали, Мелешко. В «Лондонскую».

Автомобиль, чихая и кашляя, тронулся. Алек крепко сжимал руку жены.

«Начался новый этап нашей жизни, — подумал он. — Кажется, все пока идет как надо».

Машина катилась по одесским улицам. В припортовом районе было грязно, пыльно, не убрано. Окурки, подсолнечная шелуха, обрывки бумажек, газет валялись повсюду. И люди выглядели под стать району. Женщины — в каких-то старомодных кофточках с пуфиками на плечах, юбках, не поймешь из чего сшитых, стоптанных туфлях. Мужчины — в рваных сапогах, засаленных пиджаках, темных рубашках. Встречались и солдаты в обтрепанной форме, неопрятные, запыленные, с усталыми, голодными лицами, со старыми винтовками в руках.

Наконец порт остался позади. Машина въехала в центр. Здесь картина изменилась. Дерibasовская, залитая солнцем, в зелени деревьев, была переполнена разряженной публикой. Много было раненых офицеров. Одни — с руками на перевязи, другие — с палочками-костылями, некоторые — с забинтованными головами. Они важно прогуливались по улице, свысока поглядывая на штатских. Их окружали стайки щебечущих девушек. Как же! Герои, вернувшиеся с фронта, пролившие кровь за «единую и неделимую Россию». Сколько интересных рассказов!

Были открыты магазины, рестораны, буфеты. Проехали мимо знаменитого кафе «Фанкони». Из открытых дверей доносились звуки румынского оркестра. Все очень напоминало дореволюционную Одессу. Даже бордатый дворник в белом фартуке и с медной старо-

режимной бляхой — как символ порядка и надежности существующего строя. На углах лоточники продавали семечки, бублики, длинные самодельные конфеты в пестрых бумажках.

И все-таки, несмотря на все это благополучие и спокойствие, Алеку показалось, что в городе царит какая-то первоздность. Уж очень быстро, торопливо двигались люди, слишком громко разговаривали и смеялись. Может быть, он ошибался, но ему так казалось. Часто появлялись конные казачьи патрули. На прекрасных, откормленных лошадях, надвинув на глаза мохнатые папахи, в бурках, несмотря на теплую погоду, вооруженные до зубов, с нагайками в руках, они медленно проезжали по улицам, мрачно, исподлобья поглядывая на окружающих. Увидя такой патруль, люди старались забежать в ворота, уступить дорогу. Вздумается казак — и огреет плеткой, чтобы не путался под ногами. Поди найди на них управу! Цок-цок-цок... — слышался стук подков по мостовой, и, пока он не затихал вдаль, люди смеялись и разговаривали тише.

Машина выехала на приморский бульвар. Здесь так же, как и на Дерибасовской, было полно народа. Все скамейки были заняты праздной публикой. Люди сидели под зелеными каштанами, любясь синим, слепящим солнечными бликами морем. На рейде дымил трубами французский крейсер — надежная защита генерала Деникина.

— Се манифик, мадам! — обернулся к Айне сияющий полковник. — Не спа? ¹

Море, бульвар, каштаны — все было на самом деле прекрасным, и Айна, поняв, что хотел сказать Луговичкий, ответила по-английски.

— It's fine. ²

Автомобиль остановился у гостиницы.

Тотчас же открылись тяжелые резные дубовые двери. Вышел швейцар с золотой широкой лентой на тулье фуражки, низко поклонился и открыл дверцы автомобиля. Как будто бы сильный ток ударил Алека и прошел по всему телу. Что-то очень знакомое было в фигуре швейцара, в его лице, на которое мельком взглянул он. Не может быть!

¹ Это прекрасно, мадам! Не правда ли? (франц.)

² Прелестно! (англ.)

Луговницкий выскочил из машины.

— Бери вещи, отец, — скомандовал он швейцару. — Прошу прощения.

Швейцар, не глядя на англичан, вытащил чемоданы из-под передних сидений и понес их в гостиницу.

«Не может быть! Я ошибся... — сверлило мозг Алека. — Невероятно!»

Они вошли в вестибюль. Здесь былолюдно. У барьерчика портье стояла очередь.

— Я сейчас все устрою, господа, — сказал Луговницкий. — Минутку терпения.

Он исчез за дверью с табличкой «Управляющий». Алек все еще находился в состоянии шока. Взглядом он искал швейцара. Вот он стоит на своем месте у входа и тоже остро, в упор, глядит на него темными глазами. Узнал?! Ошибки быть не может! Лобода! Василий Васильевич Лобода, правда поседевший, но все еще видный, с широкими плечами, с закрученными кверху лихими усами. За какую-то секунду время с бешеной скоростью покатилося назад, и Алек увидел старую «Бируту», кранец с нелегальной литературой, пивную невдалеке от рижской тюрьмы, в которой они сидели с боцманом после освобождения... Лобода! Его первый учитель революционной практики. Ему захотелось броситься к нему, обнять, пожать руку и спрашивать, спрашивать обо всем, что так важно для него сейчас. Но Алек подавил в себе этот порыв. А вдруг не он? Почему швейцар? Может же быть такое поразительное сходство? Конечно, может.

Алек снова посмотрел на швейцара. Тот, как и прежде, стоял на своем месте и не спускал с него глаз. Чуть заметная усмешка блуждала на его губах. Нет, это Лобода. Без всякого сомнения. Алек хорошо помнил его ироническую, насмешливую улыбку.

«Лобода. Неужели такое счастье? Верный друг в этом осином гнезде, — билось в мозгу у Алека. — Если он служит швейцаром, значит, в Одессе нелегально, по заданию. Надо быть крайне осторожным, чтобы не провалить его и себя...»

— Все в порядке, господа. Вам предоставили двадцать седьмой номер. Один из лучших, — прервал размышления Алека полковник. — Если позволите, я навещу вас как-нибудь. А сейчас, пардон, я ухожу. Дела.

Он поцеловал руку Айне, протянул свою Алеку.

— Благодарю вас за хлопоты, полковник, — с чувством по-английски проговорил Алек и добавил, улыбаясь, по-русски: — Как это?.. Спайсийбо?

Полковник рассмеялся. Дойдя до дверей, он показал швейцару на английские чемоданы:

— Поможешь господам?

— Сей минут, вашество.

Алек подошел к барьеру портье. Стоящие в очереди почтительно пропустили его вперед.

— Мистер Палмер? — спросил портье. — Оставьте, пожалуйста, паспорта. Сколько времени будете жить? Как вам угодно. Можете платить сразу или по дням.

Алек протянул паспорта и английские деньги.

— Нужно бы русские, мистер Палмер, — сказал портье, но тут же торопливо добавил: — Не беспокойтесь. Я их обменяю и пришлю вам сдачу. За неделю? Пожалуйста.

Он выписал квитанцию, оглядел вестибюль. Никого из служащих не было.

— Второй этаж. Василий, проводи. Я тут пригляжу.

Алек подошел к Айне. К ним подбежал швейцар. Алек, не глядя, отдал ему квитанцию. Швейцар прочитал вслух:

— Второй этаж, номер двадцать семь. Пошли, мистер.

Они поднялись во второй этаж, в просторный, светлый гостиничный номер. Швейцар внес вещи. Алек подошел к двери, повернул ключ. Потом вплотную подошел к швейцару и чуть слышно спросил:

— Василий Васильевич, ты?

Швейцар помолчал, посмотрел в глаза Алеку и тусклым, скучным голосом ответил:

— Ну, я.

— Не узнал меня, что ли?

— Почему не узнал? Узнал.

— Так чего же ты?..

— Что чего? Не пристало нам с важными людьми первыми заговаривать. Вы теперь, Алексей Иванович, у белых, я вижу, персона грата, полковники провожают... А мы люди маленькие. Разрешите идти?

Глаза его сверлили Алека насквозь. В них были ожидание и тревога. Несколько секунд Алек лихорадочно думал: «Как поступить? Если Лобода у белых, то меня выдаст. Не поможет и английский паспорт, он

слишком много знает. Если он свой, прежний, надо раскрываться полностью, чтобы поверил мне. Буду рисковать, — не может Василий измениться». Он бросился к Лободе, обнял его, зашептал в ухо:

— С ума сошел, Василий Васильевич! У белых! Ты что? Они меня на первом дереве повесят, если узнают. Я по подложным английским документам в Москву пробираюсь, понял? Долго рассказывать и не время. Это жена моя, русская, Айна. Ах ты боцман, боцман, орлиный глаз!

— Ну, раз так, Алексей, давай почеломкаемся. Сколько лет не виделись!

— Они крепко, по-русски, расцеловались.

— А теперь прежде всего, Василий Васильевич, подумай, как нас спрятать. Схватить нас могут каждую минуту. Жена беременна. Ей в первую очередь крыша нужна. Поговорить нам надо как следует...

— Все сделаем, Леша. У нас тут порядок.

— Как же нам все-таки встретиться? Черт его знает, как все сложно... А если так? — вдруг осенила Алека мысль. — Замок поломался у чемодана, я просил тебя починить, дал деньги... Ты сказал, что необходим инструмент, придешь завтра... Ну как? Ты свободен завтра?

— Можно. Даже хорошо. Если бы ты знал, Алексей, как я рад тебя видеть. Ну, ладно, до завтра. Давай деньги.

Алек дал боцману три доллара.

— Завтра жду. На тебя вся надежда, Василий Васильевич.

13

На следующий день Алек с нетерпением ждал прихода Лободы. После завтрака в комнату тихо постучали. Алек вскочил, распахнул дверь. На пороге стоял швейцар. Сейчас, когда он снял свою фуражку с золотой лентой и пиджак с металлическими пуговицами, он сразу стал похожим на того Василия Васильевича Лободу, какого так хорошо помнил Алек. Он закрыл дверь и спросил:

— Удалось что-нибудь, Василий Васильевич?

— Говори тише. Все в порядке. Давай чемодан, я буду чинить и рассказывать.

Алек высыпал вещи на кровать. Лобода уселся к столу, достал из брезентового мешочка инструменты, разложил их, взял чемодан на колени.

— Значит, так. Когда будешь готов, подашь мне сигнал. Сегодня я свободный, завтра... Я вызову тебе пролетку. Вроде бы поедете с женой прокатиться. Кучер — наш человек. Он свезет вас в дом Евдокии Павловны Борисевич. Она вас пока спрячет, а там видно будет. Я приду — решим, что делать дальше. Все ценное берите с собой. Одевайтесь проще. Вещи придется бросить в гостинице и сюда больше не возвращаться. Все равно носить то, что на вас, нельзя. Понятно?

— Понятно. Садиться в пролетку и ехать, куда повезут. Так?

— Да.

— Где Деникин, Василий Васильевич? В городе?

— Деникин со штабом в армии. Ему здорово поддали. Он откатывается обратно. Пока беляки это держат в секрете, надеются, что временная неудача, ну а мы получили верные сведения. Не видать ему Москвы как своих ушей.

— Хоршо, если так. Скорее бы уж наши пришли. Так хочется наконец быть самим собой.

— Э, не так скоро, Алеша. Еще много крови прольется. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Знаешь?

— Как не знать. Все понимаю, но сидеть в норе спрятанным, как крот, не согласен. Ты меня подключи к делу.

— Подключу. Здесь ребята крепкие, настоящие, подполье сильное. Не беспокойся, ты со своим английским языком пригодишься. Без дела не будешь.

У двери послышался шум. Лобода склонился над чемоданом, принялся рассматривать замок. Алек быстро отворил дверь. Ничего опасного не было. Уборщица подметала коридор.

— Как же ты попал в Одессу, Василий Васильевич? Я думал, что ты где-нибудь в Москве или Петрограде сидишь. Бруно Федорович жив?

— Жив. Большим начальником стал. В Чека работает. А Николай в Петрограде с семьей. Тот по транспорту, а я вот здесь. Так уж получилось. Как? Да не очень просто. Когда Октябрьская грянула, мы в Аргентине с судном были. Офицеры Добровольного

флота — все военные отставники. Государя императора им подай. Против революции, конечно. Ну, а мы, черная кость, сначала ничего не знали. Потом умные люди из эмигрантов вычитали в газетах и нам сообщили. Большинство, конечно, домой. Пришли к капитану с требованием: вези на родину. Он нас к чертям собачьим послал. Тут, говорит, плавать будете... Я закурю?

Лобода вытащил папиросу, закурил. Комната наполнилась крепким сладковатым дымом.

— Да... Пошли мы к консулу в Буэнос-Айресе. Тот говорит: «Не знаю, что там происходит, какая там Октябрьская революция, я подчиняюсь его императорскому величеству. Плавайте, как капитан сказал». Хотели мы пассажирами уехать — денег нет. Ну, плавали между Новым Орлеаном и Буэнос-Айресом. Несколько рейсов сделали. Как-то пришли в Канаду. Это уж много позже было. Стоим, выгружаемся, — мы под иностранным фрахтом находились, — вдруг капитан приказывает всей команде собраться в кают-компани. Такого никогда не бывало раньше. — Лобода сладко затанулся. — Собрались. И «духи» и «рогали»¹, и чистые и нечистые. Капитан — фамилия его Лапкин — и говорит: «Надоела мне, братцы, эта канитель. Семья у меня в Петрограде, власть там установилась, поплывем домой». Ну, тут все как загалдят. Кто орет: «Домой!», кто кулаками машет: «Предательство!»

Несколько офицеров, помощники и механики, «мастера» начали уговаривать: «Что вы, Яков Семеныч, к большевикам в когти хотите попасть, да они вас...»

Тут я встал и говорю: «Не бойтесь ничего, Яков Семеныч. Поддержат вас ребята. Правильно решили. Ничего вам плохого большевики не сделают. Не бойтесь».

Он так и заулыбался. Ну, тут опять крик пошел: «Посмотрим, как вы пароход без механиков и помощников доведете, а мы, с вашего разрешения, все уйдем». И верно, ушли. Все механики, кроме второго, и три помощника. Остались мы, кэп и говорит: «Путь далек через океан... Дойдем ли?» Механик засмеялся. «Дойдем, Яков Семеныч, — говорит. — У меня такие машинисты, почище механиков. А вот на палубе уж не знаю как». — «На палубе я сам справлюсь. Боцмана старпо-

¹ «Р о г а л и» — палубные матросы.

мом сделаю, Суйталайна вторым, он, кажется, два года в мореходных классах учился. Дойдем». И пошли, и дошли. Лапкину спасибо сказали, а я со своими связался — и в Москву, к Бруно Федоровичу. Ну, Леша, и встреча была! Вроде как с тобой. Обнимались, целовались, а потом Бруно меня к себе в Чека пригласил и такой лисой подъезжает. «Ты, — говорит, — Василий Васильевич, Одессу знаешь?» — «Как не знать! Родные края. Сам с Голой Пристани. Одессы не знаю! Знаю, как свои пять пальцев». — «Вот, — говорит, — и хорошо. Нужен нам там свой человек — кое-какие сведения получить, кое-что нам передавать, в общем, есть работа. Там большевиков много, но они другими делами занимаются. Не сможешь ли? Ты парень бывалый, опытный, смелый, моряк», — и начал, и начал... Вспомнил, что я действительно на военном флоте служил, все офицерские повадки знаю, в службе мастак — и так далее, и тому подобное...

Согласился я. Под видом больного матроса-украинца фронт перешел. Это уж не так и трудно оказалось. Хотели меня в армию Деникина загрести, да мне «белый билет» еще царской медицинской комиссии достали. Как представляться и что говорить, врачи научили. Отбил я от беляков и прибыл в Одессу. В гостинице «Лондонская» один наш парень работает. Он меня рекомендовал как матроса с бывшей царской яхты «Штандарт». Мне такой документ в Москве тоже сделали. Взяли. Не нарадуются. Документы чистые. Вот такая моя история коротенько. А вот как ты мистером стал, тоже, поди, не просто?

— Далеко не просто. Как-нибудь все расскажу.

— Жаль, времени нет послушать, — с сожалением произнес Лобода, — надо идти, а то как бы подозрительным не показалось мое долгое пребывание в твоём номере. Я тут тебе чемоданчик немного пошарпал, на всякий случай. Будь жив, Алеша. Пойду.

— Слушай, Василий Васильевич, а тут у вас при гостинице шпик из контрразведки сидит?

— А то как же! Волков, портье, который сейчас дежурит. Мой дружок. Сволочь первостатейная. Надо сказать, в плохое место ты попал. Одесса — гнилой угол. Кого только тут нет! Вся контра собралась из разных городов. И белые, и петлюровцы, и поляки. Каких хочешь цветов. Ну, недолго им куковать. Значит, подашь

мне знак. Ну... хоть на чай дашь при выходе, какую-нибудь монету. Я уж буду знать, что можно подавать экипаж.

— А не плюнуть нам на паспорт?

— Нельзя. Сразу откроешься. Подумай сам. Человек не берет паспорт и в номере не живет. Что-то не так. А тут некоторое время не хватятся. Скажешь портье, что уезжаешь на прогулку. Все нормально. Ты же пока вне подозрений?

— Как будто.

— Ну, до скорого.

Лобода осторожно приоткрыл дверь, оглядел пустой коридор и исчез.

14

Алек вышел из гостиницы. Надо было осмотреться, привыкнуть к окружающей обстановке, хотя бы примерно узнать расположение центральных улиц, послушать, что говорят. Айна хотела пойти с ним, но он уговорил ее остаться.

Он шел не торопясь по приморскому бульвару в своем отлично сшитом костюме, ослепительно белой рубашке, с галстуком цвета бордо, светловолосый, выскский.

Солнце уже зашло за дома. Пахло цветами, водорослями, углем, обычными запахами приморского бульвара. Дневная жара спала, и люди снова заполнили улицы. Алек вышел на Екатерининскую площадь. Девчонка-украинка на углу продавала цветы. Он бросил ей несколько пенсов, и она протянула ему гвоздику.

Алек дошел до кафе «Фанкони», занял столик под полосатым тентом, заказал виноградный сок и английскую газету. Таковой не оказалось. Ему принесли французскую. Он лениво просматривал хвастливую болтовню оккупантов, прислушивался к тому, что говорят за соседними столиками. Здесь говорили шепотом, но обрывки разговоров и отдельные слова долетали до него:

— Фридлендер взял два вагона...

— Говорят, что все надо продавать. Скоро...

— Его превосходительство господин Мочалов не советуется связываться с Вечерниковым... Лучше брать у него... Табак отличный...

— Можно долларами...

— Господин Кривошеин будет... Крупное дело...

Казалось, что все находящиеся в кафе что-то покупают и продают. Отдельно сидели французские моряки с броненосца «Мирабо», пехотные румынские, польские и греческие офицеры. Они громко разговаривали, смеялись, не обращая внимания на окружающих. По тому, как низко склонялись перед ними официанты, Алек понял, что расплачиваются офицеры валютой. Валюта — мечта одесситов! Это чувствовалось во всем.

Ему надоело слушать алчный шепот, стук костяшек, — за соседним столиком играли в домино, — он кивнул официанту, положил деньги на стол и, вдев гвоздику в петличку пиджака, что придало ему еще более щеголеватый вид, пошел дальше. С бульвара доносились звуки духового оркестра, небо сделалось темносиним, начинался вечерний «променад». По улице протопал отряд сенегалцев. Публика останавливалась, с любопытством пялила на них глаза, удивляясь блестящей черной коже солдат, обменивалась репликами:

— Как головешки! Надо же! Я бы никогда не поцеловалась с таким...

— Зачем их сюда только привезли?

— Генерал Энно сказал, что они никогда не станут большевиками. Матросы на кораблях ненадежны...

— Тише вы!

Зажигались огни рестораников, ночных кабаре, игорных клубов. Алек вышел на Ришельевскую. Здесь было не таклюдно, как на Дерибасовской и бульваре. Он решил сделать маленький круг, а затем вернуться в гостиницу. Он завернул за угол. Навстречу ему шел статный офицер с дамой. Они медленно приближались. Военный что-то, смеясь, рассказывал своей спутнице. Алек отступил на шаг, чтобы дать им пройти, но вдруг офицер бросился к нему и крепко схватил за руку.

— Тина! — кричал он. — Смотри, наш старый знакомый, Алексей Чибисов!

Потребовалась одна секунда, чтобы Алек узнал офицера и его даму. Марк Буткевич и Тина Подгоецкая! Марк — в военной форме, в чине поручика, Тина — немного располневшая, но такая же привлекательная, как прежде, с синими дерзкими глазами.

Вторая секунда ушла на то, чтобы опустить руку в карман, нащупать там пистолет, подаренный ему Карачалы, и принять решение: «Стрелять и бежать!» —

но тут же пришла третья секунда, начисто отметающая эту нелепую мысль. Пропадет Айна! Не признаваться! Вот что спасет его и ее.

— Ты что же не узнал нас, Чибилов? Не рад встрече с друзьями детства? — издевательски произнес Буткевич, оглядываясь по сторонам и цепко держа за руку Алека. — Ну, сейчас мы отметим это событие.

Алек сделал сердитое, непонимающее лицо, резко вырвал руку.

— Стоять на месте! Не двигаться! — крикнул Буткевич, выхватывая из кобуры наган. — Сейчас, сейчас...

Он оглядывал улицу в надежде найти кого-нибудь, кто смог бы прийти ему на помощь.

— I can't understand!... — возмущенно воскликнул Алек по-английски, не обращая внимания на револьвер, упирающийся ему в живот.

— Брось валять дурака, Чибилов. Говори на своем родном языке. Кто ты такой, мы хорошо знаем, большевистская сволочь.

— Я англичанин Палмер, — продолжал возмущаться по-английски Алек. — Немедленно отпустите меня, иначе вы будете иметь большие неприятности. Я вас предупреждаю. Прекратите ваши фокусы с оружием!

Вокруг них начала собираться толпа любопытных. Нашелся кто-то знающий английский язык. Он все перевел Буткевичу.

— Не мешайтесь не в свое дело. Я и без вас прекрасно понимаю, что он говорит. Это большевистский агент. Будет лучше, если вы поможете мне отправить его в контрразведку. Эй, рядовой! — окликнул Марк появившегося в толпе солдата. — Извозчика и стражника — быстро!

Алек сохранял внешнее спокойствие, гневно бормоча по-английски:

— О, проклятая страна! Дикари! Идиоты!

Иногда он взглядывал на Тину. Она стояла тут же и горящими от возбуждения глазами наблюдала за происходящим. В ее взгляде Алек читал: «Как интересно! Что же ты теперь будешь делать? Сумеешь ли выстоять?»

Подъехал извозчик со стражником на подножке.

¹ — Я не понимаю... (англ.)

— Садись! — скомандовал Буткевич. — Тина возвращайся домой. Я займусь этим делом.

— Я поеду с тобой, Марк, — сказала Тина. — Наверное, потребуются и мои показания.

— Ну, тогда бери второго извозчика и приезжай на Екатерининскую. Пошел!

Через пятнадцать минут пролетка остановилась у красивого здания на Екатерининской площади. Буткевич показал часовому свои документы, назвал какую-то фамилию. Дежурный провел всех в коридор, попросил подождать.

Одна из дверей отворилась. Вышел щеголеватый пехотный капитан, пригласил Буткевича в кабинет. Скоро дверь снова приоткрылась, и капитан распорядился:

— Ввести арестованного!

Алек в сопровождении стражника вошел, уперся глазами в капитана и вдруг обрушил на стол страшнейший удар кулаком. Офицер отшатнулся, а Алек заорал по-английски:

— Вы когда-нибудь кончите комедию? Идиоты! Я Палмер! Палмер, представитель фирмы «Викерс». Вот мои документы. — Он выбросил на стол несколько бумажек. — Что хочет от меня ваш сумасшедший? Принял за кого-то другого! У меня есть паспорта, мои и жены. Я живу в Лондонской гостинице, в двадцать седьмом номере! Я приехал лично к генералу Деникину.

Алек кричал все громче и громче. Капитан непонимающе глядел на Буткевича.

— Притворяется, сволочь, — уверенно сказал Марк. — Надо допросить. Мы сразу выведем его на чистую воду. Есть переводчик? Парочку перекрестных вопросов, и он заговорит по-русски. Я помогу вам. Мы с ним учились в реальном в Риге. Его знает и моя жена. Если нужно, она...

Капитан взялся за телефон, покрутил ручку.

— Зайдите ко мне, пожалуйста, Никодим Петрович. Да, срочно.

В кабинете появился седовласый военный без знаков различия на английском коричневом френче.

— Вот поговори с ним. Выдает себя за англичанина.

— Да что вы с ним цацкаетесь, капитан? Я вам слову даю на отсечение, что он большевистский агент.

Допросить его с пристрастием, и вся недолга. А вы тут цирлих-манирлих разводите!

— Успокойтесь, господин Буткевич, — с раздражением произнес капитан. — Не учите меня, что и как надо делать. Допросите его, Никодим Петрович, по форме.

— Я еще раз повторяю вам, что только позавчера прибыл из Стамбула на пароходе «Русь», — снова сказал Алек. — Ехал вместе с князем Магаловым и полковником Луговицким. Затребуйте в гостинице паспорта и немедленно освободите меня. Я буду жаловаться лично генералу Деникину и вообще прекращаю всякие дела с вашим правительством, если здесь такое сборище болванов и кретинов... Как будто нет другого способа проверить меня, чем тащить в вашу вонючую контрразведку... Передайте все офицеру.

Никодим Петрович перевел слова Палмера капитану.

— С кем? С кем, говорит, ехал? — оживился офицер. — С Луговицким? Сейчас проверим.

Он куда-то позвонил.

— Прошу меня извинить, господин полковник. Говорит капитан Жихарев из контрразведки. Мы задержали как большевистского агента некоего Палмера... — Он подробно начал излагать обстоятельства ареста. — Он утверждает...

По мере того как Жихарев получал ответы с другого конца провода, лицо его становилось озабоченным.

— Да, да... Понимаю, понимаю. Вы так считаете?.. — Капитан в замешательстве потер переносицу. — Благодарю вас, господин полковник... — Он положил трубку. — Вы можете быть свободным, поручик. Оставьте нам свой адрес. Мы вас вызовем, если понадобится. И не беспокойтесь. Мы все выясним, а этого субъекта не выпустим из поля нашего зрения. Мы благодарим вас...

— Чего там еще выяснять?.. — возмутился Буткевич. — И так все ясно, а вы...

— Я прошу вас, — уже строго сказал капитан, и Буткевич молча покинул кабинет.

В коридоре его ждала Тина:

— Ну что? Как он держался?

— Нет, я ничего не понимаю! Боже, какие дураки! — взорвался Марк. — Они, кажется, поверили, что он англичанин. Ведь мы же не могли ошибиться?

Я этого дела так не оставляю. Пойдем, Тина. Есть еще места, куда мы можем сообщить о наших подозрениях. Только бы эти размазни не выпустили его.

Палмер, насупившись, сидел в кабинете капитана Жихарева. Тот что-то сосредоточенно записывал.

— Вот что, Никодим Петрович, — сказал он, откладывая перо. — Все же надо вызвать офицера из английской миссии. Это по вашей линии. Пусть придет срочно и поговорит с ним. Сдается мне, что здесь ошибка и может быть скандал.

Переводчик вышел. Капитан принялся писать. Алек сидел молча. Рубашка его взмокла, прилипла к спине. Хотелось пить. Он чувствовал, что на какое-то время выиграет поединок. Только бы не сорваться! Только бы не появились непредвиденные обстоятельства! Еще одно испытание, и он выйдет на свободу. За паспорта можно было не беспокоиться. Ни одним словом, ни одним взглядом, ни одним движением он не должен обнаружить, что знает Буткевича и его жену. В этом успех и спасение.

Прошло полчаса тягостного молчания. Наконец дверь отворилась, и в кабинет вошли переводчик и молодой человек в штатском.

— Офицер из миссии, мистер Хайген, — сказал переводчик капитану. Тот встал, поклонился.

— Вы ему все объяснили?

— Все.

— Тогда пусть поговорит. Паспорта доставили? Неси их сюда.

Хайген подошел к Алеку, представился:

— Лейтенант Хайген из миссии. Чем могу быть вам полезен, мистер Палмер?

— О, какое счастье! — вскочил со стула Алек. — Какой-то идиот принял меня за большевика. Он, видите ли, учился со мною в колледже, в Риге... Болван! — Тут Алек высыпал на голову Буткевича такой поток крепких ругательств, что у офицера миссии от удивления глаза полезли на лоб.

Потом Алек подробно принялся описывать свои дела в Турции, вспомнил Австралию, где у него тоже были дела, поездку из Стамбула и то, что с ним произошло сегодня.

— Вот мои полномочия от фирмы, мистер Хайген. Вон на столе я вижу паспорта, жены и мой. Ознакомь-

тес с ними, и затем я попрошу вас запросить Лондон, Парк Лейн, тридцать восемь, «Викерс-компани», о том, когда Генри Палмер и его жена Вирджиния выехали в Турцию и по каким делам, с какими задачами. По получении ответа я немедленно прекращаю все дела в России и уезжаю обратно. Можете сообщить им об этом. Я не желаю остаться без головы или получить пулю в лоб в этой дурацкой дикой стране.

Пока Алек говорил с лейтенантом, капитан внимательно изучал его лицо, слушал.

— Где вы жили в Лондоне, мистер Палмер? — поинтересовался лейтенант.

— Виктория-стрит, восемнадцать.

Алек вспомнил дом на Виктория-стрит, в котором он с Лободой когда-то получал нелегальную литературу.

Хайген отозвал переводчика в угол, пошептался с ним несколько минут, сделал в записной книжке несколько заметок. Алек ждал конца разговора с напряжением. От него зависело все.

Англичанин попрощался. Переводчик проводил его за дверь, вернулся. Он наклонился к капитану:

— Он говорит, что Палмер — чистокровный англичанин. Он так ругался, что человеку другой национальности невозможно знать такие нюансы. Он боится, что мы ошиблись. Палмер очень разгневан. Возможно, даже покинет нашу страну, не начав своих дел, и причиной будет сегодняшний инцидент. Это может иметь осложнения. Он рекомендует немедленно его выпустить. На всякий случай они запросят подтверждение Лондона и сообщат нам. А пока пусть живет в гостинице. Вот так.

К сожалению, Алек не слышал, о чем они говорили.

Капитан подумал и протянул ему паспорта.

Алек взял документы, облил капитана презрительным взглядом и, не прощаясь, направился к выходу. Он не верил своему счастью.

— Никодим Петрович, — заволновался Жихарев, — передайте ему наши извинения. Скажите, что мы сожалеем о недоразумении и надеемся, что он примет во внимание военное время. Пусть не сердится.

Капитан остался один. Он устало потянулся, дернул по очереди свои пальцы. Раздался неприятный хруст. Некоторое время Жихарев сидел в раздумье, потом снова взялся за телефон. Что-то в этой истории с англичанином осталось ему неясным.

— Пусть зайдет Колобок, — сказал он в трубку.

В комнату вошел маленький кругленький человек с добродушным лицом, с хитрыми черными заплывшими глазками. Красный нос и склеротически-розовые щеки выдавали в нем любителя выпить. Серый костюм сидел на нем мешком, брюки внизу обтрепались.

— Слушаю, ваше благородие.

— Устанавливаем негласный надзор за жильцами двадцать седьмого номера в Лондонской гостинице. Англичане, муж и жена. Скажешь портье Волкову, чтобы поставил тебя рассыльным в вестибюле. Будешь наблюдать за ними. В общем, сам знаешь. Не в первый раз.

— Понял, ваше благородие. А ночью?

— Пришлем тебе сменщика. Давай иди, действуй. Колобок поклонился и исчез за дверями.

...Алек пересек Екатерининскую площадь и быстрыми шагами пошел к гостинице. Было уже поздно. С бульвара уходили последние гуляющие. Он остановился у фонаря, вытащил из кармана часы. Ого, скоро одиннадцать! Айна, наверное, не может найти себе места, беспокоится. Кажется, он убедил контрразведчиков, что он Палмер. Надолго ли? Сколько времени в его распоряжении? Они должны исчезнуть как можно скорее. Нельзя скидывать со счетов Буткевича. Он остался недоволен действиями капитана Жихарева и непременно будет искать пути, чтобы арестовать Алека. Надо срочно сообщить Лободе о сегодняшних событиях, но он придет в гостиницу только завтра утром...

— Наконец-то! — бросилась к нему Айна, когда он вошел в номер. — Я чуть с ума не сошла! Что-нибудь случилось?

Алек приложил палец к губам и небрежно громко сказал:

— Пустяки. Эти дураки задержали меня в контрразведке. Недоразумение.

Только когда они легли в кровать, Алек прошептал:

— Встретил своего старого друга Марка Буткевича. Он меня предал в Риге. Помнишь, я тебе рассказывал? Он меня узнал.

Айна побледнела.

— Ну и как же теперь?

Алек рассказал жене обо всем, что случилось с ним.
— Надо скорее удирать, — заволновалась Айна. —
Иначе нас схватят.

— Я думаю, нам удастся это сделать завтра. А пока
давай спать.

15

Лобода сразу заметил нового рассыльного. Острое
чувье опытного конспиратора не обманули ни красная
фуражка рассыльного, ни пиджак с золотыми пуго-
вицами.

«Филер, — безошибочно решил он. — Только вот за
кем следит? Неужели за Алексеем? Надо познако-
миться».

— Новенький? — добродушно спросил Лобода.

— Ага, новенький, — охотно ответил Колобок. —
Господин Волков, спасибо ему, взял.

— Ясно. У нас рассыльных не хватает. Зовут-то как?

— Василием.

— Тезки значит. Я тоже Василий Васильевич.

— Я знаешь почему сюда стремился? — довери-
тельно сказал Колобок. — Иностранцы у вас тут жи-
вут. Может, валютки перепадет, а?

— Бывает, — солидно ответил Лобода. — Но больше
все «колокольчиками»¹ отделяются. Хитрыми стали.
Понимают, что к чему. Ну, может, и повезет. Между
прочим, с тебя приходится. По чарочке недурно
было бы пропустить за твое начало.

Глаза у Колобка загорелись.

— Надо бы, да денег у меня нет.

Лобода снисходительно посмотрел на рассыльного,
порылся в кармане, достал несколько смятых бумажек:

— На. Потом отдашь. Дуй до хромого Швинделя,
знаешь, тут недалеко. Возьми горилки с перцем...

Рассыльный отрицательно покачал головой:

— За это и уволить могут. Первый день на работе.
Вот если бы ты...

— Еще не хватало, чтобы я за горилкой бегал. Да-
вай деньги обратно. Нашел мальчика! Каким местом
думаешь? — сердито сказал Лобода. — Ты нахал, ока-
зывается.

¹ Деникинские бумажные деньги.

— Да первый же день на работе, Василий Васильевич, — занял Колобок. — Я бы со всей радостью, да боюсь.

«Боишься оставить пост. Шпик проклятый», — утвердился в своем первоначальном заключении боцман.

— Ладно, оставим до завтра. С собой прихватишь, — сказал Лобода и отошел от рассыльного.

Скоро Колобок исчез из вестибюля. Когда он пропал, Лобода не заметил. Перед обедом с лестницы сошел Палмер. За ним с пакетом, завернутым в бумагу, перевязанным зеленой ленточкой, шел Колобок.

«Ясно. Взял на мушку», — подумал боцман, распахивая перед англичанином дверь и низко кланяясь. Рассыльный следовал за ним по пятам.

— Куда ты, Вася? — спросил Лобода.

Колобок, не останавливаясь, бросил:

— Поручение имею.

Боцман видел, как англичанин медленно пошел вдоль бульвара. За деревьями мелькнула красная шапка рассыльного. Сомнений не было. Слежка за Алексеем!

Пока Лобода раздумывал, как предупредить Чибисова об опасности, тот с пачкой иностранных газет под мышкой вернулся в гостиницу. Швейцар опять широко распахнул дверь, многозначительно посмотрел на него. В этот момент он увидел, что Алексей делает ему знак глазами, что-то достает из кармана. По-видимому, собирается дать на чай. Лобода склонился, протянул руку. Он зажал в кулаке сложенную вчетверо зеленую долларовую бумажку. Алек поднялся в номер. Спустя несколько минут, уже без коробки, вернулся рассыльный.

— Быстро ты, — сказал Лобода. — Заработал на чарку?

— Я тут недалеко, на Дерибасовскую бегал. К одной приме. Есть на чарку.

«Значит, Алексей знает, — пронеслось в мозгу боцмана. — Требуется пролетка...»

— Ты тут постой, Васек, — позвал он рассыльного. — Я на один момент, в галльон схожу.

— Давай.

Лобода закрылся в уборной. Вытащил доллар. Развернул. В него была вложена записка.

«Надо уходить немедленно. Засечен контрразведкой. Сидим в номере и ждем твоего сигнала».

Лобода разорвал на мелкие кусочки записку, бросил в унитаз, спустил воду.

«Извозчик наготове. Все продумано. Остается только дать знать Миколу и обрубить Алексею «хвост». Ну, как говорят, с богом».

Он вернулся на свое место:

— Дякую, Вася. Можешь быть свободен. Есть еще поручения? Нет? Ну, будут. Ты иди на второй этаж, там у нас все богатеи живут.

— Верно? — обрадовался Колобок.

— Как не верно! Видал? — Лобода повертел перед носом рассыльного зеленой долларовой бумажкой. — Вот так.

Боцману любой ценой нужно было услать рассыльного из вестибюля. Он мешал ему.

Как только Колобок поднялся наверх, Лобода вышел на улицу. У гостиничных дверей молодая темноглазая девушка продавала цветы. Василий Васильевич подождал, когда пройдут люди, и тихо сказал цветочнице:

— Передай Миколу, чтобы подавал немедленно. Гурьянов пусть ждет у Елисаветградского...

Девушка кивнула головой, собрала цветы и пошла в сторону памятника герцогу Ришелье.

Часа через два к Лондонской гостинице подкатила пролетка. Скромный экипаж, ничем не отличающийся от десятков других, только лошадь, запряженная в оглобли, вызвала восхищение. Гладкая, сильная, ухоженная. На козлах сидел рослый парень. Кто-то из прохожих хотел нанять извозчика, но кучер буркнул:

— Занят, — и отвернулся.

Лобода высунулся из двери и тотчас же скрылся. Рассыльного поблизости не было. Наверное, он дежурил у двадцать седьмого номера. Всегда спокойный, рассудительный, хладнокровный, Лобода заволновался. Присутствие филера осложняло положение. Надо было выбрать такой момент, чтобы у гостиницы не оказалось свободных извозчиков. Правда, тут они не стоят по долгу, но все же такой случай не исключается... Операция с посадкой должна занять не более трех-четырех минут. Пока они спустятся, сядут...

Он еще раз выглянул на улицу. Кроме Миколы, у гостиницы извозчиков не было. Ну, была не была! Лобода окликнул пробежавшую мимо горничную:

— Гануса, будь ласкова, скажи господину из двадцать седьмого, что их ждет извозчик. Заказывали. Пусть идут.

— Хорошо, дядя Вася.

Лобода почувствовал, как все его тело покрывается испариной.

Прошла минута, другая... Палмеры не выходили. Лобода глядел то на улицу, то на лестницу. Входящие в гостиницу люди затрудняли наблюдение: все время надо было открывать и затворять двери. Вот наконец показались «англичане». Алексей ведет жену под руку. Они смеются, разговаривают как ни в чем не бывало. Молодец, Лешка! Старая школа! За ним идет «красная шапка». Надо во что бы то ни стало задержать его. Вот они подходят. Лобода кланяется.

— За вами, барин, — показывает он через стекло на извозчика.

Палмеры выходят на улицу, но тут в дверь уже лезет рассыльный. Лобода хватается за пиджак.

— Слушай, Вася, — заговорщически шепчет он. — Есть дело. Иди в ресторан за горилкой, там у меня...

— Да пусти ты меня! Некогда! — пытается вырваться Колобок. Он с ненавистью смотрит на швейцара, но боцман держит его крепко. Лобода весь лучится желанием пропустить чарочку с новым приятелем.

— ... там у меня одна бабеха работает. Обещала достать. Куда ты спешишь? Работа не волк, в лес не убежит.

Один глаз на Колобка, другой — через стекло на улицу. Уехали!

— Чего ты заторопился, дуралей? — бросает он вслед вырвавшемуся рассыльному.

Лобода выходит на улицу. Колобок озирается во круг. Извозчиков нет. Вот умора! Он бегом бросается догонять пролетку. Пустое дело. Лобода облегченно вздыхает. Теперь все зависит от Миколы и его коня. Кучер он первоклассный. Увезет.

Возвращается хмурый рассыльный.

— Уже? А говорил — некогда, поручение...

— Не успел. Господа уехали. Им надо было передать...

— Так как насчёт горилки? Сходишь, Вася, в ресторан к Наташе?

— Позже, Василий Васильевич, позже, — машет рукой обеспокоенный Колобок.

Неужели упустил? Куда они поехали? С кем встречались? На эти вопросы капитан Жихарев потребует ответов. Не было бы худа... И все из-за проклятого швейцара с его горилкой! Не задержи он его... Да нет, пожалуй, не в нем суть. На чем бы он поехал за ними? На фиге?

Кучер оглянулся, хлестнул лошадь. Коляска завернула за угол и помчалась по прямой как стрела Пушкинской улице. Ветер свистел в ушах, мелкой дробью стучали копыта по булыжной мостовой.

Прохожие-одесситы хлопали себя по ляжкам, в восторге восклицали:

— О це дает!

Коляска пролетела мимо вокзала на Средне-Фонтанскую и здесь остановилась. Кучер тихо проговорил:

— Сделайте вид, что расплачиваетесь со мной. Идите за тем человеком, который стоит на том углу. Видите? Железнодорожник.

Алек протянул кучеру монету. Экипаж развернулся и помчался в обратную сторону. Железнодорожник пристально глядел на них. Как только они подошли к нему, он завернул в тихий узкий переулок. Алек прочел на табличке: «Елисаветградский». Там было всего несколько домов. На мощенной булыжником улице бродили куры. По обочинам росла трава. Позади домов тянулся длинный забор из ракушечника, отделяющий переулок от железнодорожных путей. Кое-где в заборе были выломаны проходы. Видно, рабочим так было удобнее попадать домой. Они прошли несколько десятков шагов и очутились у небольшого трехэтажного желтого домика с обвалившейся во многих местах штукатуркой и несколькими отдельными входами по фасаду. Железнодорожник постучал в одну из дверей. Открыла им еще не старая женщина с повязанным на украинский манер платком, в расшитой красными нитками белой кофточке.

— Входите, пожалуйста, — сказала она, внимательно вглядываясь в Алека и Айну. — Входите.

Они очутились в просторной чистой комнате. Она напомнила Алеку комнату Кирзнера на окраине Риги.

Комод, покрытый цветной скатеркой, фикус, большие портреты в черных деревянных рамках, старенькие гнутые венские стулья. Да, все было очень похожим.

Женщина закрыла дверь на засов. Железнодорожник усмехнулся:

— Ну, товарищ Чибисов, первая часть операции закончена. Познакомимся. Гурьянов Григорий Емельянович.

Мужчины пожали друг другу руки.

— А это, — продолжал железнодорожник, — Евдокия Павловна Борисевич. Вдова нашего товарища, машиниста Кости. Убили ее мужа белые в боях за Одессу. Пока поживете у нее. На некоторое время здесь вам будет безопасно. Извините, но я должен уйти. Евдокия Павловна все знает.

Хозяйка проводила Гурьянова и опять заперла дверь на засов. Она сурово, без улыбки глядела на сидящих Айну и Алека.

— Вот что, Алексей Иванович, — начала она, присаживаясь на стул. — Прежде всего вам нужно переодеться. В таком наряде находиться нельзя. Потом, ни в коем случае не выходить из дома. Соседи, правда, свои, но все равно... Если, случится, будут спрашивать: кто, что, откуда — говорите: племянница тети Евдохи Люба с мужем, Иваном, приехала родить. Откуда? Из Вопнярки. Знаете? Это под Одессой. Теперь пойдемте, я вам покажу комнату, где вы будете жить.

По узенькому коридорчику из большой комнаты они прошли в кухню. Там стояли две железные кровати.

— Вот тут дверь за занавеской, — проговорила Евдокия Павловна, откидывая пеструю домотканую портьеру. — Она выходит прямо на задний двор, к забору от путей. Там пролом, прикрытый досками. Мне через него хлопцы уголь таскают для печки. В случае тревоги можно им воспользоваться. Ну, вы у меня ненадолго. Найдут, где лучше. Пока переодевайтесь, отдыхайте, а я пойду пошукаю, чем вас накормить.

— Спасибо, Евдокия Павловна. Мы не голодны. Спасибо и простите нас за беспокойство, — с чувством сказал Алек. — Кстати, деньги у нас еще есть.

— Не за что, милые. Разве вы у меня первые? Сколько людей укрывала! Деньги, если понадобятся, спрошу, а пока не нужно.

Хозяйка ушла в комнату. Алек взглянул на осунувшуюся, переволновавшуюся Айну, улыбнулся, привлек ее к себе:

— Как тебя зовут?

Айна с удивлением посмотрела на мужа:

— Ты разве забыл? Айна Лонг.

— Нет.

— Ну, тогда Вирджиния Палмер.

— Нет. Теперь и, надеюсь, навсегда ты — Айна Эдгаровна Чибисова. Поняла?

Айна засмеялась:

— Ах вот в чем дело!

— Да. Я так счастлив, что наконец могу забыть эту собачью кличку Лонг Алек и стать Алексеем Ивановичем Чибисовым. Как я ждал этой минуты! И ты забудь, что когда-то называла меня Алеком. Я для тебя Алексей, Алеша, Лешка... Как хочешь.

— Хорошо, Алеша.

На кровати лежало крестьянское платье. Кто-то позаботился и подобрал по размеру.

— Ну, давай переодеваться, Айна Эдгаровна. Опасность продолжает висеть над нами, но теперь мы у своих друзей, и все кажется не таким страшным.

Спустя несколько минут Алексея и Айну нельзя было узнать. Никто не подумал бы, увидев их, что перед ним чопорные англичане Палмеры. Они выглядели настоящими крестьянами, украинцами. Пришла Евдокия Павловна, придирчиво оглядела их с ног до головы.

— Откуда вы? — строго спросила она.

— Та с Волнярки. Жинку до дохтуру привез, — подражая южному говору, ответил Алексей. — До тетки Евдохи. Рожать.

Евдокия Павловна улыбнулась:

— Добре. Пойдемте в комнату.

Она накормила их пшенной кашей, политой конопляным маслом.

— Не очень богато живу, так что не обессудьте.

— Что вы! Все понимаю. Трудно вам живется. Где-нибудь работаете, Евдокия Павловна?

— На Привозе промышляю. Вот цветы бумажные делаю, — показала она на рулончики цветной мятой бумаги, лежащей в углу. — А когда семечками торгую, иногда пирожки пеку с луком. И продаю. Спасибо, товарищи Костины не забывают. Все из вагонов тащат.

И муку, и бумагу достают, и подсолнухи. Так вот и живу.

Алексей просил хозяйку побольше рассказать про Вопнярку, ее быт, особенности, улицы. Евдокия Павловна рассказала все, что знала.

— Серьезный ты мужчина, Алексей Иванович, — под конец сказала она. — Ну ладно, вы отдыхайте, а я своими делами займусь.

Вечером пришел Лобода с коренастым человеком в железнодорожной форме. Худое лицо с горячими черными глазами, горбатым носом и энергичным подбородаком понравилось Алексею. Лобода был весел, обнял Чибисова.

— Ловко мы вас выручили? Ты бы посмотрел на филера, как он скис, когда вы уехали. Смех! Знакомся, Алеша. Рябченко. Борис Кузьмич. Теперь рассказывай все подробно. Начиная с Риги и до сегодняшнего дня.

Они уселись к столу, и Алексей начал свой длинный рассказ. Сидела в углу и Евдокия Павловна, подперев щеку рукой. Слушала. А Лобода в самых захватывающих местах вскакивал, прерывал Алексея и кричал:

— Борис Кузьмич! Ты только подумай, а? Ведь ни в одной книге не прочитаешь такого. Ну и Лешка! Роман, настоящий роман.

— Что ж, Алексей Иванович, спасибо, — сказал Рябченко. — Неоценимого работника мы получили: в вашем лице. Опытный газетчик так нужен. После провала нашей организации, гибели Ласточкина и других членов губкома нам не хватает многих работников. Газету надо выпускать, листовки, воззвания к солдатам, на русском и иностранных языках. Будете работать в подпольной типографии в районе Куяльника, у катакомб. Место надежное...

— Мне бы, Борис Кузьмич, что-нибудь поактивнее, — попросил Алексей.

— Алексей Иванович, выбирать не приходится. Направляю вас туда, где сейчас вы больше всего нужны. Из нагана стрелять может каждый. А жена ваша не поможет нам? — Рябченко ласково поглядел на Айну. — Наверное, тоже знаете английский язык?

— Прекрасно, — откликнулась Айна. — Я буду делать все, что мне прикажут.

— На нее можно положиться, Борис Кузьмич. Она у меня надежная, — с гордостью сказал Алексей.

— Она будет помогать вам. Связь держите только с Василием Васильевичем. Он введет вас в подпольную редакцию. Там познакомитесь с товарищами. Очень жаль, что вы на подозрении у контрразведки, не то мы нашли бы вам работу поактивнее. Такую возможность потеряли! Англичанин Палмер мог многое узнать от самого высокого белогвардейского начальства. Ну, да что теперь говорить. Переночуете здесь, а завтра вас переведут в Куяльник. Будете жить там.

— Борис Кузьмич, — спросил Алексей, — как дела на фронтах?

— Отлично. Деникин скоро будет в Одессе. Он без задержки катится на юг. Хотите предложить ему английское оружие? — пошутил Рябченко. — Боюсь, что он окажется некредитоспособным. Будем прощаться. Уже поздно. Вам надо быть крайне осторожным. Ну да и мы не лыком шиты. Спрячем так, что никто не найдет. До встречи, Алексей Иванович.

— Завтра увидимся, Алексей, — похлопал Чибисова по плечу Лобода. — А пока слушайся Евдокию Павловну.

С большими предосторожностями специальные люди, посланные Лободой, перевели их на следующий день в Куяльник, оттуда в катакомбы. Там помещалась типография.

Алексей Иванович слышал, что под Одессой существуют катакомбы — пустоты, образовавшиеся от выемки строительного камня. Город строился как бы сам из себя. Раньше эти катакомбы представляли самое удобное убежище для всякого бездомного люда. Подземные разветвления были настолько обширными, что проникавшая туда полиция запасалась провизией и свечами на несколько дней. Многие ходы сейчас были замурованы, засыпаны, но некоторые из них сохранились и соединялись с городскими домами. Никто не знал точно, как расположены эти подземные коридоры, сколько их, и выходы из-под земли иногда обнаруживались далеко за пределами Одессы. Это был настоящий лабиринт, состоящий из узких проходов, подземных зал и комнат. Вот эти катакомбы и выбрали одесские подпольщики для организации там типографии. Белые катакомбы избегали. Можно было войти туда и никогда не выйти

обратно. Редкие облавы, которые устраивала контрразведка, успехов не приносили.

Приходу Чибисовых обрадовались. Человек с землистым цветом лица, — он редко бывал на воздухе, — пожимая им руки, дружески сказал:

— В нашем полку прибыло. Работы тьма. Вам, Алексей Иванович, и вашей жене надо сесть за составление листовок к французским и английским морякам. Переводчик на французский у нас есть. А жить придется тоже здесь, под землей. Имею строгий приказ Рябченко наружу вас не выпускать. Ну ничего, недолго осталось.

Им отвели угол, где стояли два топчана.

— Ваша квартира, — усмехнулся редактор. — Хуже, чем в «Лондонской»?

— Лучше.

Чибисовы сразу же принялись за дело. Работали при копилках, при фонаре «летучая мышь». Стучала печатная машина «американка». Листовки, воззвания, газеты сходили с нее беспрерывно.

— Не очень устала? — спросил Алексей Айну, когда они в первый раз улеглись на свои жесткие топчаны. — Закройся получше.

— Тут я спокойна и с тобой, а это уже счастье. Спокойной ночи.

16

...Капитан Жихарев тупо смотрел на листок бумаги, лежавший перед ним на столе. Его только что принес ему переводчик. О, черт, как он опростоволосился! Впрочем, он уже знал об этом, когда Колобок доложил ему, что англичане скрылись из гостиницы, бросив вещи. Капитан поставил всю службу на ноги. Приказал найти Палмеров любой ценой, объявил сотрудникам о награде за поимку. Да разве найдешь их в таком хаосе? Каких козырей он упустил. Это не какой-нибудь слесарь с Перссыпи, имевший связь с большевиками. Эти — международного значения! Опасные преступники. Вот, извольте ли видеть, что пишут из Лондона...

Жихарев еще раз пробежал глазами сообщение офицера миссии Хайгена. Оно было коротким, переведено на русский язык.

«Инженер и совладелец фирмы «Викерс» Генри Палмер и его жена Вирджиния Палмер убиты в Турции

партизанами Кемалю. Как стало известно «Интеллидженс сервис» в Лондоне, их паспорта попали к осужденному на каторжные работы Алеку Лонгу и его жене Айне Лонг. Предполагается, что Алек Лонг и русский моряк Алексей Чибисов — одно и то же лицо...» Вот так. Обдурил его большевистский выродок! Да и не его одного. И Никодима — этот-то уж опытный человек, и офицера-англичанина из миссии. Даже не верится!

Можно было бы замять дело, не доводить до огласки, да этот дурак, поручик Буткевич, заварил кашу, используя свои связи. Кричит на каждом углу, что капитан Жихарев сознательно, несмотря на его предупреждения, выпустил опасного большевика, когда тот был уже у него в руках. Дошло до начальника контрразведки. Не миновать больших неприятностей...

Капитан нервно закурил папиросу. И не придумаешь ничего. Может быть, все-таки где-нибудь обнаружится проклятый оборотень? В конце концов, наплевать! Все рушится. Неизвестно, сколько им самим осталось жить. Везде измена, кругом большевики, сведения с фронтов самые неутешительные...

17

Для Алексея и Айны начались напряженные месяцы подполья. Несмотря на неудобства, тяжелое житье, опасности, они работали с упоением, не замечая часов. Очень пригодился опыт Алексея как газетчика. Он хорошо помогал главному редактору Петру Петровичу Колотову.

Однажды ночью Айна разбудила мужа:

— Алеша, мне плохо. Кажется, наступило время...

Алексей испугался, вскочил, поднял Колотова:

— Петр Петрович, вот какое дело... Как ей помочь? Куда везти?

— Рожать ей тут нельзя, — в раздумье сказал Колотов. — Завтра утром Марианна отвезет ее к Евдокии Павловне. Дотерпит ли она?

К счастью, Айна вскоре повеселела, сказала, что все прошло и она готова идти куда угодно.

— Тогда сейчас, пока темно, уведем ее в дом Нестеренко в Куяльнике, а утром Марианна с Айной пойдут на Елисаветградский. Женщинам это безопасно, — решил Колотов. — Ковальчук, проводи Айну Эдгаровну.

— Ты только не беспокойся. Работай и ни о чем плохом не думай. Все будет хорошо,— сказала Айна, целуя мужа.— Даже если вестей не будет долго. Не беспокойся.

Ее провожатый, наборщик Ковальчук, видел в темноте как кошка. Он провел ее садами к дому рабочего Нестеренко, а утром, как было задумано, дочь Нестеренко Марианна отвезла ее на арбе к Евдокии Павловне. Женщина удивилась. Появление Айны ее встревожило.

— Что случилось, девоньки? — обеспокоенно спросила она. — Худое что?

— Нет, все хорошо, тетя Дуня.

Они объяснили свое появление. Евдокия Павловна успокоилась.

— Лучшего места, чем у меня, для такого дела нет. Я и сама в родах кое-что понимаю, да и в доме у нас хорошая акушерка живет. Так что не горюй, племянница.

Через два дня Айна родила девочку. Назвали ее Валентиной. Роды были легкими, прошли хорошо, и Айна быстро поправлялась. Но в катакомбы возвращаться с ребенком было нельзя. Куда же с такой малышкой? По решению Лободы она осталась у Евдокии Павловны.

Айна переслала Алексею записку о том, что у нее все благополучно. Его поздравили, решили отпраздновать день рождения дочери, когда Одесса будет освобождена, и принялись за работу. Лобода появился спустя несколько дней. Он обнял Алексея, сказал, что дочка и жена находятся под его личным наблюдением.

— Такую красавицу она тебе родила, вся в мать. Я в нее влюбился. Вот подрастет, возьму в жены. Отдашь? — шутил боцман.

— Ты хоть и старый хрыч, Василий Васильевич, но за тебя отдам, — отшучивался Алексей. — Только охраняй их лучше.

Алексей успокоился, знал — на боцмана можно положиться. А работы все прибавлялось. Одесский обком требовал усилить агитацию на заводах, фабриках, среди безработных. Ежедневно сложным подземным путем пачки газет и листовок, завернутых в красочные рекламные обертки табачной фабрики Попова (их в огромном количестве поставляли подпольщикам рабочие фабрики), попадали в дом на Старом Базаре. Отсюда па-

кеты забирали рабочая молодежь и разносила по всем районам города. Газеты читали на кораблях, фабриках, в порту.

Контрразведчики сбились с ног в попытках обнаружить типографию. Газеты находили, а вот типографию... Не помогали ни разнасы начальства, ни активная помощь разведчиков оккупантов.

Одесса билась в агонии. Белые армии стремительно катились к Черному морю. Теперь уже никто не вспоминал о походе на Москву. Иностранцы под шумок покидали город. Все понимали — Деникин обречен. И несмотря на все это, Одесса веселилась, развлекалась, торговала. Рестораны ломились от пьяных офицеров, кокоток, господ в котелках. На столы выбрасывали пачки теперь уже никому не нужных, потерявших свою цену «колокольчиков». Скорее освободиться от бумажек и получить за них хоть что-нибудь! Пароходы в порту стояли в готовности. Билеты нельзя было купить ни за какие деньги. Даже на валюту.

На Ближних Мельницах, на Пересыпи и Молдаванке по приказу губкома создавались рабочие вооруженные отряды. Белые были при последнем издыхании, но все еще показывали зубы. Расстрелы, истязания, пытки не прекращались. За малейшее сочувствие большевикам расстреливали. В ответ на репрессии рабочие отвечали забастовками. Бастовали порт, джутовая фабрика, трамвайные парки, судоремонтный завод, а на французском крейсере «Вальдек Руссо» подняли красный флаг.

По улицам Одессы уже бегали мальчишки-газетчики и звонкими голосами кричали:

— Советский ироплан над Одессой! Советский ироплан над Одессой! — и продавали белогвардейскую газетенку «Одесские новости», в которой об этом не было напечатано ни слова.

Что такое? Кто научил их сеять панику? Немедленно изловить всех газетчиков! Впрочем, дело не в газетчиках. Все валится, рушится как карточный домик, а аэроплан действительно прилетал....

Красные подходили к городу. По ночам отдаленно ухали залпы орудий, где-то стрекотал пулемет, постреливали на бульварах и в садах. По улицам стало страшно ходить. Жители Одессы плотнее закрывали ставни окон, задвигали засовы, тушили свет в комнатах. Без света оно безопаснее. А днем к порту и по дорогам

тянулись подводы с награбленным добром. Чего только тут не было! Картины, мебель, ковры, набитые вещами чемоданы.

Тревожные дни... Холодное февральское море глухо плескалось в каменную набережную, выбрасывая на берег щепки, яблочные огрызки, апельсиновые корки. Еще толстые, расфранченные, счастливые господа похозяйски грузили свое имущество на иностранные пароходы, еще пели в ресторанах пьяные военные «Ала верды, господь с тобою!», «Под знойным небом Аргентины», «Все, что было сердцу мило», еще пытали в контрразведке выданных провокаторами подпольщиков, но всюду уже видны были приметы наступающей неотвратимой гибели старого мира.

У неопрятных, грязно выбеленных складов на часах стояли оборванные, расхристанные, заросшие солдаты в папахах. На рельсах вдоль складов уныло тянулись ряды разбитых, загаженных вагонов. Изредка посвистывали жалкие инвалиды-паровозы, покрытые копотью и ржавчиной. Между железнодорожными путями в кучах мусора рылись и грызлись бездомные псы. С криком носились голодные чайки, дрались из-за отбросов, выкидываемых с судов. На всем лежал отпечаток безразличия к тому, что будет с Одессой. Всеми владело желание скорее покинуть город, оказаться подальше от выстрелов и страшных большевиков. А большевики уже создали объединенный ревком. Все было готово к восстанию. Ждали только сигнала.

Алексея подняла громкая команда Колотова:

— Вставайте! Пошли, товарищи! Восстание началось, наша армия входит в город. Все вооружены? Выходим. Остаются только те, кому приказано.

Маленький отряд подпольщиков двинулся к Молдаванке. Через головы с воем пролетали снаряды, слышалась трескотня ружейных выстрелов, полыхали пожары. По улицам торопливо шли вооруженные рабочие. На Садиковской улице отряд остановился. Кто-то впереди скомандовал:

— К порту! Не дать белякам уйти!

Двинулись дальше. В центре наткнулись на отступающих деникинцев. Защелкали выстрелы. Но это уже была не армия, а отдельный, сильно потрепанный заградительный заслон, в задачу которого входило не сопротивление восставшим, а прикрытие эвакуации. Его

быстро смяли внезапно появившиеся красные конники. Многие белые солдаты сдались в плен.

Когда Алексей со своим отрядом наконец добрался до порта, он увидел картину, запомнившуюся ему на всю жизнь. Из тифозного барака, расположенного тут же на причале, вылезали еле живые, в отрепьях, бритоголовые, худые, как скелеты, люди. Они в мольбе протирали руки к только что отвалившему от стенки краснотрубному пароходу. Раскинув ноги, подняв к небу остекленевшие голубые глаза, на земле лежал полковник-доброволец с желтыми прозрачно-восковыми пятнами. Кто-то успел стянуть с него сапоги.

К воронцовскому маяку с большим креном, переполненный пассажирами, подходил пароход. Он уже был в зоне недосягаемости, но спешившиеся красные кавалеристы бежали по молу и беспорядочно посылали ему вдогонку пули. Это был последний пароход, вышедший из порта. Вот он завернул за маяк, задымил, под кормой забурлила вода. Дали полный ход! Скорее прочь от ставшего чужим берега! Так много надежд было связано с ним, и вот ничего не осталось.

Отряд возвращался в Куяльник радостный, оживленный. Кто-то в полный голос запел «Интернационал». Все подхватили. Мальчишки с остервенением сдирали с рекламных тумб и стен еще свежие приказы интервентов и белых городских властей: «Одессу не сдавать!»

Где же они, грозные защитники генерала Деникина, линкоры «Жан Барт», «Жюстис», «Мирабо»? Дымят где-нибудь в Средиземном море? Обманули вежливые французские адмиралы и изящные дипломаты. Что подделаешь, своя рубашка ближе к телу. Кому хочется попасть к большевикам в руки? Вот тебе и «Одессу не сдавать!». Рабочие отряды уже заняли все важные правительственные учреждения: почту, телеграф, контрразведку. Скоро подпольщикам стало известно: в город вошли красные части. Одесса была свободна.

18

Длиннющий состав из теплушек и санитарных вагонов еле тащился. Он лязгал на стрелках, часто останавливался на полустанках, а то и прямо в поле. Иногда отцепляли паровоз, и тогда состав подолгу простаивал

на станциях. Никто не знал, когда поезд двинется дальше. Красноармейцы с жестяными чайниками выскакивали из вагонов, бежали за кипятком. С едой было плохо. Торговки у поезда не появлялись.

У разбитых вокзалов, на заплеванных, загаженных перронах сотни людей осаждали состав. Ехать на чем и как угодно, хоть на крыше или буферах! Требовалось вмешательство охраны, чтобы задержать это нашествие.

Начался март, но на полях еще лежал снег. Голые деревья клонили свои ветви под ветром. Деревни казались вымершими. Только черные стаи ворон поднимались в небо, испуганные пронзительным гудком паровоза.

По ночам в санитарных вагонах зажигали керосиновые лампы. Язычки пламени покачивались в фонарях, становились то больше, то меньше, коптили, и к утру все фонарные стекла покрывались черным налетом. Везде пахло карболкой. Свиристествовал тиф. Каждый день с поезда снимали больных. В вагонах было холодно, неудобно. Топили от случая к случаю. Не хватало угля.

Поезд подходил к Москве. Позади остался двухнедельный путь из Одессы.

Алексей Иванович сидел в углу у окна с закрытыми глазами. Рядом спала покрытая фуфайкой Айна. На полу стояла плетеная корзинка, в ней посапывала дочка. Алексей думал. Времени для размышления и воспоминаний хватало.

...После освобождения Одессы от белых Алексей сразу же побежал на Елисаветградский. Айна уже совсем оправилась после родов, помогала Евдокии Павловне по хозяйству.

— Ну, наконец-то! Видишь, я предсказывала, что все будет хорошо. Гожусь в гадалки? Смотри скорее дочку.

Алексей бережно взял из корзинки завернутого в одеяльце ребенка. Он поглядел в бесцветные, несмышленные глазенки дочери, осторожно прикоснулся губами к ее щеке, положил обратно.

— Василий говорил, что красавица. Что-то незаметно, — поддразнил он жену. — Совсем дурашка.

— Будет, — уверенно сказала Айна. — Ты только посмотри на нее внимательно. Глаза-то какие!

— Если бы ты знала, как мне хочется домой! По отцу соскучился, по Бруно Федоровичу Кирзнеру, Новикову. Надо ехать, девочка, в Москву. Там Кирзнер, он поможет мне устроиться.

Они долго сидели вдвоем, думали о будущем. Все было неясным.

Скоро типография переехала на одну из центральных улиц. Появилась вывеска: «Редакция газеты „Одесский коммунист“». Алексей переехал к Евдокии Павловне, но прожили они там с Айвой всего несколько дней. Его вызвали в обком. Встретил Алексея подтянутый, чисто выбритый Рябченко, одетый в военную форму.

— Здравствуй, Алексей Иванович. Рад тебя видеть. Какие у тебя планы на будущее?

— Есть планы, Борис Кузьмич. Хочу в Москву. Ведь я так долго был оторван от России. С отцом надо повидаться, с друзьями встретиться. Направьте меня в Москву. Буду проситься на флот. Ведь я штурман.

— Да знаю я, что ты штурман, — недовольно нахмурился Рябченко. — А что тебе Черное море не нравится? Поработаешь в газете, пароходы начнут ходить — пошлем тебя на судно.

— Нет, Борис Кузьмич. Нужно устраивать жизнь накрепко. Я северянин. Балтика мне больше по душе. Если нет острой необходимости в моей персоне, прошу — отпустите в Москву.

Рябченко помолчал.

— Если бы ты был просто русский, ни за что бы не отпустил. В газете работники вот как нужны. — Рябченко провел ладонью по горлу. — А ты русский-австралиец. Действительно, так долго был в отрыве от родины... Уж пойдем тебе навстречу. Поезжай, Алексей Иванович, не могу держать.

Рябченко вырвал листок из блокнота, что-то размашисто написал.

— Вот. Иди в общий отдел, оформляй отъезд. Но предупреждаю. Тяжела дорога до Москвы. Пути разрушены, подвижной состав разбит, паровозов — раз-два и обчелся. Ну, как-нибудь доберетесь. Паек выдадим вам здесь на месяц. На станциях ничего не добудешь.

— А Василий Васильевич Лобода остается в Одессе?

— Пока да. Он работник московский, нам не подчиненный.

Зазвонил телефон. Рябченко поднял трубку.

— Да, да. Сейчас еду. На совещание требуют, Алексей Иванович. Ну, будь здоров. Иди, оформляй свой

отъезд, получай документы, аттестаты, паек. О твоём отъезде Колотову сообщим. Посадим тебя в санитарный вагон. Ребенку легче будет. Спасибо тебе за работу. Будь жив. Встретимся еще.

Рябченко уехал, а Алексей принялся за получение всяких документов и справок, связанных с его отъездом. Он обрадовался этому повороту судьбы. Предстояла встреча с отцом, с друзьями и, может быть, с морем, о котором он не переставал думать. Он уже видел себя на палубе судна.

Вечером к ним пришел Лобода:

— Значит, уезжаешь, Алеша? Ну что ж. Это хорошо. Тебе здесь, пожалуй, больше делать нечего. Обязательно повидай Бруно Федоровича. Я тебе его адрес дам. Скоро мы увидимся в Москве. Моя работа тут тоже заканчивается.

Они обнялись, крепко расцеловались.

И вот они едут... Вагон набит тяжелоранеными. Да разве в нескольких вагонах увезешь всех? Капля в море. Чибисовым отвели полку в купе медицинской кладовки. Нестерпимо пахло лекарствами, но это все же лучше, чем ехать в переполненной теплушке. Санитар смеялся:

— Здоровее будете, Алексей Иванович.

Казалось, что путешествию их не будет конца. Стучали колеса, стонали рядом раненые, заунывно гудел паровоз. День, два, три, неделя... Вот он и дома, в России. Сбылась мечта стольких лет. И не в царской России, а в новой, в рабоче-крестьянской. В той, за которую сложил голову дед, за которую боролся он, Кирзнер и все их товарищи. Сейчас она лежала перед ним израненная, нищая, разрушенная, но чувство великой гордости наполняло его сердце. Его страна не склонила головы. Преодолевая голод, разруху, интервенцию, нашествие белых орд, заговоры, она победила. Он думал о том, что для него сейчас начнется другая, совсем непохожая на прежнюю жизнь. Его будут окружать русские люди, которых так не хватало ему все эти годы.

Затекли ноги, хотелось лечь, он устал от двухнедельного нудного пути, но радость его не уменьшилась. Алексей по-настоящему был счастлив.

Вот и Москва. Поезд всю ночь простоял в нескольких верстах от города. Только утром состав подогнали к перрону Киевского вокзала.

— Ну, приехали, — сказал Алексей. — Собирайся, Айна. Заворачивай потеплее Вальку, и двинулись.

Не успели Чибисовы выйти из вагона, как к ним подошел человек в кожаной тужурке.

— Алексей Иванович? — спросил он, улыбаясь. — С приездом. Целую неделю вас ждем. Ну, пошли. Идите за мной. Подвезем ваши вещички до общежития. Бруно Федорович позаботился.

Алексей благодарно подумал о Лободе. Не иначе как он сообщил Кирзнеру о его приезде. Они сели на большие розвальни, запряженные рыжим битюгом. Возница натянул вожжи, и сани тронулись.

На улицах лежали сугробы. Снег не убирали. Мартовское солнце грело еще слабо, но уже чувствовалось приближение весны. С крыш свешивались огромные прозрачные сосульки. На солнечной стороне с них падали капли. Со скрежетом ползли переполненные, облепленные людьми красные трамвайчики.

Чибисовы ехали долго. Наконец сани остановились у большого дома. Вероятно, здесь была гостиница.

— Тут, — проговорил сопровождающий. Он показал документы сидящему у входа красноармейцу. Тот кивнул головой:

— Проходите. Вот ключ.

Они поднялись на третий этаж. Провожатый открыл дверь комнаты. Она была большая, просторная, но холодная. В ней стояла сборная мебель: два кресла с порванной обивкой, стулья на золоченых изогнутых ножках, овальный столик, две могучие никелированные кровати с поржавевшими шарами. На окнах висели грязные лиловые портьеры.

— Располагайтесь. Столовая внизу, — сказал сопровождающий. — Вот талоны для вас и жены, а это для ребенка. Вечером Бруно Федорович просил вас зайти к нему. Адрес знаете? Здесь рядом. Найдете. Тогда я могу быть свободен?

— Благодарю вас за помощь.

Провожатый козырнул и ушел.

— Ну, вот мы и дома, — обнял жену Алексей. — Устраивайся. Это, конечно, не ваш домик в Брисбене, не двадцать седьмой номер в «Лондонской», но зато мы по-настоящему дома. Нам никто не страшен.

Айна сразу принялась за уборку. Алексей помогал ей, выносил мусор, передвигал мебель. Скоро в комнате

стало чисто и уютнее, чем раньше. Айна сделала все, чтобы придать номеру обжитой вид.

— Начало положено, — удовлетворенно произнес Алексей, оглядывая новое жилье. — Прекрасно. Ты довольна?

— Ничего, — кисло сказала Айна. — Вот холодно только.

— Не унывай. Обживемся, устроимся получше.

— Да я и не унываю. Кто тебе сказал, Алеша? Просто я объективна. Пойдем обедать?

Айна и Алексей пошли в столовую. Она была полна народу. Люди быстро съедали свой обед, громко, оживленно разговаривали, смеялись и, казалось, совсем не замечали бедности меню, холодного помещения.

Когда Чибисовы поднялись к себе, Алексей смущенно спросил:

— Ты, наверное, осталась голодной?

Айна сердито взглянула на мужа:

— Я тебя прошу, Алеша, не делай из меня Джинни Палмер. Как все, так и я. Мы же не ехали сюда на роскошное житье? Знали, что будет трудно? Вот и все. Обо мне не беспокойся. Если тебе хорошо, то и мне хорошо.

— Мне хорошо, Айна.

Алексей и на самом деле испытывал необычайный душевный подъем. Будущее рисовалось ему безоблачным. Остались позади трудности жизни в капиталистической стране, тюрьмы, опасности, неуверенность в завтрашнем дне. Сейчас все изменится, и недалек тот час, когда он снова получит любимую работу. Ему не терпелось повидаться с Кирзнером. Он то и дело поглядывал на большие старинные часы, стоявшие в комнате. Казалось, что время остановилось, — так медленно двигались стрелки. Айна покормила дочь, забралась на кровать, закрылась двумя одеялами и сладко уснула. Утомила за день. Часы мелодично пробили восемь, Алексей оделся и тихо, чтобы не разбудить Айну, вышел.

Он без труда нашел дом, где жил Кирзнер. По темной, освещенной тусклой угольной лампочкой лестнице он поднялся на четвертый этаж, позвонил. Открыл ему улыбающийся Бруно Федорович:

— Ну, наконец-то! Вернулся блудный сын. Маруся, ты посмотри, кто к нам пришел.

Мария Николаевна выбежала в переднюю!

— Боже мой, неужели Леша? Дай-ка я тебя поцелую. Ну, хорош, хорош! Настоящим мужчиной стал.

— Я им стал лет пятнадцать назад, Мария Николаевна. Теперь я муж и отец, — смеялся счастливый Алексей. — Здорово изменился?

— Нисколько. Все такой же длинный и худой. Идемте в комнату. Чего же мы тут стоим?

Они прошли в маленькую столовую. Тут Алексей как следует разглядел Кирзнера. Бруно Федорович стал совсем седой. Энергичное лицо его пересекали глубокие морщины. Он, как и прежде, носил маленькие усы щеточкой, но теперь и они были совершенно белыми. Зато глаза его, умные, серые, улыбочные глаза Кирзнера, остались прежними. Бруно Федорович не мог успокоиться. Он хлопал Алексея по спине, заставлял поворачиваться, приговаривал:

— Алеша Чибисов! Собственной персоной в Москве. Не могу верить. Ругаешь ты меня, поди, на чем свет стоит. Сознайся! Обманул я тебя.

— Вы меня не один обманули. Артем тоже обманул. Кстати, где сейчас Федор Андреевич?

— В Москве. Делегат девятого съезда партии. — Кирзнер взглянул на часы. — Обещал скоро приехать. Мы тебя ждали, кое-какие сведения о тебе имели. Как же, такое событие! Летучий Голландец явился.

— Неужели придет? Сегодня у меня такой радостный день, какого не было все двенадцать лет! Обманщики! Я вам все выложу.

— Сдаюсь заранее, Алеша, — шутливо поднял кверху руки Бруно Федорович. — Обманул. Но не виновен. Время помешало. Сам знаешь, война началась, а что тут внутри творилось, не приведи господь. Да и сейчас не все еще успокоилось. Ладно, пока рассказывай о себе. Маруся, да брось ты свои приготовления. Иди слушай.

— Бруно Федорович, а про моего отца вы что-нибудь знаете? — спросил Алексей.

Кирзнер нахмурился.

— Последние сведения имел несколько месяцев назад. Иван Никандрович был жив и здоров. Он по-прежнему в Риге. А Рига, как ты знаешь, принадлежит не нам. Там буржуазное государство образовалось. Да еще какое свирепое. Кусается как блоха. Ну, да мы тебе со

временем свидание с отцом как-нибудь устроим. Давай рассказывай.

Алексей начал рассказ о своей жизни. Мария Николаевна то и дело в удивлении всплескивала руками, а когда Алексей дошел до Одессы, Кирзнер воскликнул:

— Ну, Лобода, ну, Василий Васильевич! Орел! Мой работник. Талант. Он мне и весточку подал о твоём приезде. А я уже Артему позвонил. Ну, дальше, дальше. Да почему ты жену не привел? Мы ее тоже ждали. Интересно, на ком ты женился?

— Чудо, — серьезно сказал Алексей. — Такой больше не найдешь.

В разговорах незаметно прошел час. В квартиру позвонили. Мария Николаевна пошла открывать.

— Наверное, Федор Андреевич прибыл, — встал со стула Кирзнер.

В прихожей раздался громкий голос Артема. Его Алексей узнал бы из тысячи.

— Ну, где он, Лонг Алек? — проговорил Артем, появляясь в комнате и заключая Алексея в объятия. — Здравствуй, дорогой друг. Свиделись все-таки. А где же Айна? Мне говорили, что ты придешь с женой. Хочу ее видеть.

— Оставил дома. Устала с дороги. Да и не знали мы, что ты появишься, не то она обязательно бы пришла и дочку бы принесла. Ведь у меня дочка-красавица. Ты и не знаешь, брат.

— Я многого про тебя не знаю. Давай рассказывай.

— Нет уж. Сначала тебя послушаем.

— Да что, собственно, слушать? Помнишь, я нанялся в трест к мясникам? Приехал в Дарвин, поработал немного, осмотрелся, подобрал себе пароход и нелегально махнул в Шанхай. Оттуда всякими правдами и неправдами добрался до Владивостока. Тут уж свое, Россия, полегче. Куда ехать? Конечно, в Харьков, ведь там я раньше жил и работал. Прибыл в Харьков, а там черт ногу сломит! Большевики, эсеры, кадеты, анархисты! Все кричат, митингуют. Ну вот. Разыскал я своих большевиков, поступил на завод слесарем и принялся за партийную работу.

Трудно нам приходилось тогда в Харькове. У власти Временное правительство Керенского, сам понимаешь. Все в руках буржуазии. Были там и Советы, но они так напиханы эсерами и меньшевиками, что фактически

превратились в придаток Временного правительства. Репрессии против большевиков начались...— Артем помолчал, улыбнулся, вспоминая что-то. — Вот в это время я встретил Лизу, женился...

— Наконец-то!—обрадованно перебил Артема Алексей Иванович. — Я все боялся, что ты холостяком останешься. Хорошая жена тебе попалась? Говори правду.

Артем пожал плечами:

— Самому хвалить как-то неловко. Вот познакомлю — узнаешь.

Но судя по тому тону, каким была сказана эта фраза, Алексей Иванович понял, что Артем счастлив.

— Посмотрим. А дети есть?

Глаза у Артема весело блеснули.

— Будут. Не сомневайся.

— Верю. Ну, давай дальше.

— Дальше... Дальше тут столько всяких событий было, что за неделю не расскажешь. Ну, коротко. Борьба между нами и меньшевиками обострилась. Выступать приходилось много. Помнишь, как в Брисбене? Где придется. В садах, просто на углах улиц, на площадях. В конце июля семнадцатого года начался Шестой съезд партии, я был делегатом от Харькова. Меня выбрали в ЦК. Вернулся в Харьков, а в середине октября ЦК вызвал меня в Петроград. Что произошло двадцать пятого октября, ты сам знаешь. Двадцать пятое октября! Ты себе не можешь представить, что это был за день! Наша революция, революция, о которой мы так долго мечтали в изгнании, свершилась! Керенский бежал. Владимир Ильич отдал приказ штурмом взять Зимний, где еще заседали министры Временного правительства. А на следующий день было создано Советское правительство. Власть перешла в наши руки. Ну, тут после Октября у меня такой калейдоскоп завертелся... Снова я поехал в Харьков. Там еще все бурлило. Власть Советов как следует не установилась. Пришлось поработать. Город наводняли петлюровцы, белые, меньшевики... Кого только там не было! Каждый в свою сторону тянет. Кое-как справились с ними. Потом образовалась Донецко-Криворожская республика. Слышал про такую?

— Нет.

— Так вот, была такая. Председателем Совета народных комиссаров этой республики избрали твоего

покорного слугу. Немцы на нас наступали, белые шайки появились. Надо было защищаться. Тут уже настоящая война началась. Винтовку в руки — и пошел... Под Змиевом в бою участвовал, и под Ростовом... Отступал, был контужен, снова воевал. Когда на Царицын шли, главным инженером заделался. Взорванный мост через Дон восстанавливал.

— Получилось?

— Еще как! Ведь учился когда-то в Московском императорском инженерном училище. Не зря, видно. Много всяких событий было. Тут кончилось, послали на Северный Кавказ. Воду в Тереке хотели поднять, дамбу строить, чтобы хлеб подвозить, дорогу налаживать. Не удалось. Беляки помешали. Снова в бой на защиту Советской власти. Потом приказ — ехать в Башкирию, организовывать «Башкирпомощь». Белые совсем их разорили. Голод, нищета, болезни. Потом опять послали на Украину, работал там в ЦК. Теперь прибыл в Москву на съезд... Вот в двух словах и все.

В комнату вошла Мария Николаевна и командовала:

— Все рассказы потом. Садитесь за стол. Угощаю вас настоящей гречневой кашей с маслом. Праздник сегодня — встреча старых друзей.

Она принесла большую кастрюлю:

— Ешьте от души.

Бруно Федорович подошел к буфету, достал пузырек с прозрачной жидкостью.

— Медицинский, — подмигнул он. — Целый год хранил его для торжественного случая. Пришло время. Это нам с тобой, Федор Андреевич. Моряк не пьет.

Он налил две рюмки, чокнулся с Артемом, улыбнулся Алексею:

— Со встречей! Закусывайте.

Гречневая каша, рюмка разведенного спирта — это был настоящий пир. Артем расспрашивал Алексея об Австралии, вспоминал общих знакомых. Его интересовали мельчайшие подробности, а Алексею хотелось узнавать еще и еще об Артеме. Они перебивали друг друга. Кирзнер, улыбаясь, слушал. Когда «австралийцы» вдоволь наговорились, он сказал:

— Хватит, товарищи, а то вы до утра проговорите. Как собираешься жить дальше, Алеша?

— В море хочу. На пароход.

— Да какие же сейчас могут быть пароходы? Не ходят еще наши пароходы. Придется подождать. Я тебе вот что предложу, Алеша. Иди ко мне в Чека. Будешь работать в иностранном отделе. Язык ты знаешь в совершенстве. Вообще ты для нас был бы золотой человек. Если сумел так обвести вокруг пальца англичан в Одессе, сумеешь сделать это и где-нибудь в другом месте.

— Нет, Бруно, — вмешался Артем, — по-моему, ему надо идти в Коминтерн. Там он больше пользы принесет. А ты что скажешь, Алексей?

Алексей Иванович пожал плечами:

— Мне трудно решать. Я все время мечтал о судне, других планов у меня не было, но если пароходы еще не ходят, то и говорить нечего. Где-то надо работать.

— Насчет пользы ты не то говоришь, Федор Андреевич, — сказал Кирзнер. — Не мне тебе рассказывать, как нужны нам сейчас большевики, владеющие языками. Где их взять? Тот, кто знает языки, в своем большинстве наши противники. Всякие дворянчики, аристократы, одним словом, бывшие... Им нашей работы не доверишь.

— А в чем будет заключаться моя работа в Чека? — спросил Алексей Иванович. — Я ведь слабо разбираюсь в вашем деле.

— Не думаешь ли ты, что я всю жизнь работал в Чека? А надо — значит, надо. И пошел без звука. У нас все такие. В основном рабочие. А работа? Защита завоеваний революции. Дело благородное, хотя и не безопасное. Уж очень много всякого дерьма посягает на них.

Кирзнер выжидающе глядел на Алексея.

— Только если временно, Бруно Федорович, — твердо сказал Алексей Иванович. — Я моряк и хочу плавать. Знаю, что вы мне сейчас скажете. Ты, мол, прежде всего солдат партии, куда прикажут, туда и пойдешь. Готов, если это приказ. А если есть право выбора, то выбираю море.

— Да никто у тебя твоего моря не отнимет, пойми ты. Нет у нас еще коммерческого мореплавания. Но будет. Будет обязательно. Не беспокойся.

— Вообще-то верно. Переждать надо, — в раздумье произнес Артем. — Требуется большая осторожность. Наши суда все национализированные. А многие их бывшие хозяева сидят за границей и ждут, когда какой-

нибудь пароход придет туда. Тут его, голубчика, и схватят. Возвращаем, мол, законным владельцам, или уплатите за понесенные убытки по национализации. Кроме того, фарватеры еще не тралены. Везде полно мин. Понял?

— Как не понять. Все понял.

— Я тебе обещаю, Алеша, — торжественно сказал Кирзнер, — только пароходы пойдут — я тебя сразу же отпущу. А пока иди работать к нам. Я не преувеличиваю ту пользу, которую ты принесешь. Пусть Федор Андреевич подтвердит, хотя он и возражал сначала. Скажи честно, Федор.

— Ну, если честно, — Артем засмеялся, — то ты, конечно, прав. Алексей нужнее всего в Чека. Самый трудный и важный участок работы.

— Вот видишь? — торжествуя поглядел Кирзнер на Алексея. — Можно считать наш разговор оконченным? Или будут какие-нибудь вопросы?

— Вопросов нет. Когда приступать к работе?

— Даю тебе неделю на отдых и устройство, а потом явишься ко мне.

— Есть, капитан! — по-морски ответил Алексей. — Только на этот раз без обмана. Пойдут пароходы — вы меня сразу отпускаете.

— Слово коммуниста.

— Хорошо. Теперь вы будете рассказывать, как жили, что делали, а то все мне приходится. С кем ни встречусь, давай рассказывай. Так дело не пойдет.

Вошла Мария Николаевна, подала морковный чай:

— Пейте, скучаю я по хорошему чаю. Вот, Алеша, попадешь за границу, привезешь мне настоящего китайского. Не забудешь?

— Да уж с вашим мужем попадешь! Долго нам придется морковный чай пить. Не пускает в море, Мария Николаевна, — засмеялся Алексей Иванович. — А как поустит — не забуду. С первого же рейса привезу.

Но до первого рейса было далеко, а потому все с удовольствием пили горячий морковный чай. Он казался Алексею самым вкусным напитком в мире: Давно он не испытывал такого удивительного чувства. Его окружали близкие друзья. Люди, которых он любил. Учителя. Именно их ему не хватало все долгие годы скитаний. Разошлись далеко за полночь. Сговорились собраться еще раз с женами.

Спустя неделю Алексей Иванович начал работать у Кирзнера в иностранном отделе. Работа была интересной. Через его руки проходили многие документы, открывающие темные замыслы врагов Советской России. Сейчас он убедился сам, что до спокойной жизни стране еще далеко.

Из общежития Чибисовы переехали в двухэтажный домик на Даевом переулке. Поселились в однокомнатной квартирке с кухней. Хотя в Москве больших пустующих квартир было предостаточно, выбрали они эту. Меньше — теплее.

Не хватало дров. В квартире частенько бывало холодно. И еды не хватало. Айна и Алексей похудели, но переносили лишения стойче. Ведь главное — они были вместе, среди друзей, дочка росла здоровенькой. Позади остались полицейские, тюрьмы, суды. Алексей терпеливо ждал, когда сможет уйти в море, но с Кирзнером об этом разговоров не затевал. Верил, что Бруно Федорович сдержит свое слово и, как только появится возможность, отпустит. Но пока оставшиеся суда требовали большого ремонта, запущенные и разрушенные порты не могли работать как следует, не хватало специалистов. Многие еще не вернулись из армии и военноморского флота, некоторые, спасаясь от голода, разбегались по деревням.

Иногда Кирзнер заходил в комнату, где работал Алексей Иванович, обнимал его за плечи, говорил:

— Скучаешь, Алеша? Потерпи немного. Скоро будут и новые пароходы, и новые плавания. Приходите сегодня чай пить с Айной. Пока морковный.

Алексей Иванович привык к своей службе, к квартире на Даевом переулке и в общем-то отдыхал от всего, что пришлось пережить за последние месяцы. Ему даже казалось, что Кирзнер сознательно взял его к себе, чтобы дать работу поспокойнее. Зато товарищи его по оперативной работе не знали покоя ни днем ни ночью. Не знал покоя и Бруно Федорович. Редкий вечер его не вызывали по телефону из дома.

19

В Таврическом дворце шел Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Зал был переполнен. Алексей Иванович сидел в пятом ряду и все еще никак

не мог поверить, что он участник этого исторического события. А получилось все так неожиданно!..

Однажды раздался телефонный звонок. Алексей Иванович поднял трубку.

— I want to speak to mister Long¹, — слышался знакомый голос, но Алексей никак не мог сообразить, кто в Москве может называть его «мистер Лонг», но тут на другом конце провода засмеялись, и по этому раскатистому смеху он безошибочно узнал Артема.

— Федор Андреевич! Ты? Вот не ждал! Какими судьбами?

— Я, я... Не забыл еще английский язык? Ладно, давай срочно приезжай ко мне. Есть дело. Пиши адрес гостиницы... Гуд бай! Жду.

Когда Алексей вошел в гостиничный номер, то сразу попал в крепкие руки Артема. Бритоголовый, загорелый, с черными усиками и блестящими черными глазами, одетый в военную гимнастерку, подпоясанную широким кожаным ремнем, он чем-то напоминал татарина. Алексей подметил это сходство и, смеясь, сказал:

— Настоящий Чингисхан! Где ты так загорел? Со всем черным.

— О, брат ты мой! Я ведь с юга. Забыл? Сидел в Донбассе, работал председателем Донецкого губисполкома. А у нас там такая жарыща, не дай бог. Прямо как в Австралии. Ну ладно, обо всем расскажу позже. Главное другое. Вот что, дорогой мой. Девятнадцатого июля в Питере открывается Второй конгресс Коминтерна. Я на него и приехал. Приглашали представителей социалистических партий всех стран. Ты будешь присутствовать на конгрессе делегатом от Австралии с правом совещательного голоса. Мы утрясем этот вопрос с Уайтом. Тебе полезно побыть там, послушать Ленина. Увидишь, как рабочие всего мира тянутся к Советскому государству. Может быть, возникнет необходимость сказать что-нибудь, ну тогда скажешь. Согласен?

— Согласен ли? Не могу выразить свою радость. Когда ехать?

— Я позвоню.

Вскоре Артем сообщил:

¹ Я хотел бы поговорить с мистером Лонгом (англ.)

— Готовься. Бруно дали указание, чтобы он тебя отпустил. Поедем вместе семнадцатого.

И вот он живет в гостинице «Знаменская» в Петрограде.

Несколько дней назад он в первый раз пришел в Таврический дворец, занял свое место и с волнением стал ожидать выступления Ленина. В повестке дня было написано, что первый доклад будет делать он. Делегаты и гости негромко переговаривались. Заседание еще не началось. Алексей Иванович никогда прежде не бывал в Таврическом дворце. Торжественность момента и сознание того, что он сейчас увидит Ленина, создавали приподнятое настроение и какую-то праздничность. И когда объявили: «Слово для доклада предоставляется товарищу Ленину», люди встали со своих мест, зааплодировали. На трибуну энергичным шагом прошел Владимир Ильич. Он выглядел как-то проще, обыденнее, чем на портретах, которые видел Алексей раньше. Не смолкая гремели аплодисменты. Делегаты улыбались, скандировали одно слово:

— Ленин! Ленин! Ленин!

Владимир Ильич поднял руку, хотел что-то сказать, но овация продолжалась. Аплодисменты затухали и вспыхивали с новой силой. С большим трудом удалось установить спокойствие в зале. Ленин начал свой доклад. Он говорил о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала. Говорил ясно, просто, конкретно. После шумной овации в зале наступила такая тишина, что было слышно, как делегаты переворачивают листки своих записных книжек. И хотя доклад длился довольно долго, Алексей Иванович не заметил, как пролетело время. Так захватило его то, что говорил оратор. Все было интересным и значимым.

Ленин закончил свою речь. Он собрал листки и направился в президиум. Алексей Иванович бешено, до боли в ладонях зааплодировал. Правильно! Он вспомнил рабочих Австралии. Если бы они были едины, то стали бы хозяевами положения. А зал гремел в восторженных аплодисментах. Все повторилось сначала. Люди стояли и кричали:

— Ленин! Ленин! Да здравствует мировая революция!

Очень понятными были для Алексея Ивановича и основные задачи, которые ставил перед собою конгресс. Он соглашался с каждым словом тезисов, принятых по докладу Владимира Ильича.

«Только коммунистическая партия, — говорилось там, — если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие, — только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма»¹.

После того как заседание закончилось, делегаты пешком отправились на Марсово поле возложить венки на могилу Жертв революции. И Ленин шел среди них, что-то говорил то одному, то другому делегату. Алексей Иванович все хотел пробиться поближе к Владимиру Ильичу, идти рядом с ним, услышать, что он говорит, но народу было много, его оттесняли, и он сердился.

У могилы остановились. Некоторое время стояли в молчании, скорбно склонив головы. Положили венки и стали расходиться. Наступил тихий, теплый вечер. Алексей Иванович медленно шел в гостиницу. Он вспоминал во всех подробностях сегодняшний день. Вот он, Алексей Чибисов, простой человек, идет рядом с Лениным, он, гражданин Советской Республики, первой в мире республики рабочих и крестьян.

После первого заседания конгресс перенес свою деятельность в Москву. Вернулся туда и Чибисов.

Айна ждала его с нетерпением.

— Ну как, Алеша? Как все прошло?

Алексей принялся рассказывать. Но рассказ получился бессвязным. Он никак не мог сосредоточиться. Он был переполнен всем, что увидел и услышал на конгрессе. Отвлекался на неважные детали. Рассказывал, как выглядит Таврический дворец внутри, как они при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 187.

шли, как сели, кто был в зале и в президиуме. В голову лезли ненужные подробности. Айна нетерпеливо перебывала его:

— Об этом потом, Алеша. Какой он, Ленин?

Он начал говорить о Ленине. Как был одет Ильич, как он поднялся на трибуну, взмахнул рукой, улыбнулся залу. Рассказал о докладе и о том, как ходил на Марсово поле и что там сказал Владимир Ильич. Он по несколько раз возвращался к одному и тому же. Ему все казалось, что он не рассказал главного.

Конгресс продолжался до седьмого августа. Много узнал за эти недели Алексей Иванович. Только здесь он как следует понял, какой размах получило рабочее движение во всем мире после возникновения Советского государства.

20

Вскоре Алексей Иванович поехал в Ригу. Главной целью и причиной поездки Алексея Ивановича было свидание с отцом. В ответ на его письмо, посланное из Москвы, Иван Никандрович написал, что очень ждет сына.

В Риге Чибисов поселился в фешенебельной гостинице «Рим».

На другое утро Алексей Иванович вышел на залитую солнцем улицу. Как все знакомо! Каждый дом, каждое дерево. Скорее на родную Марининскую. Бульваром он пошел к вокзалу. Вот так же он ходил в реальное Хальбкугеля, на той же улице была женская гимназия, где училась Тина Подгоецкая, а направо мост через Западную Двину и причалы порта... У них выгружалась старая «Бирута»...

От вокзала он завернул на Марининскую. Как и прежде, здесь располагались маленькие лавчонки, торгующие готовым платьем. Вот булочная, где они всегда брали хлеб. Сердце его дрогнуло. Булочная... Он вспомнил, как, еще при жизни мамы, он был первоклассником, его послали купить пирожных для гостей, а он не удержался и съел по дороге два. Мама сердилась, а он обиделся и заявил, что отказывается от завтраков на три дня. Мама... Как редко он вспоминал о ней все эти годы... Вот и их дом. Такой же серый, невзрачный. Алексей Иванович в волнении остановился, постоял, погля-

дел на дом, на окна их комнаты — они выходили на улицу — и вошел в парадную. У обитой черной клеенкой двери со знакомой бляшкой «Страховое общество „Россия“» он позвонил. Ему открыла немолодая худенькая женщина с гладко зачесанными на прямой пробор волосами. Она удивленно взглянула на Алексея Ивановича, — видно, гости сюда приходили нечасто.

— Вам кого?

— Ивана Никандровича.

— Проходите, пожалуйста, в комнату, — приветливо пригласила женщина. — Он сейчас придет.

Алексей Иванович с трепетом вошел в такую знакомую ему столовую. Там стояли вещи, знакомые с детства. Стулья в коломьянковых чехлах, квадратный обеденный стол, диванчик с круглыми, похожими на сосиски валиками и четырьмя подушками. Казалось, что и запах в комнате не изменился с тех пор. Чуть-чуть пахло лавандой и чем-то вкусным, печеным. Над старым буфетом висел портрет матери.

«Не сняли», — одобрительно подумал Алексей Иванович, и вдруг волна грусти, нежности, чего-то невозвратно потерянного нахлынула на него. Сердце сжалось, он с болью ощутил, что никогда не вернется время его детства и молодости.

В столовую вошла женщина, открыла буфет.

«Новая жена, — подумал Алексей Иванович и пристально поглядел на нее. Сравнил с матерью. — Нет, мама была красивее». Женщина почувствовала этот взгляд. Алексей Иванович заметил, как порозовели ее щеки.

— Вам, наверное, скучно, — проговорила она. — Хотите альбом посмотреть, пока дожидаетесь? Не знаю, чего это Иван Никандрович задержался.

Она протянула ему альбом в красном бархатном переплете с массивными медными застежками. Их старый семейный альбом. Алексей Иванович медленно, с волнением принялся листать толстые картонные страницы. На него смотрели знакомые с детства коричневые фотографии, с витиеватой золоченой надписью внизу: «Фотография Эдельмана, Рига». Вот мама в смешном платье, с наколкой на голове, отец с застывшим лицом и выпученными глазами, в форме штурмана, а между ними мальчик в кружевном белом воротничке — это он, Алеша, а вот его фотография в море-

ходном мундире, который подарил ему отец, когда он поступил в училище... А это тоже он в хаки, в соломенном шлеме, босиком на палубе. Любительский снимок профессора Кларка. Алексей послал его отцу из Австралии...

Он услышал, как у дверей тихо переговариваются. Понял, что вернулся отец, отложил альбом в сторону. В комнату вошел Иван Никандрович. Боже, что с ним стало! Маленький, сгорбленный старичок в круглых очках. Он близоруко взглянул на Алексея Ивановича.

— Чем могу служить? — по-старомодному спросил он и вдруг закричал: — Алеша, ты?!

Алексей Иванович схватил отца в объятия. Он сжимал его худенькое тело, целовал седые, редкие волосы. Очки у отца свалились на пол, но их не подняли. У обоих по щекам текли слезы. Они никак не могли отпустить друг друга. Женщина испуганно глядела на них.

— Алеша, Алеша! Неужели ты? — повторял Иван Никандрович, наконец освободившись от объятий сына. — Я и надежду потерял. Ах, какое счастье! Вот, Оля, мой сын Алексей. Познакомься. А это, Алеша, — старик немного замялся, — жена моя, Ольга Владимировна. После твоего отъезда она всем для меня стала, Алеша.

— Здравствуйте, Алексей Иванович, — сказала женщина и протянула ему маленькую твердую ладонь. Она глядела на него ожидающе и требовательно. «Осуждаешь отца?» — говорил ее взгляд.

Алексей мягко улыбнулся, задержал ее руку и проговорил:

— Я рад, папа, что ты не был одиноким. Спасибо вам, Ольга Владимировна. Я, конечно, плохой сын...

— Что ты, что ты, — заволновался Иван Никандрович. — У каждого своя судьба. Оленька, давай отпразднуем приезд Алеши. Такая радость! Накрывай стол, бутылочку «смирновки», закуску получше. Деньги в пиджаке возьми. А мы поговорим.

Они уселись на диван. Алексей не отпускал руку отца.

— Как же ты тут жил без меня, папа? Ну что я? Плавал, скитался по странам и морям, сидел в тюрьме, защищал рабочих, женился на прекрасной женщине, у меня дочь. Так что ты дедушка. Обо всем это я потом расскажу. Сначала ты расскажи, как жил.

— По-прежнему, Алеша, работал в агентстве Доброфлота. Платили ничего. Потом — революция. Латвия стала самостоятельной. Самая махровая буржуазия пришла к власти. Границу закрыли. На русских начались гонения. Я не думал, что они такими националистами окажутся. Сразу с хороших мест всех русских изгнали. Государственным языком сделали латышский. Кто на нем не говорит, хоть пропадай. В общем, такой национализм развели — не вздохнуть. Рабочие и крестьяне, кто победнее, попали в кабалу, что и при царе-батюшке не снилась.

— Почему же ты не бросил все и не уехал в Россию?

— Не так все просто было, Алеша. Я к тому времени уже давно на Ольге женат был. У нее тут все родственники, старики еще живы, в деревне домишко. Не хотелось ее отрывать от всего родного. Да и нам тут рассказали, что в России голод, все вымирают, Советская власть продержится недолго, скоро ее задавят. Айсарги местные каждый день парады устраивали, все собирались с Советами, воевать, границы на восток продвигать. А теперь вот лязгают зубами — не вышло, так они всякие подлости устраивают.

— А как у тебя с работой?

— Ну, как тебе сказать, Леша? Много хуже, чем прежде. Агентства уж нет. Служу у частника. Есть тут такой судовладелец, два парохода имеет. Кое-как свожу концы с концами. И боюсь, как бы он меня не уволил. Захочет — возьмет другого. Его воля.

— Поедем со мной, папа. Если сразу не пустят, то погода немного. Визу тебе оформим, и приезжай. Работа будет надежная.

Иван Никандрович задумался, потом покачал головой:

— Нет, Алеша. Трудно все это. Во-первых, стар я новую жизнь начинать. Да и Ольга опять же... И хоть противно мне жить в этой поганой странишке, но уж дотяну до гроба как-нибудь.

— До гроба! Зачем ты так? Проживешь еще долго. Поедем. Ольгу Владимировну уговорим.

— Не поеду, Алеша, — твердо сказал Иван Никандрович. — Нереально. Ну, один бы был, другое дело. А так... Сложно. А главное — жить мало осталось. Не будем про это.

Алексей Иванович понял — отца не уговорить.

— Мне так хотелось, чтобы ты со мной вместе по-
жил, папа. Подумай сам. Семья, внучка, все родное.

— Ты пойми, Алеша, слишком много она для меня
сделала. Не могу ее бросить, а Ольга не поедет.

Пришла Ольга Владимировна. Разговор прекра-
тился. Накрыли стол. Иван Никандрович поднял рюм-
ку за встречу с сыном, выпил вторую. Глаза у него за-
блестели. Он потребовал, чтобы Алексей подробно рас-
сказал им о своей жизни. Так и просидели они весь
вечер, слушая удивительные истории Алексея Ивано-
вича. Он ушел поздно, обещал прийти завтра.

— Ты приходи пораньше, Алеша, — попросил ста-
рик. — Я скажу хозяину, чтобы освободил меня на один
день, в счет праздников. Хорошо?

— Хорошо, папа.

Он вышел на улицу. Центр шумел, несмотря на позд-
ний час. Ему встречались хорошо одетые люди, мимо
катились извозчики, автомобили. Они останавливались
у ночных ресторанов и кабаре. Толстые господа с сига-
рами в зубах, в котелках и смокингах, декольтирован-
ные дамы в дорогих мехах, громко смеясь, исчезали за
дверями с зеркальными стеклами, которые, подобо-
страстно кланяясь, открывали для них бородатые швей-
цары. Говорили по-латышски. Изредка слышалась не-
мецкая и английская речь. В темноте на бульварных
скамейках, в ожидании клиентов, сидели накрашенные
притутки.

Когда Алексей Иванович вернулся в гостиницу, уже
светало. Он не мог спать. Думал. Рига кишит всякими
человеческими подонками, шпиками, разведчиками всех
мастей и наций. Знаем, имеем сведения. И все против
нас козни строят. Никак не могут успокоиться. Спросил
сегодня у одного прохожего по-русски, как пройти к го-
стинице «Рим», так он морду отвернул, прохвост. А ведь
все по-русски говорят и понимают.

Алексей Иванович улегся в мягкую постель. Из го-
ловы не выходили старенький Иван Никандрович, Оль-
га Владимировна, его слова: «Недолго жить осталось».
Вот уедет он — когда они еще встретятся и встре-
тятся ли? Опять вспомнились мать, детство, дом на Ма-
рининской, все пережитое в этом городе, ставшем для
него совсем чужим.

Весь следующий день Алексей Иванович провел с отцом и Ольгой Владимировной. Они гуляли по улицам, сидели в парках, любовались старой Ригой. Алексей попросил свести его в порт, но Иван Никандрович сказал, что туда не пускают, надо брать специальный пропуск. На городе лежал какой-то своеобразный отпечаток.

— Понимаешь, — говорил шепотом, оглядываясь, Иван Никандрович, — из кожи лезут вон, чтобы походить на западные страны. Во всем. В политике, в быту, во внешности. Немцы и англичане — кумиры. Перед ними открыты все двери. К Советской России бешеная ненависть. Не понимаю почему. Ведь свободу и независимость из ее рук получили.

— Определенные круги так относятся, папа...

— Конечно. Я имею в виду тех, кто стоит у власти и около нее. Рабочим живется не ахти как.

Ольга Владимировна говорила мало, больше слушала и с какой-то опаской поглядывала на Алексея. Он решил, что она боится, чтобы он не увез отца с собой. Походив по городу несколько часов, они устали, и Алексей пригласил Ивана Никандровича и Ольгу Владимировну отобедать с ним в одном из рижских ресторанов. Она застеснялась, начала отказываться, ссылаясь на то, что не одета для такого случая, но в конце концов ее уговорили.

Они вкусно поели в небольшом ресторанчике на Мельничной. Иван Никандрович выпил, оживился, много смеялся, вспоминал прошлое. Жена укоризненно на него поглядывала, отодвигала рюмку, когда он наливал себе еще.

— Разреши, Олюшка. День-то сегодня какой!

— Тебе же вредно, Ваня, ты же знаешь...

Алексеев понравилась такая забота об отце. По всему было видно, что они живут дружно.

— Помнишь, Леша, как мы с тобой в первый раз в ресторан ходили, когда ты в училище поступил? — вспоминал Иван Никандрович. — Хорошее время было, правда?

— Все помню, папа. Другой раз в море всю свою жизнь перебираешь. Всякие мелочи вспоминаются.

Иван Никандрович расспрашивал Алексея о Москве, о Петрограде, о Ленине. Его все интересовало.

— Тут нам газеты все врут, Алеша. Ни слова правды не узнаешь.

После обеда они отправились в кино. Смотрели какую-то веселую комедию с участием Гарольда Ллойда. Ллойд зацеплялся за крюк крана и барахтался в воздухе, то проваливался со своей возлюбленной в канаву, то ехал задом наперед на автомобиле. Все было примитивно, но очень смешно.

Чай пили на Марининской. Иван Никандрович заметно погрустнел, стал молчаливее.

— Значит, расстаемся, Алеша, — вздохнул он, когда Алексей начал прощаться. — Когда поедз?

— В восемь вечера.

— Мы придем тебя проводить. Хорошо?

— Буду рад, папа. Ну, до завтра.

...Прощание на вокзале было печальным. На перроне стояли молча, все слова уже сказали, и хотелось, чтобы поезд скорее тронулся. Только когда раздался сигнал к отправлению, Иван Никандрович припал к груди Алексея и зашептал:

— Алеша, родной, увидимся ли? Неужели в последний раз?

Алексей гладил отца по костлявой спине, комок подступал к горлу, он еле сдерживал слезы. Чувствовал, что прощаются они навсегда.

— Приедешь к нам, папа, вместе с Ольгой Владимировной. Я вас вызову. Увидимся. Не надо думать о плохом. Еще с внучкой погуляешь, — утешал он отца, а сам не верил тому, что говорил.

Засвистел кондуктор. Поезд тронулся. В вагонное окно Алексей увидел торопливо семенившего вдоль перрона Ивана Никандровича и его платок с красной каемкой. Эстакада кончилась. Вагоны застучали громче. Проехали стрелочника с зеленым флажком в руке. Рига осталась позади.

21

В июле случилось непоправимое. Погиб Артем. Неожиданно и нелепо. Весть эта ошеломила Алексея Ивановича. Они виделись несколько дней назад. Артем был здоров, весел. Погиб... Ехал из Щекина в Москву,

в аэровагоне, с гостями-иностранцами, вместе с изобретателем... Вагон сошел с рельсов.

Алексей Иванович стоял упершись лбом в оконное стекло, глядел на залитую солнцем улицу, и слезы текли из глаз. Он даже не старался унять их. Какая несправедливость! Судьба столько раз щадила Федора, уберегала от пуль, от белогвардейских шашек... Погиб... Именно сейчас, когда он был в расцвете сил... Почему такая несправедливость? В бесконечных боях с врагами революции оставался жив, а тут... Какая нелепость!

Нет, разум не принимал смерти друга. Алексей Иванович не мог представить себе, что больше никогда не услышит его голоса. Всего три дня назад он разговаривал с Артемом, быстрым, энергичным, слышал его любимое словечко: «Минуточку!» Федор всегда произносил его, когда собеседник отвлекался в сторону, уходил от главной темы. Не любил Артем длинных бесполезных разговоров. «Минуточку!» Он мягко прерывал собеседника и сразу же начинал говорить по существу.

Память услужливо раскручивала перед Алексеем Ивановичем ленту пережитого. Вот Артем соревнуется с Большим Диком, мелькают наполненные землей лопаты, перекачиваются мускулы под вспотевшей кожей, озорно блестят черные глаза, а кругом стоят австралийцы и кричат: «Том! Том, вперед!»... Вот они выпускают первый номер газеты «Эхо Австралии»... Первый номер! Какая это была радость!.. Артем стоит на ящике и произносит горячую речь на площади Брисбена, его слушают сотни людей... Вот он танцует на его свадьбе в маленьком домике на Элизабет-роуд...

Каждая мелочь вспоминалась ярко и отчетливо, и от этого становилось еще больнее, еще горше. Не может умереть Артем! Ошибка! Сейчас прибежит кто-нибудь и скажет: «Федор Андреевич жив! Он только ранен...» — и тогда он, Алексей Иванович, бросит все дела и помчится в больницу, чтобы поддержать, ободрить друга. Он должен обязательно поправиться. У него железное здоровье. Он будет жить.

Но никто не приходил. На столе лежала газета, а в ней мало похожий портрет Артема в черной траурной рамке. Чибисов все стоял и стоял у окна, сжимая большие руки в кулаки. Потом он как-то обмяк, опустил

плечи, сел за стол, привычно взял в руки перо, но ничего не написал, застыл так, вперив невидящий взгляд в стену. Зазвонил телефон. Алексей Иванович с трудом поднял трубку. Она казалась пудовой. Звонил Кирзнер:

— Знаешь, Алеша?

— Знаю.

— Мужайся. Скоро я освобожусь. Поедем вместе. Надо поддержать Лизу.

— Хорошо, — ответил Алексей Иванович тусклым голосом, — поедем.

Кирзнер замолк, а Алексей Иванович снова стал думать об Артеме. Да, Федор был настоящим мужчиной, смелым, решительным и не любил оглядываться назад. Трезвый ум... Надежный друг... Нет, больше — учитель. Теперь уж никогда... Все обратимо, кроме смерти. Алексей Иванович тяжело вздохнул. Надо было готовиться к встрече с Лизой. Но что он ей скажет?..

Шли месяцы, а Алексей Иванович все еще работал в иностранном отделе ЧК. Кирзнер молчал, Алексей тоже. «Если не посылает, значит, не пришло время», — думал он.

Но все-таки Алексей Иванович дождался своего. Как-то его вызвал Кирзнер:

— Ну что же, Алеша, жалко мне тебя отпускать, но надо держать слово. Государственному Балтийскому пароходству, которое только что создали, нужны опытные моряки. Поезжай в Петроград, явишься к председателю правления Васильеву. Мы уже с ним списались. Все устроено. Сразу же пойдешь на пароход. Доволен?

— Доволен ли? Счастлив. Спасибо за заботы, Бруно Федорович.

— А как с семьей?

— Пока не устроюсь, оставлю их в Москве под вашей опекой. Хорошо?

— Ладно. Пожалуй, правильно. Уедешь — не забывай. Москва недалеко. Соскучишься — и приехать можно. Николаю привет передавай. Наверное, увидишь его. До свидания, Алеша. Ну, а понадобится — не взыщи, потребуем обратно. Да не бойся, не бойся. Пошутил я.

Бруно Федорович обнял Алексея, похлопал по спине:

— Ну иди, Алеша, сдавай дела Вартаняну. Он уже знает. Да, чаю хорошего привези Марусе, не забудь. Она ведь ждет.

На пороге комнаты Бруно Федорович остановил Алексея:

— Алеша, постой-ка минуту. Говорили, говорили, а о главном забыли. Ведь в Англии тебе показываться нельзя после того, что ты тут нам рассказывал. Как же плавать?

— А пустяки, Бруно Федорович,— отмахнулся Алексей. — Когда это было? Два года назад? В Австралии. Фамилии моей настоящей никто не знал. Так что, помоему, безопасно. Советский штурман и какой-то Лонг? Безопасно.

— Не думаю, чтобы совсем безопасно. Работают они неплохо,— покачал головой Кирзнер. — Ты все-таки будь поосторожнее. На берег в Англии, если попадешь туда, не выходи. Мой тебе совет.

— Хорошо.

— Ну, давай. Смотри, чтобы все было в порядке. Еще раз говорю: на берег не сходи. За твоей семьей я пригляжу.

Натужно дышала старая истрепанная машина. Пароход выбрасывал из тонкой трубы густые облака дыма, а когда кочегары чистили топки, сажа черным снегом оседала на палубе, мачте, надстройках. Не успеешь вымыть судно, снова надо мыть. Он был стар, этот пароход, вытасченный из ржавого хлама, его давно следовало сдать на лом, но судов не хватало, и люди вдохнули в него жизнь. Вычистили, выкрасили, отремонтировали. Теперь он шел в бельгийский порт Гент за стальными листами и трубами. Ход был невелик, береговые маяки долго торчали за кормой, и от этого казалось, что пароход совсем не двигается. Но все же он делал по восьми узлов, честно трудился, поедая положенные ему мили. Алексей Иванович спустился с главного мостика, зашел в рубку, поставил на карте точку. Здесь находилось судно.

По приезде в Петроград его назначили старшим помощником капитана. Алексей не задал никаких вопросов. Какое судно, куда идет? Он получил место штурмана на пароходе, и этого было для него достаточно. Когда он увидел «старика», ошвартованного к стенке

Торгового порта, тот даже понравился ему. Маленький, компактный,— судя по обводам корпуса, хороший мореход. А тонкая черная труба с красной полоской наверху даже придавала ему некоторую элегантность. Капитан тоже понравился. Такой же старый, как и судно, которым он командовал. Эстонец, он напоминал Алексею капитана Казрагса с буксирчика «Эклипс». Но этот говорил еще меньше. На все вопросы миролюбиво отвечал:

— Это правда есть, — и пыхтел трубкой.

Капитан прекрасно ориентировался в море, с детства плавал на «лайбах» в этих районах, и ему достаточно было взглянуть на полоску берега, как он безошибочно узнавал место своего парохода.

Алексей Иванович поселился в крошечной каюте. Он с удовольствием занимался навигацией, астрономией, неохотно уходил с мостика, окончив свою вахту. Как человек, долго испытывавший жажду, пьет воду стакан за стаканом, так и он не мог утолить своего желания подольше побыть наедине с морем. Он чувствовал себя надежно, уверенно, все ему было знакомым, и старенький пароход сразу стал для него родным домом. Когда судно стояло у берега, Алексей Иванович никогда не пропускал времени подъема флага. К восьми часам он выходил на палубу и наблюдал, как ползет по флагштоку красное полотнище с серпом и молотом в верхнем углу. Он все еще не мог к этому привыкнуть и каждый раз радовался, присутствуя при церемонии. Серп и молот! Под этой эмблемой ему еще не приходилось плавать.

В общем, жизнь налаживалась именно так, как хотелось Алексею Ивановичу. Он уже подумывал о переезде семьи в Петроград. Жить им стало полегче. За границей он покупал кое-какие продукты, посылал их в Москву Айне. Ходили они обычно в Швецию и Германию, вот сейчас идут в Бельгию.

В Генте пароход стоял несколько дней. Грузили не торопясь, в одну смену. Полного груза не набиралось. Капитан пошел к агенту, и тот сообщил, что имеет указания пароходства направить судно догружаться в Лондон.

— Лондон идем, — сказал капитан, возвратясь на пароход. — Не тратьте здесь деньги. Там шерсть тешевая.

Так и вышли они в рейс вполгруза. Лондон встретил их необычайно хорошей погодой: теплом, голубым небом, солнцем. Все время, пока судно шло по желтой Темзе, Алексей Иванович не сходил с палубы. Смотрел на стоящие по берегам баржи, идущие навстречу пароходы, Вестминстерское аббатство. Он вспомнил свою молодость, жизнь в «Чарли Брауне», экзамен в Торговой палате. Пароход убавил ход и скоро ошвартовался недалеко от моста Лондон-бридж.

Погрузку начали с утра. Грузили трубы. Алексей Иванович следил за укладкой, перебрасывался шутками с грузчиками. Те удивлялись, откуда этот русский так хорошо знает английский.

Смену закончили как обычно в пять вечера. Грузчики ушли.

— Ну что же, Франц Густавович, завтра, наверное, уйдем, — сказал Алексей Иванович капитану. — Немного осталось. К полудню все будет готово.

— Это правда есть, чиф. Осталось мало. Домой пора. Старушка сащдалась.

— Через недельку будем дома, Франц Густавович, — заверил Алексей. — Будем.

Но он ошибся. Дома Алексею быть не пришлось...

22

— В «Иммигрейшн оффис», наблюдающем за всеми лицами, въезжающими в Англию, круглоголовый человек с отвисшими щеками, в толстых очках, внимательно слушал молодого служащего отделения.

— Прибыл немецкий пароход «Кайзер Вильгельм».... Капитан Герберт Шульц...

— Что-нибудь новое?

— Нет, сэр. Команда прежняя.

— Дальше.

— Советский пароход... Капитан Эгли. В первый раз.

— Давайте судовую роль, Патрик.

Молодой человек протянул ему список команды.

— Кто из инспекторов принимал судно?

— Инспектор Ричардсон, сэр.

Начальник углубился в чтение судовой роли. Вдруг глаза его блеснули, он принялся барабанить пальцами по столу.

— Чибисов, Чибисов, — забормотал он. — Что-то было связано с этой фамилией. Даже четвертый отдел шумел... Не помните, Патрик?

— Нет, сэр.

— Достаньте нашу картотеку, Патрик.

— Одну минуту, сэр.

Молодой человек вернулся, неся в руках длинный деревянный ящик, наполненный карточками. Он поставил его перед начальником.

— Ну-с, так. Посмотрим, какова память у старого Селфриджа. Может быть, я ошибаюсь, Патрик?

— Сомневаюсь, сэр, — льстиво улыбнулся молодой человек. — Память у вас поразительная.

— В нашем деле память чрезвычайно важный элемент, — самодовольно сказал Селфридж и принялся медленно перебирать карточки, что-то напевая себе под нос. — Так, так, так... Вот, смотрите, Чибисов Алексей, моряк, русский, эмигрант, сдавал экзамены на второго помощника в Торговой палате. На пароходе «Президент Хейс» в должности подшкипера ушел в Соединенные Штаты... Дальше... Э, да тут стоит индекс «А-4-1012». Что это значит? То, что при появлении Чибисова в Англии надо немедленно сообщить в четвертый отдел «Интеллидженс сервис». Сообщим.

Селфридж по внутреннему телефону соединился с четвертым отделом.

— Говорит Селфридж из «Иммигрейшн». Чибисов Алексей, за индексом «А-4-1012», в Лондоне. Прибыл на советском пароходе старшим помощником капитана. Хорошо, Волт. — Он повесил трубку. — Ну вот, теперь мы можем спать спокойно. Им займется четвертый отдел. Мы свое дело сделали. Идите, Патрик, и тренируйте свою память.

Зато в четвертом отделе о сне не помышляли. Там лихорадочно листали какие-то книги, просматривали картотеки, звонили телефоны. Начальник разведывательного отдела сосредоточенно думал. Сопоставлял факты, полученную информацию. Года два назад агент из Константинополя сообщил, что инженер Бернс и его жена расстреляны турецкими партизанами, а их документы якобы переданы бежавшему из турецкой тюрьмы, осужденному в Австралии на десять лет каторги социалисту Лонгу... «Якобы» — это еще не факт, но

возможно. Бернсы-Палмеры — люди четвертого отдела, посланные в Турцию с особым заданием.

Еще через некоторое время из Одессы от английской миссии поступили запрос и сообщение. В городе появился некто Генри Палмер с женой Вирджинией, с подлинными, как подчеркивалось, паспортами и другими документами. Один из офицеров признал в англичанине опасного большевика Алексея Чибисова. Задержать его не удалось. Палмеры скрылись. Можно предполагать, что Палмер, Лонг и Чибисов одно и то же лицо. А если так, он причастен к гибели настоящих Палмеров. Кроме того, Лонгу по решению австралийского суда запрещено появляться на территории Соединенного Королевства. Есть все основания для его ареста. Недурной материал, чтобы скомпрометировать советского гражданина. Вот, мол, смотрите, каковы они, кровавые большевики! Об этом будут писать все газеты. И советский человек в английской тюрьме — тоже неплохо.

Начальник четвертого отдела от удовольствия потерял руки. Награда ему обеспечена. Слава богу, в Англии есть много заинтересованных лиц в таком событии... Он вызвал одного из своих сотрудников:

— Арестуйте Алексея Чибисова, старшего офицера с советского парохода. Он стоит у Лондон-бридж. Что? Конечно, не на судне. Только на берегу. Ну, подождите, когда он сойдет. Найдите причину, чтобы он сошел на землю.

— А если он все-таки не сойдет, сэр?

— Ни в коем случае не арестовывать на судне! — рассердился начальник четвертого отдела. — Это советская территория. Поняли наконец? Действуйте, действуйте, Стаплей. Задаете очень много вопросов.

Начальник четвертого отдела откинулся в кресле. Ну, посмотрим, как развернется Стаплей. Он не очень умен, но исполнитель...

28

Смертный приговор! Это было страшным. Вот уже три недели Алексей Иванович сидел в одной из камер Лондонской тюрьмы и читал надписи на стенах: «Прощай, Мэри! Я любил тебя одну», «Грэхем — сволочь. Рассчитайтесь за меня», «Умираю, но невиновен! Будьте

вы прокляты!»... Надписи наводили тоску. Камера смертников. Отсюда люди уходили из жизни навсегда. Ни один звук не долетал в этот бетонный мешок. На галерее стояла напряженная тишина. Иногда раздавались дикие, душераздирающие крики. Осужденный упирался, не хотел выходить из камеры. Его тащили силой. Три раза в день у двери гремели ключами, и надзиратель ставил перед Алексеем Ивановичем миску с маисовой кашей, кусок хлеба, кружку жидкого чая... Смертная казнь! После всего, что он пережил, благополучно избежав столько опасностей... Ведь ему казалось, что бояться больше нечего, жизнь налаживается. Нет, все выглядело невероятным, чудовищно нереальным. Алексей никак не мог осознать того, что с ним произошло, и простить свое легкомыслие. Убаюканный тихой жизнью в Москве, он совсем забыл о прошлом. Забыл? Да нет, не забыл, а, как непослушный мальчишка, пренебрег советами Кирзнера, своим собственным опытом. Оказывается, он плохо знал англичан, их железную систему наблюдения. А был обязан знать. Его приключения в Одессе должны были насторожить «Интеллидженс сервис».

Алексей Иванович в бессилии сжимал кулаки. Так попасться! Кирзнер говорил ему: «Алеша, не сходи на берег...» Да он и не сошел бы на английскую землю, если не этот случай. Выманили, как самого желторотого новичка. Ему и в голову сначала не пришло, что все подстроено...

Погрузку, как обычно, начали в восемь утра. Пришли грузчики. Ничего не предвещало последующих событий. Около одиннадцати у борта появился портовый надзиратель и закричал:

— Попрошу, чиф, офицера сюда!

Алексей Иванович находился на палубе. Он перегнулся через фальшборт, спросил:

— Что случилось?

Вид у надзирателя был рассерженный. Он грозил кулаком.

— Идите, идите сюда, чиф. Посмотрите, что делают ваши кочегары. Сыпят шлак прямо за борт. О, мы вас оштрафуем на кругленькую сумму. Такое безобразие! Вы только посмотрите.

Алексей Иванович сбегал по трапу к корме, откуда свешивался мусорный рукав. Через него кочегары после

чистки топок сбрасывали шлак в море. У рукава людей не было.

— Я не вижу, чтобы кто-нибудь сбрасывал шлак,— сердито сказал Алексей Иванович.— Команда знает портовые правила.

— Нет, они сбрасывают,— упрямо повторил портнадзиратель и оглянулся.— Спрятались.

— Бросьте выдумывать,— миролюбиво сказал Алексей Иванович.— Лучше пойдем на судно, дернете там стаканчик виски. Ну?

Алексей Иванович не успел повернуться к трапу. Из-за штабеля мешков вышли двое в мягких шляпах.

— Не спорь с ним, Барт. Мы сами видели, как с парохода выбрасывали шлак. Оштрафуй-ка их как следует.

— Ну что? — торжествующе поглядел на старпома портнадзиратель.— Пойдемте в склад, там составим акт. Вы будете свидетелями, джентльмены.

— Никуда я не пойду и никаких актов подписывать не собираюсь. Глупость какая-то!

— Ну это мы еще посмотрим. Идемте в склад.

Двое встали по бокам, угрожающе глядя на штурмана. Матрос с парохода перевесился через релинги. На берегу явно назревал скандал.

— Скажи капитану, пусть придет в склад. Срочно. Здесь недоразумение,— крикнул ему Алексей Иванович, начиная подозревать что-то недоброе.

Склад находился всего в нескольких десятках метров от причала. Надо было только пересечь железнодорожные пути. В полутемной конторке один из англичан спросил:

— Вы Алексей Чибисов?

И Алексей Иванович понял все. В одну секунду в памяти пронесся суд в Брисбене, приговор: «...под страхом смертной казни на берег не сходить» и слова Кирзнера: «Будь осторожен».

А потом все было просто. Пришел капитан, и ему сказали, что его старший помощник арестован английскими властями, показали какие-то бумаги. Старик выпучил глаза, трахнул по столу кулаком и заорал:

— Я протестую! Я ничего не знаю. Пусть придет кто-нибудь из наших представителей в Англии. Идем на судно, Алексей Иванович.

Но возвратиться на пароход Алексею Ивановичу не дали. Его посадили в машину и повезли в тюрьму. Дальше события развивались с невероятной быстротой.

На первом же допросе Алексей Иванович понял, чего хотят в «Интеллидженс сервис». Следователь недвусмысленно просил его признаться в том, что он участвовал в убийстве Палмеров, будучи турецким партизаном, присвоил их документы и теперь прибыл в Англию по заданию Коминтерна.

Все попытки заставить его подписать вымышленные протоколы допросов остались безрезультатными. Алексей Иванович твердо стоял на своем. Его допрашивали ежедневно, подолгу. Один следователь уходил, ему на смену являлся другой. Алексея увозили в тюрьму в полном изнеможении.

...Суд. Приговор.

— Под тяжестью имеющихся в распоряжении суда улик...— судья монотонно принялся перечислять все нелицеприятности, которые значились в обвинительном заключении,—...приговаривается к смертной казни.

Алексей Иванович вздрогнул. Что сказал судья? Он не ослышался? К смертной казни? Бледность разлилась по его лицу. Все было неожиданным и страшным. Алексей вскочил, закричал:

— Протестую! Так нельзя вести процесс. Нет ни свидетелей, ни настоящих улик.

Алексей не верил, что суд закончился. Он все еще надеялся — будет как в Брисбене, сейчас встанет судья и скажет, что смертная казнь заменяется высылкой в Россию. Но скоро он убедился, что англичане не шутят. Его перевели в камеру смертников. Советские представители не появлялись. Сумел ли капитан Эгли сообщить о его аресте? Конечно, он сделал это немедленно. Так почему же к нему никто не приходит? Алексей был уверен, что на произвол судьбы его не бросят. Теперь он не одинокий, никому не известный Лонг Алек. Он гражданин Советской Республики.

Но приговор могут привести в исполнение каждую минуту. Надо во что бы то ни стало выиграть время, пока товарищи сумеют добиться отмены решения суда. То, что они будут пытаться это сделать, он не сомневался. Он настойчиво застучал в дверь. Карандаш и бумагу! Алексей напишет кассацию. Он долго, обстоятельно, запутанно сочинял кассационное прошение.

Пусть повозятся, может быть, заставят переписать. Время, время — вот что сейчас дороже всего. Послав кассацию, он немного успокоился. Не могут его расстрелять. Он не совершал ничего против правительства Англии, не использовал документы Палмера во вред этой стране, он даже не выходил в город, будучи в Лондоне...

Ему казались эти рассуждения логичными. Но Алексей не знал, что огонь, который зажгли вокруг его имени, раздувается главным образом не в суде, а значительно выше. Он не знал, что очень влиятельные лица заинтересованы в том, чтобы на его «деле» опорочить всех советских людей, появляющихся в Англии, создать общественное мнение, озлобить народ против молодой Советской Республики.

Иногда по ночам надежда сменялась отчаянием. Так глупо потерять жизни! И в этом никто не виноват, кроме него самого. Мучили полная изоляция, отсутствие каких-нибудь вестей извне. Что делается на воле?

Пошла четвертая неделя пребывания Алексея Ивановича в тюрьме после приговора. Потянулись томительные дни ожидания. Его никуда не вызывали, ответ на кассацию не приходил. Мало-помалу Алексеем стала овладевать апатия. Скорее уж приходил бы какой-нибудь конец. Об Айне и дочери он не беспокоился. Они среди верных друзей, и, что бы с ним ни случилось, у них всегда найдется поддержка. Он не знал, что и думать. Почему медлят англичане? Значит, что-то их задерживает. Что? Возможно, возбудили ходатайство о пересмотре дела.

Целыми часами он валялся на койке — смертникам это разрешалось, — лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, думал о прожитом. Вспоминались отдельные случаи, люди, с которыми он встречался, его собственные поступки. Он ни о чем не жалел. Благодарил судьбу за то, что она послала ему настоящую любовь, за бурную интересную жизнь, за то, что много видел, имел настоящих друзей и приносил пользу людям. Приносил ли? В нем всегда жил борец. Он не мог видеть несправедливости, а когда видел ее, всегда вставал на защиту обиженных.

Надежды на освобождение приходили все реже. Он привык к однообразию дней, и только когда звенели ключи у дверей его камеры, страх заползал в сердце.

Может быть, пришли его последние минуты? Он старался заглушить в себе такие мысли. Чаще всего Алексей казнил себя за то, что так глупо попался. Если бы он был на пароходе, англичане не посмели его арестовать.

Сначала по утрам Алексей Иванович делал гимнастику, тщательно убирал камеру, старался занять себя хоть чем-нибудь, но постепенно все бросил. Ничего не хотелось. Он прекратил все эти занятия и только думал. Даже старый и добрый тюремный надзиратель Гопкинс как-то сделал ему замечание:

— Почему ты не убираешь камеру уже несколько дней, Чибисов? Нарушаешь порядок. Нехорошо.

К смертникам Гопкинс относился мягко, видел их страдания, считал, что скоро встретится с ними на небесах и они там перед богом вспомнят его хорошее отношение. Он был свидетелем отчаяния, слез, рыданий, истерик. Спокойствие русского вызывало у него уважение.

— А кому принадлежит эта тюрьма, Гопкинс? — спросил Алексей.

— Как кому? Его величеству королю Англии.

— Так вот он пусть и убирает. Я ведь гость, а он хозяин.

— Поосторожнее, Чибисов. Ты, кажется, оскорбляешь особу короля? За такие слова тебя можно наказать.

— Разве меня можно наказать больше? — горько усмехнулся Алексей. — Мне сейчас все равно.

— Хочешь, я пришлю тебе священника? Он облегчит твою душу. Ты озлоблен, Чибисов. У нас очень хороший священник.

— Не надо. Он мне не поможет. Писали что-нибудь про меня газеты?

— Как же! Несколько дней. Там писалось, что ты опасный человек, Чибисов, убил двух англичан в Турции и теперь приехал в Англию со страшным заданием этого... ну, как его?

— Коминтерна?

— Вот, вот. Хорошо, что тебя удалось поймать, а то бы тут натворил делов. За что же ты убил невинных людей?

— Все это вранье, Гопкинс. Никого я не убивал. Я простой моряк.

— Все преступники так говорят. Ну, хватит болтать. Думай о боге.

Дверь закрывалась, Гопкинс звенел ключами, и снова на многие часы наступала гнетущая тишина.

Дни, ночи, недели одиночного заключения в камере смертников. Алексей Иванович даже потерял ощущение опасности, казалось, что так будет длиться вечно, с ним ничего не случится. Но однажды в камеру пришел человек в штатском, за ним маячил Гопкинс с большим узлом в руках. У Алексея Ивановича упало сердце. Конец! Пришли за ним. Он стоял вытянув руки по швам, ждал, что скажут, горло перехватил спазм.

— Одевайтесь, — сказал человек в штатском.

— Куда? — выдохнул Алексей Иванович.

Полицейский не ответил. Гопкинс протянул Алексею узел. В нем был завернут его костюм, в котором его арестовали. И тут резанула ясная, как солнечный луч, мысль: «На смертную казнь не переодевают. Значит, куда-нибудь в другое место. На допрос по кассации или на свободу? Нет, нет, не надо успокаивать себя невозможными предположениями. Разочарование будет слишком тяжелым». Но все-таки, несмотря на эти мысли, он думал: «А может быть, может быть...» Алексей быстро переоделся.

— Я готов.

— Пошли.

— Прощай, Чибисов, — сказал Гопкинс.

По металлическим галереям, затянутым проволоочной сеткой, они спустились вниз, в первый этаж. Мрачный часовой распахнул двери на улицу. Их ждал открытый автомобиль.

— Садитесь, — приказал полицейский и, пропустив Алексея вперед, сел рядом. — Поехали.

Машина тронулась и покатилась по асфальтированной дороге.

Промелькнули заборы, закопченные дома из красного кирпича, фабричные трубы. Машина въехала в город. Алексей Иванович сидел молча, с волнением наблюдая за окружающим. Он так долго был лишен всего этого. Куда же его везут? Судя по тому, как изменились улицы, куда-то подальше от центра. Центр Лондона они проехали. Вот и район Олдгейт. Нет сомнения, они едут в порт. В порт!

Автомобиль свернул на Вест-Индия-Док-роуд и через некоторое время въехал в хорошо знакомый Алексею Ивановичу Сэрри-док. Сердце забилося сильнее, когда он увидел у причала пароход с черной трубой и красной полоской наверху. Советское судно! Значит...

На палубе собралась вся команда. У трапа стоял незнакомый Алексею человек в сером костюме с непокрытой головой. Ветер трепал темные волосы. Он приветливо улыбался. Алексей не знал, что ему делать, и в нерешительности топтался у автомобиля.

— Поднимайтесь на судно, — приказал полицейский и пошел на пароход вслед за Алексеем Ивановичем.

Они взойшли на палубу. Человек в сером костюме нахмурился, взглянул на полицейского и по-английски сказал:

— Получите сопроводительные документы на наших пассажиров. — Он расстегнул портфель, протянул ему пачку паспортов. — Все в порядке. Боцман, приведите англичан.

Через минуту на палубе показались пять здоровых молодых парней в обтрепанной английской пехотной форме.

— Сходите на берег. Те, кого буду вызывать, — приказал полицейский и, листая паспорта, начал: — Костон?

— Я!

— Полезай в машину.

— Холл, Шредер, Девидсон, Берман.

Когда все англичане покинули судно, полицейский поклонился русскому в сером костюме:

— Все в порядке, мистер Лавров. Хочу напомнить. Штурману Чибисову, как и прежде, сход на земли Соединенного Королевства запрещен. На каком бы пароходе и в какой бы должности он ни прибыл. Иначе это повлечет за собою неприятности, большой штраф. На советских судах он может находиться, но на берег не сходить. В общем, вы понимаете... До свидания.

Лавров кивнул полицейскому. Как только автомобиль отъехал от борта, к Алексею Ивановичу бросились моряки. Они обнимали его, жали руки, кричали «ура». Лавров подошел к Алексею Ивановичу:

— Рад приветствовать вас на советской территории. Лавров Николай Николаевич — представитель наркоминдела. Ну и хлопот вы нам доставили, Алексей Иванович, не приведи господа! Запросы, ходатайства, пере-

говоры. Хитры, сволочи. Как только они вас схватили, сразу сообщили нам. Ваш агент, мол, у нас в руках, расстреляем, или давайте меняться. Мы вам Чибисова, а вы нам пять человек военнопленных, интервентов. Нам как снег на голову. Какой агент? Мы ничего не знаем. Пока разобрались. Все хорошо, что хорошо кончается. Впредь будьте осторожны. Слышали, что сказал этот тип? Они будут ловить вас.

— Нет, уж теперь не поймают. Спасибо вам за все.

— Да разве мне спасибо? — улыбнулся Лавров. — Государству нашему спасибо.

— А что с моей семьей?

— Ой, простите меня, пожалуйста. Сразу должен был сказать. У них все хорошо. Никто не говорил вашей жене о той опасности, которой вы подвергались. Сказали, что делом занимается Наркоминдел и скоро вы будете освобождены.

— Ну, отлегло от сердца.

— Теперь обедать. Надоел вам, наверное, тюремный стол? Потом отдыхайте. Погрузку закончат, и двинемся к своим берегам. Место для вас приготовлено.

А рано утром следующего дня пароход, в каюте которого сладко спал Алексей Иванович Чибисов, снялся на Петроград.

24

Прошло десять лет с момента описываемых событий. Уже давно Алексей Иванович Чибисов командовал пассажирским теплоходом, стоящим на линии Ленинград — Лондон. Бывая каждый месяц в Англии, он по-прежнему не сходил на берег, вызывая удивление англичан, с которыми капитану приходилось иметь дело. Правда, несколько месяцев назад на борт теплохода явился чиновник английского суда и объявил, что советский капитан Чибисов попал под высочайшую амнистию и теперь ему волею короля разрешено сходить на английскую землю.

Алексей Иванович просил передать благодарность его величеству и заодно сказать, что на берег он сойдет только после того, как в Англии установится Советская власть. Растерянный чиновник ушел, а Алексей Иванович так и не выходил с судна в портах Англии. Он не очень сожалел об этом. На обратном пути из Лондона

в Ленинград теплоход заходил в Гавр, а потом в Гамбург. Вот и сейчас он стоял в Гамбурге.

Алексей Иванович, перекинув плащ через плечо, сняв шляпу, медленно брел от Шваневика, где помещалось советское консульство, к озеру Альстер. В последнее время он не любил бывать в этом огромном немецком порту. Здесь дышалось трудно. Недавно к власти пришли национал-социалисты. Горожане опасливо жалась к стенам домов, говорили шепотом, прятались в парадных, когда по улицам проходили отряды орущих песни штурмовиков. Они вмешивались во все дела, держались хозяевами города.

Грузчики, не один год работавшие на советских судах, только покачивали головами. Они совсем перестали разговаривать с моряками. Боялись. Приятель Алексея Ивановича, грузчик, коммунист Грече, боязливо оглядываясь вокруг, в один из последних рейсов в Гамбург сказал ему:

— Скоро придет наш конец. Надо уходить в подполье. Они нам не дадут жизни.

Все ответственные места в порту заняли национал-социалисты. Добрые отношения сразу стали натянутыми, официальными.

«Нет, не тот стал Гамбург, не тог. Лучше стоять в Гавре или даже в Лондоне...» — думал капитан, шагая по гамбургским улицам.

Шел сентябрь, но было по-летнему тепло. Альстер, один из красивейших и богатейших районов Гамбурга, пестрел разноцветной листвой деревьев. Зеленые, оранжевые, красные листья делали их празднично нарядными. Особенно хороши были могучие клены, густые, в обхват толщиной.

Алексей Иванович дошел до озера и решил тут отдохнуть. Он много ходил сегодня пешком. По спокойной поверхности воды парами плавали белые лебеди. Из ресторанчика-поплавка доносилась музыка Штрауса. На скамейках, поднимая лица к солнцу, сидели благообразные старики с кайзеровскими усами, старушки в черных старомодных шляпках, гогочущие мальчишки из «Гитлерюгенда» в синей форме. Капитан огляделся. Свободных мест не было. Только на теневой стороне на скамейке, вытянув ноги, расположился хорошо одетый мужчина в шляпе. В руках он держал перчатки и свернутые газеты.

«Сяду туда, — решил капитан. — Подальше от бюргеров и этой шпаны». Он обошел вокруг озера и направился к намеченной скамейке.

— Я не помешаю вам? — учтиво осведомился Алексей Иванович.

— Садитесь. Мне-то что? — грубо буркнул мужчина и замолчал, не проявляя никакого интереса к будущему соседу. Зато Алексей Иванович не отрываясь смотрел на него. Нет, он не мог ошибиться! Такие жестокие белевые глаза были только у одного человека, которого он встречал в жизни. У Тони Макфейла, шкипера с «Моаны». Да это он и есть! Вот где встретились! Конечно, это Тони Макфейл. Он изменился, пополнил, кожа на лице разгладилась, наметился второй подбородок. Ослепительно белая рубашка, крахмальный воротничок и галстук придавали его внешности благопристойность.

— Здорово, Тони! — сказал Алексей Иванович, опускаясь на скамейку. — Каким ветром занесло тебя сюда?

Тони, а это был действительно он, повернулся и удивленно посмотрел на капитана.

— Что-то я вас не припоминаю, — проговорил он, пристально вглядываясь в лицо Алексея Ивановича. — Есть что-то знакомое, но...

— У тебя плохая память, шкипер. Забыл своего боцмана с «Моаны»?

От неожиданности Тони открыл рот, потом, узнав Чибисова, нахмурился и, не выказывая особенной радости, сказал:

— Так это ты? Русский боцман? Длинный Алек? Не может быть! Какой шикарный вид! Ты что, получил наследство, имеешь свое судно? Ну, так рассказывай, как дела? Судя по твоей довольной физиономии — хорошо. Стал судовладельцем?

— Дела отлично. Плаваю капитаном на советском теплоходе.

Тони присвистнул:

— Под красным флагом? От тебя всегда несло социалистом.

— Верно. Когда я плавал у тебя, то уже был коммунистом.

Макфейл, прищурившись, молча глядел на капитана. А Алексей Иванович, как прежде, когда оставался

наедине со шкипером, почувствовал тревогу и непередаваемую неприязнь к этому человеку. Захотелось встать, уйти, не видеть его оловянных глаз, но он остался сидеть и спросил:

— Лучше скажи, как ты тут оказался, Тони? Далековато от островов Тихого океана.

— Для моряка нет расстояний. После того... Я перебрался на Самоа. Ну, там... Меня все-таки засыпали со спиртом. Конфисковали весь товар, наложили непомерный штраф. В общем, остался голый...

— И на этот раз бог не спас тебя, Тони, — усмехнулся Алексей Иванович, намекая на татуировку шкипера.

— Ошибаешься. Как раз бог-то и помог мне. Кто-то из черномазых полинезийцев поджег «Моану», когда я спал. Был сильно под этим делом. — Тони щелкнул себя по кадыкастому горлу. — Еле выбрался. Шхуну спасти не удалось.

— Жаль судно, — искренно пожалел Алексей Иванович, вспоминая белую красавицу «Моану». — Нельзя сказать, чтобы тебя любила команда, шкипер, если они хотели спалить тебя.

— Ты что, не знаешь этих подлых тварей? Они способны на все. — Тони выругался. — Они хотели сделать мне хуже, а сделали лучше. «Моана» была застрахована. Я получил кучу денег, но больше судна покупать не захотел. Много хлопот. Есть дела повыгоднее. Сейчас приплыл в Гамбург на пароходе компании «Зюйд Америка Лайн». Знаешь? Белая труба с малиновым верхом. Служу старшим офицером, скоро буду мастером. У них умеют ценить людей. Вот так, боцман...

Мимо ровным строем, высоко задирая ноги и печатая шаг, шел отряд штурмовиков. Тони вскочил, выбросил правую руку вперед и замер так, в восхищении провояжая глазами коричневорубашечников.

— О, да ты стал настоящим наци, — усмехнулся Алексей Иванович. — Не вступил в их партию?

— Я преклоняюсь перед ними. Германия сейчас единственная страна, где можно свободно жить и вернуться. Только их партия способна противостоять заразе коммунизма и освободить мир от таких слюнтяев, как ты, — злобно, уже не скрывая своего отношения к Чибисову, проговорил Макфейл. — Прощай. — Тони поднялся, собираясь уйти.

— Годы не изменили тебя, Тони. Ты все такой же. Нам трудно дышать одним воздухом,— сказал Алексей Иванович.

— Ты прав. Я прежний. — Тони улыбнулся, и Алексей Иванович с отвращением увидел его красные, обнажившиеся десны. — Да и ты такой же. Ты мне всегда был противен, я тебя терпеть не мог.

— Я отвечал тебе тем же...

— Ладно. Что было, то прошло, — проворчал Макфейл. — Я, пожалуй, пойду. Надеюсь, мы еще встретимся, и я сумею заплатить тебе свой долг сполна. Мы еще не расквитались. Ты не забыл?

— Я уже слышал от тебя подобное на Накаофа. Что же ты не считаешься?

— Еще не пришло время,— загадочно произнес Макфейл. — Но не сомневайся. Оно придет.

Он повернулся спиной к Алексею Ивановичу и быстро, не оглядываясь, зашагал на своих длинных ногах в сторону. Капитан остался сидеть на скамейке. Смутное чувство тревоги не проходило. Какой-то отвратительный осадок оставила у него эта встреча. На что намекал Макфейл? Что-то недоговоренное, скрытое было в его словах. И уверенно-наглое...

Алексей Иванович глядел вслед удаляющемуся Тони и думал:

«Нет, не будет на земле покоя, пока живут такие люди, как ты. Ну что же, Тони, встретимся, если придется. Я никогда не боялся тебя. Ведь, в общем, ты трус...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	
РИГА	3
Часть вторая	
СКИТАНИЯ	117
Часть третья	
АВСТРАЛИЯ — „СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА“	221
Часть четвертая	
ГРАЖДАНИН СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	337

**Юрий Дмитриевич
Клименченко**

**Жизнь
и приключения
Лонг
Алека**

Редактор Л. А. Плотникова
Художник Ю. Г. Смирнов
Художественный редактор И. З. Семенов
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор В. Д. Чаленко

Сдано в набор 24/II 1975 г. Подписано к печати 16/VII 1975 г.
М-26301, Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 26,27. Тираж 65 000 экз. Заказ № 7. Цена 91 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового
Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 67.

